

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

На правах рукописи

Петрова Валерия Николаевна

ОБРАЗ БУДУЩЕГО
КАК ПРЕДИКТОР ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

19.00.13 – Психология развития, акмеология

Диссертация
на соискание учёной степени
доктора психологических наук

Научный консультант
доктор психологических наук, профессор
Козлова Наталья Викторовна

Томск – 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. Нелинейность профессионального развития как предмет междисциплинарных исследований	22
1.1. Транспективный анализ понятия профессионализм: от индустриальной экономики к гиганомике, от узкой специализации к транспрофессионализму	22
1.2. Динамика понятия «профессиональное развитие» в психологии	35
1.3. Современные подходы к определению критериев эффективности и успешности профессионального развития: карьера, профессиональная траектория, удовлетворённость жизнью и работой	45
1.4. Выводы по Главе 1	55
Глава 2. Пространственно-динамические основания построения модели образа будущего	57
2.1. Историко-психологический анализ становления понятия «образ будущего» в науке	57
2.2. Структура и содержание образа будущего как одной из интегративных основ личности	66
2.3. Пространственно-динамическая модель организации образа будущего.....	89
2.4. Выводы по Главе 2	110
Глава 3. Регуляторная функция образа будущего	112
3.1. Деятельностный аспект образа будущего. Предикторы личностного и профессионального развития	112
3.2. Коммуникативность и диалогичность как способ существования образа будущего	126
3.3. Репрезентация образа будущего в контексте профессионального развития субъекта	139
3.4. Выводы по Главе 3	151

Глава 4. Становление образа профессионального будущего на ранних этапах профессионализации	154
4.1. Онтологический и регуляторный аспекты образа профессионального будущего	154
4.2. Специфика содержания образа будущего и возможности профессионального развития в школьном возрасте	169
4.3. Роль современных образовательных технологий в профессиональном развитии студента	191
4.4. Психологическое сопровождение профессионального развития на этапе обучения в вузе	210
4.5. Выводы по Главе 4	230
Глава 5. Профессиональное развитие специалиста	234
5.1. Профессиональное развитие как реализация потенциала достижений	234
5.2. Профессиональные деструкции и дефициты профессионального развития в современном мире	252
5.3. Возможности профессионального развития в условиях современного предпринимательства	262
5.4. Эффективность профессионального развития в контексте жизнеосуществления	277
5.5. Выводы по Главе 5	290
Заключение	294
Список литературы	300
Приложение А. Результаты исследования вариантов профессионального развития современного специалиста	336
Приложение Б. Результаты контент-анализа пространственно-динамической организации образа будущего	339
Приложение В. Результаты исследования стратегий профессионального развития с учётом характеристик образа будущего и коммуникативного мира личности	342
Приложение Г. Результаты исследования специфики профессионального	

развития и формирования образа будущего в юношеском возрасте	345
Приложение Д. Результаты выполнения Методики Дж. Келли	346

ВВЕДЕНИЕ

Изменение подходов к изучению процессов общественного развития во многом обусловлено банкротством господствовавшей в послевоенные годы XX века доктрины, базировавшейся на механистическом подходе к пониманию как личностного и профессионального развития отдельного человека, так и общественного развития в целом. В этом случае прогресс в большинстве случаев приравнивался к экономическому (монетарному) и статусному росту специалиста, выражавшемуся в изменении чисто количественных показателей различных уровней. Внимания же к рассмотрению не количественных, а качественных аспектов развития, включающих безопасность, здоровье, уверенность в завтрашнем дне, справедливость, вопросы экологии, возможность саморазвития, самореализации, жизнеосуществления, общую гуманистическую направленность развития, уделялось гораздо меньше.

Главной особенностью наступившего XXI века становится не борьба идеологий, и даже не соревнование стран за темпы экономического роста, а усиливающаяся конкуренция за качество жизни, национальное богатство, измеряемое качеством человеческого капитала. Все большее число аналитиков, ученых, мыслителей, да и политиков говорят об исчерпанности прежней модели развития и о том, что мир стоит перед необходимостью формулирования новых целей бытия. Причем эта задача стоит и перед современными государствами, и перед бизнесом, и перед каждым отдельным человеком.

Такая постановка вопроса предполагает построение моделей личностного и профессионального развития, которые предоставляли бы человеку больше возможностей для достойной жизни. В первую очередь, это означает широкий доступ к получению хорошего образования, интересной и содержательной работы, возможностей для творческого саморазвития и жизнеосуществления, обеспечению здоровья, представляющих сегодня ценность сами по себе, а не только как механизм адаптации человека к условиям меняющегося мира. Возникает необходимость разработки новых научных подходов к

психологическому сопровождению профессионального развития, ориентированных на полноценное раскрытие субъектных ресурсов жизнеосуществления, на преодоление диссонансов профессионального развития и связанных с ними кризисных ситуаций, а также существенных социальных издержек, вызванных дисфункциональным развитием человеческого капитала в условиях интенсивных социокультурных, технологических, экономических изменений общественных структур.

Необходимость формулирования новых целей личностного и профессионального развития связана, во многом, с банкротством идеологии «общества потребления» и линейной эконометрической парадигмы общественного развития. Идеи новых подходов к развитию человека и общества, существовавшие и в XX веке, в последнее время завоевывают все большее место в социальных науках и практиках. Речь идет, прежде всего, об отказе от господствовавшего долгое время технократического мышления, о формулировании целей развития человека, не базирующихся на безудержном росте потребления. В свое время эти идеи высказывались в трудах Ю. Хабермаса¹, Дж. Гэлбрейта², М. Хайдеггера³, Э. Фромма⁴ и других ученых. Более детализировано они рассматривались в работах Е. А. Климова⁵, Э. Ф. Зеера⁶, Н. С. Пряжниковой⁷, С. А. Минюровой⁸ и др. посвящённых непосредственно трудовой деятельности.

Возможно, нет характеристики, более фундаментально определяющей человека, чем способность представлять себе возможные будущие результаты действий и разрабатывать средства для их достижения. Она имеет решающее значение для научного понимания человека как активного, интенционального,

---

¹ Хабермас Ю., Тягунова Т. Теория рационализации Макса Вебера // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8, № 3. С. 37-60.

² Гэлбрейт Д. К. Новое индустриальное общество. М.: РГБ, 2009. 608 с.

³ Хайдеггер М. Бытие и время. М: Академический проект, 2011. 227 с.

⁴ Фромм Э. Иметь или быть? М.: Изд-во АСТ, 2012. 320 с.

⁵ Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения. М.: Академия, 2010. 304 с.

⁶ Зеер Э. Ф. Психология профессионального развития: методология, теория, практика. Екатеринбург: РГППУ, 2011. 158 с.

⁷ Пряжников Н. С. Статусы «акме» в карьерном самоопределении: приглашение к дискуссии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. 2017. Т. 6, № 3. С. 214-220.

⁸ Минюрова С. А. Психология саморазвития человека в профессии. М.: АСТ, 2008. 298 с.

целенаправленного деятеля. Данное положение нашло своё отражение в работах Ж. П. Сартра⁹, М. К. Мамардашвили¹⁰, А. Н. Леонтьева¹¹ и др.

Изучение вопросов темпоральности и психологического времени личности является одной из ключевых точек прироста современного общегуманитарного знания. При этом особый акцент в теоретических и эмпирических исследованиях, которые зачастую отличаются фрагментарностью, делается на рассмотрении проблем образа будущего, особенностей его содержания, структуры и специфики функционирования. Результаты этих исследований отражены в работах К. А. Абульхановой¹², М. Р. Гинзбурга¹³, Е. И. Головахи и А. А. Кроника¹⁴, Л. Я. Дорфмана¹⁵, Ф. Зимбардо¹⁶, Ж. Ньюттена¹⁷ и других. Значительно меньше внимания, на наш взгляд, уделяется рассмотрению вопросов влияния характеристик образа будущего на особенности жизнедеятельности субъекта и ее результативность. Целесообразность исследования представленности будущего в сознании человека связана еще и с тем фактом, что это понятие позволяет преодолеть многие концептуальные и методологические проблемы современной психологии. Оно соотносимо и с объективной, и с субъективной, и с интерсубъективной реальностями, а также находится на пересечении деятельности, сознания, личности и коммуникации, связывая между собой все эти фундаментальные психологические категории. Тем самым, на наш взгляд, феномен образа будущего может претендовать на роль одного из центральных понятий в психологии «изменяющейся личности в изменяющемся мире»¹⁸.

Современные гуманитарные науки признают коммуникативную природу мира, когда личность рассматривается как субъект внешнего межличностного и

⁹ Сартр Ж. П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: Изд-во АСЕ, 2011. 925 с.

¹⁰ Мамардашвили М. К. Сознание и цивилизация. СПб: Азбука, 2011. 271 с.

¹¹ Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Смысл, 2004. 346 с.

¹² Абульханова К. А. Соотношение индивидуальности и личности в свете субъектного подхода // Мир психологии. 2011. № 1. С. 22-32.

¹³ Гинзбург М. Р. Жизненное поле личности // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2016. № 3. С. 77-83.

¹⁴ Головаха Е. И., Кроник А. А. Психологическое время личности. М.: Смысл, 2008. 267 с.

¹⁵ Дорфман Л. Я. Будущее, возможности и причины // Мир психологии. 2013. № 2. С. 16-29.

¹⁶ Зимбардо Ф. Время как лекарство. СПб: Питер, 2017. 288 с.

¹⁷ Ньюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004. 608 с.

¹⁸ Асмолов А. Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М.: Смысл, 2007. 526 с.

внутреннего пространства коммуникативного мира, в котором она поддерживает и развивает коммуникативные и ментальные структуры своего «Я». Коммуникация рассматривается в качестве внутренней, сущностной основы жизненного процесса, внешней, исходной стороной которого является общение человека с миром. Применение данного подхода к изучению образа будущего и профессионального развития, как нам кажется, образует предпосылку для того, чтобы данное понятие обрело новый методологический статус в психологии.

Таким образом, актуальность диссертационного исследования определяется тем, что в настоящее время «проблемное поле», связанное с изучением регулирующей функции образа будущего в процессах профессионального развития, учёт нелинейности этого развития находится в стадии формирования. Данная область исследований вызывает множество дискуссий и является «точкой роста» современного междисциплинарного знания.

Объектом нашего исследования выступает профессиональное развитие в современном постиндустриальном обществе.

Предметом – образ будущего, отражающий коммуникативный мир личности, в континууме прошлое – настоящее – будущее как предиктор профессионального развития человека.

Цель работы – проанализировать образ будущего как предиктор профессионального развития человека в континууме прошлое – настоящее – будущее; описать формы существования, структуру, механизмы формирования, а также проявления образа будущего с учётом характеристик коммуникативного мира личности на различных этапах профессионального развития и в различных сферах жизнедеятельности.

Общая эмпирическая **гипотеза** исследования:

В современном постиндустриальном обществе образ будущего становится одним из главных регуляторов процессов жизнедеятельности, а его сформированность критерием личностно-профессиональной зрелости человека. В этом случае образ будущего является предиктором профессионального развития субъекта. При таком подходе мы можем рассматривать его как регулятор

процесса жизнедеятельности и жизнеосуществления (жизнедеятельность личности – это интегральная форма существования, репродукции и развития различных видов деятельности в масштабе человеческой жизни), а способность осознанно формулировать и воплощать жизненные планы и цели (являющиеся составляющими образа будущего) как критерий личностно-профессиональной зрелости.

В соответствии с данной целью в работе выделяются и решаются следующие теоретико-методологические и исследовательские **задачи**:

1. Провести междисциплинарный анализ подходов к пониманию профессионального развития с целью вычленения основного содержания этого понятия и динамики научных представлений в данной сфере.

2. Определить содержание категории «образ будущего» и разработать его модель, позволяющую определять его базовые характеристики и уровень сформированности.

3. Разработать методику и методы исследования форм существования, структуры, механизмов становления и проявления образа будущего на различных этапах профессионального развития и в различных сферах жизнедеятельности.

4. Установить характер взаимозависимостей между особенностями образа будущего, коммуникативного мира личности профессиональным развитием на различных этапах профессионализации. Выявить типы профессионального развития современного специалиста.

5. Исследовать возможности психологического сопровождения процесса формирования и актуализации образа будущего на различных этапах профессионального развития человека.

При решении поставленных задач и проверке общей эмпирической гипотезы центральным становится вопрос о концептуальных основах и методологических установках исследования, от которых зависит специфика проводимого анализа и получаемых обобщений. Стратегия данного исследования складывалась с учетом возможностей разных уровней методологии.

Общий методологический каркас:

- Теории постиндустриального, посттрадиционного, постсовременного общества (общества «третьей волны»), четвёртой промышленной революции, где зафиксированы принципиальные характеристики современного этапа развития социальности и культуры (инновационный характер развития, информационные коммуникации, сетевой принцип организации, неопределённость и непрогнозируемость будущих состояний) (Д. Белл¹⁹, Вл. Иноземцев²⁰, Э. Тоффлер²¹, Ж.-Ф. Лиотар²², К. Шваб²³ и др.).

- Гносеологическая теория трёх миров человека К. Поппера²⁴, описывающая критерии онтологичности бытия.

- Критика идеала рациональности и концепция превращенной формы М. К. Мамардашвили²⁵.

- Концепция поведения неравновесных систем в неживой и живой природе И. Р. Пригожина²⁶.

- Концепция диалогической природы сознания М. М. Бахтина²⁷

- Представления об онтологии жизненного мира С. Л. Рубинштейна²⁸.

Конкретно-научной методологией исследования выступают следующие методологические установки, определяющие специфику данного исследования:

- Историко-эволюционная парадигма конструирования разнообразия миров А. Г. Асмолова²⁹, трактующая деятельность, в т.ч. трудовую, как существование.

---

¹⁹ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Acadimia, 2004. 790 с.

²⁰ Иноземцев В. Страсти по политике // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 7. С. 119-122.

²¹ Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2008. 259 с.

²² Лиотар Ж. Ф. Знания в постиндустриальном обществе // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2008. № 4. С. 54-56.

²³ Шваб К. Четвёртая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 138 с.

²⁴ Поппер П. Предположения и опровержения. Рост научного знания. М.: АСТ, 2004. 638 с.

²⁵ Мамардашвили М. К. Сознание и цивилизация. СПб: Азбука, 2011. 288 с.

²⁶ Пригожин И. Человек перед лицом неопределённости. М. – Ижевск: Ижевский институт компьютерных исследований, 2003. 304 с.

²⁷ Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук // Развитие личности. 2008. № 4. С. 186-197.

²⁸ Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. СПб: Питер, 2011. 288 с.

²⁹ Асмолов А. Г. Историко-эволюционная парадигма конструирования разнообразия миров: деятельность как существование // Вопросы психологии. 2008. № 5. С. 3-11.

- Акмеологический подход, в основе которого лежат идеи целостности, единства личностного и профессионального развития, установки человека на наивысшие достижения в процессе жизнедеятельности (Б. Г. Ананьев³⁰; А. А. Деркач³¹, Э. Ф. Зеер³², Н. В. Козлова³³).

- Идеи позитивной психологии (М. Чиксентмихайи³⁴, М. Селигман³⁵, Д. А. Леонтьев³⁶).

На уровне определения исследовательских подходов мы отталкивались от следующих принципов и теорий:

- Концепция карьерных ориентаций Э. Шейна³⁷.
- Теория личностных конструктов Дж. Келли³⁸.
- Модель перехода Г. Крайга, описывающая предикторы развития взрослого человека³⁹.
- Концепция хронотопа А. А. Ухтомского⁴⁰.
- Концепция временной перспективы Ф. Зимбардо⁴¹.
- Теория опосредования реальной связи с настоящим идеально предвосхищаемым будущим А. С. Огнева⁴².
- Общие принципы изучения триады прошлое - настоящее - будущее в контексте коммуникативности мира, сформулированные в коммуникативном подходе В. И. Кабрина⁴³.

---

³⁰ Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. М. и др.: Питер, 2011. 282 с.

³¹ Деркач А. А. Актуальные проблемы акмеологии развития // Акмеология. 2009 № 3 (31). С. 10-16.

³² Зеер Э. Ф. Психология профессионального развития: методология, теория, практика. Екатеринбург: РГППУ, 2011. 158 с.

³³ Козлова Н. В. Личностно-профессиональное становление студентов как форма проявления самоорганизации человека // Психология обучения. 2009. № 4. С. 28-40.

³⁴ Чиксентмихайи М. В поисках потока. Психология включенности в повседневность. М.: Альпина нон-фикшн, 2012. 192 с.

³⁵ Селигман М. Новая позитивная психология. М.: «София», 2006. 370 с.

³⁶ Леонтьев Д. А. Позитивная психология – повестка для нового столетия // Психология: журн. Высш. шк. экономики. 2012. Т. 9. №4. С. 36-58.

³⁷ Schein E. H., Maanen J. V. Career Anchors: The Changing Nature of Careers Self Assessment. NY: John Wiley & Sons Inc, 2013. 24 p.

³⁸ Келли Д., Алексеев А. А. Психология личности. Теория личных конструктов. СПб: Речь, 2000. 248 с.

³⁹ Крайг Г. Психология развития. М. и др.: Питер, 2012. 934 с.

⁴⁰ Ухтомский А. А. Учение о доминанте. М.: Издательство Юрайт, 2017. 310 с.

⁴¹ Зимбардо Ф., Бойд Д. Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь. Исправь прошлое, наслаждайся Настоящим и управляй Будущим. СПб: Речь, 2010. 349 с.

⁴² Огнев А. С. Психология субъектогенеза личности. М.: Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова, 2009. 137 с.

- Теория субъективной семантики Е. Ю. Артемьевой⁴⁴.
- Концепция единства феноменологического и кондиционально-генетического исследований К. Левина⁴⁵.
- Метод триангуляции Д. Т. Кемпбелла⁴⁶ как критерий достоверности интерпретации эмпирических результатов на основе единства качественных и количественных данных.

Инструментарий:

На уровне исследовательских методов мы отталкивались от общих способов изучения особенностей профессионального развития современного специалиста (с учётом характеристик образа будущего) на различных стадиях профессионализации в различных социальных средах и практиках. В данной работе традиционные способы анализа особенностей профессионального развития подверглись дополнительному осмыслению, результатом чего стала: разработка нового диагностического инструментария, дополнительная адаптация и валидизация существующих исследовательских методик. На различных этапах исследования и при решении отдельных задач применялся широкий спектр методов сбора фактического материала и его обработки.

В части теоретического исследования в работе применялись принципы восхождения от абстрактного к конкретному, единство исторического и логического анализов, систематизация, структурирование, обобщение. Достоверность эмпирических результатов и выводов исследования обеспечивалась репрезентативными выборками, использованием надежных и апробированных в отечественной психологии методов исследования, а также применением методов математической статистики, содержательным анализом выявленного фактического материала.

В качестве конкретных **методов** исследования использовались:

---

⁴³ Кабрин В. И. Коммуникативный мир и транскомуникативный потенциал жизни личности. М.: Смысл, 2005. 248 с.

⁴⁴ Артемьева Е. Ю. Психология субъективной семантики. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 204 с.

⁴⁵ Левин К. Динамическая психология: Избранные труды. М.: Смысл, 2001. 572 с.

⁴⁶ Кемпбелл Д. Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях. СПб: Социально-психологический центр, 1996. 396 с.

- Для сбора качественных данных об особенностях профессионального развития и характеристиках образа будущего - психолого-акмеологическое наблюдение, применяемое с целью выявления характера, содержания, используемых приемов и средств личностно-профессионального развития; индивидуальные и групповые беседы, позволяющие выявить общие оценочные суждения по актуальным исследовательским вопросам, проективные методы (графический тест «Мое будущее», сочинение «Мое будущее», авторская методика изучения образа возможного будущего; проективный рисунок «Образ организации»); модифицированный вариант методики диагностики образа профессионального будущего Дж. Холланда (В. Н. Петрова); метод репертуарных решеток Дж. Келли; цветовой тест М. Люшера; модифицированный вариант Цветового теста отношений М. Эткинда; метод мотивационной индукции Ж. Нюттена; структурированное интервью, направленное на выяснение представлений о целях и Vision (образе будущего); групповой дискурс и свободная беседа.

- Для сбора количественных данных об особенностях профессионального развития и характеристиках образа будущего и проверки статистических гипотез - опросник карьерных ориентаций Э. Шейна (перевод и адаптация В. А. Чикер, В. Э. Винокурова); методика AVEM, направленная на выявление наличия профессиональных деформаций; методика исследования ценностей Г. Хофстеде; опросник временной перспективы Ф. Зимбардо; модифицированный опросник ценностей Р. Инглхарта (адаптированный Р. К. Хабибулиным); опросник терминальных ценностей (И. Г. Сенин); ценностный опросник Ш. Шварца; методика диагностики межличностных отношений Т. Лири; методика предельных смыслов Д. А. Леонтьева; дифференциальный тест рефлексивности Д. А. Леонтьева; Оксфордский опросник счастья (первоначальный вариант); опросник «Индекс жизненной удовлетворенности (ИЖУ)», адаптация Н. В. Паниной.

- Лонгитюдное исследование особенностей профессионального развития и специфики формирования образа будущего на ранних этапах профессионализации.

- В работе также разработан, апробирован и внедрён в образовательный процесс в качестве кампусного курса тренинг профессиональной перспективы.

Математическая обработка эмпирических данных осуществлялась с использованием компьютерных программ STATISTICA и SPSS несколькими подходами: с использованием дисперсионного анализа, предоставляющим достоверность различий между группами по каждой переменной; с использованием кластерного анализа, связанного с разбивкой на однородные группы по всей выборке; с использованием корреляционного, факторного, дисперсионного анализов. Интерпретация результатов и проверка эмпирических гипотез серии эмпирических исследований осуществлялась на основе принципов анализа мета-данных, принципа единства феноменологического и кондиционально-генетического исследований, метода триангуляции.

Выборка исследования формировалась с учётом специфики задач эмпирических исследований, применяемых методических приёмов и методов математической обработки данных по принципу квотной представленности с учётом свойств генеральной совокупности (возраст, стадия профессионализации, специфика и условия профессионального развития и т.д.). Определение количества выборки проводилось в соответствии с положением о статистической однородности генеральной выборки Е. С. Вентцель⁴⁷. Всего в исследовании было задействовано 1308 респондентов (90 школьников старшего подросткового и юношеского возраста, 99 студентов колледжей, 317 студентов вузов, 48 безработных, 30 работников с профессиональными деструкциями, 230 предпринимателей, 494 работника различных организаций сибирского региона).

Положения, выносимые на защиту:

1. В современных экономических и социокультурных условиях профессиональное развитие как процесс развития субъекта трудовой

---

⁴⁷ Вентцель Е. С. Теория вероятностей. М.: Academia, 2005. 571 с.

деятельности становится нелинейным, что предполагает выход на передний план вопросов планирования собственного профессионального пути как процедуры формирования профессиональной самоконцепции и самоопределения в терминах собственных способностей, мотивов, потребностей, отношений, ценностей и возможности жизнеосуществления.

2. Образ будущего проявляется в многообразии своих форм и образует единство трех сторон или аспектов его рассмотрения: онтологического (в системе жизненных отношений), феноменологического (в феноменологической картине мира), деятельностного (в когнитивных структурах и процессах практической и познавательной деятельности). Пространственно-динамическая модель организации образа будущего, включающая содержательные и темпоральные характеристики событий реальности, является отражением способа бытия человека в мире и предиктором его профессионального развития.

3. Полноценное теоретическое описание модели профессионального развития современного специалиста может быть основано на его определении через категории «образ будущего» и «коммуникативный мир личности», задающее системный контекст для его понимания. Степень сформированности образа будущего и характеристики коммуникативного мира выступают как системообразующие качества, определяющие тип профессионального развития. Возможно выделить несколько стратегий профессионального развития:

- Стагнация профессионального развития.
- Ригидный вариант профессионального развития.
- Конформный вариант профессионального развития.
- Профессиональное развитие как жизнеосуществление.

4. Образ профессионального будущего является ресурсным полем и регуляторной основой профессионального развития современного специалиста. Сензитивным для выбора варианта профессионального развития и формирования субъектной позиции по отношению к собственной профессиональной траектории является период профессионального обучения. Специфические особенности образовательной ситуации на стадии овладения профессией задают в дальнейшем

стандарты качества жизни и предпочитаемых стратегий профессионального развития. Использование современных образовательных технологий (проблемно-ориентированное обучение, проектное обучение, исследовательски-ориентированное обучение, смешанное обучение) позволяет оптимизировать образовательную траекторию студента с целью формирования взаимозависимости между процессом и результатом обучения в вузе и последующей профессионализацией.

5. Стагнация и дефициты профессионального развития являются в значительной степени следствием индивидуальной жизненной позиции специалиста, проявляющейся в отсутствии зависимостей между отношением к собственному будущему, нереализованными стремлениями, личными и профессиональными перспективами, активностью и готовностью совершать какими-либо действиями в настоящий момент.

6. Эффективность профессионального развития определяется возможностью и способностью реализации собственного потенциала достижений. Это есть свобода выбора деятельности, приверженность собственному жизненному и профессиональному пути, ответственность за собственную карьеру, учёт в качестве критерия успешности профессионального развития индивидуальных стандартов качества жизни и психологического субъективного комфорта.

Теоретическая значимость исследования. Диссертационная работа выполнена по специальности акмеология с учётом результатов теоретических и эмпирических исследований по экономике, социологии и психологии труда, психологии развития, педагогической психологии, что позволило выйти на новый уровень осмысления, выявления проблем и способов их решения в отношении профессионального развития современного специалиста. В ходе исследования показано, что в едином проблемном поле с понятием профессиональное развитие находятся категории «образ будущего», «жизнеосуществление», «потенциал достижений», «удовлетворённость трудовой деятельностью», «качество жизни».

Систематически разработаны представления об онтологии образа будущего в единстве, взаимосвязи его онтогенетического, феноменологического, деятельностного и коммуникативного аспектов. Предложена модель образа будущего, способов его формирования и механизмов развития.

В работе сформулирована концепция коммуникативной природы образа будущего, обосновано понимание коммуникации как основы специфического для человека способа существования и как конструирующей функции личности, дана схема структурной организации коммуникативного пространства образа будущего: его динамика, формы и механизмы развития.

В качестве базисного методологического принципа рассмотрения вопросов профессионального развития современного специалиста использована историко-эволюционная парадигма конструирования разнообразия миров, позволившая рассматривать профессиональное развитие как вариант жизнеосуществления. Полнота исследования профессионального развития достигается при рассмотрении образа будущего как его предиктора.

Осуществлено развитие и конкретизация основных исследовательских категорий: «образ будущего», «жизнеосуществление», «профессиональный и личностный потенциал», «удовлетворённость трудовой деятельностью», «качество жизни». Профессиональное развитие понимается как изменение психических функций и свойств человека в процессе становления субъектом профессиональной деятельности. Образ будущего же понимается как предиктор профессионального развития. Процесс высшего профессионального образования рассматривается с учетом преемственности стадий профессионального развития и наделяется порождающим эффектом.

Выявлены и описаны акмеориентированные основания современного высшего профессионального образования, сущность которых состоит в использовании субъект-ориентированных образовательных технологий, позволяющих сформировать взаимосвязи между процессом и результатом обучения и последующей профессиональной деятельностью. Выявлены и описаны факторы сдерживания и стагнации профессионального развития.

Систематизированы критерии успешности профессионального развития современного специалиста в условиях постоянства движения, открытости и неопределённости развития, непрогнозируемости результата.

Новизна исследования заключается в том, что впервые исследовано профессиональное развитие, которое в условиях современной экономической и социокультурной ситуации становится нелинейным, как способ жизнеосуществления, а образ будущего как предиктор профессионального развития.

Разработана пространственно-динамическая модель организации образа будущего. Определены типы профессионального развития современного специалиста с учётом характеристик образа будущего и коммуникативного мира личности. Выявлены сущностные характеристики, факторы стагнации и критерии успешности профессионального развития в условиях реальной жизнедеятельности человека. Эмпирически доказана порождающая роль образовательной среды и современных образовательных технологий в выборе типа будущей профессиональной траектории и стратегии профессионального развития специалиста. Эмпирически обоснованы критерии успешности профессионального развития

Разработанная в диссертации совокупность положений и выводов содержит решение новой научной проблемы – профессионального развития специалиста в условиях неопределённости и поливариативности. Впервые на научно-методологическом уровне исследован образ будущего как предиктор профессионального развития. Расширен и уточнен категориальный аппарат акмеологии и психологии. Данное исследование является существенным вкладом в развитие научных направлений – акмеологии и психологии развития.

Практическое значение исследования определяется возможностью широкого использования разработанных психодиагностических методов и образовательных программ в социальных практиках. В образовательный процесс высшей школы внедрены: курс по программе бакалавриата «Психология профессиональной и жизненной перспективы» (с элементами проблемно-

ориентированного обучения); курсы по программам магистратуры «Технологии активации достижений личности: фасилитация, медиация, коучинг» (проектная модель обучения) и «Организация трудовой деятельности» (исследовательски-ориентированная модель обучения); кампусный курс «Тренинг профессиональной перспективы» (Национальный исследовательский Томский государственный университет); массовые открытые он-лайн курсы (MOOK) «Психодиагностика», «Psychodiagnosics and Psychological Assessment», «Психология труда, инженерная психология и эргономика» и «Управление профессиональной траекторией» на образовательных платформах «Открытое образование» и Coursera. Доказана возможность формирования метакомпетенций современного специалиста в ходе выстраивания индивидуальной образовательной траектории с использованием модели смешанного обучения с использованием массовых открытых он-лайн курсов (MOOK), увеличения объёма изучаемого материала, более глубокого изучения сложных междисциплинарных аспектов по тематике учебных курсов в рамках контактной работы преподавателя и студентов.

Разработаны и внедрены методики активации процессов формирования и реализации профессиональной перспективы: Тренинг профессиональной перспективы, графический тест «Мое будущее», сочинение «Мое будущее», Методика изучения образа возможного будущего, модифицированный вариант Методики диагностики образа профессионального будущего Дж. Холланда.

Апробация и внедрение результатов исследования. Результаты диссертационного исследования были представлены на следующих всероссийских и международных конференциях: 9-я Европейская конференция по позитивной психологии (Будапешт, 2018); Международная конференция по новым образовательным технологиям #EdCrunch (Томск, 2018); IV Международная трансдисциплинарная научно-практическая WEB-конференция «Connect-Universum - 2018» (Томск, 2018); Международная научно-практическая конференция «MOOK в контексте современного образования: на пути к цифровому университету» (Томск, 2017); Международная конференция «HR - TREND - 2016. Человеческое измерение университета» (Томск, 2016);

Международная конференция «Цифровой номадизм как глобальный и сибирский тренд» (Томск, 2016); Международная научно-практическая тьюторская конференция «Индивидуализация как возможность становления образовательной культуры» (Томск, 2016); Международная конференция «Теория и фундаментальные проблемы психологических практик (на примере психологических супервизий)» (Томск, 2012); «VII Сибирский психологический форум «Комплексные исследования человека: Психология» (Томск, 2017); III методическая конференция «Лучшие практики электронного обучения» (Томск, 2017); III Сибирская школа (всероссийская с международным участием) «Массовые открытые он-лайн курсы: разработка, продвижение, применение» (Томск 2016); Всероссийская конференция «VI Сибирский психологический форум. Психологическая антропология: диалог парадигм» (Томск, 2015); XXIII конференция Национального Института Сертифицированных Консультантов по Управлению (НИСКУ, СМС Russia, с международным участием) «Мастерская управления: антикризисные решения» (Челябинск, 2015); XXII конференция Национального Института Сертифицированных Консультантов по Управлению (НИСКУ, СМС Russia, с международным участием) «Управленческое консультирование: новые стратегические решения» (Москва, 2015); XX конференция Национального Института Сертифицированных Консультантов по Управлению (НИСКУ, СМС Russia, с международным участием) «Бизнес-модель и управление» (Иркутск, 2014); Всероссийская конференция (с международным участием) «Антропологическая психология в XXI веке: проблемы и перспективы» (Томск, 2013).

Концептуальные основы работы учитывались при выполнении грантов: «Субъективные индикаторы и психологические предикторы качества жизни» (грант № 18-18-00480 Российский Научный Фонд, ответственный исполнитель, 2018 г. - по наст. время); «Разработка и внедрение модели взаимодействия учреждений высшего профессионального и общего образования для выявления, поддержки и сопровождения одаренных детей и подростков» (Федеральная Целевая Программа «Развитие образования» Министерства образования и науки

Российской Федерации, Государственное задание 03.P20.11.0099 от 25.10.2011 г., 2011-2013 г.г.); «Технологии развития коммуникативной компетентности у студентов и аспирантов, обучающихся по специальностям приоритетных направлений развития науки, технологий и техники Российской Федерации» (Федеральная целевая программа «Кадры» Министерства образования и науки Российской Федерации, ГК № 2564 от 25.11.2009 г., 2009-2011 г.г.); «Разработка, апробация и внедрение комплекса программ и технологий диагностики и формирования мотивации к инновационной деятельности молодежи в системе непрерывного профессионального образования» (Федеральная целевая программа «Развитие образования» Министерства образования и науки Российской Федерации, ГК № П590 от 12.09.2008 г., 2008-2010 г.г.).

Результаты исследования служили базисом при разработке модели производственных практик для студентов бакалавриата Факультета психологии Томского государственного университета), технологии отбора участников Бизнес – Программы «Первый шаг» (Служба занятости населения Томской Области, 2010 г.), технологии оценки, аттестации и отбора государственных гражданских служащих Управления Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Томской области.

Результаты внедрения образовательного курса «Психология профессиональной и жизненной перспективы» представлены на конкурс «Лучшие образовательные практики Томского государственного университета» в 2017 г., где на основании заключения Экспертного совета принято решение о присуждении Диплома призёра конкурса. Технология «Разработка совместно со студентами проблемно- ориентированных кейсов в ходе практических занятий» включена в Банк образовательных практик ТГУ: <http://crko.tsu.ru/materials/?area=courses>.

Основные результаты исследования изложены в 37 публикациях (трёх монографиях, двух учебных пособиях, статьях и материалах конференций, из них 15 статей в реферированных журналах списка ВАК).

Глава 1. Нелинейность профессионального развития как предмет междисциплинарных исследований

1.1. Транспективный анализ понятия профессионализм: от индустриальной экономики к гигиомике, от узкой специализации к транспрофессионализму

Традиционная трактовка трудовой деятельности строится на основе критерия общественного разделения труда, повсеместный переход к которому произошёл в индустриальных странах в процессе возникновения масштабного фабричного конвейерного производства. В индустриальном обществе преобладали следующие признаки трудовой деятельности:

- преобладание простого физического, малоквалифицированного труда;
- исключение работника из процесса принятия производственных решений;
- средний низкий уровень образования и доходов;
- высокая классовая сплоченность;
- низкая социальная мобильность⁴⁸.

Профессиональное развитие в этом случае понималось как построение традиционной вертикальной карьеры, предполагающей рост образовательного уровня, квалификации и монетарного вознаграждения специалиста. Важно, что именно в период бурного роста промышленности родились те системы социальной политики, которые позволили кардинальным образом улучшить качество жизни большинства населения промышленно развитых стран. При этом речь шла, прежде всего, об улучшении качества трудовой жизни, поскольку основными бенефициариями социальной политики эпохи индустриального общества были именно занятые в промышленности. И лишь затем высокие социальные стандарты распространялись на все общество.

В XX веке природа профессионального развития изменилась - роль количества труда снизилась, а качество труда стало главной ценностью. Под ним,

---

⁴⁸ Латова Н. В. Роль профессионального образования в воспроизводстве российского рабочего класса // Общественные науки и современность. № 1. 2017. С. 99-113.

по сути, понималось «качество» людей, занятых в экономике - их знания, умения, компетенции, способности к дальнейшему обучению и сложноорганизованной совместной деятельности⁴⁹. Личностный и профессиональный потенциал стал превращаться в капитал на рынке труда, широкое употребление в науке и практике трудовой деятельности приобрело понятие «человеческий капитал».

Содержание трудовой деятельности также претерпевало существенные изменения. Появилась экономика знаний, в которой процесс развития понимается как повышения качества человеческого капитала, а следовательно, повышения качества жизни, как производство знаний, высоких технологий, инноваций и высококачественных услуг.

Становление контрактной формы трудовых отношений также пришлось на XX в., когда подавляющее большинство занятых перешли на зарплатную модель вознаграждения. В этом случае люди сохраняют формальную свободу заключать трудовые соглашения (контракты) в рамках действующих правил и законодательства о занятости. Фактически эта свобода ограничена балансом предложения и спроса на рынке труда. Реальная свобода работника оказывается весьма условной, а его выбор - ограниченным. В социологии права Макса Вебера основными конструктивными элементами предложенного им концепта «железной клетки» выступают технологическая эффективность, контроль и рациональный расчет, приведшие к развитию массового производства⁵⁰.

Профессиональное развитие специалиста в XX веке происходило на фоне промышленных революций. Первые три из них произошли в результате механизации, электрификации и информатизации. В настоящее время внедрение "Интернета вещей" (Internet of Things, IoT) в сферу производства служит началом следующей промышленной революции - "Индустрии 4.0". Ключевые элементы формируемой новой среды производства находятся на

---

⁴⁹ Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения. Доклад Центра трудовых исследований и Лаборатории исследования рынка труда НИУ ВШЭ / Под. ред. В. Гимпельсона, Р. Капелюшникова, С. Рощина. М.: Государственный университет Высшая школа экономики, 2017. 148 с.

⁵⁰ Weber M. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. New York: Dover Publications, 2003. 185 p.

различных стадиях технологической зрелости и в зависимости от этого по-разному влияют на трансформацию производственных систем и инфраструктур⁵¹.

Изменения в структуре занятости становятся связанными с развитием малого бизнеса, либерализацией социально-трудовых отношений, стремлением работодателей к минимизации издержек на социальные обязательства и соблюдение трудовых прав. Все это приводит к увеличению распространенности различных форм неустойчивой занятости, вовлеченность в которые сопровождается рисками снижения защищенности социальных и трудовых прав и недонакоплением человеческого капитала⁵².

Таким образом мы можем констатировать, что революции происходят не только в общественной жизни, но и в трудовой деятельности. Промышленная, техническая, научно-техническая, цифровая, информационная революции стремительно сменяют друг друга. Меняется образ жизни, система ценностей, содержание трудовой деятельности. Социологи и другие специалисты называют XXI век турбулентным временем или VUCA временами. Г. Хэмел – профессор стратегического и международного менеджмента Лондонской бизнес-школы – даёт следующее определение: «турбулентные времена» - это когда мир трансформируется настолько быстро, что не дает шансов тем, кто не успевает отреагировать на происходящее. Более того, успеха добивается только тот, кто мыслит на шаг вперед и сам создает изменения, определяющие облик завтрашнего дня. Иными словами – тот, кто способен на радикальные инновации, ломающие старые правила и расширяющие рамки привычного мышления.

Американские специалисты чаще называют наше время миром VUCA – нестабильным, неопределенным, сложным и неоднозначным. Само это слова – аббревиатура от четырёх английских слов: volatility, uncertainty, complexity и ambiguity. И взгляд на этот мир у разных людей абсолютно разный.

---

⁵¹ Умные" среды, "умные" системы, "умные" производства: серия докладов (зеленых книг) в рамках проекта "Промышленный и технологический форсайт Российской Федерации" / Коллектив авторов; Фонд "Центр стратегических разработок "Северо-Запад". СПб., 2012. Вып. 4. 62 с.

⁵² Шабунова А., Леонидова Г., Устинова К. Трудовой потенциал современной России: старые тренды, новые вызовы // Общество и экономика. 2017. № 10. С. 79-94.

Одни специалисты считают, что все времена «турбулентны», поскольку содержат разнонаправленные силы и действия⁵³. Человечество живет сегодня в рискогенной среде, где сохраняется угроза взаимного уничтожения, где существуют алчность, страх, дефицит невозобновимых ресурсов и продуктов питания, малые войны и акты целенаправленного насилия. В результате наблюдается синергетический эффект наложения прошлых (неразрешенных) проблем и новых глобальных вызовов: одна катастрофа наползает на другую, межкризисные периоды сокращаются, а выход из очередного кризиса становится затяжным, большинство конфликтов не разрешаются, а «замораживаются»⁵⁴. А другие говорят, что это очень интересное время для креативных людей, потому что старые рабочие модели больше не функционируют. Менеджмент умер. Маркетинг умер. Стратегия умерла. Мы перешли в эпоху идей. Мы живем в энергичном, полном надежд и оптимизма, свободном и революционном мире. В прошлом для того, чтобы что-то изменить, необходимы были деньги, связи, власть. Сегодня для этого нужен только компьютер, Youtube и Facebook. И, конечно же, хорошая идея. Единственное, что нас останавливает, – это неуверенность в себе, в своих силах и недостаток воображения⁵⁵.

Специфика ситуации в сфере трудовой деятельности в конце XX – начале XXI веков заключается в следующем: происходит непрерывное сокращение доли занятых в корпоративном сегменте экономики и рост доли занятости вне его - в нерегулируемых или слабoreгулируемых микробизнесах и в форме самозанятости. Возможно выделить несколько этапов развития социально-экономической ситуации в России в этот период. Первый (1991-1998 гг.) стал отражением глубокой трансформационной рецессии, которая растянулась почти на целое десятилетие и сопровождалась сокращением занятости, ростом открытой безработицы, снижением продолжительности рабочего времени и резким падением реальной заработной платы. Второй (1999-2008 гг.) был связан с

---

⁵³ Яницкий О. Н. «Турбулентные времена»: слоган или проблема социологии? [Электронный ресурс]. / URL: http://www.ssarss.m/index.php?page_id=19&id=508.

⁵⁴ Яницкий О. Н. «Турбулентные времена» как проблема общества // Общественные науки и современность. 2011. № 6. С. 155-164.

⁵⁵ Манакова И. Ю. Человек в постиндустриальном обществе. М.: LAP Lambert Academic Publishing, 2012. 236 с.

энергичным посттрансформационным подъемом, когда ситуация на рынке труда стала быстро улучшаться. Третий начался с глубоким экономическим кризисом, разразившимся во второй половине 2008 г., и длился до нового кризиса 2015 года. С этого момента начинается новый – четвертый – этап, конечные результаты которого еще не вполне ясны. Факторов, влияющих на направление происходящих в обществе перемен, огромное множество. Они не только лежат в разных плоскостях, но, зачастую, их действие носит разнонаправленный характер. Именно поэтому конечный результат трансформаций не просто трудно предсказуем – он совершенно неизвестен. Многие процессы просто не поддаются управлению, так как в конечном результате заложено слишком большое число случайных факторов.

В целом выделяют следующие тренды третьего десятилетия XXI века:

- Замедление темпов экономического роста, нарастание неравенства и социокультурные особенности ускорят регионализацию.
- Для занятости в сегментах, требующих более низкой квалификации, будет характерен рост конкуренции за рабочие места.
- Одновременно будет постоянно увеличиваться нагрузка на высококвалифицированных сотрудников. Резкая интенсификация труда, возникшая в индустриальном производстве, привела к дискриминации по возрасту в трудовой сфере. Однако резкий процесс «старения населения», происходящий в настоящее время, вынуждает провести ревизию стереотипов о трудовом потенциале пожилых людей. По данным исследований, трудовой потенциал современного пожилого работника определяется, в первую очередь разнообразием форм трудовой активности, в том числе следующими факторами: интернет-активность, овладение новыми цифровыми технологиями, открытость новому опыту, позитивный образ профессионального будущего⁵⁶.
- В конце XX века, в следствии возникновения нестабильности развития, значительное место в профессиональном развитии стала занимать самозанятость,

---

⁵⁶ Смолькин А. А. Трудовой потенциал пожилых людей // Социологические исследования. 2014. № 5. С. 97-103.

которая наряду с социальной мобильностью представляет особый интерес для исследователей профессиональной специализации и соответствующих изменений в экономике⁵⁷. Эмпирические исследования различных категорий самозанятых в широком социально-экономическом контексте опровергают стереотипные представления не только о них, но и о частном бизнесе в целом⁵⁸. Самозанятость, возможная благодаря развитию платформенных решений (таких, как Uber, Airbnb, YouDo, Profi.ru), позволяет соединять поставщиков и потребителей услуг без посредников⁵⁹.

• Революция в сфере информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) преобразовала и продолжает трансформировать фундаментальные условия нашей жизни. С течением времени меняются институциональные, а вслед за этим и базовые характеристики общества⁶⁰. Рынок труда, тесно связанный с общественным устройством, также подвержен значительным системным преобразованиям, которые затрагивают его структуру в целом и сегмент самозанятости в частности. В результате возникла новая особая группа работников, вызывающая растущий интерес специалистов, – гибридные (индивидуальные) самозанятые. Некоторые ее параметры характеризуются значительной гетерогенностью, а сама граница между работой по найму и самозанятостью подвергается интенсивной эрозии. Гибридных самозанятых трудно точно позиционировать между категориями наемных работников и самозанятых. Выделяют две формы гибридной самозанятости:

1. Самозанятые, с помощью работы по найму стремящиеся увеличить свой доход.

2. Наемные работники, создающие собственный бизнес в поисках источника дополнительного дохода.

---

⁵⁷ Arum R., Müller W. (eds.) *The Return of Self-Employment*. Princeton: Princeton University Press, 2004. 171 p.

⁵⁸ van Stel A., de Vries N. *The Economic Value of Different Types of Solo Self-Employment: A Review // The Use and Value of Freelancers: The Perspective of Managers / Ed. A. Burke*. Dublin: Senate Hall Publishing, 2015. P. 77-84.

⁵⁹ Россия 2025: от кадров к талантам. Доклад The Boston Consulting Group, Россия. М.: Дукат Плейс III, 2017. 72 с.

⁶⁰ Bögenhold D., Klinglmair R., Kandutsch F. *Solo Self-Employment, Human Capital and Hybrid Labor in the Gig Economy // Foresight and STI Governance*. 2017. Vol. 11, № 4. P. 23-32.

- Информационные и коммуникационные технологии, сформировавшие ядро новой технологической парадигмы, изменили и продолжают менять наш социум вплоть до частных аспектов его жизни. Ключевым для всех социальных механизмов и процессов фактором остается реальное сочетание режимов развития и производства («живая плоть общества») в ходе непредсказуемого взаимодействия социальных акторов, вписанных в общий контекст историческим опытом, традициями, текущими технологическими и экономическими условиями и ситуацией крайней неопределенности⁶¹.

- К 2025 году характер конкуренции за кадры значительно изменится с учетом старения населения и выходом на рынок труда молодых работников поколения Z. В связи с быстрым развитием технологий опыт старших поколений будет наименее, чем когда-либо в истории человечества, релевантен для поколений новых. Новое поколение работников – это люди, с рождения пользующиеся цифровыми технологиями (digital natives) и имеющие неограниченный доступ к информации. Личностный рост, баланс работы и личной жизни для них приоритетнее финансового вознаграждения и карьеры.

- Радикальная смена стиля жизни и системы ценностей ведет к росту числа фрилансеров, которые хотят работать самостоятельно, вне каких-либо иерархий⁶². Удаленная занятость и фриланс стали нормой для многих профессий в развитых странах, и их доля продолжит расти. По оценкам Forbes, к 2020 году в США каждый второй будет фрилансером. Развитие технологий будет поддерживать распространение трансграничной удаленной занятости, которой не страшны миграционные барьеры.

- Продолжающееся снижение спроса на трудовые ресурсы в сельском хозяйстве и деиндустриализация ведут к росту занятости в третичном секторе, к которому сегодня принадлежат до 75 % совокупной рабочей силы, тогда как в середине XX в. на его долю приходилось лишь около 30. Огромные массы

---

⁶¹ McCloskey D. The Bourgeois Dignity. Why Economics Can't Explain the Modern World. Chicago: Chicago University Press, 2010. 280 p.

⁶² Shevchuk A., Strebkov D. The rise of freelance contracting on the Russian-language internet // Small Enterprise Research. 2015. Vol. 22, № 2-3. P. 146-158.

работников больше не вовлечены в (первичное) промышленное производство, а так или иначе вписаны в постиндустриальную экономику.

- К. Фрей и М. Осборн в 2013 г. определили, что 47 % профессий в США подвержены высокому риску автоматизации на горизонте 10-20 лет⁶³. В рамках «Атласа новых профессий» – совместной разработки Агентства стратегических инициатив и МШУ «Сколково» – прогнозируется, что к 2030 году исчезнет 57 «традиционных» профессий и появится 186 новых⁶⁴. Радикальные перемены в обществе создают условия для появления новых свободных профессий и независимых сервисных компаний. Наиболее отчетливо эта тенденция проявляется в так называемых творческих индустриях, в сфере применения профессиональных знаний и навыков работников и глобального аутсорсинга компаний.

- Получит дальнейшее развитие «экономика совместного пользования», когда все новые активы и предметы потребления (автомобили, недвижимость и т. п.) будут использоваться совместно в целях сокращения индивидуальных издержек.

Общий вывод, к которому приходит большинство специалистов - со временем ценность профессионализма будет постоянно возрастать и его универсальным принципом станет принцип развития.

Р. Инглхарт и К. Вельцель описали характерную для постиндустриального периода предсказуемую эволюцию ценностей жителей экономически развитых стран, предусматривающую «примат свободы личности над дисциплиной коллектива, многообразия над соответствием групповой норме и независимости граждан от государственной власти». В своих исследованиях Р. К. Хабибулин и А. С. Дейнека также обнаружили трансформацию доминирующих ценностей, характерную для российской выборки⁶⁵.

---

⁶³ Frei C. B., Osborn M. A. The future of employment: how susceptible are jobs to computerization? https://www.oxfordmartin.ox.ac.uk/downloads/academic/The_Future_of_Employment.pdf, 2013. 72 p.

⁶⁴ Атлас новых профессий. М.: Агентство стратегических инициатив, 2015. 288 с.

⁶⁵ Хабибулин Р. К., Дейнека А. С. Феномен постматериалистических ценностей и проблема политической стабильности // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=17300>

Переход к третичной, четвертичной и пятеричной экономике сопровождался изменением профессиональной структуры общества, образовательных профилей работников и специализации компаний. Четвертая логистическая революция породила такие факторы конкурентоспособности, как новые коммуникационные сети, когнитивные навыки, творческие исследования и разработки, сложные товары и услуги, формы образования (включая дополнительное) и характер труда⁶⁶.

На уровень и траекторию современного профессионального развития влияют новые технологические возможности гигномики. В первую очередь это краудворкинг (crowdworking) и «работа по требованию с помощью программных приложений». Речь идет о работе с использованием онлайн-платформ, обеспечивающих связь между неограниченным кругом организаций, предприятий и индивидов через Интернет и позволяющих потенциальным заказчикам и исполнителям находить друг друга в глобальном масштабе.

Британский социальный историк Г. Перкин ввёл термин «Глобальная профессиональная революция». Всего этих профессиональных революций, по его мнению, было как минимум три. Первая профессиональная революция ознаменовала возможность выбора профессии, которые до этого, по сути, передавались по наследству. Профессиональной деятельностью начали заниматься представители самых разных социальных слоёв. Трудовая деятельность стала предоставлять так называемые «социальные лифты», позволяющие перемещаться из одного общественного слоя в другой благодаря смене профессионального статуса и уровня профессионализма достаточно быстро. Вторая профессиональная революция привела к возникновению массовых профессий, стандартов профессионализации, унификации трудовой деятельности. Третья («глобальная») профессиональная революция явилась следствием прихода эпохи глобальной неопределённости, которая ведет к тому, что возникает эфемерный мир – это мир, во многом виртуальных сетей⁶⁷.

---

⁶⁶ Andersson D. E., Andersson Å. E. Time, Space, and Capital. Cheltenham: Edward Elgar, 2017. 180 p.

⁶⁷ Perkin G. The third revolution: Professional society in international perspective. London: Routledge, 1996. 272 p.

В этот период главными принципами управления собственной профессиональной траекторией и траекториями других специалистов становятся:

- Мультидисциплинарность.
- Способность работать в мультикультурных многоязыковых средах.
- Программирование как базовый навык.
- Способность работать в распределенных ИТ-насыщенных средах.

В результате работник эпохи неопределённости становится так называемым транспрофессионалом. Главные особенности транспрофессионалов:

- они за счет своих навыков, способностей к рефлексии и мышления могут всегда выходить на самый высокий уровень осмысления проблем, независимо от того, какое место занимают в управленческой пирамиде;

- они могут всегда сорганизовать в рамках одной команды свою работу с профессионалами из различных сфер, из различных социальных институтов;

- они способны не только наладить коммуникацию, но и построить, как правило, очень сложную проектно-организованную или матричную схему, которая позволяет решить проблему, и (что очень важно) проконтролировать ее реализацию.

Кроме этого, эксперты выделяют несколько характерных для транспрофессионалов принципов:

1. Принцип индивидуального творчества предусматривает постоянное развитие способностей каждого индивидуума (через обучение действием, включенность в системы непрерывного образования и самообразования);

2. Принцип социального творчества предполагает разработку и институционализацию необходимых для решения задач социальных структур;

3. Принцип культурного творчества – ориентация в совместной деятельности на высшие культурные достижения, на инновационные процессы и изобретательства;

4. Принцип морального творчества означает готовность человека служить моральным образцом другим и самому себе⁶⁸.

Доля транспрофессионалов в структуре работников неуклонно растет. Сегодня они составляют значительную часть персонала современных корпораций. Западные исследователи относят к этой категории не менее 30% всего работающего населения, и эта цифра все время увеличивается. В России их доля существенно меньше (около 20 %), но тоже очень быстро растет⁶⁹.

Что из всего этого следует? Очевиден вывод о том, что такие индивиды в принципе не поддаются управлению традиционными технологиями административного и коммуникативного воздействия. Другими словами, быстрое увеличение количества транспрофессионалов, которые, как отмечалось выше, отличаются полным равнодушием к традиционным схемам корпоративной культуры и коллективной жизни, требует смены традиционных методов внутрикорпоративного PR. Однако и корпоративные коммуникации, направленные вовне, также сталкиваются с теми же транспрофессионалами, которые к тому же часто являются лидерами мнений и дезавуируют среди других участников коммуникации ранее вполне эффективные коммуникационные модели.

Транспрофессионалы не сидят в привычных вертикальных структурах власти. Это люди, которые живут и организуют свою работу совершенно по-новому. Отбор и подготовка этой когорты профессионалов - инноваторов предполагает формирование специальных прикладных образовательных модулей, включающих:

1. Фундаментальную подготовку по базовой естественнонаучной или гуманитарной дисциплине.
2. Техническое образование.
3. Дополнительное экономическое и/или юридическое образование.

---

⁶⁸ Калмыков А. А. Образы НОО. Матрица ключевых посланий. М. – Берлин: Директ-Медия, 2016. 461 с.

⁶⁹ Яницкий О. Н. Профессионал как социальный актер: случай или правило? // Вестник Института социологии. 2012. № 5. С. 043-060.

4. Философско-методологический практикум.

5. Образование в области стратегического, инновационного и проектного менеджмента.

6. Интенсивную практику командообразования.

7. Адаптационные и социализационные курсы.

Другое условие – создание институциональной системы профессиональной саморегуляции в сфере профессиональной инновационной деятельности (с институтами независимой экспертизы и сертификации).

Я. В. Лейкина утверждает, что зоной профессионального развития для современного специалиста является не только решение уникальных комплексных задач, но и включение в этот процесс всех заинтересованных лиц, например в областях управления качеством, знаниями, изменениями. А ключевой компетенцией для профессионала в будущем является способность к профессиональному развитию. Еще одна не менее важная компетенция – это ценностное целеполагание. Таким образом, возможно определить основные компетенции, которые позволят человеку занять лидирующие позиции в будущем:

- Готовность к профессиональному развитию, предполагающая системное образование (сочетание нескольких видов образования по дополняющему принципу, например техническое и гуманитарное, естественнонаучное и философское); определение вектора (траектории) развития – специализация или универсализация; хорошее владение родным и иностранными языками (устная и письменная коммуникация); умение самостоятельно работать с большим объемом информации, получать новые знания из всех доступных информационных источников; умение использовать знания из одной области в другой; умение использовать знания на практике; умение создавать новые знания.

- Ценностное целеполагание – наличие личной миссии; навыков целеполагания, тайм-менеджмента; сформированная внутренняя мотивация; целеустремленность; альтруизм.

- Осознанность восприятия – умение наблюдать; большой объем памяти; внимательность; аналитические навыки; коммуникативные умения; психоэмоциональная устойчивость.

- Футуристичность мышления – развитый интеллект; эрудиция; интуиция; аналитические навыки; сочетание инновационности и системности мышления; метафоричность мышления и чувство юмора.

- Ассертивность – адекватная самооценка; позиция сотрудничества в коммуникации; умение принимать на себя ответственность; умение отказываться от ненужных взаимодействий; умение противостоять недружественному влиянию; владение переговорными технологиями.

- Резистентность – позитивное реалистическое видение; навыки системного анализа; умение сохранять внутреннее равновесие; умение находить ресурсы в ситуации их «отсутствия»; умение принимать критику и видеть собственные ошибки; толерантность к ошибкам и неудачам; оптимизм по отношению к будущему; ситуационная адаптивность в случае изменений или неопределенности.

- Аттракция – знание социальной психологии и психологии личности; умение определять эмоциональные состояния человека и предвидеть, какие эмоциональные реакции вызывают те или иные действия; умение вступать в контакт и выходить из него; умение выстраивать отношения; умение презентовать и продвигать себя; умение внушать и эмоционально заражать⁷⁰.

Соответственно, усиление гибкости и нестабильности трудовых отношений также будет определяющей тенденцией предстоящих лет.

Таким образом, мы можем констатировать, что изменение характера производства, возникновение постиндустриальной экономики привело к возникновению новых стандартов профессионализма. Это, в свою очередь, породило изменение содержания профессионального развития специалиста.

---

⁷⁰ Лейкина Я. В. Какие навыки и умения нужно развивать сегодня, чтобы завтра быть первым // Управление развитием персонала. 2010. № 02 (22). С. 132-137.

1.2. Динамика понятия «профессиональное развитие» в психологии

Проблема профессионального и личностного развития приобретает особую актуальность в современных социокультурных условиях. В эпоху информационной культуры, социальной мобильности и поливариантности векторов саморазвития перед будущими и действующими профессионалами встают проблемы осознанного построения профессиональной траектории, которое должно соответствовать личностным ценностям, придавать жизни смысл и равновесие в условиях постоянно меняющегося мира.

Мы полагаем, что в современных условиях профессиональное развитие представляют собой смысл, к реализации которого стремится человек при выборе и осуществлении своей профессиональной деятельности, это индивидуальное сочетание и последовательность реализации профессиональных замыслов и целей, связанных с опытом и активностью в сфере работы на протяжении всей жизни. Для начала стоит определиться в том, что именно мы будем понимать под профессиональным и личностным развитием.

Российская психологическая школа традиционно рассматривает любое развитие человека, в том числе и личностное, и профессиональное, в рамках культурно-исторической концепции Л. С. Выготского, согласно которой изначально ребенок не является субъектом этого развития, и он становится им через усвоение социальных «знаковых средств»⁷¹. Основой этих процессов является развитие высших психических функций, которое подчиняется нескольким базовым принципам:

- Принцип интериоризации предполагает, что психические функции развиваются из внешних процессов, которые изначально были распределены между людьми.
- Принцип опосредования гласит, что структура человеческой деятельности опосредуется инструментами (материальные или психические средства), которые

---

⁷¹ Леонтьев Д. А., Лебедева А. А., Костенко В. Ю. Траектории личностного развития: реконструкция взглядов Л. С. Выготского // Вопросы образования. 2017. № 2. С. 98-112.

разрывают связь между стимулом и реакцией и делают возможным управление собственным поведением и психическими процессами.

- В результате мы можем говорить о принципе саморегуляции высших психических функций и деятельности в целом. Для Л. С. Выготского ключевой характеристикой личности служит овладение собственными психическими процессами, или саморегуляция. Опосредованность по структуре – вторая отличительная черта высших психических функций. Это помогает объяснить механизм произвольной регуляции высших психических функций⁷².

К числу наиболее важных проявлений опосредованного поведения мы можем отнести самосознание, рефлекссию, целеполагание.

Ещё одна важная для понимания процессов личностного и профессионального развития концепция – теория диалогической природы сознания М. М. Бахтина, которую в современных исследованиях иногда называют аутокоммуникацией. В рамках данной парадигмы рассматриваются различные формы внутреннего диалога. Внутренний диалог предполагает наличие двух или более смысловых центров или интенций. Данный вид коммуникации закладывает онтологический базис для самосознания, в первую очередь для его когнитивной составляющей⁷³. В своих работах М. М. Бахтин говорит о многоголосии человеческого сознания, гетерархической (демократической или анархической) полифонии «внутренних ораторов», возможности иерархического, «вертикального» взгляда на проблему самоотношения⁷⁴.

Возможно выделить два основных подхода к пониманию детерминант личностного и профессионального развития:

1. В отечественной психологической школе наибольшее распространение получила следующая точка зрения: основой развития является раскрытие личностных особенностей вопреки трудным жизненным обстоятельствам. Т.е. пусковым механизмом для любого этапа развития является возникновение

---

⁷² Выготский Л. С. Педология подростка // Выготский Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. М.: Педагогика, 1984. С. 220-242.

⁷³ Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. С. 5-300.

⁷⁴ Леонтьев Д. А., Осин Е. Н. Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11, № 4. С. 110-135.

кризисной ситуации в следствие накопившихся противоречий. Будучи связанными с культурным контекстом, одни и те же особенности личности могут становиться как признаком психического здоровья, так и формой сверхкомпенсации того или иного дефицита. Такая ситуация «не столько ставит границы возможностям развития, сколько требует вложения повышенных усилий и затраты бóльших ресурсов, чем в ситуации обычного, незатрудненного развития»⁷⁵.

2. Последние десятилетия всё более популярным становится представление о позитивных процессах развития как о ключе к целостности личности и реализации потенциала достижений⁷⁶. Современная позитивная психология рассматривает не только позитивные эмоции и черты характера, но и процессы саморегуляции и психологической устойчивости. Д. А. Леонтьев рассматривает неклассическую позитивную психологию как психологию возрастающего овладения собой, собственными произвольными процессами, собственной психикой⁷⁷.

Классические модели профессионального и личностного развития человека делают акцент на прогрессивности – созревании, формировании принципиально новых функций, достижении определённых стадий развития, совершенствовании выполняемых действий⁷⁸. В этом случае развитие имеет начало, период интенсивного прироста, стабилизацию, постепенное угасание и завершение. В данном контексте профессиональное развитие включает в себя профессиональный выбор (выбор профессии), стратегию построения карьеры, особенности профессионального поведения, наличие профессиональных достижений, удовлетворенность от процесса и результатов труда, эффективность образовательного поведения личности, смена или стабильность рабочего места и ряд других характеристик.

---

⁷⁵ Леонтьев Д. А. Развитие личности в норме и в затрудненных условиях // Культурно-историческая психология. 2014. Т. 10, № 3. С. 98.

⁷⁶ Seligman M. E. P. *Authentic Happiness: Using the New Positive Psychology to Realize Your Potential for Lasting Fulfillment*. N.Y.: Free Press. 2002. 215 p.

⁷⁷ Леонтьев, Д. А. Позитивная психология – повестка для нового столетия // Психология : журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9, №4. С. 36-58.

⁷⁸ Зеер Э. Ф. Психология профессионального развития. М.: Академия, 2006. 240 с.

К числу классических моделей следует отнести концепцию «карьерной зрелости» Д. Сьюпера, в которой выделяются ряд стадий и этапов профессионального развития, имеющих самостоятельные задачи: «пробуждение»; «исследование»; «сохранение»; «снижение». Данные стадии сопоставляются с этапами жизненного пути, то есть с возрастом человека, в качестве основного механизма профессионального развития рассматривается развитие Я-концепции, предполагающее соотнесение опыта собственных достижений и личностных проявлений с требованиями социальной ситуации, идентификацию со значимыми другими, проигрывание различных социальных ролей⁷⁹.

Ещё одна очень популярная классическая концепция – типологическая теория Дж. Холланда, предполагающая определение индивидом собственного личностного типа, которому соответствует определённая сфера профессиональной деятельности и профессиональная среда (реалистическая, исследовательская, социальная, конвенциональная, предпринимательская или артистичная). Важным в этом случае становится наличие у конкретного человека ярко выраженного профессионально-личностного типа и гармоничность сочетания данного типа с профессиональным окружением (профессиональной средой)⁸⁰.

Е. А. Климов распространяет профессиональное развитие на все периоды онтогенеза и выделяет следующие его стадии: стадия «оптации» (от 11-12 до 14-18 лет) или выбора профессии; стадия адепта, когда происходит основной этап профессионального обучения; стадия адаптанта, предполагающая «вхождение» в новый вид деятельности; стадия интернала, характеризующаяся способностью выполнять самостоятельно работу со средним (нормативным) уровнем качества; стадия мастера, предполагающая формирование индивидуального стиля трудовой деятельности; стадия авторитета, когда в трудовой деятельности наряду с профессиональным мастерством возникает менеджерская функция; и, наконец, стадия наставника, когда в трудовых функциях деятельность в качестве

---

⁷⁹ Пряжников Н. С. Профориентология: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Издательство Юрайт, 2017. 405 с.

⁸⁰ Петрова В. Н. Психология труда и образа профессионального будущего. Учебное пособие. Томск: Изд-во ТГУ, 2011. 128 с.

специалиста постепенно угасает и всё большую роль приобретает передача собственного профессионального опыта ученикам⁸¹.

Более поздние теории делают акцент на неисчерпаемости профессионального развития. Л. И. Анцыферова под развитием понимает «основной способ существования личности: психическое и социальное становление личности не ограничено какими-то определенными отрезками времени. Оно осуществляется на всех этапах жизненного пути человека. Период зрелости не может рассматриваться как конечное состояние, к которому направлено развитие и которым оно завершается. Наоборот, чем более зрелой в социальном и психологическом смысле становится личность, тем более возрастает ее способность к дальнейшему развитию»⁸². В данном контексте речь уже идёт о становлении, которое предполагает непрерывность и преемственность профессионального и личностного развития.

Л. М. Митина в своей концепции профессионального развития соотносит модели адаптивного поведения и профессионального развития личности. Принципиальным для автора является отсутствие связи между возрастом человека и его профессиональным развитием, а также выделение двух вариантов профессионального развития:

- Адаптивное профессиональное развитие, при котором в самосознании человека доминирует тенденция к подчинению профессионального труда внешним обстоятельствам в виде выполнения предписаний, алгоритмов решения профессиональных задач, правил, норм.

- Модель профессионального развития, характеризующаяся способностью личности выйти за пределы сложившейся практики, превратить свою деятельность в предмет практического преобразования и тем самым преодолеть пределы своих профессиональных возможностей⁸³.

---

⁸¹ Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения. М.: Академия, 2010. 304 с.

⁸² Анцыферова Л. И. Методологические проблемы формирования и развития личности. К психологии личности как развивающейся системе // Психология формирования и развития личности. М.: Наука, 1981. 365 с.

⁸³ Митина Л. М. Личностное и профессиональное развитие детей, молодежи, взрослых: проблемы и решения / Под ред. Л.М. Митиной. М.: Издательство «Перо», 2017. 308 с.

Э. Ф. Зеер выделяет стадии профессионального становления личности с учётом социальной ситуации развития и уровнем реализации в профессии. Начальные периоды профессионального развития определяются хронологическим возрастом человека, более поздние – особенностями индивидуальной профессиональной деятельности. Всего он выделяет семь стадий профессионального развития: аморфная оптация, когда формируются профессиональные интересы; собственно оптация, предполагающая формирование профессиональных намерений; затем стадия профессиональной подготовки, на которой происходит формирование готовности к самостоятельной трудовой деятельности; на стадии профессиональной адаптации формируются профессиональные компетенции; первичная профессионализация предполагает формирование индивидуального стиля трудовой деятельности; задачей вторичной профессионализации становится формирование профессиональной идентичности и профессионального менталитета; и, наконец, стадия профессионального мастерства формирует подвижные интегративные психологические новообразования, которые служат основой профессиональной мобильности и самопроектирования карьеры⁸⁴.

Всё чаще профессиональное развитие рассматривается с двух позиций: с одной стороны как профессиональное продвижение от выбора к овладению профессией, достижение успехов в рамках конкретной профессиональной деятельности, а с другой стороны, как процесс профессионального самоопределения, профессиональное и социальное становление человека⁸⁵. При этом карьерный рост понимается не как цепь подъемов по вертикали, перемещений от низшей к высшей должности, а как этапы совершенствования знаний и умений, подъем по ступеням профессионализма (горизонтальное развитие карьеры).

---

⁸⁴ Зеер Э. Ф. Психология профессионального развития: методология, теория, практика. Екатеринбург: РГППУ, 2011. 158 с.

⁸⁵ Пряжников Н. С. Статусы «акме» в карьерном самоопределении: приглашение к дискуссии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. 2017. Т. 6, № 3. С. 214-220.

Мы имеем дело с акмеологическим подходом к пониманию профессионального развития как личностно - профессионального становления в условиях реальной жизнедеятельности человека. Оно проявляется в конструировании профессионального образа мира, определяемом решением задач на смысл и ценность выполняемой деятельности, в постепенном преобразовании мышления человека (со свойственными ему индивидуальными особенностями) в профессиональное мышление, которое, оставаясь формой познания, участвует в обеспечении целостности и системности складывающейся профессиональной картины мира и саморазвитии собственной личности⁸⁶.

В рамках данного подхода под профессиональным развитием понимается изменения психических функций и свойств человека, которые возникают при взаимодействии с профессией, в процессе профессионального обучения и профессиональной деятельности. Иными словами, под профессиональным развитием можно понимать развитие человека как субъекта профессиональной деятельности. В этом случае на передний план выступают вопросы планирования человеком собственного профессионального пути как процесса формирования профессиональной самоконцепции и самоопределения в терминах собственных способностей, талантов, мотивов, потребностей, отношений и ценностей⁸⁷.

Анализ современных образовательных и профессиональных институтов позволяет выделить следующие характеристики образовательного и профессионального развития специалиста:

- перманентное реформирование образования;
- дисбаланс институализированных и стихийных процессов профессионализации в сторону примата факторов неопределённости;
- значимые изменения способов и ритмов жизни, форм мышления современного профессионала;
- трансформация пространств жизнедеятельности человека;

---

⁸⁶ Козлова Н. В. Личностно-профессиональное становление студентов как форма проявления самоорганизации человека // Психология обучения. 2009. № 4. С. 28-40.

⁸⁷ Профессиональное развитие личности: начало пути (эмпирическое исследование) / Л. А. Головей, М. В. Данилова, Л. В. Рыкман, М. Д. Петраш, В. Р. Манукян, М. Ю. Леонтьева, Н. А. Александрова. СПб.: Нестор – История, 2015. 336 с.

- широкий доступ к различной информации и трудности дифференциации транслируемых норм профессионализации;
- сложности построения адекватных поведенческих планов и программ развития, соответствующих будущим (прогнозируемым или нет) социально-экономическим условиям и ряд других факторов⁸⁸.

Таким образом, существующая социально-экономическая ситуация свидетельствует о том, что процесс профессионализации усложняется под влиянием как объективных, так и субъективных факторов, на фоне стабильной нестабильности в обществе. Адаптационные процессы начинают работать вхолостую, так как сложно определить то, к чему необходимо адаптироваться. За этим нарушаются процессы присвоения традиций, норм и ценностей, т.к. часть существующих норм быстро теряет свою актуальность, а новые вырабатываются медленнее, чем условия их реализации. Применение традиционных адаптационных моделей в современной ситуации профессионального развития приводит к возникновению упрощённого восприятия реальности, когда собственно развитие прекращается, и на передний план выступают стратегии обеспечения стабильности и безопасности в трудовой деятельности.

Всё это требует применения новых объяснительных принципов. Современная историко-эволюционная парадигма рассматривает деятельность (в том числе и трудовую) как существование⁸⁹. Целенаправленная деятельность рассматривается как универсальная форма существования жизни. Таким образом, любая деятельность, и развитие в том числе, рассматриваются именно с точки зрения понимания её целей. Сама деятельность рассматривается в рамках коммуникативного дискурса, а цель деятельности рассматривается в контексте двух значений: интерсубъективном и интрасубъективном. Это предполагает выделение нескольких уровней её анализа:

---

⁸⁸ Горбань Г. А. Социализация личности в условиях трансформаций образовательного пространства. // Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность. Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2016. С. 133-137.

⁸⁹ Асмолов А. Г. Историко-эволюционная парадигма конструирования разнообразия миров: деятельность как существование // Вопросы психологии. 2008. № 5. С. 3-11.

1. Мотивационный уровень анализа деятельности, предполагающий выделение смыслов активности человека.

2. Интенционально-целевой уровень, базирующийся на выделении конкретных целей деятельности.

3. Операционально-технологический уровень определяет способы достижения поставленных целей.

4. И, наконец, ресурсно-энергетический уровень объясняет за счёт каких ресурсов человека происходит достижение жизненно-важных целей и реализация смыслов деятельности.

В рамках данного подхода анализ адаптивных ресурсов работника становится менее важен. На передний план выступает выявление так называемых «преадаптивных» ресурсов человека, способности адаптации к возможному⁹⁰. Именно они отвечают за способность принимать решения в сложной непредсказуемой ситуации с множеством возможных вариантов развития событий, когда традиционные рациональные схемы не работают⁹¹. Преодоление конфликта, «решение проблемы» перестаёт быть двигателем любого развития, в том числе и профессионального. К. Шваб говорит о так называемой «дизруптивной инновации» как форме конструктивных разрушений, позволяющих вырваться из плена прошлого опыта, возникающей в результате четвёртой промышленной революции⁹². Все эти модели поведения не укладываются в рациональные объяснительные схемы, они предполагают, что в актуальном поведении человека всегда существуют формы, модели будущего, которые и определяют готовность к изменениям и принятию решений.

В данном случае эффективное и целенаправленное профессиональное развитие, на наш взгляд, определяется особенностями проявления житнетворчества человека (как «творение» жизни) и жизнеосуществления⁹³.

---

⁹⁰ Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М. Преадаптация к неопределённости как стратегия навигации развивающихся систем: маршруты эволюции // Вопросы психологии. 2017. № 4. С. 3-26.

⁹¹ Кунин Е. В. Логика случая. О природе и происхождении биологической эволюции. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2014. 527 с.

⁹² Шваб К. Четвёртая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 138 с.

⁹³ Леонтьев Д. А. Житнетворчество как практика расширения жизненного мира // 1-я Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии. М.: Смысл, 2001. С.100-109.

Ресурсным полем такого проявления выступают особенности построения и реализации образа профессионального будущего с учётом характеристик личностного потенциала человека. Формирование ресурсного поля как потенциала профессионализации человека связано именно со сформированностью образа будущего и наличием стремления к его реализации⁹⁴.

В практике анализа особенностей профессионального развития современного специалиста активное применение находит концепция карьерных ориентаций (career anchor) Э. Шейна. Согласно этой теории на начальных этапах профессионализации у будущего специалиста формируются «карьерные ориентации», отражающие его жизненные ценности, интересы и социальные установки и побуждающие его к профессиональной активности. Всего возможно выделить восемь типов карьерных ориентаций: профессиональная компетентность, менеджмент, автономия (независимость), стабильность работы, стабильность места жительства, служение, вызов, интеграция стилей жизни, предпринимательство⁹⁵. Именно соотношение данных типов ориентации определяет специфику профессионального развития (направленность, предпочитаемые стратегии осуществления, общую эффективность) современного специалиста.

В результате в настоящее время прослеживается тенденция приоритета изучения позитивных аспектов человеческой жизни над негативными, долгое время преобладавшими в психологической науке. Наблюдается отказ от изучения негативных причин, которые приводят к появлению проблем, в пользу исследования качеств личности, факторов, условий и собственной активности человека, приводящих к достижению высокого качества жизни, которое принято рассматривать как многофакторный конструкт, представляющий собой сложную взаимосвязь различных факторов: социальных, психологических, физических,

---

⁹⁴ Федорова Е. П. Жизненные цели как показатели процесса жизненного осуществления на этапе профессионального становления // Вестник Московского института государственного управления и права. 2017. № 1 (17). С. 154-157.

⁹⁵ Асташова Н. А., Малькина О. В. Ценности педагогической деятельности и карьерные ориентации современного учителя // Известия Смоленского государственного университета. 2015. № 2 (30). С. 315-326.

культурных, экономических и духовных⁹⁶. В этом случае изменения и непрерывность профессионального развития становятся нормой жизни.

1.3. Современные подходы к определению критериев эффективности и успешности профессионального развития: карьера, профессиональная траектория, удовлетворённость жизнью и работой

Понимание профессионального развития как жизнеосуществления приводит к новому пониманию сути построения карьеры. Термин «карьера» имеет романо-германское происхождение. Проанализировав его значение на итальянском, французском и английском языках, можно выделить его обобщенный смысл как успешное быстрое движение вперед в профессиональной, общественной, служебной или научной деятельности. В ряду английских эквивалентов понятия «карьера» стоят рядом собственно «career» и «promotion» – «продвижение по службе, повышение в звании, производство в чин»⁹⁷.

В «узком» смысле традиционная карьера – это должностное продвижение, профессиональный рост, достижение определенного статуса, последовательность профессиональных ролей, этапы восхождения человека к профессионализму.

Традиционная карьера предполагает пассивность работника в управлении собственной профессиональной траекторией. Она характеризуется долгосрочной работой в рамках одной или ограниченного числа организаций; полным рабочим днём и вертикальным продвижением по карьерной лестнице. Традиционная карьера учитывает:

- Должностные ступени, уровни иерархии.
- Квалификация и разряды, дифференцирующие навыки и знания людей по уровню мастерства.

---

⁹⁶ Леонтьев Д. А. Позитивная психология - повестка для нового столетия // Психология: журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9, № 4. С. 36-58.

⁹⁷ Агафонова В. П. Подходы к пониманию карьеры, её сущность и особенности // Baikal Research Journal. 2016. Т. 3, № 7. С. 21-27.

- Статусные ранги, отражающие величину вклада работника в развитие организации (выслуга лет и т.д.), его положение в организации.
- Близость к руководству, принятие важных решений.
- Уровни материального вознаграждения.

И главное принципиальное отличие традиционной карьеры – это однозначная ориентация на соответствие критериям успешности, принятым в данном социальном слое на данном этапе исторического развития⁹⁸.

Возможно выделить как минимум три подхода к пониманию успешности карьеры:

Экономический подход понимает под карьерой последовательность позиций, занимаемых человеком в имущественной иерархии, которая измеряется уровнем дохода, приносимым профессиональной деятельностью. Мотивацией для работника в этом случае является власть и увеличение материальной обеспеченности, получаемые при получении положительных результатов в карьерном продвижении.

В психологическом подходе главным является осмысление собственного карьерного пути, профессионального и трудового опыта, понимание своих возможностей и способностей. Мотивацией для работника является характер влияния внешних факторов на восприятие себя в трудовой системе, места и роли, которые человек занимает в структуре организации.

И, наконец, социологический подход, когда карьера является частью процесса социально-профессиональной мобильности. Она определяется обстоятельствами жизнедеятельности социума⁹⁹.

По мнению председателя совета директоров Независимого института коммуникативистики, профессора Государственного университета – Высшей школы экономики Иосифа Дзялошинского управление традиционной карьерой опирается на жесткие механистические модели управленческой деятельности,

---

⁹⁸ Белкин В. Н., Белкина Н. А., Антонова О. А. Человеческий капитал и трудовой потенциал персонала организации // Журнал экономической теории. 2015. № 4. С. 58-65

⁹⁹ Бавыкина Е. Н. Современная концепция карьерного развития: [Электронный ресурс] // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. Т. 20. С. 4491-4495. URL: <https://e-koncept.ru/2014/55163.htm>.

когда организация понимается как совокупность отдельных работников, преследующих свои индивидуальные (рефлексивно сознаваемые) цели, сотрудничающих и противоборствующих в их достижении; Профессиональное развитие сотрудника есть результат сознательных, радикальных и прогрессивных изменений, меняющих способы и условия функционирования организаций. Оно часто не имеет внутренней логики: это дискретный, извне (от субъекта-менеджера) привносимый процесс. И сотрудник, и организация - пластичный материал, обладающий неограниченной способностью адаптации к любым изменениям внешней среды и правилам игры (быстро и адекватно оценивать изменения внешней среды, реагировать на эти изменения, находить эффективные образцы деятельности и взаимодействия).

Д. Холл предложил концепцию поливариативной карьеры как альтернативный вариант традиционной модели её построения. Д. Холл, говоря о карьере, основанной на субъективном понимании успеха, назвал ее «protean», дословно - «протейная» (по имени древнегреческого морского божества Протея, способного принимать различные облики). В отечественной психологической литературе понятие «protean career» традиционного переводится как поливариативная или изменчивая карьера.

Д. Холл характеризовал поливариативную карьеру как основанную на самоопределении, свободе и росте, обоснованную личностными ценностями, а не наградами со стороны организации, нематериальным обеспечением себя и семьи. Он выражает свое принципиальное отношение к становлению карьеры как к части жизненного пути и выделяет следующие тезисы:

- Работа - важная часть жизни, поэтому ценности, на которых строится карьера, не должны вступать в противоречие с общими жизненными ценностями.
- Выбирая для себя занятие, человек делает свой собственный независимый выбор, за ним признается свобода выбора и ответственность за него.
- Человек может совершить новый выбор, заново перестроить себя, изменить свою работу и выстроить карьеру вокруг своих новых приоритетов.

- Успех всегда субъективен, он определяется тем, насколько человек чувствует себя удовлетворенным своей работой и своей жизнью, а не обязательно тем, насколько он богат или знаменит. Основным критерием успеха является самооценка. Психологический успех не всегда сопровождается должностями и зарплатами и наоборот¹⁰⁰.

Сравнивая традиционную и поливариативную карьеру, Д. Холл предлагает ряд ответов на ключевые вопросы относительно их различий:

- В традиционной карьере ответственность за изменения несёт организация, а в поливариативной – сам специалист.

- В традиционной карьере главной карьерной ценностью является карьерный рост, а в поливариативной – свободное развитие.

- Традиционная карьера отличается стабильностью, а поливариативная – высокой степенью изменчивости.

- В традиционной карьере критериями успеха являются позиция в организации и уровень заработной платы, а в поливариативной – внутреннее самоощущение работника.

- В традиционной карьере ключевой установкой является приверженность организации, а в поливариативной – приверженность собственному жизненному пути¹⁰¹.

Однако этот тип карьеры имеет и свои недостатки. Ряд специалистов полагают, что с точки зрения организации, более независимые сотрудники, стремящиеся, прежде всего к самореализации, изменчивые в карьерных ориентациях и разнообразные в своих выборах будут менее предпочтительны, чем традиционно карьероориентированные сотрудники, которые стремятся лучше вписаться в организацию и максимально ей соответствовать¹⁰².

---

¹⁰⁰ Briscoe J. P., Hoobler J. M., Byle K. A. Do «protean» employees make better leaders? The answer is in the eye of the beholder // *The Leadership Quarterly*. 2010. Vol. 21, is. 5. P. 783-795.

¹⁰¹ Hall D. T. The protean career: A quartercentury journey // *Journal of Vocational Behavior*. 2004. Vol. 65, is. 1, August. P. 1-13.

¹⁰² Литвинова Е. Ю. Поливариативная карьера: перспективы изучения // *Зарубежная психология*. 2013. № 2. С. 118-129.

Американская национальная ассоциация развития карьеры (National Career Development Association) обозначает карьеру как общую сумму работ и свободного времени, которую человек зарабатывает в течение жизни. К. Мак-Дэниэлз считает, что карьера – это стиль жизни, который включает в себя совокупность профессиональной деятельности и других видов деятельности в свободное время, которые человек выполняет в течение всей жизни¹⁰³. Как мне кажется, это определение оказывается по смыслу очень близким понятию профессиональная траектория. В самом слове «траектория» заложена идея активного движения и непрерывности изменений. В последней четверти XX века и в начале XXI произошёл последовательный переход от идеологии управления персоналом, к управлению человеческими ресурсами и, затем, к управлению человеческим капиталом. Работник последовательно начал восприниматься как ресурс, а затем, и как капитал. Вследствие этого возникла необходимость учитывать разные типы карьер: профессиональную, должностную, деловую и, даже, общественно-политическую карьеры.

При этом происходящие в жизни работника изменения чаще всего имеют разнонаправленный характер и могут быть доступны для управления только в рамках синергетической парадигмы. Именно она позволяет сформулировать подходы к управлению хаотическими изменениями в точках фуркаций. В рамках данного подхода предполагается, что в любой эпизод карьеры мы будем рассматривать как точку фуркации (бифуркации или полифуркации). В результате у любого работника оказывается возможность выбора варианта дальнейшего развития карьеры. При этом отказ делать такой выбор мы тоже будем рассматривать как выбор, который в дальнейшем будет определять специфику трудовой деятельности.

И вот уже перед нами не привычная глазу лестница карьерного роста, а сложная траектория с далеко не всегда последовательным линейным продвижением. Совокупность таких сложных траекторий приводит к

---

¹⁰³ Мусина-Мазанова Г. Х. Зарубежные и отечественные теоретические подходы к изучению понятия «карьер» // Наука и школа. 2011. № 4. С. 101-106.

необходимости рассмотрения социального, культурного, и морального капитала. В результате под индивидуальной профессиональной траекторией мы понимаем сложный профессиональный путь от начала (выбора профессии) до конца (выход на пенсию).

По мнению П. В. Малиновского этот путь может включать в себя:

- Эволюцию – развития в виде линейного процесса (прогресса) с последовательной сменой этапов.
- Инволюция – возвратное движение к предыдущему этапу или регресс.
- Ретрореволюция – возвратно-поступательное движение от одного этапа профессионального развития к другому.
- Революция – радикальное изменение направления профессионального развития.
- Контрреволюция – восстановление прежних, принципиально отличающихся этапов профессионального развития.
- Катаволюция – безвозвратная потеря некоторых содержательных элементов профессионального развития, что ведет к деградации профессионального развития в целом.
- Коэволюция – параллельное и прогрессивное направленное изменение отдельных элементов профессиональной жизни сотрудника.
- Контрэволюция – совмещение разнонаправленных процессов – эволюции и инволюции в профессиональном развитии¹⁰⁴.

Таким образом, управление профессиональной траекторией – это принципиально новая технология управления движением и ростом человеческого капитала. Ее новизна состоит в том, что на динамику человеческого капитала воздействуют не традиционными, социально-институциональными (политическими, экономическими и правовыми) средствами, а инструментами, которые следует отнести к числу культурных институтов. Инновационный характер современной экономики требует, чтобы кадровый менеджмент,

---

¹⁰⁴ Малиновский П. В. Транспрофессионализм как критерий эффективности управления человеческим потенциалом. 2004. <http://www.shkp.ru/lib/actions/ss/malinovsky/publications/1>.

обеспечивающий развертывание форм совместно-творческой деятельности персонала, скоординировано направлял свои усилия не только в человеческий капитал, но и поддерживающие его социальный, культурный и моральный капитал.

Таблица 1 – Сравнительные характеристики типов профессионального развития

Параметр сравнения	Традиционное профессиональное развитие (1 тип)	Профессиональное развитие как жизнеосуществление (2 тип)
Ответственный за развитие	Социальная среда, в т.ч. организация	Субъект
Основные цели	Карьерное продвижение	Саморазвитие и жизнеосуществление
Уровень изменчивости	Ориентация на стабильность	Профессиональная мобильность
Критерии успеха	Позиция в организации, уровень заработной платы	Качество жизни, удовлетворённость работой и субъективное благополучие.
Ключевые установки	Организационная приверженность, следование социальным нормам	Ориентация на критерии качества жизни и приверженность собственному жизненному пути

Применение данного подхода к рассмотрению вопросов профессионального развития современного специалиста позволяет более глубоко понять и интерпретировать его контексты (Таблица 1). В рамках данного конструкта всё большее внимание уделяется субъективным индикаторам качества жизни, которые определяются как широкая категория феноменов, включающая эмоциональные реакции людей, их удовлетворённость отдельными сферами жизни, а также суждения о качестве жизни в целом. В настоящей работе акцент делается именно на изучении понятия удовлетворенности жизнью, поскольку оно характеризуется стабильностью, устойчивостью и системностью, а также содержит в своей структуре оценочный компонент. Данное понятие мы

определяем как сложное, динамичное социально-психологическое образование, которое основано на интеграции когнитивных и эмоционально-волевых процессов, характеризуется субъективным эмоционально-оценочным отношением и обладает побудительной силой, которая способствует действию, поиску, управлению внутренними и внешними объектами.

Проведённое нами эмпирическое исследование было посвящено выявлению типов профессионального развития современного специалиста. На основе теоретического анализа нами было выделено два варианта профессионального развития: традиционный тип (построение карьеры) и жизнеосуществление. Сравнительные характеристики типов профессионального развития приведены в Таблице 1.

Исходя из приведённых характеристик, в качестве зависимой переменной был взят тип профессионального развития, в качестве независимых переменных:

- принятие/избегание неопределенности;
- краткосрочность/долгосрочность временной перспективы;
- предпочитаемый тип ценностей (традиционные/секулярные, рациональные);
- выраженность ценностей самовыражения;
- дистанция по отношению к власти (доверие/недоверие к власти);
- индивидуализм/коллективизма;
- автономность;
- склонность к предпринимательству и инновационным видам деятельности;
- профессиональная мобильность/профессиональная стабильность.

Для оценки названных показателей были использованы следующие методики: опросник карьерных ориентаций Э. Шейна (перевод и адаптация В. А. Чикер, В. Э. Винокурова)¹⁰⁵, методика исследования ценностей

---

¹⁰⁵ Чикер В. А. Методология и методы социально-психологических исследований. СПб: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2010. 262 с.

Г. Хофстеде¹⁰⁶, опросник временной перспективы Ф. Зимбардо¹⁰⁷, модифицированный опросник ценностей Р. Инглхарта (адаптированный Р. К. Хабибулиным)¹⁰⁸.

В исследовании приняли участие 194 сотрудника организаций г. Томска: 47,9 % участвующих составили мужчины, 52,1 % – женщины; возраст сотрудников варьировался от 20 до 59 лет, 41,5 % составили сотрудники в возрасте 25-29 лет; 70,2 % сотрудников имеют одно высшее образование.

На основе анализа результатов, полученных по методикам Э. Шейна и Г. Хофстеде, все респонденты выборки были сгруппированы в две группы в зависимости от типа профессионального развития: 107 человек – 1 тип и 87 человек – 2 тип (Таблица 1). Данное распределение было выполнено с целью проведения сравнительного анализа. В Приложении А () приведены результаты расчётов описательных статистик групп испытуемых.

Так как наши данные имеют нормальное распределение, сравнительный анализ испытуемых с различным типом профессионального развития проводился с помощью Т-критерия Стьюдента. Возможные варианты его применения проверялась с использованием критерия Ливиня, предназначенного для проверки гипотезы, что все распределения зависимой переменной для сравниваемых выборок имеют одинаковые дисперсии. При этом значимость критерия Ливиня составляет более 0,05. По результатам анализа был сделан вывод о том, что для параметров Дистанция к власти, Стабильность работы, Ориентация на будущее применение Т-критерия Стьюдента возможно с использованием формул для условия не равных дисперсий в выборках, в виду того, что критерий Ливиня менее 0,05, что говорит об отсутствии равных дисперсий.

Также было проверено предположении о наличии взаимосвязи между социальными характеристиками респондентов («Пол», «Возраст» и «Сложность выполняемой работы») и принадлежностью к одному из типов

---

¹⁰⁶ Хабибулин Р. К. Характеристики авторитета Российской государственной власти в сознании граждан: дис. канд. психол. наук (19.00.12). СПб: Санкт-Петербургский государственный университет, 2015. 179 с.

¹⁰⁷ Сырцова А., Соколова Е. Т., Митина О. В. Адаптация опросника временной перспективы личности Ф. Зимбардо// Психологический журнал. 2008. Т. 29, № 3. С. 101-109.

¹⁰⁸ Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.

профессионального развития. В ходе анализа результатов, полученных с использованием таблиц сопряженности V-критерия Крамера было установлено, что указанные признаки не оказывают влияние на выбор типа профессионального развития. Следовательно, он определяется индивидуальными (личностными) особенностями и не зависит от социальных параметров.

Результаты анализа показали наличие статистически значимых различий по восьми шкалам методик: Дистанция власти, Предпринимательство, Интеграция стилей жизни, Стабильность работы, Служение, Стабильность места жительства, Профессиональная компетентность, Традиционные – рационально/секулярные ценности, Негативное прошлое, Будущее.

Сотрудники с традиционным типом профессионального развития стремятся иметь хорошие отношения с руководителями, для них важно совместно с руководством принимать решения, находится с ним в тесном контакте. Они во многом консервативны и пассивны в принятии решений относительно построения своей карьеры. Их привлекает стабильность в работе, наблюдается высокая потребность в безопасности и прогнозировании предстоящих событий, ориентация на общественное мнение. Данные специалисты являются приверженцами выбранному стилю жизни, развитие карьеры их привлекает только в том случае, если она не влечет за собой изменение привычного стиля жизни, окружения. Для них характерно негативное отношение к собственному прошлому, в отношении к собственному будущему они ориентированы на развитие своих способностей и навыков в области, связанной непосредственно с их специальностью.

Сотрудники с ориентацией на профессиональное развитие как жизнеосуществление предпочитают дистанцироваться от официальной власти. Они в большей степени склонны к новаторству, инициативны, самостоятельны и ответственны за результат своей деятельности. Можно говорить, о достаточной мобильности в принятии решений, о большей ориентации на личные предпочтения, чем на общественное мнение и принятые обществом каноны. Данная категория сотрудников в меньшей степени являются приверженцами

выбранной единицы специальности и готовы поменять специализацию в случае необходимости. Их отличает высокая мобильность и позитивное отношение к собственному будущему.

Таким образом, результаты теоретического анализа и собственных эмпирических исследований позволяют нам говорить о существовании принципиально разных способов профессионального развития современного специалиста: ориентированного на реализацию традиционного типа вертикальной карьеры и ориентированного на жизнеосуществление и саморазвитие.

Выбор типа профессионального развития не зависит от объективных социальных характеристик (пол, возраст, образование, занимаемая должность и проч.). Он в большей степени определяется индивидуальными ценностями, карьерными ориентациями, отношением к собственному прошлому и будущему, ориентацией на профессиональную мобильность/стабильность.

Полученные результаты позволяют рассматривать ориентацию на саморазвитие и жизнеосуществление как вариант профессионального развития, характерный для современной ситуации трудовой деятельности.

1.4. Выводы по Главе 1

В современных условиях профессиональное развитие представляют собой смысл, к реализации которого стремится человек при выборе и осуществлении своей профессиональной деятельности, это индивидуальное сочетание и последовательность реализации профессиональных замыслов и целей, связанных с опытом и активностью в сфере работы на протяжении всей жизни.

Под профессиональным развитием понимаются изменения психических функций и свойств человека, которые возникают при взаимодействии с профессией, в процессе профессионального обучения и профессиональной деятельности. Иными словами, под профессиональным развитием можно понимать развитие человека как субъекта профессиональной деятельности. В этом случае на передний план выступают вопросы планирования человеком

собственного профессионального пути как процесса формирования профессиональной самоконцепции и самоопределения в терминах собственных способностей, талантов, мотивов, потребностей, отношений и ценностей.

Применение традиционных адаптационных моделей в современной ситуации профессионального развития приводит к возникновению упрощённого восприятия реальности, когда собственно развитие прекращается, и на передний план выступают стратегии обеспечения стабильности и безопасности в трудовой деятельности. Выявление подобных особенностей профессионального развития требует применения новых объяснительных принципов.

Современная историко-эволюционная парадигма рассматривает деятельность (в том числе и трудовую) как существование. Целенаправленная деятельность рассматривается как универсальная форма существования жизни. В результате на передний план выходит изучение позитивных аспектов человеческой жизни. Наблюдается уменьшение интереса к изучению негативных причин, которые приводят к появлению проблем, в пользу исследования качеств личности, факторов, условий и собственной активности человека, приводящих к достижению высокого качества жизни, которое принято рассматривать как многофакторный конструкт, представляющий собой сложную взаимосвязь различных факторов: социальных, психологических, физических, культурных, экономических и духовных. В этом случае изменения и непрерывность профессионального развития становятся нормой жизни.

Применение данного подхода к рассмотрению вопросов профессионального развития современного специалиста позволяет более глубоко понять и интерпретировать его контексты. В рамках данного конструкта всё большее внимание уделяется субъективным индикаторам качества жизни, которые определяются как широкая категория феноменов, включающая эмоциональные реакции людей, их удовлетворённость отдельными сферами жизни, а также суждения о качестве жизни в целом.

Глава 2. Пространственно-динамические основания построения модели образа будущего

2.1. Историко-психологический анализ становления понятия «образ будущего» в науке

Человек градуирует многообразные события своей жизни и свое отношение к миру вещей, взглядов, идей, исходя из выработанных человечеством ценностей, главная из которых – время¹⁰⁹. В философии время определяется как атрибут, всеобщая форма бытия материи, выражающая длительность бытия и последовательность смены состояний всех материальных систем и процессов в мире¹¹⁰. Будущее же традиционно рассматривается философами как форма репрезентации времени и одна из базовых его характеристик, наряду с прошлым и настоящим.

Как мы говорили в предыдущей главе, в настоящий момент человеческая цивилизация вступила в период радикальных изменений, охватывающих все стороны бытия. Для подобных ситуаций характерно обостренное чувство времени. Все это породило новое направление исследований – темпоральную антропологию – направленную на выявление временной сущности явлений, порождаемой динамикой их собственного движения. Темпоральность можно рассматривать в нескольких планах:

- Онтологическом – масштаб времени, ритм, темп перемен, формы синхронизации человеческой деятельности.
- Гносеологическом – определенные измерительные устройства времени и соответствующие единицы измерения.

---

¹⁰⁹ Акимов Р. А., Бабаева Д. П. Познание сущности времени и смысл человеческого бытия // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2018. № 1 (197). С. 4-9.

¹¹⁰ Стрелков Ю. К. Темпоральность трудовой деятельности // Национальный психологический журнал. 2011. № 1. С. 62-65.

- Аксиологическом – характерные ценностные временные ориентации, которые и являются предметом наших эмпирических исследований¹¹¹.

Э. Кассирер в философии символических форм рассматривал настоящее как сложно развивающийся процесс, которому имманентно присущи моменты прошлого и будущего. Оно не совокупность, а целокупность всех трех составляющих времени, которые взаимно проникают и взаимно обуславливают друг друга, их нельзя изолировать друг от друга. В ходе настоящего осуществляется постоянное становление, которое происходит на основе прошлого опыта и нацелено на будущее. Прошлое рассматривается всегда из новой перспективы и определяется настоящим опытом человека, который, изменяясь сам, подвергает постоянной переработке и изменению прошлое так, что оно никогда не бывает тождественно самому себе. Важнейшее свойство прошлого - его присутствие в событиях будущего через посредство настоящего, т.е. формообразующая функция. Э. Кассирер указывает, что соотнесенность с будущим усваивается сознанием скорее, чем соотнесенность с прошлым. Будущему имманентно присущ момент неопределенности. Предвидение – лишь момент для теоретического разума. Реальная жизнь – это постоянная вариативность, исключая возможность повторения. Телеологичность Вселенной заключается в том, что событиям свойственно выходить за свои собственные рамки и, тем самым, творить свое собственное будущее. Таким образом, Э. Кассирер считает будущее недетерминированным и полностью непредсказуемым, неразрывно связанным с прошлым и настоящим. Будущее содержится в структурах настоящего в виде намерений, опасений, надежд и проч. Оно выполняет структурную и смыслонаделяющую функции по отношению к прошлому и настоящему¹¹².

Содержательной основой аналитики времени является различие двух видов опыта времени: временного (темпорального) объекта сознания и сознания времени, стратегия объективации которого, была предложена Э. Гуссерлем в

---

¹¹¹ Уколов А. О. Темпоральность бытия и проблема будущего // Новая наука: Стратегии и векторы развития. 2016. № 10-2. С. 90-93.

¹¹² Кассирер Э. Философия символических форм. Т.1. М.: Академический проект, 2011. 22 с.

лекциях «Феноменология внутреннего сознания времени»¹¹³. Э. Гуссерль исследует время не как реальное качество мира, а как феноменальное качество сознания, характеризующее его как целое или «имманентное время протекания сознания». Он вводит различие имманентности и интенциональности. Временное качество (определенность) не может быть принято как интенциональная характеристика акта сознания, т.е. как его содержание, но только как характеризующее сознание целое. Временная определенность, не конкретизируя содержание сознания, его интенциональные объекты, характеризует сознание как целое, как временную форму, соотносясь с сознанием как целое с целым.

Яркий вклад в научное осмысление данной проблемы внес Ж. П. Сартр. Он утверждал, что человек является экзистенциальным существом не в абстрактно философском значении этого понятия, а именно в смысле временной и пространственной конкретности его способа существования. Он всегда проектирует себя в будущем, которым он еще не стал. Сознание в образе будущего постоянно проектирует воплощение себя, но, воплощаясь, неантизирует (ничтожит) себя; оно не является уже тем, чем только что было. Это проявляется в постоянном колебании через прошлое и будущее в настоящее и образует диалектическое противоречие человеческого духа. При этом, по мнению Ж. П. Сартра, прошлое может быть осмыслено и оценено только исходя из будущего, которого нет и которое строго не детерминировано прошлым. Настоящее же определяется им как бытие. Содержание будущего, реализуясь в его образе, сразу же становится настоящим. Будущее конституирует смысл настоящего как проект его возможности. Будущее является смыслом настоящего, непрерывным становлением возможностей, оно не является гомогенным и хронологически упорядоченным рядом сменяющихся друг друга мгновений. Оно является бесконечностью возможностей, смысл которых сложен и не может содержаться в одной формуле. Настоящее всегда становится прошлым, а будущее – прошедшим будущим. Оно никогда не становится настоящим¹¹⁴.

---

¹¹³ Гуссерль Э. Избранные работы. М.: ИД Территория будущего, 2005. 464 с.

¹¹⁴ Сартр Ж. П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: Изд-во АСЕ, 2011. 925 с.

Понимая жизнь как целостный конкретный феномен в единстве прошлого, настоящего и будущего (Desein, здесь-бытие, бытие-в-мире), Л. Бинсвангер описывает исследуемые явления в их уникальном и полном личностном содержании и внутреннем контексте, допуская, что рассудок конституирует объекты опыта даже в случае глубокого эмоционального переживания. При этом чувство для него является таким же подлинным опытом, как и все другое. Другой формой опыта является знание, это еще один модус бытия-в-мире. Desein распространяется в будущее, опережает себя; в этом суть свободы Desein'а и его смысл¹¹⁵.

Также важными, на наш взгляд, для понимания вопросов личностного и профессионального развития являются особенности временного синтеза (соотношения прошлого, настоящего и будущего между собой), которые в большей степени исследовались в рамках философии, нежели в психологической науке. К числу наиболее значимых положений следует отнести: идею перехода прошлого в настоящее, затем, в будущее М. Мерло-Понти¹¹⁶; теорию взаимного протягивания в просвете настоящего М. Хайдеггера¹¹⁷; идеи А. Бергсона об активном и пассивном синтезе настоящего, настоящего и прошлого, настоящего, прошлого и будущего¹¹⁸; теорию Э. Левинаса о времени как связи с другими¹¹⁹.

Эти идеи продолжают развивать философы и культурологи к. XX – н. XXI в.в. В. К. Карнаух говорит о наличии в нашем обществе темпоральной революции, связанной с переходом от индустриальной к постиндустриальной цивилизации, для которой характерны: гибкие рабочие графики любого вида деятельности; более высокий темп жизни, переход от минут к секундам; наличие компьютера как нового средства коммуникации, приводящего к снижению непосредственных межличностных контактов, и как инструмента времени¹²⁰. В

¹¹⁵ Бинсвангер Л. Бытие – в – мире. М.: КСП+, СПб: Ювента, 1999. 299 с.

¹¹⁶ Мерло-Понти М. Человек и противостоящее ему // Психология и психотехника. 2011. № 5. С. 17-27.

¹¹⁷ Хайдеггер М. Время и бытие // Метафизика, 2011 № 1. С. 205-224.

¹¹⁸ Бергсон А. Сознание и жизнь. М.: Издательство «Российская политическая энциклопедия», 2010. 399 с.

¹¹⁹ Левинас Э. Заметки о смысле // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за её пределами. М.: Издательство Академический проект: Гаудеамус, 2014. С. 18-38.

¹²⁰ Карнаух В. К. Постиндустриальное общество: темпоральный анализ // В сб. Контуры будущего: технологии и инновации в культурном контексте. Коллективная монография по результатам конференции. СПб: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2017. С. 212-215.

результате всего этого сокращается возможность навязать индивиду ритм и темп социальной среды, в которой он живет.

Временная связность образа будущего – это связность ситуаций, людей, предметов и событий, локальная по месту и специфичная для отдельных процессов. Она позволяет понять устройство образа будущего субъекта в его систематичности, увидеть пробелы, пустоты, акцентуации и деформации. Она позволяет расширить ситуативные и жизненные смыслы индивида.

А. Г. Огнев указывает на временной парадокс: в своем настоящем человек не является просто функцией всех прошлых событий в качестве их прямого естественного продолжения. Реальную связь прошлого и настоящего он опосредует идеально предвосхищенным будущим. Субъект творит свое настоящее как реализацию идеализированного будущего. Так что наличное бытие есть лишь средство реализации идеализированного проекта цели¹²¹.

А. Макушинский называет современный мир утопическим, ибо в нашем «образе мира» ключевую роль играет не объективная действительность, а ее идеал, существующий в виде позитивной перспективы будущего. На смену романтизму начала XX в. пришел утопизм начала XXI в., стремящийся осуществить «рай на земле». При этом современные утопии отрицают свой утопический характер, т.е. считают себя имманентно реализуемыми. Утопия понимается как непосредственное продолжение настоящего, она не столько предсказывает будущее, сколько указывает на него и показывает, что надо делать для его достижения. Соответственно, для этих утопий характерно называть себя наукой (например, научный коммунизм)¹²².

В понятийном аппарате психологии время явно или неявно присутствовало всегда: «абсолютная временная интенсивность» (Г. Г. Шпет¹²³), «актуальное будущее поле» (Л. С. Выготский¹²⁴), мир «чудовищной актуальности»

---

¹²¹ Огнев А. С., Лихачёва Э. В. Содержание образа будущего у современных студентов / В сб. Итоги научных исследований. Сборник статей Международной научно-практической конференции. М.: ООО «Европейский фонд инновационного развития», 2015. С. 204-207.

¹²² Макушинский А. Современный «образ мира: действительность» // Вопросы философии. 2002. № 6. С. 119-137.

¹²³ Шпет Г. Г. Философия и наука. М.: РОССПЭН, 2009. 493 с.

¹²⁴ Выготский Л. С. Психология развития человека. М.: Изд-во Смысл; Эксмо, 2005. 1136 с.

(М. К. Мамардашвили¹²⁵), «временное зияние между двумя моментами времени» (М. М. Бахтин¹²⁶), прямая и обратная временная перспективы. По мнению В. П. Зинченко время выступает в качестве важнейшего средства изучения психики, нередко - его главной цели, условия (фактора), облегчающего или затрудняющего протекание психических процессов, существенного критерия эффективности последних¹²⁷. Выяснение представленности и значимости для человека понятия «время» вносит существенный вклад в процесс построения индивидом собственной модели «образа будущего», отражающей и интегрирующей «разные формы и уровни проявления субъективного»¹²⁸.

Классическая парадигма в науке традиционно учитывает влияние прошлого, но игнорирует роль будущего: естественнонаучная методология не может признать действительными еще не наставшие (будущие) события. Психология, которая не может принять к рассмотрению тот факт, что на когнитивном уровне будущее является частью настоящего, не может принять и образ будущего, его перспективу¹²⁹.

Понятие целей было введено в аппарат научной психологии в работах К. Левина¹³⁰. Э. Толмен ввел в общую психологию понятия «предвосхищение» (антиципация) и «ожидание». В их основе лежат последствия событий, имевших место в прошлом¹³¹. Таким образом, будущее рассматривается ими с точки зрения памяти и обуславливания, как базирующееся на прошлом. В. Франкл ввел в обиход психологии понятие «временная перспектива» как «существующая в настоящий момент целостность видения индивидом своего психологического будущего и психологического прошлого»¹³². В книге «Человек в поисках смысла» он писал о роли целеполагания будущего, связанного со смыслом жизни для выживания человека. О времени и роли будущего также достаточно много писали

¹²⁵ Мамардашвили М. К. Сознание и цивилизация. СПб: Азбука, 2011. 271 с.

¹²⁶ Бахтин М. М. Теория романа // Собрание сочинений в 7-ми т.т. Т. 3. М.: Русское слово, 2012. 880 с.

¹²⁷ Зинченко В. П. Живое время (и пространство) в течении философской и поэтической мысли // Вопросы философии. 2005. № 5. С. 20-46.

¹²⁸ Артемьева Е. Ю. Психология субъективной семантики. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 204 с.

¹²⁹ Михальский А. В. Психология конструирования будущего. М.: МГППУ, 2014. 192 с.

¹³⁰ Левин К. Теория поля в социальных науках. М.: Академический проспект, 2017. 298 с.

¹³¹ Степанов С. Э. Толмен (1886 - 1959) // Век психологии: имена и судьбы. М.: Litres, 2013. С. 374-383.

¹³² Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Смысл, 2012. С. 75.

отечественные философы В. Н. Муравьев¹³³, Е. Н. Князева¹³⁴ «Конструирование будущего» и «Овладение временем и управление коэволюционной сложностью», В. В. Налимов¹³⁵, Н. А. Назаретян¹³⁶. Во всех этих работах проблема становления будущего тесно связывается с жизненными смыслами.

С. Л. Рубинштейн сформулировал тезис о зависимости времени от тех систем, в которые оно включено. С его точки зрения субъективно переживаемое время объективно отражает план жизни данного человека, т.е. непосредственно связано с образом будущего, которое можно рассматривать как одну из наиболее существенных детерминант жизненного пути¹³⁷.

Жизненные цели, стремления или проекты, которые человек принимает на более или менее отдаленную перспективу, стали всерьез исследоваться лишь относительно недавно. Среди отечественных психологов первыми были А. Н. Леонтьев¹³⁸ и О. К. Тихомиров¹³⁹ в 70-х г.г. XX в.; в зарубежной психологии в 90-е г.г. XX в. – это П. Голвинцер и И. Брандстеттер в Германии, Л. Первин¹⁴⁰ и Р. Эммонс¹⁴¹ в США. В результате было введено понятие целей или стремлений как одной из существенных переменных в исследовании личности. Однако в большинстве этих работ будущее как самостоятельный феномен не рассматривается и четкого его определения не дается.

Советская психология в качестве базисной признавала теорию отражения, которая постулировала: в любом психическом акте человек воспроизводит мир в образе. Согласно С. Л. Рубинштейну процесс отражения характеризует проявление основной функции психического – регуляции¹⁴². Внутренняя картина мира является наиболее интегральной характеристикой психического. Согласно А. Н. Леонтьеву: «Всякое актуальное воздействие вписывается в образ мира, т.е. в

¹³³ Муравьев В. Н. Овладение временем. М.: Росспен, 1998. 318 с.

¹³⁴ Князева Е. Н. Конструирование будущего // Экономические стратегии. 2010. Т. 12, № 4. С. 88-97.

¹³⁵ Налимов В. В. Реальность нереального. М.: Мир идей: АО «АКРОН», 1995. 431 с.

¹³⁶ Назаретян Н. А. Нелинейное будущее. М.: Аргамак – Медиа, 2017. 508 с.

¹³⁷ Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М.: Питер, 2012. 224 с.

¹³⁸ Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Смысл, 2004. 346 с.

¹³⁹ Тихомиров О. К. Психология мышления. М.: Academia, 2008. 288 с.

¹⁴⁰ Первин Л. А., Оливер П. Д. Психология личности. М.: РГБ, 2006. 215 с.

¹⁴¹ Эммонс Р. Психология высших устремлений: мотивация и духовность личности / Пер. с англ.; Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004. 416 с.

¹⁴² Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М.: Питер, 2012. 224 с.

некоторое «целое»¹⁴³. Он говорил о слиянии в одном психическом акте процесса, образа и реальности. Следовательно, мы можем сделать вывод о том, что любой психологический феномен, в том числе и будущее, отражается в сознании в форме образа и гармонично вплетается в общую картину жизненного мира человека. При этом процесс существования любого образа, в том числе и образа будущего, подчиняется следующим принципам:

- регуляция перцептивными образами;
- категориальная готовность к восприятию и деятельности;
- соотнесение смысловой установки и смысловой регуляции и др.¹⁴⁴.

Одна из основных задач современной психологии – построение модели субъективного мира человека, отражающей «полисистемный способ» его существования¹⁴⁵. Представление мира человеком, порождение и функционирование его субъективного мира обсуждаются всё больше и больше. До сих пор в психологии наиболее распространены модели функциональной структуры психической деятельности, а не содержательной. А. Н. Леонтьев сказал: «Самое главное не в том, как, с помощью каких средств протекает этот процесс, а в том, что получается в результате этого процесса». Согласно его концепции, образ субъективного мира есть интегратор следов взаимодействия человека (и человечества!) с объективной реальностью¹⁴⁶.

Рассматривая образ будущего как некоторую модель реальности, мы можем выделить следующие основные принципы его построения:

1. Образ воспринимается как фигура, выделяющаяся на некотором фоне. При этом более детализированные элементы воспринимаются в качестве фигуры на существенно менее структурированном фоне.

2. Принцип заполнения пробелов: субъект автоматически «достраивает» перцептивную ситуацию, вводя в нее актуально отсутствующие, но субъективно

¹⁴³ Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Смысл, 2004. С. 260.

¹⁴⁴ Желтикова И. В. Образ будущего как образ // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. Вып. № 5. С. 32-45.

¹⁴⁵ Ломов Б. Ф. Психическая регуляция деятельности. Избранные труды. М.: Когито – центр, 2006. 285 с.

¹⁴⁶ Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Смысл, 2004. 346 с.

необходимые элементы в соответствии с собственным пониманием данной ситуации¹⁴⁷.

Говоря о данной категории, мы подчеркиваем, что под образом имеется в виду не только и не столько зрительная картинка, сколько модель событий реальности, оформленная в виде совокупности (а точнее системы) доступных субъекту разномодалных ощущений. В английском языке это соответствует разделению образа как картинка и образа как модели (image – representation). Способность к построению такого образа связана с упорядочиванием многообразных впечатлений в пространственном и временном аспектах и распознаванием целостного образа (гештальта)¹⁴⁸.

Образ будущего во многом позволяет субъекту вырваться из гомогенного мира, расставляя акценты значимости и формируя мир предметов. На некотором уровне сложности система не может справиться с гомогенным перебором и рассмотрение возможностей в организованной среде является намного эффективнее. В психологии одним из примеров негомогенности является разделение оси времени на прошлое, настоящее и будущее. Это позволяет человеку использовать образ предвидимого будущего как регулятор деятельности¹⁴⁹.

В результате мы можем говорить о том, что для современных гуманитарных наук характерно наличие многочисленных попыток дать определение понятию «будущее», насколько возможно полно открыть его содержание и смысл. В психологии уже с самого начала изучения проблематики будущего возникли диаметрально противоположные подходы к пониманию сути данного феномена.

В настоящий момент в науке сложилась устойчивая ситуация, когда в отдельных отраслях знаний, таких как футурология¹⁵⁰, социальное прогнозирование¹⁵¹, форсайт-технологии, активно строятся информационные

---

¹⁴⁷ Лэйнг Р. Д. Я и Другие. М.: Независимая фирма «Класс», 2002. 192 с.

¹⁴⁸ Петровская Е. В. Теория образа. М.: РГГУ, 2012. 281 с.

¹⁴⁹ Doob L. W. Patterning of time. New Haven: London: Yale Univ. Press, 1971. 472 p.

¹⁵⁰ Турчин А. В., Батин М. А. Футурология. XXI век... М.: Бином. Лаб. знаний, 2012. 263 с.

¹⁵¹ Бестужев-Лада И. В., Наместникова Г. А. Социальное прогнозирование. М.: Пед. о-во России, 2001.

модели будущего, направленные на построение «карт будущего»¹⁵². Именно благодаря этим научным направлениям, которые достаточно новы и охватывают по дате публикаций последние два десятилетия, и происходит корректировка векторов развития социальных систем и индивидуального будущего. В свою очередь, информационные модели позволяют строить чувственные образы будущего, связанные с конкретными модальностями восприятия (в большинстве зрительными) или вербальными конструктами (внешняя и внутренняя речь). В психологии же преобладают исследования, направленные на изучение «образа будущего», которое, на наш взгляд, в большей степени поддается теоретическому и эмпирическому осмыслению. Наиболее распространенным является следующее определение данной категории: «образ будущего» – это субъективное эмоционально-когнитивное образование, являющееся носителем индивидуального видения (в широком смысле) реальности, а, следовательно, и взаимодействующее с ней. Таким образом, данная структура представляет собой нечто, опосредующее весь комплекс отношений субъекта с окружающим миром, вернее с актуально значимой его частью.

2.2. Структура и содержание образа будущего как одной из интегративных основ личности

Обратимся более подробно к описанию собственно феномена образа будущего. К.–Г. Юнг понимал процесс построения образа будущего как момент интуиции, «восприятие заключенных в ситуации возможностей»¹⁵³. С точки зрения Ж. Пиаже освоение отношений между реально существующим и потенциально возможным является самым важным свойством формально – операционального мышления¹⁵⁴. И опять мы видим параллели с попытками осмысления проблем, связанных с построением образа будущего, на философском уровне: так О. Шпранглер, формулируя концепцию историчности,

---

¹⁵² Никитин В., Чудновский Ю. Основание иного. К.: Оптима, 2011. 176 с.

¹⁵³ Юнг К.-Г. Visions. Семинары. М.: Клуб Касталия, 2015. 825 с.

¹⁵⁴ Пиаже Ж. Психология интеллекта. СПб: Питер, 2003. 193 с.

подчеркивает, что если душу назвать возможным, а мир действительным, то жизнь предстает гештальтом, в котором происходит осуществление возможного¹⁵⁵. К. Ясперс считал, что будущее не может быть исследовано, оно скрыто в прошлом и настоящем, мы видим и переосмысливаем его в реальных возможностях. При этом видение настоящего в такой же степени зависит от прошлого, как и от прогнозирования будущего¹⁵⁶. М. М. Бахтин утверждал, что человек никогда не совпадает с самим собой, со своей наличностью; пока жив, он живет тем, что еще не сказал своего последнего слова, и всегда ценностно предстоит себе¹⁵⁷.

Рассматривая феномен образа будущего с точки зрения современной науки, следует говорить о двух главных подходах к его анализу – познавательном и экзистенциальном. В психологии познания образ будущего связан со способностью к прогнозированию. Возможно выделить по крайней мере несколько познавательных подходов к изучению образа будущего – семантический, лингвистический, коммуникативный и др.¹⁵⁸ Обусловленность процесса познания ожиданиями будущих событий, предвосхищением возможных результатов действия, установками, гипотезами и т.п. позволяет выделить предвосхищение вероятного и потребного будущего как одну из важнейших особенностей проявления активности субъекта. Разные аспекты проявлений этих процессов фиксировались понятиями «образ потребного будущего» (А. Н. Бернштейн)¹⁵⁹, «акцептор результатов действия» (П. К. Анохин)¹⁶⁰, «установка»

¹⁵⁵ Шпранглер О. Закат Европы. М.: Юрайт, 2017. 490 с.

¹⁵⁶ Ясперс К. Духовная ситуация времени. М.: АСТ, 2013. 295 с.

¹⁵⁷ Бахтин М.М. Теория романа. // Собрание сочинений в 7-ми т.т. Т. 3. М.: Русское слово, 2012. 880 с.

¹⁵⁸ Мандрикова Е.Ю. Современные подходы к изучению временной перспективы личности // Психологический журнал. 2008. Т. 29, № 4. С. 85-98.

Нестик Т.А. Коллективный образ будущего: социально-психологические аспекты прогнозирования // Вопросы психологии. 2014. № 1. С. 55-69.

Пишнева Т.Н. «Образы будущего» в массовом сознании 2007-2008 г.г. // Актуальные проблемы современной политической психологии / Под ред. Е.Б. Шестопаля. М.: РИОР, 2010. С. 89-112.

Ральникова И.А. Жизненные перспективы личности в научной парадигме психологического знания // Известия АлтГУ. 2011. № 2-1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/zhiznennye-perspektivy-v-nauchnoy-paradigme-psihologicheskogo-znania/>

Резник Ю.М., Смирнов Е.А. Жизненные стратегии личности: (опыт комплекс.анализа). М.: Ин-т человека РАН, Независ.ин-т граждан. Об-ва, 2002. 209 с.

Шмелёв А.Г. Персоплан – психотехнический инструмент жизненного выбора // LifeLine и другие новые методы психологии жизненного пути. М.: Наука, 1993. 185 с.

¹⁵⁹ Бернштейн А.Н. Физиология движений и активность. М.: Наука, 1990. 494 с.

¹⁶⁰ Анохин П.К. Философские аспекты теории функциональной системы. М.: Наука, 1978. 399 с.

(Д. Н. Узнадзе)¹⁶¹, «жизненный план» (К. Левин)¹⁶², которые существенным образом влияют на выбор поступков личности, на ее судьбу.

Человек создает свои измерители и дополнительные органы и орудия – функциональные органы индивида по А. А. Ухтомскому – это временное сочетание сил, способное осуществить определенное достижение. Такой функциональный орган существует лишь в исполнении. Присутствующий виртуально, он актуализируется в нужное время в нужных обстоятельствах, а затем вновь скрывается, уступая место другому¹⁶³. Это подтверждается положением Л. С. Выготского о том, что источником возникновения высших психических функций, т.е. тех же функциональных органов – новообразований, может быть не только внешняя предметная деятельность, но и сознание¹⁶⁴. Исходя из этого мы можем считать образ будущего некоторым функциональным органом, который актуализируясь управляется и управляет деятельностью и поступками человека.

В настоящее время широко распространена точка зрения, свидетельствующая о «расслоении» памяти по вертикали ментального функционирования. В ее основе лежит идея, выдвинутая на фоне интереса к эффектам имплицитной памяти, о том, что существуют высшие формы памяти, которые участвуют в сохранении смысловой символической информации. Так как эти внутренние структуры включают множество невербальных знаний, то стоит говорить скорее о концептуальных структурах, а не о семантической памяти как таковой. Содержание этих структур включает в себя процедуры, правила и развернутые сценарии достижения целей (т.е. образа будущего)¹⁶⁵. На основании результатов исследований функционирования расщепленного мозга мы можем утверждать, что эпизодическая или автобиографическая память отделяется от семантической памяти, но в концептуальном смысле это различие остается неясным. При этом допустимо существование множества перспектив или

---

¹⁶¹ Узнадзе Д. Н. Общая психология. М.: Смысл, 2004. 412 с.

¹⁶² Левин К. Теория поля в социальных науках. М.: Академический проспект, 2017. 298 с.

¹⁶³ Ухтомский А. А. Учение о доминанте. М.: Юрайт, 2017. 310 с.

¹⁶⁴ Выготский Л. С. Психология развития человека. М.: Изд-во Смысл; Эксмо, 2005. 1136 с.

¹⁶⁵ Бандура А. Теории социального научения. М.: Евразия, 2000. 375 с.

вариантов образа будущего, поскольку метакогнитивные координации (путем метапроцедур поворота и рекурсии) допускают существование множества конструкторов «Я» и «другие» в метальных пространствах субъекта.

Н. А. Бернштейн разработал кольцевые модели построения движений и действий. Эти модели насыщены когнитивными функциональными узлами, каждый из них имеет свою постоянную времени и систему прямых и обратных связей друг с другом. Внутри любого движения или предметного действия существует механизм рефлексии. Материалом для нее служит сопоставление того, что было, с тем, что есть, и дальнейшее сопоставление того, что есть с тем, что должно быть достигнуто, т.е. это сопоставление исходного замысла со смыслом и значением достигнутого. После чего возможны либо продолжение действия, либо уточнение замысла и организация нового действия по его достижению. Иначе говоря, на каждом этапе развертывания действия присутствует замысленный до его начала будущий результат (смысл двигательной задачи по Н. А. Бернштейну) или модификация последнего, сделанная по ходу осуществления действия. Это означает, что на каждом этапе развертывания действия существует его прошлое, настоящее и будущее. Потеря замысла и его будущего результата прекращает действие, либо превращает его в моторные персерверации¹⁶⁶.

Специальная форма моторной рефлексии, также содержащая темпоральную компоненту, состоит в том, чтобы сопоставить смысл двигательной задачи не только с условиями ее выполнения, т.е. с ситуацией, но также и с собственными возможностями действия в ситуации достижения цели. «Материал» для этой формы рефлексии составляют обнаруженные Н. Д. Гордеевой две формы чувствительности, которыми обладает живое движение: чувствительность к ситуации и ее динамике и чувствительность к собственному исполнению, к его возможностям. Они чередуются с частотой смены 5-6 раз в секунду. Первая форма рефлексии может быть названа смысловой, предметно-содержательной: что было, что есть, что будет, что должно быть; вторая - операциональной,

---

¹⁶⁶ Бернштейн А. Н. Физиология движений и активность. М.: Наука, 1990. 494 с.

мотивационно-энергичной: смогу – не смогу, успею – не успею, надо – не надо. Однако, на наш взгляд, эти две формы, скорее, различные аспекты единого рефлексивного акта. Правильнее говорить о цепочках рефлексивных актов, разворачивающихся по ходу выполнения хотя и единого, но сукцессивного, дискретного, пошагово выполняемого действия. Его единство обеспечивается симультанно парящим над ним смыслом и образом потребного будущего¹⁶⁷.

В вероятностно организованной среде, в которой протекает жизнь человека, прошлый опыт не дает возможности однозначно предсказать, что произойдет дальше. Человек реагирует адекватно той ситуации, которая воспринимается как наиболее вероятная. Это меняет наше отношение к памяти. Если традиционно она понималась как функция, обращенная в прошлое, то с изложенных позиций память есть функция, обращенная в будущее. Именно она делает возможным вероятностный прогноз будущих событий. Н. А. Бернштейн назвал это моделью потребного будущего. Можно выделить несколько уровней прогнозирования:

- Прогноз постороннего – подробный прогноз человека, когда он наблюдает нечто через закрытое окно – мы можем прогнозировать результаты, но не можем на него влиять.

- Наличие плана действий – когда человек является участником событий и осуществляет действия для того, чтобы будущее стало не таким, каким оно, вероятнее всего, будет, если он ничего не предпримет. При этом активность индивида направлена на внешнюю среду в целом.

- Наличие другого субъекта, имеющего отличные цели и намеренного их осуществить. В этом случае возникает необходимость прогнозировать не только собственное поведение, но и поведение другого¹⁶⁸.

Образ будущего можно рассматривать как модель, т.е. как чисто информационное понятие, на которое распространяются закономерности, свойственные информации. Любая модель – это не простое отражение внешнего

---

¹⁶⁷ Гордеева Н. Д. Продуктивный хаос как условие порождения совершенного действия // Вопросы психологии. 2007. № 3. С. 116-126.

¹⁶⁸ Бернштейн Н. А. Биомеханика и физиология движений. М.: Московский психолого-социальный ин-т, 2008. 687 с.

мира, а его отображение, связанное рядом последовательно проводимых нелинейных операций сворачивания информации. При этом отображение носит нелинейный характер и обратное восстановление может быть не единственным¹⁶⁹. С точки зрения Е. Ю. Артемьевой содержанием сознания являются «следы деятельности», по форме фиксации которых она выделяет:

1. Перцептивный мир – множество упорядоченных относительно друг друга объектов, среди которых и тело субъекта. Кроме четырех координат пространства и времени перцептивный мир характеризуется еще значениями и смыслами.

2. Семантический слой – зафиксированные в виде многомерных отношений следы взаимодействий с объектами, атрибутированные оценками. Это «картина мира».

3. Слой амодальных структур – самый глубокий слой, формируемый при участии понятийного мышления, содержащий «образ мира». Этот слой характеризуется высокой статичностью, его элементы есть не образы объектов, а образы отношений к ним¹⁷⁰.

Каждый из этих слоев представлен в образе будущего. Перцептивный слой – это часто разрозненные «картинки», отражающие стремления человека; семантический слой отражает возможные пути и способы достижения отдаленных жизненных целей; слой модальных структур отражен в форме отдаленных жизненных целей и смыслов.

Близкой точки зрения придерживается В. П. Серкин, который оперирует понятиями «образ мира» и «образ жизни» и подчёркивает существование специфических закономерностей между характером деятельности человека (в том числе трудовой) и его образом мира. При этом процессы профессионализации определяются именно особенностями предметно-неспецифического (бытийного) смыслообразования, осуществляемого на уровне глубинного ядерного слоя образа мира¹⁷¹.

---

¹⁶⁹ Боровских А. В., Розов Н. Х. Деятельностные принципы в педагогике и педагогическая логика. М.: МАКС Пресс, 2010. С. 69-91.

¹⁷⁰ Артемьева Е. Ю. Психология субъективной семантики. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 204 с.

¹⁷¹ Серкин В.П. Профессиональная специфика образа мира и образа жизни // Психологический журнал. 2012. Т. 33, № 4. С. 78-90.

В настоящее время все большее распространение получает голографическая модель психики, в рамках которой выделяют следующие характеристики психической реальности: непрерывность (недизъюнктивность); процессуальность; целостность психического процесса; общее познается раньше частей, генерализация предшествует дифференциации; резонансные (симультанные) взаимодействия в психике первичны по отношению к последовательным (сукциссивным); стабильность актуального образа мира во времени (в том числе и образа будущего)¹⁷².

О. В. Соловьев считает, что одной из первичных функций психики человека, в частности его сознания, является функция моделирования будущего. Если человек является открытой, диссипативной, нелинейной и неравновесной системой, то психическое моделирование будущего оказывается наиболее эффективным средством достижения устойчивого динамического неравновесия такой живой системы со стохастической флюктуирующей средой, которое является условием жизни и саморазвития¹⁷³.

Сложность феномена образ будущего породила существование множества смежных понятий. Остановимся несколько подробнее на них. Близким образу будущего понятием является «предвосхищение», которое понимается как:

- Способность человека представить возможный результат действия до его осуществления (В. Вундт)¹⁷⁴.
- Способность организма человека или животного подготовиться к реакции на какое-либо событие до его наступления, обеспечиваемая акцептором результатов действия (П. К. Анохин)¹⁷⁵.
- Образ потребного будущего (Н. А. Бернштейн)¹⁷⁶.
- Возможность мышления человека представить способ решения проблемы до того, как она реально будет решена (А. В. Брушлинский)¹⁷⁷.

¹⁷² Пригожин И. Р. Кость еще не брошена // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. М.: Прогресс – Традиция, 2002. С. 15-22.

¹⁷³ Соловьёв О. В. О функции семиотической связи объективного мира и «мира человеческой психики» // Мир психологии. 2014. № 2. С. 201-212.

¹⁷⁴ Вундт В. М. Введение в психологию. М.: URSS, 2007. 167 С.

¹⁷⁵ Анохин П. К. Философские аспекты теории функциональной системы. М.: Найка, 1978. 399 с.

¹⁷⁶ Бернштейн А. Н. Физиология движений и активность. М.: Наука, 1990. 494 с.

Э. Берн в работе «Принципы группового лечения» определил жизненный сценарий как «неосознаваемый план жизни». Позже, в книге «Что вы делаете после того, как сказали «Привет» он дал более развёрнутое определение: «план жизни, который составляется в детстве, подкрепляется родителями, оправдывается последующими событиями и завершается так, как было предопределено с самого начала». Главные особенности сценария:

- Сценарий включает в себя развёрнутый план всей жизни с несколькими этапами.
- Сценарий ведёт к развязке. Все остальные части сценария «работают» на финал.
- Сценарий является результатом решения, т.е. он индивидуален и может существенно отличаться у разных людей, формировавших свои сценарии в идентичных обстоятельствах.
- Значимые взрослые (родители) адресуют ребёнку послания («драйверы»), на основе которых он делает умозаключения. Эти послания могут быть как вербальными, так и невербальными. Именно они влияют на принятие решения¹⁷⁸.

Современные трансактные аналитики говорят о возможности формирования автономного сценария жизни (или сценария победителя). Психосоматологи рассматривают здоровый стиль жизни как необходимую составляющую биопсихосоциодуховной парадигмы успешности в целом. По их мнению сценарный анализ позволяет разрабатывать гибкие долгосрочные планы. Изначально этот метод разрабатывался военными разведками. Он предполагает первоначальную разработку системы стимуляторов; учёт нелинейных контуров обратной связи; включение трудно формализующихся факторов. В результате разрабатывается несколько правдоподобных сюжетных линий, которые называют динамическим сценарием¹⁷⁹.

¹⁷⁷ Брушлинский А. В. Избранные психологические труды. М.: Институт психологии РАН, 2006. 623 с.

¹⁷⁸ Жильцова О. А., Самоненко Ю. А. Трансактный анализ Э. Берна: новое прочтение // Мир психологии. 2016. № 4 (88). С. 256-261.

¹⁷⁹ Никоненко Н. В. Взаимосвязь Эго-состояния личности и мотивации успеха // Мир педагогики и психологии. 2018. № 1 (18). С. 107-112.

Л. В. Сохань предложила термин «жизненная программа личности» – это своеобразная матрица жизненных целей, соотнесенная со всей жизнью индивида, это система решений, психологических установок субъекта, отражающая его потребности, уровень духовного развития и нравственной зрелости, направленная на изменение самого субъекта, на изменение и сохранение его общественного положения при данных или предполагаемых обстоятельствах. Характеристиками жизненной программы личности являются ее цельность и целостность¹⁸⁰.

По мнению И. С. Кона, «жизненный план возникает, с одной стороны, в результате обобщения целей, которые ставит перед собой личность, как следствия построения «пирамиды» ее мотивов, становления устойчивого ядра ценностных ориентаций. С другой стороны, когда предметом размышления становится не только конечный результат, но и способы его достижения, путь, которым намерен следовать человек и те объективные и субъективные ресурсы, которые ему для этого понадобятся. В отличие от мечты, которая может быть как активной, так и созерцательной, жизненный план – это план деятельности»¹⁸¹. В отличие от жизненных планов, жизненные программы фиксируют наиболее фундаментальные цели и выборы субъекта и могут быть ориентированы на перспективу без жесткого определения сроков выполнения.

Л. И. Анциферова считает, что описание возможного будущего осуществляется на основе имеющегося жизненного опыта, т.е. детерминировано прошлым человека. Опыт может быть ригиден, но он всегда уникален и представляет интеграцию жизненного пути субъекта¹⁸². В противовес ей, Е. В. Сараева утверждает, что с точки зрения теории прогнозирования, судить о будущем можно только экстраполируя выявленные к моменту прогноза тенденции развития, т.е. прогноз основан на настоящем¹⁸³. Проблема самопрогнозирования связана с осознанием человеком своих возможностей, со

---

¹⁸⁰ Сохань Л. В. Жизненный комфорт как творческий проект личности: духовное измерение // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. XI, № 4 (51-52). С. 156-167.

¹⁸¹ Кон И. С. Ребёнок и общество. М.: РГБ, 2008. С. 54.

¹⁸² Анциферова Л. И. Методологические проблемы формирования и развития личности. К психологии личности как развивающейся системе // Психология формирования и развития личности. М.: Наука, 1981. 365 с.

¹⁸³ Сараева Е. В. Самопрогнозирование как механизм саморазвития // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2006. № 15. С. 86-90.

способностью мобилизовать их, определить способы достижения целей, учесть общественные потребности и соотнести с ними свои желания. Возможность первична, а будущая действительность вторична. Действительность – часть того, чем она могла бы быть. Таким образом, возможность есть фактор детерминации будущего. Л. А. Регуш отмечает вариативность и системное строение процессов прогнозирования¹⁸⁴.

Е. И. Головаха вводит понятие «стратегия жизни» (деятельности и достижений) – картина будущей жизни в сложной противоречивой взаимосвязи планируемых и ожидаемых (например, потери и неудачи) событий, с которыми человек связывает социальную ценность и смысл жизни¹⁸⁵. П. Герстман выделяет в жизненном плане две разные категории целей:

- Конечные (идеальные) цели представляют собой идеалы, понимаемые как ценности, они стабильны.
- Вспомогательные (реальные, конкретные) цели характеризуются конкретностью и достигаемостью. Они могут изменяться в зависимости от успехов и неудач.

В соответствии с этими категориями он определил следующие типы формулирования жизненных планов:

- с использованием исключительно идеальных жизненных целей;
- с использованием исключительно конкретных жизненных целей;
- с преобладанием тех или других.

Развивая идеи П. Герстмана, М. Р. Гинзбург предложил разделять временное будущее и смысловое будущее. Исследования временной перспективы имеют принципиальные ограничения, связанные с тем, что в них психологическое будущее мыслится линейно, накладывается на хронологическое время. Смысловое же будущее (ценности) ортогонально временной оси, независимо от нее¹⁸⁶.

¹⁸⁴ Регуш Л. А. Психология прогнозирования: успехи в познании будущего. СПб: Речь, 2003. 351 с.

¹⁸⁵ Головаха Е. И., Кроник А. А. Психологическое время личности. М.: Смысл, 2008. 267 с.

¹⁸⁶ Гинзбург М. Р. Жизненное поле личности // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2016. № 3. С. 77-83.

Н. А. Пастернак ввел близкое образу будущего понятие внутренний план действия, который, по его мнению, является одним из наиболее важных показателей общего развития психики человека. Это развитие опирается на генетически заложенную потенцию и происходит в процессе овладения содержанием опыта, представляющим собой его инвариант, т.е. напрямую связано с процессами усвоения социального опыта. Посредование поведения образом может происходить в двух вариантах: образ может быть дан в виде образца поведения конкретного лица, либо в виде обобщенного правила взаимоотношений. Причем усвоение образов, ориентирующих поведение, проходит определенный путь от конкретных, наглядных ко все более обобщенным и отвлеченным¹⁸⁷.

О. К. Тихомиров выдвинул идею понимания психики как инструмента порождения новой реальности и разработал смысловую теорию мышления. Мышление возникает, когда прошлый опыт оказывается недостаточным, а устоявшиеся в определенных ситуациях алгоритмы поведения не срабатывают в проблемных ситуациях, которые отличаются неопределенностью по отношению к прошлому опыту (модель «свободной инициации мышления»). Данный подход позволяет изучать надвитуативное «апрактичное», сверхадаптивное, сверхнормативное поведение человека¹⁸⁸.

В. Е. Ключко утверждает, что процесс отражения отличается избирательностью, которая определяется на уровне условий, детерминирующих возможность взаимодействия¹⁸⁹. Упорядоченность же процессов обеспечивается законом ограничения взаимодействий. Причиной взаимодействия является соответствие. Одновременно с природными качествами объекта в целостном акте отражения одновременно и неотрывно от них отражаются минимум два системных качества: смысл (предметно-системное качество) и ценность (системно-интегративное, наиндивидуальное). В итоге происходит переход от

¹⁸⁷ Пастернак Н. А. Внутренний план действия как показатель общего развития личности // Вопросы психологии. 2001. № 1. С. 82-90.

¹⁸⁸ Тихомиров О. К. Психология мышления. М.: Academia, 2008. 288 с.

¹⁸⁹ Ключко В. Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ). Томск: Томский государственный университет, 2005. 174 с.

принципов отражения к принципу порождению особой психологической (не психической) онтологии, представляющей собой системный конструкт, который опосредует взаимоотношения между человеком и миром «чистой» объективности («амодальным миром» - А. Н. Леонтьев), что и обеспечивает возникновение индивидуальной действительности человека.

О. М. Краснорядцева отмечает, что основной функцией мышления в реальной жизнедеятельности является разрешение противоречия между образом мира и образом жизни. Для представления будущего времени жизни в субъективной картине жизненного пути субъект обладает способностью воображения – антиципации. Она выражается в таких формах как мечта, цели жизни, жизненные планы, предвидения. Наличие целевых структур большинством психологов признается условием нормального, здорового развития личности на жизненном пути¹⁹⁰. Развивая идеи О. К. Тихомирова, О. Н. Арестова вводит понятие цели как сознательного образа будущего результата действия, который имеет многоуровневую детерминацию. С одной стороны, сформированная цель – это некоторый рациональный прогноз (предвосхищение) результата собственной деятельности, основанный на систематизации прошлого жизненного опыта. С другой стороны, предвосхищаемый результат – это своего рода предметная кристаллизация мотива, побуждающего деятельность субъекта. Таким образом, цель является специфическим результатом взаимодействия мотивационно-смысловой и рациональной сфер мыслительной деятельности человека. В итоге она употребляет термин «перспективное целеполагание» - процесса формирования и уточнения некоторого гипотетического психического образования, которое она называет пред-целью. Пред-цель имеет обобщенный характер формулировки; большую гибкость и лабильность; умозрительный, доситуативный статус. Прежде чем стать реальной целью, пред-цель подвергается особому рода оценке, после чего она либо реализуется в деятельности субъекта, либо дискредитируется. Таким образом, направленность в будущее, по мнению

---

¹⁹⁰ Краснорядцева О. М. Рефлексия как условие актуализации мотивопорождающих смыслов в процессе профессиональной подготовки // Психология обучения. 2008. № 3. С. 68-74.

автора данной теории, является основным механизмом целесообразного поведения¹⁹¹.

При обращении к проблеме изучения психологического времени и его структуры, анализа отдельных компонентов прошлого настоящего и будущего исследователи рассматривают следующие понятия и феномены:

1. Планирование личностного времени – структурирование будущего и установление его целевой, смысловой и временной связи с настоящим¹⁹².

2. Проектирование жизненных стратегий – самоопределение в пространстве способов достижения жизненных целей¹⁹³.

3. Временная регуляция поведения в процессе жизнедеятельности – это системный процесс, обеспечивающий адекватную условиям изменчивость, пластичность жизнедеятельности субъекта на любом ее уровне¹⁹⁴.

4. Смысл жизни – это не только жизненная цель, а психологическая «кривая» ее постоянного осуществления. Это способность субъекта переживать ценность жизни, жизненных проявлений своей личности, удовлетворяться ими¹⁹⁵.

5. Осознание смысла жизни возможно через действие механизмов временной децентрации. Это способность взглянуть на свою жизнь с любой временной позиции, с любого хронологического момента своей жизни, порой даже с точки зрения момента, выходящего за пределы собственной жизни¹⁹⁶.

6. Переживание времени – системное субъектно-мотивированное отражение и преобразование объективной структуры и метрики времени, формирование субъективно значимой модели психологического времени¹⁹⁷.

---

¹⁹¹ Арестова О. Н. Развитие представлений о роли мотивации в мыслительной деятельности // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2008. № 2. С. 128-139.

¹⁹² Серенкова В. Ф. Типологические особенности планирования личностного времени: автореф. дис. канд. психол. наук: 19.00.01. М.: Ин-т психологии РАН, 1991. 21 с.

¹⁹³ Кормакова В. Н. Проектирование жизненных стратегий как условие профессионально-личностного самоопределения старшеклассников // Образование и общество. 2015. № 1. С. 55-58.

¹⁹⁴ Павлова Т. А. Картина мира личности студентов высшей школы. М.: Пед. общ-во России, 2010. 152 с.

¹⁹⁵ Леонтьев Д. А. Субъективная семантика и смыслообразование // Вестник МГУ, сер. 14 Психология. 1990. № 3. С. 15-23.

¹⁹⁶ Мудрак В. И., Павлова Т. А. Процессы целеполагания и организации времени студентов высшей школы // Психология личности и время жизни человека. Черновцы: Наука, 1991. С. 85-93.

¹⁹⁷ Шевченко Т. М. О роли прогнозирования в определении жизненного пути личности. Пятигорск: Пятигорский государственный университет. <http://sworld.com.ua>.

7. Биографическая память личности. В процессе реконструкции субъект концептуализирует свое прошлое, стремится последовательно изложить воспоминания, подвергая их внутренней цензуре¹⁹⁸.

8. Психологический возраст личности – переживаемый или осознаваемый человеком индивидуальный возраст, который зависит от ощущения груза прожитых лет, психофизиологического состояния организма и состояния внешности¹⁹⁹.

В нашей стране широкую известность получил функционально-динамический подход, который предполагает изучение образа будущего через функционирование личности в жизненном пути и через исследование тех высших динамических качеств, которые связаны с определением личности как субъекта жизнедеятельности. К числу таких характеристик относятся активность, личностная зрелость, интегративная способность и т.д. В качестве основных единиц изучения образа будущего К. А. Абульханова выделяет не предполагаемые события или ситуации, а три взаимосвязанные структуры:

- жизненную позицию – обобщенный, установленный на основе самоопределения по отношению к объективным условиям, обстоятельствам ценностный способ жизни личности; это потенциал развития и совокупность ее возможностей;

- жизненную линию – способ жизненного движения, изменения и развития; ей присуща пролонгированность и ценностность; ее основой является непрерывная обратная связь результатов предшествующего этапа (решения, поступка, поворотного момента) с последующим;

- смысл или концепцию жизни – ценностный способ обобщения, целеполагания в жизни²⁰⁰.

В деятельностном подходе неосознаваемые мотивы и смысловые установки личности рассматриваются как нереализованные предрасположенности к

---

¹⁹⁸ Логинова Н. А. Психобиографический метод исследования и коррекции личности. Алматы: «Казак университети», 2001. 172 с.

¹⁹⁹ Зейгарник Б. В. Психология личности в норме и патологии. М.: Изд-во Моск. психол-соц. ин-та, 2007. 415 с.

²⁰⁰ Абульханова К. А. Личностная организация времени жизни // Мир психологии. 2011. № 3. С. 93-104.

действиям, детерминируемым тем желаемым будущим, ради которого осуществляется деятельность и в свете которого различные поступки и события приобретают личностный смысл. Б. С. Братусь утверждает, что будущее в целом определяется смысловыми образованиями личности, но для самого субъекта будущее предстает в виде целей. Цель определяется как осознанно предвосхищаемый результат деятельности, модель «потребного будущего»²⁰¹.

Н. Роуз разработал концепцию функциональной роли контрфактического мышления или контрфактов (представлений об альтернативном реальности исходе события). Они формулируются в форме сослагательных предложений типа «если бы..., то...». Выделяют два типа контрфактов:

1. Идущие вверх, когда нынешнее состояние рассматривается как худшее по сравнению с тем, что могло бы быть. Они ухудшают эмоциональные состояния, но приводят к относительному улучшению последующей деятельности.

2. Идущие вниз, когда нынешнее состояние рассматривается как лучшее по сравнению с тем, что могло бы быть²⁰².

Т. Коттл и А. Рабин исследовали временную перспективу, понимая под ней способность личности действовать в настоящем в свете предвидения сравнительно отдаленных будущих событий. Ими было обнаружено, что на диапазон и событийное содержание временной перспективы воздействуют такие факторы как уровень интеллекта и тревожности личности^{203, 204}.

Нидерландский социолог Ф. Полак употребил термин «The Image of the Future» и понимал под ним «позитивную модель желаемого будущего». Это набор связанных идеальных элементов психики, которые отражают объекты внешнего мира во взаимосвязи между ними. Он считал, что наши субъективные образы будущего определяют реальный ход событий²⁰⁵.

---

²⁰¹ Братусь Б. С. Общая психология на фоне знаков современности // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2007. № 3. С. 96-101.

²⁰² Roese N. J. Counterfactual thinking // Psychological Bulletin. 1997. Vol. 121. P. 133-148.

²⁰³ Cottle T. J. Perceiving time: a psychological study with men and women. New York: Willey, 1976. 267 p.

²⁰⁴ Rabin A. I. Future Time perspective and ego strength / In: The study of time III. New York: Springer – Veglag New York Inc., 1978. 294 p.

²⁰⁵ Желтикова И. В. Образ будущего в интерпретации Ф. Полака // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2013. № 3 (23). С. 15.

Говоря о временной перспективе, следует упомянуть исследования Б. В. Зейгарник, которые на жизненном и клиническом материале показали, что психологический возраст личности зависит от направленности мотивации на прошлое («ретроспективная направленность мотивации») или на будущее («проспективная направленность») ²⁰⁶.

Ж. Ньюттен считает необходимым наряду с временной перспективой (которая базируется на когнитивных репрезентациях) рассматривать и пространственную перспективу (опирающуюся на зрительное восприятие). В сумме они связывают человека с событиями, вне зависимости от их объективного, реального присутствия. В результате под временной перспективой он понимает «конфигурацию темпорально локализованных объектов, виртуально заполняющих сознание в определенной ситуации» ²⁰⁷. Он рассматривает временную перспективу как иерархию целей личности. По мнению автора, это есть последовательность событий с определенными интервалами между ними, отраженная в восприятии, в сознании человека в некоторый конкретный момент времени. При этом временная перспектива, в отличие от пространственной, может быть представлена только ментально, в сознании человека. «Виртуальное» присутствие во внутреннем плане разноудаленных во времени объектов – целей создает временную перспективу, которая выступает, таким образом, как функция составляющих ее мотивационных объектов, которые определяют ее глубину, структуру, степень реальности, содержательные характеристики и т.п.

Идеи индивидуализации образа будущего, индивидуальной истории и биографии личности были выдвинуты еще Ш. Бюлер, которая была сторонницей принципа типизации и даже стандартизации возможного будущего, теории жизни, универсальной для всех людей (с теми или иными вариациями). Однако в ходе исследований жизненного пути она смогла структурировать только социологические (образование, профессия, карьера) и онтогенетические (детство, юность зрелость и т.д.) характеристики. Наложение же онтогенетической

²⁰⁶ Зейгарник Б. В. Психология личности в норме и патологии. М.: Изд-во Моск. психол-соц. ин-та, 2003. 415 с.

²⁰⁷ Ньюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего./ Под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004. С. 367.

матрицы на социологическую приводит к малопродуктивным утверждениям, что один проходит определенный социальный этап в более раннем, другой - в более позднем возрасте. Не удалось раскрыть то, каковы личностные различия в способах формирования образов социальных структур, событий и т.д.²⁰⁸.

Современные психологи немало знают об основных условиях возникновения, различных формах, в которых он (образ будущего) проявляется, свойствах личности, детерминирующих его специфику и т.п. Однако, сегодня любому вдумчивому исследователю уже ясно, что проблему образа будущего следует рассматривать не только как познавательную, но гораздо шире – как способ бытия человека в мире и понимания им этого мира. Такой методологический принцип приобрел устойчивые очертания к концу XX в. В его основания были положены размышления крупнейших мыслителей прошлого столетия – философов, психологов, социологов и др. В психологии эта позиция связана, прежде всего, с развитием экзистенциального подхода и формированием психологии человеческого бытия как относительно самостоятельной области психологической науки.

Ф. Е. Василюк с позиции общепсихологической теории деятельности А. Н. Леонтьева ввел в психологический оборот понятие жизненного мира, которое было поддержано и развито Д. А. Леонтьевым²⁰⁹. Онтология жизненного мира описывается ими в контексте детерминации жизни миром, опосредующей роли деятельности субъекта при детерминирующих воздействиях объективной реальности на субъективную. При этом подчеркивается двойственность качественной определенности вещей. В отношении человека вещь приобретает новое качество: она становится предметом человеческой деятельности и выполняет функции ее мотива. Вопрос же об иницирующих потенциях человека к миру, о том, благодаря чему и каким именно образом он создает свой жизненный мир, является наименее проработанным в теоретическом отношении.

---

²⁰⁸ Derobertis E. M. Charlotte Bühler's existential-humanistic contributions to child and adolescent psychology // Journal of Humanistic Psychology. 2006. Vol. 46, № 1. P. 48-76.

²⁰⁹ Василюк Ф. Е. Модель хронотопа в психотерапии // Московский психотерапевтический журнал. 2009. № 4 (63). С. 26-49.

Лишь в XXI в. происходит понимание актуальности этой проблемы²¹⁰. Учет иницилирующих потенций человека к миру создает необходимость расширить, во-первых, представление об онтологии жизненного мира, во-вторых, об источниках его детерминации²¹¹.

Кроме планируемых событий, жизненная перспектива включает и события, которые можно ожидать, а не планировать, вызванные объективными, не зависящими от личности обстоятельствами. В. Н. Украинец называет одним из проявлений объективных оснований жизненной перспективы личности осознание человеком конечности индивидуального существования. То есть жизненная перспектива помимо потенциальной возможности выступает и как неизбежность следования определенных событий, изменений в будущей жизни личности²¹².

В. Франкл выделил три класса ценностей, которые позволяют сделать жизнь человека осмысленной и, на наш взгляд, имеют прямое отражение в образе будущего: ценности труда (творчества) – что мы даем миру; ценности отношения – что мы берем у мира в форме встреч и опыта; ценности переживания – позиция по отношению к страданию, по отношению к судьбе, которую мы не можем изменить²¹³.

Создатель эмоционально-когнитивной теории мысли и действия А. Бандура, разрабатывая проблему эффективности жизни и деятельности личности, выделяет в структуре самоэффективности ряд способностей, опирающихся на саморефлективные процессы. Таковы способности присваивать себе, считать исходящими от себя успешные действия, формировать убеждения в собственной эффективности, удерживать позитивную самооценку. Интеграл этих способностей – «позитивную самоэффективную мысль» – он считает необходимым условием продуктивной активности человека на протяжении всей жизни. Личностей, высоко развивших у себя качества самоэффективности, он называет продюсерами или режиссерами-постановщиками. Если люди, не

---

²¹⁰ Зинченко В. П. Время - действующее лицо // Вопросы психологии. 2001. № 6. С. 36-55.

²¹¹ Дорфман Л. Я. Будущее, возможности и причины // Мир психологии. 2013. № 2. С. 16-29.

²¹² Украинец В. Н. Жизненные перспективы личности // Жизненный путь личности. Киев: Наукова думка, 1987. С. 217-225.

²¹³ Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Смысл, 2012. 368 с.

доверяющие себе, присваивающие главным образом неудачи и промахи, могут лишь предвидеть свое будущее, то верящие в себя субъекты преимущественно создают свое будущее²¹⁴.

С точки зрения А. Маслоу зрелая личность должна обладать спонтанностью, способностью к экспрессии, незапланированности, произвольности, доверию, непредсказуемости, творчеству и т.д. Соответственно жизненные цели и образ будущего должны включать в себя элементы неопределенности, а сама личность должна быть готова действовать в условиях неизвестности²¹⁵.

В экзистенциальной перспективе исследований подчеркивается роль смысла и выбора в активном созидании человеком обстоятельств своей жизни. Человек создает свои цели, выбирая среди различных возможностей, и, в наилучшем случае, упорядочивает их так, чтобы достичь максимальной осмысленности и удовлетворения в жизни и минимизировать конфликт между ними. Ядром экзистенциалистской позиции являются направленность и выбор. Личные стремления, будучи индивидуальными целями, отражают выборы, которые делают люди, направляя свою жизнь к достижению одних последствий и избегая других²¹⁶.

Б. Р. Литтл ввел схожее понятие «личный проект» (personal projects), ведущее свое происхождение от предложенного Г. Мюрреем понятия «серийные программы»²¹⁷. Это суть последовательность взаимосвязанных действий, ведущая к достижению личной цели. Вокруг них организуется повседневная деятельность. Это понятие, по его мнению, связывает индивида с социальным контекстом. В целом он выделял три типа контекстов, необходимых для понимания действия: интенциональный контекст, в котором можно различить цели, лежащие в основе проекта; системный контекст, т.е. соотношение проектов друг к другу в рамках

²¹⁴ Бандура А. Теории социального научения. М.: Евразия, 2000. 375 с.

²¹⁵ Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл – Альпина нон-фикшн, 2011. 512 с.

²¹⁶ Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. М.: Класс, 2014. 472 с.

²¹⁷ McGregor Ia., Little B. R. Personal projects, happiness, and meaning: on doing well and being yourself // Journal of Personality and Social Psychology. 1998. Vol. 74, is. 2. P. 494-512.

системы проектов; экологический контекст, т.е. окружение и историческая обстановка, в которых происходит действие.

Понятие жизненных задач (life tasks) ввел Р. Кантор в рамках социально-когнитивного подхода, делающего акцент на способности к различению, гибкости и целях как познавательных структурах, способствующих решению задач в контекстах повседневной жизни²¹⁸. Теория контроля²¹⁹ имеет дело с процессом стремления к достижению цели и отношением между этим стремлением и аффективными организмическими последствиями. Цели – это динамические единицы, организация которых обладает природной иерархичностью. Данная теория утверждает, что цели и виды поведения, принадлежащие к нижеследующим уровням иерархии, подчиняются более общим целям более высокого уровня.

Р. Эммонс активно разрабатывает относительно новое направление - психологию возможностей и человеческого потенциала, в рамках которой он ввел конструкт «личных стремлений» - индивидуализированных целей, отражающих типичные или характерные задачи, которые человек стремится выполнять в своем повседневном поведении. Он считает необходимым понимание структурных, процессуальных и содержательных аспектов целей. Жизнь людей структурируется вокруг погони за реализацией побудительных мотивов – целей, которых мы стремимся достичь, сохранить или избежать²²⁰.

Особо в образе будущего он выделял личные цели (personal goals), доступные для осознания и артикулированные человеком. Близкими понятиями являются текущие интересы (current concerns), жизненные задачи (life tasks), личные проекты (personal projects), личные стремления. Эти характеристики являются когнитивными, поскольку они организованы вокруг мнений людей о себе и своих взаимоотношениях, своей биографии и идентичности, а также своих задачах и интересах, которые придают жизни смысл.

---

²¹⁸ Cantor N. From thought to behavior: "Having" and "doing" in the study of personality and cognition // American Psychologist. 1990. Vol. 45. P. 735-750.

²¹⁹ Carver C. S., Scheier M. F. On the self-regulation of behavior. New York: Cambridge University Press, 1998. 240 p.

²²⁰ Эммонс Р. Психология высших устремлений: мотивация и духовность личности / Пер. с англ.; Под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004. 416 с.

Д. Форд и С. Николс, специалисты в области психологии развития, замечают, что способность человека «осознавать и преследовать цели проявляется в повседневном опыте... и придает человеческой жизни осмысленность и целенаправленность»²²¹.

Размышляя о назревающих тенденциях в эволюционной психологии, Д. М. Бусс утверждает: «Следующее десятилетие психологических исследований станет свидетелем резкого роста внимания, уделяемого стратегиям, тактикам и целям как основным единицам анализа в психологии личности. Открытие глубинных, видотипических структур целей станет наиболее крупным и устойчивым достижением науки»²²². Он подчеркивает значимость эволюционных целей, таких как приобретение партнера, установление иерархий доминирования, формирование взаимных альянсов и другие социальные цели, имеющие эволюционное значение.

Дж. Остин и Дж. Ванкувер рассматривают целевые конструкты как в прикладной, так и в фундаментальной перспективе в рамках понятий структуры, процесса и содержания. Целевая структура включает в себя параметры целей, их свойства и организацию; целевые процессы заключаются в полагании, планировании, преследовании и пересмотре целей; целевое содержание подразумевает категоризацию целей согласно таксономии. В итоге они определяют цели как внутренние репрезентации желаемых состояний, причем состояния понимаются весьма широко как результаты, события и процессы²²³.

Е. Клингер говорит, что образ будущего суть основная составляющая жизни, поскольку в отсутствии его жизнь не могла бы существовать. Он описывает эту базовую реальность как «императив намерения» и приводит свидетельства, доказывающие наличие во всех живых системах базовой тенденции стремления к цели. В частности, человеческий мозг создан для

---

²²¹ Ford D., Nichols C. A taxonomy of human goals and some possible applications // In Ford M. E., Ford D. H. (Eds.) *Humans as self-constructing living systems: Putting the framework to work*. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1987. P. 292.

²²² Buss D. M. Evolutionary psychology: A new paradigm for psychological science // *Psychological Inquiry*. 1995. Vol. 6. P. 1-30.

²²³ Austin J. T., Vancouver J. B. Goal constructs in psychology: Structure, process, and content // *Psychological Bulletin*. 1996. Vol. 120. P. 338-375.

целенаправленной жизни, а жизнь как таковая есть фактически непрерывный поток преследования целей²²⁴.

Согласно темпоральной концепции Ф. Зимбардо временная перспектива используется человеком для кодирования, хранения и актуализации его опыта, бытия и для выстраивания ожиданий, целей, вероятных планов и воображаемых сценариев. Она рассматривается, с одной стороны, как ситуационно-детерминированный, а с другой стороны – как относительно стабильный процесс, т.е. как черта личности. Ф. Зимбардо выделил шесть типов временной ориентации:

1. Ориентация на прошлое, на опыт уже принятых решений:

- Негативное прошлое как необходимость в постоянной проверке правильности выбранной стратегии поведения.

- Позитивное прошлое как основанное на опыте семьи, друзей, предполагающее ориентацию на социальные нормы.

2. Ориентация на настоящее – на быстрое удовлетворение потребностей:

- Гедонистическое настоящее – предполагает импульсивное принятие решений.

- Фаталистическое настоящее – предполагает отсутствие перспективы будущего, восприятие жизни как тяжелой и бесперспективной.

3. Ориентация на будущее – на последствия от принятых решений:

- Оптимистическое будущее – ориентация на конкретные цели.

- Трансцендентное будущее – ориентация на конечные цели.

Ориентация конкретного человека зависит от множества факторов (культуры, религии, окружения, экономической ситуации, экологии и т.д.)²²⁵.

Современные исследования делают акцент на изучении следующих аспектов образа будущего:

- А. Барретто и Дж. Монтепер²²⁶, А. Скутери²²⁷ исследуют роль жизненных перспектив в формировании психологического возраста личности.

²²⁴ Klinger E. The search for meaning in evolutionary perspective and its clinical implications // In Wong P. T. P., Fry P. S. (Eds.) The human quest for meaning. Mahwah, NJ: Erlbaum, 1998. P. 27-50.

²²⁵ Зимбардо Ф. Время как лекарство. СПб: Питер, 2017. 288 с.

- А. Фурнхэм продолжает исследования временной перспективы Ф. Зимбардо²²⁸.

- Китайские учёные активно исследуют темпоральные ориентации личности²²⁹.

- М. К. Роур предлагает трёхфакторную модель образа будущего, которая включает в себя возможности, ожидания и ограничения²³⁰.

Известный научный интерес представляет введенное В. Е. Клочко и др. понятие индивидуальной временной транспективы – специфического психологического механизма, в опоре на который личность осуществляет субъективную регуляцию времени. Это понятие означает сквозное видение из настоящего в прошлое и будущее²³¹. Временная транспектива понимается как субъективно данное (в самосознании) образование, проявляющееся в субъективно-ценностном обобщении и отношении личности к жизни, возникающее в ходе жизнедеятельности и позволяющее осуществлять ее «чувственно-мыслительный обзор». В сознании возможна обратимость времени, которая дает возможность предвидения будущего (перспектива), возвращения к прошлому (ретроспектива) и обзора настоящего (актуалспектива). Это такой взгляд, благодаря которому каждая точка на пути развития человека (неуклонного и прогрессивного становления человеческого в человеке) понимается как место осуществления времен, их взаимопроникновения и взаимоперехода, в котором реализует себя тенденция усложнения человека как системной организации. Именно такой подход представляется нам наиболее перспективным и именно на него мы будем опираться в нашем эмпирическом исследовании.

---

²²⁶ Barrett A. E., Montepare J. M. It's about time. Applying Life Course Perspectives to a Study of Subjective Age // *Annual Review of Gerontology and Geriatrics*. 2015. Vol. 35. P. 55-77.

²²⁷ Scuteri A., Nilsson P. M. Aging Population: Challenges and Opportunities in a Life Course Perspective // *Early Vascular Aging (EVA): New Directions in Cardiovascular Protection*. 2015. P. 17-20.

²²⁸ Furnham A. *Time Perspectives // Managing People in a Downturn*. Munich: Springer, 2011. P. 194-196.

²²⁹ Li T., Tan Y. X., Gong X. M. Future Time Perspective Impacts Gain-Related but Not Loss-Related Intertemporal Choice // *Frontiers in Psychology*. 2018. Vol. 9. Article Number 523.

²³⁰ Rohr M. K. A Three Component Model of Future Time Perspective Across Adulthood // *Psychology and Aging*. 2017. Vol. 32. P. 597-607.

²³¹ Клочко В. Е. Постнеклассическая транспектива психологической науки // *Вестник Томского государственного университета*. 2007. № 35. С. 157-164.

Таким образом, мы можем констатировать, что изучение вопросов темпоральности, временной и жизненной перспективы, психологического времени личности являются одной из ключевых точек прироста современного общегуманитарного знания. При этом особый акцент в теоретических и эмпирических исследованиях делается на рассмотрении проблемы образа будущего, особенностей его структуры и специфики функционирования.

2.3. Пространственно-динамическая модель организации образа будущего

Попытки эмпирически исследовать образ будущего порождают интерес к его пространственно-динамическим характеристикам, структуре и формам проявления. По мнению З. М. Оруджева, будущее можно разделить на перспективное и ближайшее. Перспективное будущее лишено формы (структуры), оно может существовать только в виде общих основных принципов. Внешние же формы невозможно предвидеть. Оно часто существует в форме утопий. Ближайшее будущее представлено в конкретных формах, принципах и стратегиях²³².

С. А. Башкова предложила в психологических исследованиях для оценки сформированности представлений человека о своем будущем применять следующие критерии: продолжительность и дифференцированность временной перспективы, представленность ближней, средней и дальней перспективы; реалистичность; сочетание конкретности и перспективности; согласованность жизненных планов, целей ценностей; активность и самостоятельность при формировании жизненной перспективы; оптимистичность представлений о будущем²³³.

Другие авторы указывают следующие группы параметров измерения характеристик образа будущего:

---

²³² Оруджев З. М. Природы человека и смысл истории. М.: URSS, 2009. 445 с.

²³³ Башкова С.А. Особенности образа будущего у старшеклассников больших и малых городов: дис. канд. психол. наук: 19.00.01. М.: МГУ, 1999. 152 с.

- Ценностно-смысловое – мотивы, ценности, личностные смыслы, намерения.
- Когнитивное – ожидаемые или планируемые события.
- Эмоционально–оценочное – эмоции, чувства, настроения, возникающие в ответ на содержание образа будущего.
- Организационно-деятельностное – связь настоящего с будущим, способы и стратегии поведения.²³⁴

Однако предлагаемые характеристики, на наш взгляд, нуждаются в тщательной эмпирической проверке.

Цель нашего эмпирического исследования состояла в выявлении психологических уровней организации образа будущего, которые включают и самый высший – субъектный – уровень, типов личностной организации образа будущего, и получение уровневых, типологических, профессионально-возрастных характеристик профессионального и личностного развития человека. Это позволит подойти к пониманию того, как осуществляется ценностно-временная регуляция профессионального развития.

Данная цель является достижимой в случае проведения серии исследований и применения метода анализа мета-данных. Описанные в предыдущих параграфах методологические принципы позволили конкретизировать задачи эмпирического исследования:

1. Первый вопрос, стоящий перед нами, – это вопрос о сущности образа будущего.

2. Рассмотрение функциональной специфичности отдельных элементов образа будущего для уяснения характера связей и взаимодействий между ними и, тем самым, общих закономерностей структурной организации образа будущего как целого. При этом в процессе данного рассмотрения мы должны искать скорее не элементы, а единицы структуры образа будущего, которые сохраняли бы в себе его сущность как анализируемого динамического целого.

---

²³⁴ Прусова Э.В. Проблема взаимосвязи образа будущего личности с удовлетворенностью профессиональным выбором в юношеском возрасте: дис. канд. психол. наук: 19.00.01. Краснодар, 2006. 184 с.

3. Вместе с тем, этот принцип не отменяет необходимости вычленения элементов – функционально специализированных и дифференцированных структурных составляющих системы. Однако, в отличие от описательных и факторных моделей, в разрабатываемой нами системной модели критерием выделения структурных элементов должны выступать функции, осуществляемые целостной системой.

4. Конечная задача проводимого нами структурного анализа заключается в интеграции представлений об отдельных структурных составляющих образа будущего в модель его функционирования как целостной многоуровневой сложно организованной системы.

Применяемый нами в исследовании принцип системности требует преодоления парциального подхода к отдельным личностным образованиям, преодоление локального исследования отдельных актов поведения, отдельных поступков. Исследование же индивидуального образа будущего как предиктора профессионального развития подразумевает необходимость реконструкции различных содержательных сфер обыденного, житейского сознания, описание их в системе категорий, отличных от понятийных. Это есть проблема исследования различных уровней и форм репрезентации образа будущего субъекта трудовой деятельности.

В анализе содержания образа будущего в настоящий момент наиболее изученными являются формы фиксации его в языке, наименее – образы. По-прежнему мало изучено влияние эмоций на семантическую организацию значений образа будущего. Эмоциональные состояния способны трансформировать психический образ и, увеличивая субъективный вес тех или иных параметров, нарушать его предметную логику, а значит, и трансформировать его значение. Это обусловило наш подход к подбору методов исследования образа будущего с опорой как на вербальные, так и невербальные методики.

Необходимость исследования вербальной компоненты образа будущего определило наш особый интерес к определению технологии работы с текстом и

особенностей его интерпретации. М. И. Воловикова использует понятие ментального пространства и расслаивает содержание текста на самостоятельные смысловые области, очерченные рамками пространственно-временной отнесенности и семантического контекста²³⁵. Понимание такого текста есть разверстка рекурсивно вложенных друг в друга ментальных пространств. Каждое из них задает собственный смысловой контекст, обладает собственной эмоциональной окраской и диктует свои правила построения действий; оно описывает свою собственную реальность²³⁶. Для осмысления эмпирического материала, не упрощающего видения «личностного бытия и не вырывающего личность из жизненного контекста», необходимо создание концептуальной модели и поиск адекватных категорий анализа. В. Ф. Петренко признаёт в качестве языка любые системно организованные категориальные структуры. «Образы, символы могут быть организованы в устойчивую систему отношений, которая функционирует как категориальная система, дублирующая или заменяющая в некоторых случаях категориальную систему естественного языка»²³⁷. Он выделил образную и вербальную репрезентацию значений. В нашем случае данный подход позволяет рассматривать результаты вербальных и невербальных методик изучения образа будущего как адекватные друг другу и взаимодополняющие.

Анализ эмпирического материала исследования включал, в первую очередь, построение содержательной модели образа будущего. В настоящий момент намечилось две линии развития содержательных моделей:

1. Путь «жесткого» моделирования, ориентированный на уточнение и разработку процедур построения семантических пространств. В основе лежит поиск все более убедительных косвенных подтверждений (формальных следствий из поведения модели) того, что организация систем значений у субъекта имеет

---

²³⁵ Воловикова М. И. История разработки и возможности применения микросемантического анализа // Психологический журнал. 2008. Т. 29, № 2. С. 61-68.

²³⁶ Улановский А. М. Качественная методология и конструктивистская ориентация в психологии // Вопросы психологии. 2006. № 3. С. 27-38.

²³⁷ Петренко В. Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М.: Новый хронограф, 2010. С. 185.

именно ту структуру, которая заложена в модели, все более убедительных проекций свойств исходной теоретической модели на психическую реальность.

2. «Мягкое» моделирование, постулирующее только существование структурной организации значений без уточнения ее свойств. Основное внимание уделяется доказательству факта структурированности значений. Это приводит к необходимости говорить на языке изучаемого явления и фиксации вторичных свойств структуры без прямого их построения. Психология субъективной семантики предлагает модель, согласно которой структура отображения результатов не предлагается заранее, а строится в процессе изучения реальности²³⁸.

Особенностью процесса психосемантизации субъективного пространства образа будущего является привнесение персональной смысловой нагрузки в багаж характеристик атрибутируемых модальностей. Именно этим путем бессознательные содержания характеристик психической жизни индивида могут попасть в сферу сознания. Говоря об образе будущего конкретного человека, мы говорим о специфике его мировосприятия, о присущих способах категоризации действительности, о специфическом индивидуальном «языке личности». В этом смысле образ будущего всегда личностен, всегда субъективен и раскрывается только в контексте категоризации, присущей данному субъекту. Семантический анализ, который выявляет специфику категоризации мира, является, на наш взгляд, одним из наиболее адекватных методов анализа данных в нашем исследовании. Под измерением семантического пространства в широком смысле мы понимаем показ неизвестного посредством известного. В узком смысле это есть построение его модели²³⁹. Индивидуальная система значений, сконцентрированная в образе будущего, включает, наряду с позитивным знанием, заблуждения, артефакты, иллюзии житейского опыта. Имплицитная картина мира, присущая субъекту, опосредуя его восприятие и осознание мира, приобретает самостоятельный онтологический статус, влияя, даже будучи

---

²³⁸ Артемьева Е. Ю. Психология субъективной семантики. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 204 с.

²³⁹ Бусыгина Н. П. Ракурсы интерпретации в качественных исследованиях // Вопросы психологии. 2017. № 2. С. 121-133.

иллюзорной, на его реальный жизненный выбор тех или иных поступков, на все поведение в целом, на его образ будущего²⁴⁰.

В основе изучения индивидуальной системы значений образа будущего в сознании субъекта путем построения субъективных семантических пространств (системы признаков, описаний объектной и социальной действительности, определенным образом структурированной) лежат статистические процедуры, позволяющие осуществить переход к более емким единицам метаязыка семантического пространства и перейти к единицам кластерной структуры. При этом бессознательное рассматривается не как самостоятельная психическая реальность, противостоящая сознанию, а как нижележащие уровни сознания, характеризующиеся меньшей расчлененностью и рефлексивностью²⁴¹.

Семантические универсалии – это список выделенных для данного стимула координат, одинаково оцениваемых большинством однородной группы испытуемых. Они неаддитивны, неделимы и могут рассматриваться как единица анализа репрезентации личного опыта в сознании субъекта, т.е. вполне удовлетворяет требованиям к единицам анализа психического. Дальнейшая математическая обработка результатов семантического оценивания, по мнению В. П. Серкина, требует увеличения количества ничем не подтвержденных допущений²⁴². Например, использование процедур факторного анализа правомерно лишь при допущении, что для форм репрезентации опыта в сознании выполняется закон исключенного третьего, таким же допущением является метричность и мерность субъективного семантического пространства, его недискретность, выполнение законов формальной логики. Все эти допущения возможны лишь в рамках строго рационалистического описания сознания. Именно поэтому в нашем исследовании в ходе статистической обработки мы делали акцент на применении кластерного анализа.

---

²⁴⁰ Мельникова О. Т., Хорошилов Д. А. Уровни анализа данных качественного исследования // Вопросы психологии. 2010. № 3. С. 12-19.

²⁴¹ Jaszczolt K. M. Time, Perspective and semantic representation // Language and Cognition. 2018. Vol.10. P. 26-55.

²⁴² Серкин В. П. Психологические механизмы формирования образа мира // Вестник Северо-Восточного государственного университета. 2011. Т. 15, № 15. С. 58-62.

Практически любой язык построения модели объекта исследования вводит свои ограничения, обусловленные его семантикой, синтаксисом и прагматикой. Поэтому для построения модели образа будущего предпочтительнее применять наименьшее количество знаковых опосредований и наиболее гибкие знаковые системы. Таковой, на наш взгляд, является семантическая универсалия, т.к. она использует более гибкую знаковую модель, чем совокупность факторов, меньшее количество знаковых опосредований (перекодировок), меньшее количество допущений. Алгоритм метода включает:

1. Квантильные универсалии – биполярные варианты семантического дифференциала, а также вербальная модификация проективных методик по типу метода неоконченных предложений. Обработка результатов включает подсчет частоты встречаемости определенного признака, которая свидетельствует о значимости (неслучайности) репрезентации данного признака в образе будущего испытуемых. Совокупность наиболее весомых признаков определяется на основе заданного критерия значимости (В нашем исследовании был установлен уровень 75 %).

2. Шкалированные универсалии, получаемые в результате использования дисперсионного анализа. Выбираются семантические оценки, дисперсия которых составляет менее 25 % от среднего. При этом значимая оценка не обязательно полярна, что позволяет строить шкалированные семантические универсалии.

3. Качественный анализ универсалий образа будущего, описанных однородной группой испытуемых и анализ динамики универсалий при приобретении опыта. Это позволяет делать выводы о специфике и динамике репрезентации образа будущего в процессе внешней и внутренней коммуникации.

В целом в нашем эмпирическом исследовании мы рассматривали образ будущего как систему значений, данных в единстве с другими образующими – эмоциональной окраской и предельным смыслом, а изучение динамики образа будущего в языковом и невербальном пространстве внешней и внутренней коммуникации осуществляется через субъективную систему значений, образующих семантическое пространство. При этом действует принцип

операциональной аналогии между параметрами субъективного семантического пространства образа будущего и категориальной структурой, и принцип специфики сообщаемости разнопорядковых миров коммуникативного пространства личности, что позволяет объяснять трансформации перцептивных образов возможного будущего.

Основными являлись следующие методы сбора эмпирических данных:

1. Сочинение «Мое будущее» – исследование образа будущего как текста личности, как коммуникативной системы, отражающей общую концептуальную картину, включающую вербальные ассоциации, организованные по принципу поля, имеющего ядро (наиболее частотные ассоциации) и периферию. В процессе написания текста происходит как первичная коммуникация автора с будущим читателем, так и вторичная в процессе восприятия, понимания, интерпретации и рефлексии созданного текста. Лексическая структура сочинения рассматривается нами как сложная вербальная сеть, являющаяся «ключом» к его интерпретации²⁴³.

2. Проективный графический тест «Мое будущее». Человеку легче выразить свое состояние, свои мнения, свою проблему невербально, творчески, чем проговорить, проанализировать ее на словесном уровне. В результате чего происходит актуализация характеристик его «Я». Именно поэтому рисуночные тесты можно применять к людям, различным по жизненному опыту, по социально-демографическим характеристикам. Информация об образе будущего актуализируется, структурируется и формализуется в исследовании через сочетание вербальных и невербальных данных. Свободный рисунок «Мое будущее» контекстуально и процедурно сопоставим с проективной техникой. В инструкции испытуемым предлагалось нарисовать собственное будущее так, как они его представляют. При этом желательно было отразить в рисунке то, что делает их будущую жизнь уникальной, непохожей на другие. Этот метод способствует актуализации ассоциаций, что облегчает последующую вербализацию образов. Мы склонны проводить аналогию между пониманием

---

²⁴³ Мещерякова Э. И. Текст в психодиагностике и консультировании. Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2001. 142 с.

текста и рисунка и пониманием человеком самого себя, собственного поведения и событий своей жизни. Самопонимание рассматривается как создание «образа» самого себя, непрерывная самоинтерпретация и самоистолкование²⁴⁴.

3. Методика изучения образа возможного будущего. Относится к разряду проективных методов и является модифицированным вариантом известного Теста неоконченных предложений. Опросник включает в себя 45 заданий: в 32 из них необходимо закончить предложения, а в остальных дать ответ на поставленный вопрос. Применение данной диагностической методики не ставит перед собой цели контроля и констатации наличия некоторых качеств личности. На наш взгляд, она служит стимулированию активности испытуемого, развитию его потребностно - мотивационной сферы в области самоопределения и планирования собственного будущего с целью построения индивидуальной жизненной траектории. Методика позволяет оценить следующие параметры (шкалы): пространственно – временная жизненная перспектива (структурирование будущего и установление его целевой, смысловой и временной связи с настоящим); осознанность предельных смыслов (предполагает наличие идеологической поляризации, базовой философии и религии, которые обеспечивают фундаментальное доверие к жизни, включает способность самостоятельно ставить жизненные цели и добиваться их достижения); уровень самосознания (наличие адекватных представлений о себе, сформированность определенных личностных качеств, общая осмысленность образа будущего); характер внешней и внутренней коммуникации (социальная зрелость, восприятие макросоциума – отношение к собственной нации, менталитету, культуре, этнической группе, государству – и микросоциума – отношение к собственному окружению, друзьям, коллегам, противоположному полу; готовность к реализации образа будущего (способность принимать адекватные решения в различных ситуациях жизненного выбора). Обработка результатов предполагает количественный и качественный анализ данных.

---

²⁴⁴ Gergen K. J. The acculturated brain // Theory and Psychology. 2010. Vol. 20, is. 6. P. 795-816.

4. Комплекс диагностических методов, направленных на выявление устойчивых характеристик личностного и профессионального потенциала: методика диагностики межличностных отношений Т. Лири²⁴⁵; методика предельных смыслов Д. А. Леонтьева²⁴⁶; методика диагностики образа профессионального будущего (Дж. Холланд, В. Н. Петрова).

Всего в данном исследовании приняло участие 405 человек. Состав выборки по полу: 49 % женщин, 51 % мужчин; по возрасту: средний возраст – 32 года, минимальный – 19 лет, максимальный – 47 лет. Выборку составили работники административно-управленческого аппарата, студенты дневного и заочного отделения Национального исследовательского Томского государственного университета, представители сферы обслуживания г. Томска. Сбор эмпирического материала проводился в период 2005-2012 г. г.

В нашей работе мы исходили из понимания образа будущего как предиктора и формы проявления развития человека, рассматриваемого в качестве открытой психологической системы. При этом образ будущего, на наш взгляд, оказывается тем интегрирующим фактором, с которым связаны стратегии жизнеосуществления, выбор жизненных сред, наиболее адекватных для самоосуществления и формирования жизненных стратегий. Человек предстает как психологическая система - особая пространственно-временная организация, реальная, открытая в мир культуры, в социум, в природу. Примененная нами модель интерпретации данных включает учёт:

- структурно-динамических особенностей образа будущего;
- личностно-типологических параметров образа будущего;
- процессуально-уровневых особенностей и способов жизнеосуществления и развития субъекта.

Попытка формализации феноменологического аспекта работы через анализ текстов и рисунков как психологических документов потребовала постановки и

---

²⁴⁵ Собчик Л. Н. Психология индивидуальности. СПб: Речь, 2005. 349 с.

²⁴⁶ Соколов М. В. Диагностика готовности будущих педагогов к саморазвитию // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 3. С. 215.

разрешения проблемы использования надежных и валидных приемов качественной и количественной оценки работ испытуемых.

Учитывая, что обработка результатов нашего исследования предполагала в большей степени качественный анализ данных уделим особое внимание проблемам достоверности (объективности, надежности и валидности) такого рода исследований. В качественных исследованиях на первый план выходит субъективный смысл рассматриваемых феноменов, взгляд на них с точки зрения испытуемого (наблюдаемого, респондента и т.д.). Субъектная ориентированность подхода заставляет по-новому охарактеризовать принятые нормы объективности. В качестве основного критерия объективности вводится понятие «подтверждаемость» (conformability). Поскольку такое исследование отличается уникальностью, индивидуальностью исследовательского взгляда, данный параметр оценивает в какой степени полученные результаты могут быть подтверждены другими исследователями. При этом выдвигается требование постоянно меняющегося контекста исследования²⁴⁷.

В результате под валидностью качественных методов понимается то, насколько участники исследования оценивают его результаты как заслуживающие доверия и правдоподобные (ибо целью является описание и понимание феномена глазами участников и они являются единственными, кто может оценить его достоверность)²⁴⁸. Надежность же, традиционно характеризующая постоянство и повторяемость результатов, непреложима к качественным исследованиям, где инструментами измерений служат в основном наблюдения и интервью: измеряя второй раз, мы всегда измеряем новый объект²⁴⁹. В качестве критерия надежности мы используем точное и подробное документирование всей процедуры исследования, чтобы логика решения на любом уровне абстрагирования оставалась прозрачной.

---

²⁴⁷ Вильданов Х. С., Вильданова Г. Б., Сиргалина Л. Р. Особенности методологии аксиологического исследования // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 4. С. 97-108.

²⁴⁸ Мельникова О. Т., Хорошилов Д. А. Валидность качественных исследований в ракурсе полипарадигмальности в современной психологии // Вопросы психологии. 2014. № 1. С. 28-38.

²⁴⁹ Леонтьев Д. А., Миюзова А. Е. Личностные изменения как результат жизнетворческой работы // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Т. 24, № 1 (90). С. 44-63.

С целью увеличения объективности результатов мы также применяли несколько различных типов данных и методов их сбора, когда каждый из них раскрывает некоторый аспект эмпирической реальности, а также привлечение нескольких исследователей для изучения одной проблемы. Предлагаемый нами метод изучения образа будущего можно считать надежным только в том случае, если его результаты обладают достаточно высокой степенью стабильности. Однако степень постоянства образа будущего сама по себе проблематична. Поэтому под стабильностью получаемых данных мы понимаем: стабильность преобладающего типа профессионального развития и стабильность широкого круга объектов и событий, виртуально присутствующих в образе будущего²⁵⁰. Надежность кодирования ответов испытуемых определялась совпадением числа кодировок у различных оценщиков, работавших независимо друг от друга. Оно составляло порядка 93 %, а после обсуждения несовпадающих кодировок достигало 100 %.

Общая эмпирическая гипотеза исследования заключается в предположении о том, что особенности образа будущего, как предиктора профессионального и личностного развития человека, могут быть выявлены посредством анализа особенностей экспликации образа будущего в тексте и рисунке, знаковая и символическая форма которых понимается как структура смыслов, заложенных в него процессом мышления, языковыми возможностями и процессами самопрезентации автора.

Исходя из основной эмпирической гипотезы была сформулирована следующая рабочая эмпирическая гипотеза: рассмотрение смысла текста и рисунка образа будущего возможно не только по его содержанию, психосемантическим и психосемиотическим кодам, но и по авторской позиции и интенциональности текста как факторам, обуславливающим смысловую целостность, а также по анализу конкретных языковых средств, восполняющих недостаточность тематического контент-анализа. **Интенциональность**

---

²⁵⁰ Александров Ю. И., Александрова Н. Л., Харламенкова Н. Е. Субъективный опыт: личностное и социокультурное // Человек. 2011. № 2. С. 104-113.

предполагает конституируемость в тексте образа человека и его мира. Психологический аспект текста выявляется, прежде всего, в его содержательной стороне.

Как смысловая целостность образ будущего не может быть проанализирован только через тематический контент-анализ²⁵¹. Мы считаем, что это требует углубленного смыслового решения проблемы отражения картины мира личности в образе будущего как способа бытия человека в мире. Поэтому контент-анализ был дополнен анализом интенциональности описаний образа будущего как фактора, обуславливающего его смысловую целостность.

Психологический уровень понимания текста связан с выявлением интенций автора и построением когерентной смысловой структуры текста²⁵². Уровни полноты понимания текста включают первоначальную установку как психофизиологическую готовность индивида к формированию антиципаций, т.е. познавательных гипотез. Вторая стадия процесса понимания – переход к смыслу текста, который включает процесс понимания смысла функционально-строевых единиц текста (слов, высказываний) и семантическую развертку смысловых структур текста по принципам аналогии и релевантности. Затем осуществляется переход от смысловых к мыслительным структурам.

Первый этап анализа сочинений предполагал интенмент-анализ и состоял в выделении из текстов инвариантных смысловых категорий. Затем на следующем этапе был проведен контент-анализ, предполагающий количественное соотнесение полученных качественных характеристик.

Результаты анализа: анализ психосемантического пространства образа будущего позволил выделить 73 темы, связанные с индивидуальными символическими образами, которые с помощью контент-анализа мы разбили на следующие группы:

---

²⁵¹ Арпентьева М. Р. Контент-анализ: психолингвистический анализ текстов // Математические методы и модели в управлении, экономике и социологии. Сборник научных трудов. Тюмень: Тюменский гос.ун-т, 2015. С. 13-26.

²⁵² Афиногенова В. А., Павлова Н. Д. Метод интенмент-анализа: проблема интенциональных категорий // Процедуры и методы экспериментально-психологических исследований. Сер. "Интеграция академической и университетской психологии". М.: Институт психологии РАН, 2016. С. 718-724.

- Энергетическая компонента – формальные параметры (количество слов и деталей).
- Пространственная компонента связана со стремлением / отказом от профессионального и личностного развития.
- Темпоральная компонента – вневременные описания, предполагающие трансспективную связь прошлого, настоящего и будущего субъекта.
- Сформированность ближайшей, среднесрочной и отдалённой перспектив образа будущего.
- Информационно-когнитивная компонента – четкое проявление сфер интенсивного развития и самоопределения.
- Социальная компонента – обсуждение статуса, социальных ролей, взаимоотношений в микросоциуме.
- Религиозная компонента – размышления о жизни и смерти, о судьбе.
- Рефлексивная компонента: обозначение мечты и реальных целей, ирония, рассуждения о ценностях.
- Наличие конфликта – кризиса (экзистенциального – неопределенность понимания целей, жизненных задач; профессионального – неуверенность по поводу будущей карьеры; социального – неуверенность в формировании межличностных отношений; внутриличностного – необходимость пересмотра представлений о себе).
- Описание Я-концепции – размышления об отражении себя во внешнем мире (как выглядишь со стороны), рассуждения о себе, самоидентификация.
- Ценностно-смысловые характеристики: размышления о человечестве и людях вообще, об общечеловеческих ценностях.

Потенциал образа будущего определялся по количеству упомянутых тем и составлению таблиц сопряженности. Более глубокий анализ содержания текстов проводился в ходе последующей кластеризации семантического пространства и совместного контент-анализа содержания текстов и рисунков.

В традиционных подходах предметность чаще всего воспринимают как инструментарий. В нашем рисунке «Мое будущее» мы понимали предметность не

как язык для выражения и оформления идей, а как непосредственное пространство формирования образа будущего. Нет последовательности «сначала рождение идеи, жизненной цели – потом ее запись на каком либо «предметном языке»²⁵³. В ходе анализа содержания рисунка «Мое будущее» были выделены следующие типы рисунков:

1. Образ-метафора.
2. Изображение себя как центрального элемента.
3. Изображение себя в интерьере, на фоне какого-либо пейзажа.
4. Изображение одновременно нескольких сюжетных линий.
5. Фантастический сюжет будущего.
6. Абстрактное изображение.

Кроме того, нас особо интересовал вопрос о соотношении текста описания образа будущего и цветовой концептуализации в рисунке образа будущего. При этом мы исходили из предположения, что цветовое пространство, цветовые ассоциации отражаются в существенных характеристиках вербальных компонентов описания образа будущего²⁵⁴.

Комплексный анализ содержания текстов и рисунков позволил прийти к некоторым умозаключениям. Анализ интенциональности описаний или их целевой ориентации позволяет по совокупности интерпретаций описаний построить целостную субъективную «картину» образа будущего автора. В анализе интенциональности нами учитывались результаты анализа смыслового пространства вербальных описаний и невербальных рисунков образа будущего. Сходство или различие в конструировании вербальных и невербальных компонентов образа будущего указывало как на герменевтическую, культурно-историческую сущность процесса построения образа будущего, так и служило доказательством сходства основных способов конструирования образа будущего.

---

²⁵³ Гуреев С. В. Анализ рисунков в социологических исследованиях // Социологические исследования. 2007. № 10. С. 132-140.

²⁵⁴ Яньшин П. В. Введение в психосемантику цвета. Самара: Самарский государственный педагогический университет, 2001. 269 с.

Герменевтический подход к анализу описаний учитывал также дробность и многоуровневость авторской позиции²⁵⁵.

Под содержанием образа будущего мы понимали события и ситуации, время от времени занимающие сознание индивида. Эти содержания с их темпоральными знаками (ближайшая, среднесрочная или отдаленная перспектива) имеют аффективно окрашенную (позитивную или негативную) значимость для субъекта. Нейтральные объекты (не имеющие никакой значимости) не включаются в образ будущего индивида. Необходимо также учитывать, что темпоральная локализация объектов и событий личной жизни в образе будущего – процесс чрезвычайно тонкий: его результаты обычно весьма приблизительны.

В качестве основных параметров анализа образа будущего мы использовали: протяженность, глубину, насыщенность, степень структурированности и реалистичности; аффективную установку (позитивную или негативную) по отношению в образу будущего в целом; доминирующую направленность на реализацию или отсрочку реализации образа будущего.

Реалистичность образа будущего включает в себя темпоральную интеграцию (когда будущее видится как активное продолжение настоящего и прошлого, а также присутствует установка на осуществление интернальных каузальных атрибуций) и темпоральную компетентность. Напротив, нереалистичность образа будущего предполагает его несвязанность с действиями индивида и увеличение психологической дистанции до целевого объекта.

Соотнесение пространственной и временной составляющих образа будущего позволило сделать вывод о наличии большой независимости содержательных характеристик образа будущего от временной последовательности, пространственные характеристики в нем значительно преобладают над динамическими. Другой значимой особенностью образа будущего является спонтанность (от лат. *spontaneous* – самопроизвольный) –

---

²⁵⁵ Карашук Л. Н., Куликов А. Д. Развитие герменевтики как метода психологии // *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие*. 2016. № 4. С. 8-14.

характеристика процессов, вызванных не внешними влияниями, а внутренними причинами. Это позволило нам рассматривать образ будущего как мир целевых объектов, направляющих и координирующих деятельность человека в настоящем. Результаты интент-анализа легли в основу последующей оценки уровня сформированности и осознанности образа будущего.

Содержательная сторона данных традиционно рассматривается в процедуре контент-анализа, направленного на выявление, обобщение и количественную оценку лексики некоторого определенного содержания. В результате получают данные, в количественном выражении представляющие темы обсуждения. Выделение тем как основного смыслового анализа текста, построение их иерархии, установление ассоциативных связей между ними позволяют понять сюжетную структуру текста как объективированный диалог и полилог. Принципиальная особенность проводимого нами контент-анализа заключалась в сопоставлении феноменологических данных с психодиагностическими, полученными в ходе применения дополнительных методов исследования. Результаты контент-анализа (перечень тем, процент их встречаемости) приведены в Приложении Б (Таблица Б.1).

Результаты контент-анализа позволили выделить из семидесяти трёх сформулированных тем сочинений и рисунков наиболее встречаемые и, следовательно, наиболее нагруженные содержанием для испытуемых. К ним относятся: активное участие в воспитании собственных детей и внуков в отдаленном будущем (58.16 %), интенсивное профессиональное развитие в настоящем (самоопределение в ближайшей перспективе) (54.54 %), субъектная позиция по отношению к собственному будущему (50,9 %), гармоничное сочетание прошлого, настоящего и будущего (48.18 %), проработанные планы на ближайший год (43.63%), структурированность образа будущего (40.9 %) и др.

Для проверки общей эмпирической гипотезы рассмотрения образа будущего как предиктора профессионального развития, нами была выделена зависимая переменная «готовность к профессиональному развитию» (ГПР). Она определялась как интегративный показатель по Методике предельных смыслов

Д. А. Леонтьева и Методике диагностики образа профессионального будущего Дж. Холланда в адаптации В. Н. Петровой. Значение данной переменной определялось как выраженность/отсутствие следующих компонентов: сформированность профессиональных предпочтений, гармоничность сочетаний личностного и профессионального развития в предельных смыслах, сформированность образа будущего.

В ходе решения вопросов более углубленного рассмотрения структуры и особенностей функционирования образа будущего перед нами встала задача оценки уровня сформированности и осознанности образа будущего, которую мы решали методом семантического анализа. Реконструкция «видения мира» в образе будущего реализуется в наших исследованиях в процессе изучения систем индивидуальных значений, через призму которых происходит восприятие мира субъектом. Методическим средством решения этой задачи является построение субъективных семантических пространств для различных содержательных областей образа будущего. При оценке уровня сформированности образа будущего мы исследовали его проявления через выраженность трех составляющих:

1. Значения в образе будущего, которые опираются на представления о внешних и внутренних возможностях реализации жизненных перспектив, т.е. они структурируют образ будущего под углом зрения средств и условий удовлетворения потребностей (в том числе критериев, при которых это возможно). Они дифференцируют пространство образа будущего, определяя то, что будет делать сам субъект, и то, что он считает внешними условиями и где ожидает результата извне. Под значением мы понимаем обобщенное отражение действительности, зафиксированное в форме понятия или «образа действия».

2. Эмоциональная окраска – представления, наглядные образы, впечатления – порождаясь в практической деятельности, выступают звеном, непосредственно связующим субъект с внешним миром.

3. Предельные смыслы, заложенные в образе будущего – отношение субъекта к миру, выраженному в значениях, выражение «пристрастности» отношения к миру активного субъекта.

Все эти три характеристики образуют единое функционально целое. Так, значения в образе будущего соотносятся с характером эмоциональной окраски образа будущего, которая определяется мерой затрачиваемых усилий, настойчивостью, уверенностью, точностью критериев его достижения. При этом важным является то, что субъект определенным образом соотносит внешние и внутренние условия реализации образа будущего, т.е. делит семантическое пространство на зависящее и независящее от него. В широком смысле слова эмоциональная окраска подразумевает и рефлекссию, и самоконтроль, и способность соотносить свои действия с другими людьми, и способность к мобилизации сил в конкретный момент времени. Именно эмоциональные паттерны, порождающие субъективную семантику, являются достаточно устойчивыми, что обуславливает возможность детерминации настоящего образами возможного будущего. Предельные смыслы в образе будущего представляют собой форму обратной связи личности со способами ее объективации в жизни. Именно смысл фиксирует ситуативный или стратегический, ценностный или потребительский, гармоничный или противоречивый, иллюзорный или реалистический, компромиссный или принципиальный способ формирования образа будущего, что, в свою очередь, служит стимулом к дальнейшему его развитию или его упрощению. Предельный смысл определяет субъективную оценку и переживание личностью психологического результата ее деятельности, соответствие этого результата исходному образу цели, без чего просто невозможно продолжение деятельности. Данный интеграл является семантическим, т.е. внутри него могут быть раскрыты более тонкие смысловые связи. Семантический анализ позволил выделить три уровня сформированности образа возможного будущего:

1. Испытуемые продемонстрировали высокий уровень сформированности образа будущего, готовности к профессиональному и личностному самоопределению, что характеризуется следующими показателями:

- имеют устойчивые и непротиворечивые жизненные и профессиональные цели;
- имеют четко выраженную иерархию целей и видят этапы их достижения;
- представляют внешние и внутренние условия достижения целей, знают способы преодоления препятствий;
- демонстрируют готовность к самопознанию и саморазвитию;
- готовы к активной реализации образа будущего.

2. Испытуемые, продемонстрировавшие средний уровень сформированности образа будущего, характеризуются следующими показателями:

- имеют устойчивые, но малосогласованные между собой жизненные и профессиональные цели;
- имеют четко поставленные жизненные цели, но не видят этапов их достижения;
- представляют условия достижения собственных целей, но не знают способов преодоления препятствий;
- имеют немного завышенный или заниженный уровень притязаний;
- готовность к самопознанию и саморазвитию в целом недостаточно развита;
- в целом проявляют готовность к реализации образа будущего.

3. Испытуемые, продемонстрировавшие низкий уровень сформированности образа будущего, характеризуются следующими показателями:

- имеют неустойчивые и противоречивые жизненные и профессиональные цели;
- не представляют условий достижения целей, не знают способов преодоления препятствий;

- имеют неадекватный уровень притязаний;
- демонстрируют низкий уровень готовности к самопознанию и саморазвитию;
- пассивны в реализации образа будущего.

Для определения эффектов влияния характеристик образа будущего, предельных смыслов и профессиональных предпочтений на готовность к профессиональному и личностному развитию нами применялся пошаговый дискриминантный анализ данных. Вычислялись коэффициенты канонических дискриминантных функций для выявления уникального вклада каждой из независимых переменных в дискриминацию групп по профессиональному развитию. Показатель «готовность к профессиональному развитию» включался в дискриминантный анализ как зависимый фактор (качественная переменная) с тремя градациями его значений: с низким (наличие не более одного компонента ГПР), средним (наличие двух – трёх компонентов ГПР) и высоким уровнем (наличие четырёх – пяти компонентов ГПР). Статистическая обработка результатов проводилась в программной среде STATISTICA. По данным дискриминантного анализа на готовность к профессиональному развитию (дискриминантная функция) оказали значимые эффекты показатели следующих семантических шкал (дискриминантные переменные):

- Субъектная позиция по отношению к собственному будущему.
- Гармоничное сочетание прошлого, настоящего и будущего.
- Общая сконцентрированность на карьере в образе будущего.
- Структурированность образа будущего.
- Надежда на удачу в будущем.
- Озабоченность собственным статусом в будущем.
- Непредсказуемое будущее в целом.
- Стремление к стабильности в будущем.
- Наличие альтернатив в образе будущего.

- **Согласованность** вербальных и невербальных компонентов образа будущего.

- **Акциональность**, готовность к реализации образа будущего.

Таким образом, проведённое нами эмпирическое исследование позволило определить структуру образа будущего и его наиболее существенные характеристики. Проведённый психосемантический анализ позволил выделить и описать уровни развития образа будущего. Полученные результаты (качественные описания содержания образа будущего, предельные смыслы и профессиональные предпочтения) являются основой для проведения количественных исследований, позволяющих определить дискриминантные границы и закономерности взаимовлияния образа будущего и профессионального развития.

2.4. Выводы по Главе 2

В настоящий момент одним из важных направлений научных исследований является темпоральная антропология, главной задачей которой является осмысление последствий темпоральной революции, связанной с переходом от индустриальной к постиндустриальной цивилизации, которая привела к изменению ценностных временных ориентаций человека. Если в традиционном обществе высшую ценность составляло прошлое, в индустриальном – настоящее, то в постиндустриальном обществе – будущее. Таким образом, рассмотрение будущего как самостоятельного феномена и предмета гуманитарного исследования характерно, главным образом, для конца XX и XXI веков.

В качестве базисного для дальнейших исследований мы принимаем положение Ж. П. Сартра о том, что будущее является связующим звеном между темпоральностью и бытием. Будущее конституирует смысл настоящего как проект его возможности. Оно является смыслом настоящего, непрерывным становлением возможностей. Будущее не является гомогенным и хронологически упорядоченным рядом сменяющих друг друга мгновений, оно является

бесконечностью возможностей, смысл которых сложен и не может содержаться в одной формуле.

Образ будущего есть пространственно-динамическая характеристика способа бытия человека в мире и понимания им этого мира, как способа жизнеосуществления и самоорганизации собственной жизни. Пространственные характеристики образа будущего образуют некоторый континуум от наличного, реального (часто неоптимального) к оптимальному (желаемому). Динамические характеристики образа будущего образуют единство краткосрочной, среднесрочной и отдалённой перспектив. Пространственно-динамические характеристики создают содержательное единство, которое возможно оценить по степени сформированности, гармоничности, упорядоченности, целостности, поливариативности, осознанности. Образ будущего – это субъективное эмоционально-когнитивное образование, отражающее индивидуальное видение (в широком смысле) реальности, а, следовательно, и взаимодействующее с ней. Образ будущего опосредует комплекс отношений субъекта с актуально значимой частью окружающего мира.

Содержанием образа будущего являются не только и не столько конкретные цели и способы их достижения; в нем существует содержание собственно человеческого в человеке, которое порождается в результате взаимодействия, включенного в деятельность субъекта. Это взаимодействие направленно на мир, на другого, на себя и выступает как средство жизнеосуществления и саморазвития.

Результаты эмпирического исследования позволяют определить структуру образа будущего, выделить его наиболее существенные признаки, которые служат основанием для определения уровня сформированности образа будущего. Проведённый математико-статистический анализ позволил определить дискриминантные границы и закономерности взаимовлияния образа будущего и профессионального развития и сделать общий вывод о подтверждении гипотезы о том, что образ будущего является предиктором профессионального развития человека.

Глава 3. Регуляторная функция образа будущего

3.1. Деятельностный аспект образа будущего. Предикторы личностного и профессионального развития

В настоящий момент в психологии понимание человека наполняется новыми чертами. Скажем, в области психофизиологии отмечается ряд новых тенденций, знаменующих собой явление неклассической парадигмы. Одним из таких принципиально новых течений является активизм, в соответствии с которым физиологические сдвиги интерпретируются как активно управляемые субъектом, в том числе и с помощью образа желаемого будущего²⁵⁶. В результате мы можем с уверенностью говорить о том, что образ будущего тесно связан с процессами развития. Н. Р. Бибянова выделяет следующие направления в современных исследованиях источников развития и саморазвития человека²⁵⁷:

1. Функциональное (каузальное, причинное) направление предполагает поиск внутренних механизмов регуляции поведения человека в сфере его субъективных личностных отношений к миру, другим людям, самому себе. Л. И. Божович, В. Г. Асеев и др. считают функциональную тенденцию источником развития человека. Условием же его инициации является наличие неиспользованной резервной зоны функциональных возможностей, которые потенциально содержат в себе источник развития личности^{258, 259}.

2. Субъектно-целевое направление делает акцент на ценностно-смысловых характеристиках. Мотивация, предмет деятельности в субъективном опыте человека существуют в форме побуждения и потребности деятельности²⁶⁰. Мотив оставляет свой специфический след в жизненном опыте личности, образуя

---

²⁵⁶ Гаврилюк В. В., Мехришвили Л. Л. Роль образа будущего в выборе жизненных стратегий современной российской молодёжи // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 7-2 (57). С. 52-55.

²⁵⁷ Бибянова Н. Р. Проблема саморазвития личности в психологии. М.: Мос. Психолого-социальный ин-т: Флинта, 1998. 48 с.

²⁵⁸ Божович Л. И. Соображения к проблеме развития воли. Многоплановость личности. Конформизм // Культурно-историческая психология. 2008. № 4. С. 109-116.

²⁵⁹ Асеев В. Г. Механизмы детерминации психического развития // Мир психологии. 2012. № 2. С. 40-46.

²⁶⁰ Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Смысл, 2004. 346 с.

личностные смыслы жизненных обстоятельств и предполагаемых в них действий. Изменение мотивов деформирует все поле готовности личности к деятельности. Учет личностью своего жизненного ресурса вынуждает ее выстраивать приоритеты собственного развития. Введение сторонниками данного направления понятия «временной перспективы» как напряженности между сущим и должным отражает взаимное влияние прошлого, настоящего и будущего на развитие человека.

3. Системологическое направление, объединяющее два предыдущих на основе принципов детерминации. Системный подход интегрирует причинность и цель, подчеркивает примат системной детерминации любого события. Представители этого направления активно исследуют роль субъективной репрезентации мира в активности и развитии человека^{261, 262, 263}.

Рассмотрим более подробно конкретные концепции, относящиеся к каждому из перечисленных направлений. В работе «Проблема возраста» Л. С. Выготский поставил проблему возрастного развития, т. е. предположил, что онтогенез есть регулярный процесс смены стабильных и критических возрастов. При анализе возрастных кризисов он выделил три фазы:

- предкритическая (обострение противоречия между субъективной и объективной составляющими социальной ситуации развития);
- собственно критическая (противоречие начинает проявляться в поведении и деятельности);
- посткритическая (противоречие разрешается путем образования новой социальной ситуации развития).

Позднее на материале исследования детского возраста был обнаружен один из общих механизмов, лежащих в основе развития личности в ходе всей жизни²⁶⁴. Этим механизмом является закономерно возникающее (созревающее) в ходе

²⁶¹ Ломов Б. Ф. Психическая регуляция деятельности. Избранные труды. М.: Когито-центр, 2006. 285 с.

²⁶² Асмолов А. Г. Историко-эволюционная парадигма конструирования разнообразия миров: деятельность как существование // Вопросы психологии. 2008. № 5. С. 3-11.

²⁶³ Ключко В. Е., Галажинский Э. В. Самореализация личности: системный взгляд. Томск: Издательство Томского университета, 1999. 154 с.

²⁶⁴ Эльконин Д. Б. Детская психология. М.: Academia, 2007. 281 с.

осуществления деятельности противоречие между двумя ее основными сторонами - мотивационной, смысловой и познавательной, операционально-технической. Переломы и сдвиги в развитии возникают именно тогда, когда налицо несоответствие между наличными возможностями, областью знаний и умений и системой смысловых связей с миром. В точках значительного расхождения этих сторон деятельности и происходит активное развитие человека как результат преодоления возникшего кризиса.

А. Г. Асмолов считает, что обязательным условием развития является возникновение неадаптивных, неутилитарных проявлений поведения человека, возникающих в системе и обеспечивающих ее уязвимость, особенно в критических, непредвиденных ситуациях. Одной из главных особенностей критических ситуаций является прерывание деятельности в них из-за невозможности ее продолжения усвоенными, шаблонными способами. В результате происходит столкновение личности с проблемой выбора в неопределенной ситуации²⁶⁵.

Наиболее глубоко кризисные ситуации исследовал Ф. Е. Василюк²⁶⁶. Он ввёл понятие «критические состояния», которое определяется им как ситуации, когда субъект сталкивается с невозможностью реализации внутренне необходимого для своей жизни (мотивов, стремлений, ценностей и проч.). Автор выделяет следующие типы критических ситуаций: стресс, фрустрация, конфликт и кризис, затрагивающий всю жизнь субъекта как единое целое. Ни личностное, ни профессиональное развитие, с точки зрения данных авторов невозможно без прохождения данных этапов.

Р. Ассаджиоли в любом кризисе выделяет следующие четыре этапа:

1. Кризис, предшествующий духовному пробуждению. Это период неопределенности, когда человек еще не осознает своей проблемы. Возникает ощущение внутренней пустоты, состояние тревоги и беспокойства, человек часто начинает искать смысл своей жизни.

---

²⁶⁵ Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М. Адаптация к неопределённости как стратегия навигации развивающихся систем: маршруты эволюции // Вопросы психологии. 2017. № 4. С. 3-26.

²⁶⁶ Василюк Ф. Е., Карягина Т. Д. Личность и переживание в контексте экспериментальной психотерапии // Консультативная психология и психотерапия. 2017. Т. 25, № 3 (97). С. 11-32.

2. Кризис, обусловленный духовным пробуждением. Это период эйфории, наступающей после осознания человеком внутреннего конфликта, когда он начинает четко понимать чего хочет. В результате этого происходит высвобождение большого количества энергии и человеку кажется, что он легко достигнет желаемого.

3. Кризис реакции на духовное пробуждение. На этом этапе прилив энергии слабеет, возникает ощущение тупика: препятствий на пути осуществления целей оказывается очень много, человек не понимает куда идти, ему кажется, что сил не хватит, часто возникает депрессия.

4. Кризис фазы процесса преобразования. Это период выхода из старого состояния, когда человек начинает достигать целей, осознавая при этом, что полученное – это не совсем то, что хотел, задумывается о том, сколько пришлось заплатить и что невозможно вернуться назад²⁶⁷.

Данная концепция, на наш взгляд, позволяет рассматривать всю жизнь человека как последовательность кризисов, направленных на преодоление врождённых противоречий.

Д. Левинсон, автор теории структур взрослого развития (Positive Adult Development), ввёл термин «кризис середины жизни» или кризис сорока лет, характеризующий развитие личности во взрослом возрасте. По его мнению, этот кризис возникает в следствие неразрешённых жизненных задач и имеет ярко выраженные гендерные различия. Задачами развития у мужчин является: увязать мечты и реальность; найти наставника; обеспечить карьеру; наладить интимные отношения. Задачи же развития у женщин ориентированы на стадии семейного цикла: вступление в брак; появление детей; оставление выросшими детьми родительской семьи. Мужские мечты связаны с карьерой и будущей профессией; женские – с семьёй и будущей профессией. Женские мечты оказываются расщеплёнными, что приводит к субъективному переживанию раздвоенности²⁶⁸.

---

²⁶⁷ Ассаджиоли Р. Психосинтез. Принципы и техники. М.: Захаров, 2007. 169 с.

²⁶⁸ Levinson D. J., Levinson J. D. Seasons of a Woman's Life. New York: Alfred A. Knopf, 1996. 315 p.

Г. Крайг критиковал теорию нормативно хронологически определённых кризисов взрослости («миф о кризисе середины жизни») и предложил две модели переходного возраста – модель перехода (перемены в жизни заранее планируются и отражаются в образе будущего; человек оказывается способным справиться с этими задачами самостоятельно) и модель кризиса²⁶⁹. Модель перехода в значительно большей степени соответствует субъектной позиции человека. Именно на неё мы опираемся при планировании наших эмпирических исследований.

Д. И. Узнадзе показал, что при одновременном наличии потребности и соответствующей среды у индивида создается готовность, установка к активности, существенно определяющая его дальнейшее поведение²⁷⁰. На активность субъекта реальное влияние оказывают ожидаемые и возможные события, а также структура и содержание окружающей среды, социальная система отношений и взаимосвязей, которые также регулируют его активность. Продолжая это направление, Ш. А. Надирашвили в своем подходе выделяет три уровня психологической активности человека: индивидуальный, субъектный и личностный в форме практического, теоретического и социального проведения²⁷¹.

В. А. Петровский и А. Г. Асмолов ввели понятие «надситуативной активности» как источника зарождения новой деятельности личности. То есть человеку присуща тенденция постановки сверхзадач. Возникающие противоречия между уже сложившимися установками и надситуативной активностью выступают в качестве одного из механизмов развития личности²⁷².

Сторонники психологии «жизненного пути» разработали причинно-целевую концепцию психологического времени, в рамках которой они применяют каузометрический психолого-биографический анализ и исследуют личность и ее жизненный путь через психологическую реконструкцию системы причинных и

---

²⁶⁹ Крайг Г. Психология развития. М. и др.: Питер, 2012. 934 с.

²⁷⁰ Узнадзе Д. Н. Общая психология. М.: Смысл, 2004. 412 с.

²⁷¹ Птахина Ю. А., Черенева Е. А. Вклад грузинской школы в изучение установки // Наука и современность. 2011. № 14. С. 136-140.

²⁷² Петровский В. А. Индивидуальность, саморегуляция, гармония // Московский психотерапевтический журнал. 2008. № 1 (56). С. 60-90.

целевых связей между жизненными событиями²⁷³. Отражаясь в сознании человека, эти связи образуют многослойную субъективную картину жизни, которая, в свою очередь, выполняет функцию долговременной регуляции и согласования жизненных смыслов и поступков человека.

Феноменологию динамики внутреннего мира изучал Б. Г. Ананьев: во внутреннем мире складываются ценности (жизненные планы и перспективы, глубоко личностные переживания), определенная организация образов и концептов, притязания, самооценка. В рефлексивных чертах характера кристаллизуется отношение человека к самому себе, они связаны с целями жизни, ценностными ориентациями, и установками и ответственны за саморегуляцию и контроль развития. Б. Г. Ананьев утверждал, что жизненный путь личности в целом и образ будущего как его отдельная часть определяется социокультурными и социально-психологическим факторами. Единицами образа возможного будущего являются события, происходящие как во внешней среде, так и во внутреннем мире человека и события – поступки, определяющие место человека в мире²⁷⁴.

Активизация внутренней жизни происходит в особые моменты, имеющие судьбоносный и личностно-развивающий смысл. Она вызвана событиями или необходимостью подготовки к ним. Для этого человек должен воспринимать ситуацию как жизненную проблему, решить ее во внутреннем, умственном плане, а затем в поступке. Так происходит жизненный выбор. Осознаваемые проблемные ситуации воспринимаются как задачи, которые могут решаться в четырех вариантах: в соответствии с жизненным планом; в соответствии с социальной программой; подчиняясь конкретной ситуации или не решаться вообще. Разрешение проблемной ситуации способствует актуализации биографического мышления, которое является инструментом адекватного понимания жизни и, по сути, есть житнетворчество. Его функции:

1. Проблематизация – адекватное отражение жизненных противоречий.

---

²⁷³ Коверга А. О. Психологическое восприятие времени в причинно-целевой концепции // Будущее науки – 2013. Материалы Международной молодежной научной конференции. Курск: Закрытое акционерное общество "Университетская книга", 2013. С. 287-289.

²⁷⁴ Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. М. и др.: Питер, 2010. 282 с.

2. Категоризация – обобщение сходных явлений.

3. Интерпретация – многократное включение явления в разные связи и отношения, в результате чего формируется некоторая позиция по отношению к проблеме²⁷⁵.

Роль жизненного пути как истории развития личности и субъекта деятельности во взрослом периоде возрастает. Жизнь взрослого индивидуализируется, биографический аспект приобретает иное значение. Взрослый, в отличие от ребёнка, приобретает возможность быть субъектом собственной жизни, самостоятельно определять её направление. При этом регуляция жизни, планирование жизненного пути не могут происходить без учёта естественных сроков жизни, степени зрелости организма, возможностей здоровья.

Г. Тома создал биографически обоснованную когнитивную теорию личности. Он установил репертуар поведенческих моделей личности для преодоления трудностей жизни, так называемые техники бытия (всего двадцать пять). Например, установление социальных контактов, идентификация с целями и судьбами других, коррекция собственных ожиданий, принятие жизненной ситуации и проч.²⁷⁶. Продолжая это направление исследований, Н. А. Логинова выделяет ряд качественных характеристик, определяющих процесс развития и жизнеосуществления человека:

- жизненные события – случаи или факты жизни, имеющие существенные последствия для ее дальнейшего хода, являющиеся началом нового образа жизни, приводящего к перестройке внутреннего мира и социального поведения личности;
- обстоятельства жизни – осознаваемые или частично осознаваемые и зависящие от конкретного времени и места жизни;
- среда развития или объективная детерминация жизни, подразделяющаяся на макросреду (общество на определенном этапе развития) и микросреду (совокупность обстоятельств, непосредственно окружающих человека);

---

²⁷⁵ Логинова Н. А. Психобиографический метод исследования и коррекции личности. Алматы: «Казак университети», 2001. 172 с.

²⁷⁶ Гусельцева М. С. Психология повседневности: методология, история, перспективы // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2017. Т. 10, № 51. С. 12.

- собственная среда развития – создается самим человеком. Это образ жизни, устоявшиеся формы жизнедеятельности, быта и досуга;
- социальная ситуация развития – комплекс обстоятельств в их отношении к конкретной личности в определенный возрастной период;
- жизненные решения – инициируемые самой личностью поступки²⁷⁷.

В зарубежной психологии наиболее продуктивным и распространенным понятием, обозначающим систему субъективных отношений человека и регулирующим реальное поведение в данной конкретной ситуации, стало понятие *аттитюд* (*attitude*), подразумевающее субъективное состояние готовности к действию. Социальная установка рассматривается как фактор индивидуального поведения. Многочисленные исследования были посвящены поиску внутренних и внешних оснований возникновения и изменения *аттитюда*^{278, 279}.

Психологи интеракционистской ориентации (Р. Мей²⁸⁰ и др.) исследовали социально-психологические механизмы и факторы, реализующие процесс возникновения и изменения социальных установок личности, а также роли этих феноменов в социальных и групповых процессах. Дж. Мид ввел фундаментальное положение о символическом опосредовании взаимодействия человека и окружающего мира²⁸¹. Результат взаимодействия человека и реальности в значительной степени зависит от смысла и значения, которые он придает воспринимаемой реальности.

Сторонники субъектно-целевого направления считают, что механизмы личностного саморазвития раскрываются в эффектах смыслообразования: порождения и обеспечения направленности деятельности (мотив); эмоциональной окраски и трансформации психического образа (личностный смысл);

---

²⁷⁷ Логинова Н. А. Психобиографический метод исследования и коррекции личности. Алматы: «Казак университети», 2001. 172 с.

²⁷⁸ Олпорт Г. У. Толерантная личность // Национальный психологический журнал. 2011. № 2. С. 155-159.

²⁷⁹ Зимбардо Ф., Ляйппе М. Социальное влияние. СПб: Питер, 2001. 364 с.

²⁸⁰ Мэй Р. Три формы мира (главы из книги «The Discovery of being») // Социология власти. 2013. № 1-2. С. 257-262.

²⁸¹ Мид Д. Г. Социальное сознание и сознание смысла // Эпистемология и философия науки. 2013. № 1 (35). С. 219-227.

моделирования должного (личностной ценности)²⁸². Акт выбора мотива зачастую аналогичен акту принятия решения. Это приводит к побуждению достичь реальной цели. При этом побуждение реализуется лишь при наличии инициации, т.е. волевого усилия.

Важным для рассмотрения образа будущего как предиктора развития человека является учёт концепции М. М. Бахтина, в которой в качестве основного элемента жизнеосуществления человека указывается поступок. Поступок – важнейшая онтологическая категория, определяющая жизнедеятельность человека: «Акт нашей деятельности, нашего переживания, как двуликий Янус глядит в разные стороны: в объективное единство культурной области и неповторимую единственность переживаемой жизни, но нет единого и единственного плана, где оба лика взаимно себя определяли бы по отношению к одному единственному единству»²⁸³. Поступок выносит факт сознания в бытие, тем самым восстанавливая целостность человека (ибо он диалогичен по природе своей). Поступок есть порождение сознания и совести. Совершение поступка – это одновременно условие формирования и манифестация личности. Поступок (как действие личности) отличают следующие свойства:

- Единственность, т.е. неповторимость, незаменимость. «То, что мною может быть совершено, никем и никогда совершено быть не может». Она означает, что лежащий в основе поступка конфликт разрешается лично сконструированным действием (действием на свой страх и риск). Поступок уникален для каждого человека: ему нельзя научить, его нельзя совершить за другого.

- Аксиоматичность, которая опосредована ценностным «для чего» и отрицанием социальной нормы. Она лежит в основе разрешения личностью мотивационного конфликта. Данный аспект поступка в отечественной психологии чаще всего рассматривается в проблематике волевой регуляции деятельности²⁸⁴.

---

²⁸² Леонтьев Д. А. Развитие личности в норме и в затрудненных условиях // Культурно-историческая психология. 2014. Т. 10, № 3. С. 98.

²⁸³ Бахтин М. М. Теория романа // Собрание сочинений в 7-ми т.т. Т. 3. М.: Русское слово, 2012. С. 442.

²⁸⁴ Чумаков М. В. Эмоционально-волевая регуляция как рефлексивный процесс // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2016. № 1 (35). С. 88-92.

Аксиологичность (нетехничность) отличает поступок от теоретического суждения. Ответственное совершение поступка есть соединение долженствования для меня и его нравственной ценности.

- Ответственность, которая связана со свободой и осознанностью: субъект понимает внешние и внутренние причины своего действия и полностью управляет ими; субъект в любой момент времени может прекратить это действие или превратить в его противоположность. Это есть не «свобода от», а «свобода для», активные выбор из множества ценностей той, которая является смыслообразующей. Осознанность не означает осознания личностью всех конкретных мотивов, которые лежат за поступком, а предполагает лишь понимание личностью внутреннего характера детерминации его поведения²⁸⁵. Наибольший вклад в совершение поступка вносит именно смыслообразующая функция мотива.

- Событийность как причастность к бытию в силу своей единственности и незаменимости. Б. Д. Эльконин рассматривает поступок как «со-бытие», как двух субъектное действие, которое строится в расчете на другого и смысл которого определяется мерой участия человека в жизни других людей, всего человечества в целом²⁸⁶.

В психологии вопросы активности и развития человека, его субъектной позиции чаще всего связывают с проявлением личности. Интересным является вопрос датирования начала личности. Существует несколько критериев: появление зубов; появление связной диалогической речи; признаки упрямства и детского негативизма; способность принимать самостоятельные решения и проявлять волевую целесообразную регуляцию; наличие осознанных переживаний и ранних воспоминаний.

В качестве же критерия уровня развития личности чаще всего употребляют термин «Зрелость». Зрелость личности есть ее субъектность, для которой характерно не присвоение, усвоение культуры, а ее созидание – воплощение

---

²⁸⁵ Юмартова Н. М., Гришина Н. В. Осознанность (mindfulness): психологические характеристики и адаптация инструментов измерения // Психологический журнал. 2016. Т. 37, № 4. С. 105-115.

²⁸⁶ Эльконин Б. Д. Энергия действия и развитие // Человек.RU. 2008. № 4. С. 271-282.

личностью своего внутреннего мира в продуктах деятельности, приобретающих уже самостоятельное бытие²⁸⁷. Низший уровень субъектности изначально присущ ребенку и выражается в избирательности в восприимчивости обстоятельств жизни («внутренняя позиция» по Л. И. Божович²⁸⁸). При этом личностная позиция не осознана, в развитии человека преобладают события среды, которые возникают не по жизненной программе человека, а по программе природы или общества. Нередко эти события не осознаются в момент осуществления, это происходит значительно позже, а иногда остается скрытым. Все эти события не являются однозначными по своим последствиям, их значение раскрывается в связи с позицией, которую занимает по отношению к ним человек.

Если субъект не инициирует события жизни, а в определенных обстоятельствах совершает жизненный выбор из наличных альтернатив, то это есть сознательная активная адаптивность. Это средний уровень субъектности.

Другой вид событий – поступки как единица общественного поведения личности, они служат достижению конкретной цели и одновременно открывают новую жизненную перспективу. За поступком стоит определенный жизненный выбор, сделанный на основе жизненного решения. Как видим, положения отечественной психологической школы во многом перекликаются с концепцией поступка М. М. Бахтина.

Ш. Бюлер в качестве показателя развития жизни указывала количество «измерений» жизни – мест пребывания, микросред обитания, круг общения, количество занятий и обязанностей, прочитанные книги, просмотренные фильмы и проч., т.е. экспансию личности на новые жизненные пространства. Это есть расширение с одновременной дифференциацией отношений личности с окружающим миром. Это полнота жизни²⁸⁹.

Современные исследования показывают, что образ будущего является сложным феноменом, имеющим собственную структуру и динамику развития.

²⁸⁷ Логинова Н. А. Психобиографический метод исследования и коррекции личности. Алматы: «Казак университети», 2001. 172 с.

²⁸⁸ Божович Л. И. Соображения к проблеме развития воли. Многоплановость личности. Конформизм // Культурно-историческая психология. 2008. № 4. С. 109-116.

²⁸⁹ Derobertis E. M. Charlotte Bühler's existential-humanistic contributions to child and adolescent psychology // Journal of Humanistic Psychology. 2006. Vol. 46, is. 1. P. 48-76.

Успешность ориентации в прошлом, настоящем и будущем выражается, на наш взгляд, в своевременности жизненных решений и поступков личности. Этот вопрос наиболее глубоко изучался в возрастной и педагогической психологии при обсуждении проблемы сенситивных периодов индивидуального развития. В контексте жизненного пути личности своевременность определяется путем соотнесения жизненных планов с перспективами возрастного развития, с тенденциями в социальном развитии макросреды и отношений к микросреде.

В отечественной психологии традиционно в первую очередь интересовались не закономерностями формирования образа будущего и принципов его системной организации, а субъективными смыслами образа будущего и закономерностями его построения и функционирования в контексте деятельности субъекта.

Так, размышляя о будущем, А. Н. Леонтьев выделил в качестве перспективы включение категорий пространства и времени в «здание» новой психологии, конкретизировав виды времени. Образ будущего представлял собой модель, которая, будучи построена на основании субъективного опыта, в дальнейшем сама опосредует восприятие этого опыта²⁹⁰. Такой подход позволяет преодолеть стимульно-реактивную схему человеческого поведения.

Связь психологического прошлого с настоящим и будущим проявляется в каждом случае жизненного выбора, который является особым видом деятельности – внутренней работой личности²⁹¹. Механизмом жизненного выбора является определенное соответствие ценностей, лежащих в основе выбора, способов принятия решения и претворение его в жизнь. При этом жизненный выбор – это творческий акт решения, преодоления себя²⁹².

В. П. Серкин выделяет три уровня в структуре образа жизни, соответствующие уровням активности человека:

---

²⁹⁰ Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Смысл, 2004. 346 с.

²⁹¹ Леонтьев Д. А. Субъективная семантика и смыслообразование // Вестник МГУ, сер. 14 Психология. 1990. № 3. С. 15-23.

²⁹² Бахрамова Н. С. Личность в проекции выбора жизненного пути // Сборник научных трудов SWorld. 2013. Vol. 26, is. 4. P. 3-8.

1. Уровень внутренней деятельности, характеризующийся субъективностью пространства и времени.

2. Уровень коммуникации, предполагающий согласованность пространства и времени.

3. Уровень практической деятельности, подразумевающий объективирование пространства и времени²⁹³.

Д. П. Макадамс предложил три уровня описания личности:

1. Уровень сопоставимых диспозиционных черт. Содержит внеситуативные, деконтекстуализированные и сопоставимые измерения личности. Это, по сути, описание наиболее общих и заметных поведенческих паттернов – черт личности.

2. Уровень интегративных историй жизни – это идентичность или жизненный нарратив (сюжет). Идентичность отражается в историях, которые люди создают для того, чтобы придать своей жизни ощущение смысла и цели.

3. Уровень личных интересов и устремления в будущее. Это связанные с определенным контекстом стратегии, планы и устремления, которые позволяют человеку решать различные жизненные задачи и достигать значимых лично для него целей. Конструкты этого уровня характеризуются интенциональной и целевой направленностью. Будучи заведомо более гибкими, чем черты, эти единицы никогда не поддаются межиндивидуальному сравнению, часто довольно непредсказуемы и вписаны во временной и пространственный контекст. Они также являются когнитивными, т.к. организованы вокруг мнений людей о себе и своих взаимоотношениях, своей биографии и идентичности, а также своих задач и интересов, которые придают смысл жизни. Эти единицы пропитаны мотивационным содержанием и функционируют как цели, наделяя энергией и организуя целенаправленное поведение²⁹⁴.

Данные три уровня практически ортогональны и функционируют независимо друг от друга, будучи в разной степени доступны для осознания.

---

²⁹³ Серкин В.П. Трудовая деятельность и сообщества при внепрофессиональном образе жизни (на примере российских вольных путешественников) // Организационная психология. 2017. Т. 7, № 4. С. 102-128.

²⁹⁴ McAdams D. P. Personality, modernity, and the storied self: A contemporary framework for studying persons // Psychological Inquiry. 1996. Vol. 7. P. 295-321.

Поведение человека, его развитие определяется как вектор в пространстве этих координат. Р. Эммонс считает, что:

- Поведение организуется вокруг стремления к осуществлению образа будущего (некие объекты, которых человек стремится достичь или избежать).
- Помимо поведения, образ будущего влияет на ход мышления и эмоциональные реакции.
- Жизненные цели существуют в рамках системы иерархически организованных вышестоящих и нижестоящих целей, в которой функционирование одной составляющей системы дифференцированно воздействует на другие части системы.
- Образ будущего доступен для осознания, хотя нет необходимости в том, чтобы жизненная цель обязательно присутствовала в сознании, когда человек занят ее осуществлением.
- Будущее событийно, а не хронографично²⁹⁵.

Этот подход, как нам кажется, согласуется с концепцией Л. С. Выготского, согласно которой человеку для его личностного и духовного развития необходимы специальные искусственные приспособления - знаковые системы. В процессе взаимодействия с ними человек овладевает собственными психическими процессами и развивается. Такая обусловленность человеческого развития знаковыми средствами позволяет рассматривать их как психологические органы или орудия развития²⁹⁶. Эти орудия – органы М. К. Мамардашвили называет амплификаторами или “машинами развития”. Они не просто дают нам представления о мире, а порождают в нас новый личностный опыт, определенные состояния и качества, которых без нашего взаимодействия с ними не было, и быть не могло. На наш взгляд, одним из таких амплификаторов является образ возможного будущего²⁹⁷.

---

²⁹⁵ Эммонс Р. Психология высших устремлений: мотивация и духовность личности / Пер. с англ.; Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004. 416 с.

²⁹⁶ Выготский Л. С. Психология развития человека. М.: Изд-во Смысл; Эксмо, 2005. 1136 с.

²⁹⁷ Мамардашвили М. К. Сознание и цивилизация. СПб: Азбука, 2011. 271 с.

С точки зрения Ж. Нюттена необходимо включать факты содержания сознания и связанные с ними убеждения в число факторов, влияющих на поведение. Идеи оказывают влияние на действия. Образ будущего существует на когнитивном уровне и его основная характеристика, как и всех остальных аналогичных подструктур, заключается в том, что он проявляется через символические заместители – то есть репрезентации, идеи или знаки, которые служат символами чего-либо. Следовательно, во многих случаях образ будущего функционирует независимо от физического присутствия объектов²⁹⁸.

Сопоставление вышеизложенных концепций позволяет нам сделать вывод о принципиальной возможности рассмотрения развития человека как поступательного движения от достижения одной жизненной цели к следующей. В этом случае накопленные в предыдущий период жизни противоречия перестают быть предикторами²⁹⁹. На передний план выступают «факты содержания сознания», сконцентрированные в образе будущего субъекта жизнедеятельности. Данное положение мы будем рассматривать в качестве гипотезы в эмпирических исследованиях.

3.2. Коммуникативность и диалогичность как способ существования образа будущего

В классическом европейском рационализме, восходящем к античной философии, онтология понимается как учение о том, что есть, что так или иначе наличествует – в эмпирическом или метафизическом смысле. Классическая онтология помещает человека в мир объективного, в мир природы в самом широком смысле, подчиняет индивидуальное существование универсальному «порядку» («бытию», «субстанции» и т.п.).

Нормативная онтология имеет в виду субъекта, так или иначе относящегося к реальности, организующего это отношение. Поэтому она не только включает в

²⁹⁸ Nuttin J. Future time perspective and motivation. NY: Psychology Press, 2014. 239 p.

²⁹⁹ Семёнов Д. С. Психологические предикторы прогнозирования профессиональной деятельности // Фундаментальные исследования. 2015. № 2. С. 4333-4335.

себя личностно-аксиологический (коммуникативный) аспект, но основана на нём как на своём фундаменте³⁰⁰. Нормативная антропология признает коммуникативное «устройство» бытия, считает личностное бытие, которое высвечено в ней, принципиально динамичным, открытым, разомкнутым, перспективным. Такая онтология сопротивляется статичности и континуальности, устанавливаемым в монистической модели бытия; эта онтология принципиально динамична. Поэтому нормативная онтология всегда конструктивно отрицает целое как законченное во имя полноты как открытости, как недетерминированного превосходства целостности, как стремления преодолеть данность ради заданности. В нормативной онтологии отрицается необходимый характер субстанциальности в пользу коммуникативного «устройства» бытия.

Анализируя роль среды в жизни человека, К. Ясперс говорит о том, что функция среды сводится к тому, что она порождает ситуации, в которых имплицитно присутствует индивид. «Он может создавать их самостоятельно, осознанно стимулировать или предотвращать их возникновение. Он подчиняется сложившимся в мире порядкам или условностям и в тоже время может их использовать в качестве инструментов для того, чтобы пробить в этом мире брешь». К. Ясперс ввел понятие экзистенциальной коммуникации, в которой участники выступают как экзистенции по отношению к другой экзистенции. Коммуникация такого типа может осуществляться лишь между двумя личностями, которые являются уникальными, представляют только самих себя и не могут быть замещены. С точки зрения экзистенциальной коммуникации взаимопонимание и самопонимание являются стимулом для самовыражения, для преодоления изолированности, для реализации себя³⁰¹. С. Тейлор и Р. Богдэн, опираясь на феноменологию, рассматривали социальные феномены с точки

---

³⁰⁰ Brentano Ф. Избранные вопросы психологии и эстетики // В сб. Ежегодник по феноменологической философии. Российский государственный гуманитарный университет. М.: Центр феноменологической философии, 2015. С. 281-298.

³⁰¹ Ясперс К. Духовная ситуация времени. М.: АСТ, 2013. С. 38.

зрения действующих лиц и описывали мир как переживаемый субъектами, исходя из допущения, что важнейшая реальность такова, какой люди ее воспринимают³⁰².

Экзистенциальный аналитик М. Хайдеггер представлял бытие «Я» как «сбытие» или «бытие-в-мире», что является принципиально коммуникативным по своей сути: «бытие-с-Другим». В заданном контексте фигура Другого является конституирующе значимой³⁰³. Ж. П. Сартр так разворачивает эту мысль: «Человек, постигающий себя через *cogito*, непосредственно обнаруживает вместе с тем и всех «Других», и притом – как условие своего собственного существования. Он отдает себе отчет в том, что не может быть каким-нибудь (в том смысле, в каком про человека говорят, что он остроумен, зол или ревнив), если только другие не признают его таковым. Чтобы получить какую-либо истину о себе, я должен пройти через «Другого». «Другой» необходим для моего существования также, как и для самопознания... Таким образом открывается целый мир, который мы называем интерсубъективностью»³⁰⁴.

Теолог-диалогист М. Бубер в своих работах проводит ту же мысль, когда подчеркивает, что в целом Я не есть субстанциональная личность, она конституируется лишь в качестве «отношения с Ты». Следовательно, «Я» рождается из «Ты». Он пишет: «Отношение есть взаимность. Цель отношения есть его собственная сущность, т.е. прикосновение Ты». Опыт «Ты» является основополагающим для становления аутентичного «Я». М. Бубер определяет два способа взаимодействия человека и мира: «Я – Оно» и «Я – Ты». В отношениях «Я - Оно» весь мир, в том числе и мир самого человека, воспринимается как объект. Ответственное становление личности может протекать только в отношениях Диалога и экзистенциальной Встречи «Я – Ты».

М. Бубер понимал жизнь как встречу. Диалог, встреча – основное отношение, которое порождает жизнь, бытие. Диалог «Я – Ты» порождает настоящее. Мы имеем дело с индивидуалистической антропологией, которая рассматривает цельность связи существа с сущим. Лишь человек,

³⁰² Taylor S., Bogdan R. Introduction to qualitative research methods: A guidebook and resource (3rd ed.). N.J., US: Hoboken, 1998. 352 p.

³⁰³ Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Академический проект, 2011. 227 с.

³⁰⁴ Сартр Ж. П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: Изд-во АСЕ, 2011. С. 218.

осуществляющий во всей своей жизни возможные для него связи со всем своим существом, помогает нам действительно познать человека. «Человек, который хочет понять самого себя, входит, переступая через напряжение одиночества и пожар его проблематики, в вопреки всему обновленную жизнь со своим миром и мыслит, исходя из этого положения»³⁰⁵. Таким образом, он фактически признает коммуникативную природу человека, что является для нас важным в дальнейшем планировании и проведении эмпирического исследования.

В целом можно сказать, что в гуманитарных науках выделяются следующие полярные и, вместе с тем, взаимодополняющие ориентации, в пространстве которых акцентируются различные аспекты бытия человека.

1. Объектная – субъектная ориентации. В первом случае человек познается как вещь среди вещей, которая порождается в природе и/или обществе; во втором – личность предстает как активное творческое начало, порождающее мир, проектирующее действительность и свое собственное будущее, выходящее в своих поступках и деяниях за пределы самого себя.

2. Детерминистская – индетерминистская ориентации. В первом случае познание личности основывается на природной или социальной причинной детерминации, выводится из прошлого или настоящего, из предначертанности существования; во втором – деятельность человека как автономного существа спонтанна и свободна. В известном смысле попыткой преодоления оппозиции «детерминизм – индетерминизм» выступает учение Б. Спинозы о человеке как субстанции, являющейся причиной самой себя, в котором отражена идея самодетерминации деятельности и опосредования ее индивидуальными жизненными целями³⁰⁶.

3. Монологическая – диалогическая ориентации. В первом случае проявляется антропоцентризм, рассмотрение «человека вне мира, а мира вне человека»; во втором – человек изучается в пространстве внешних и внутренних коммуникаций, межличностного и внутриличностного общения, диалога.

³⁰⁵ Бубер М. Изречённое слово // Личность. Культура. Общество. 2008. Т. X, № 2 (41). С. 23.

³⁰⁶ Спиноза Б. Этика. СПб: Азбука, 2012. 246 с.

Личность рассматривается как особая форма инобытия субъекта в других людях³⁰⁷.

Многие психологи указывают на важность анализа системы отношений субъекта к миру и с миром. Ещё А. Ф. Лазурский настаивал на необходимости включения в анализ личности ее «социальной физиологии» – отношения личности к природе, продуктам труда, другим людям и группам, к материальным и культурным ценностям³⁰⁸. В. Н. Мясищев разработал концепцию отношений: отношения образуют целостную систему индивидуальных, избирательных, сознательных связей личности с различными сторонами объективной действительности³⁰⁹. Б. Ф. Ломов говорил о том, что в процессе жизни «у каждого индивида формируется сложнейшая – многомерная, многоуровневая, динамическая – система субъективно – личностных отношений», организованная в виде «субъективного пространства»³¹⁰.

Процесс развития определяется целостной системой отношений человека с окружающей действительностью (природой, человеком, культурой, обществом). Л. А. Регуш придерживается точки зрения, согласно которой становление образа будущего человека в большей степени обуславливается развитием адекватных ожидаемых оценок со стороны окружающих. Он говорит об ожидании оценки собственной деятельности, которая является регулятором эмоциональных состояний человека. В результате способность к прогнозированию оценок и поведения других людей становится основой для корректировки собственного поведения³¹¹.

На наш взгляд именно через построение образа будущего, целеполагание, постановку различных задач и целей человек получает возможность не только творить мир, но и отыскивать смысл своего существования, воплощать его в жизни в процессе реализации сущностных сил. Дальнейшее развитие этих идей

---

³⁰⁷ Гусельцева М. С., Асмолов А. Г. Парадигмы развития в психологии // Мир психологии. 2007. № 2. С. 18-31.

³⁰⁸ Лазурский А. Ф. Психология общая и экспериментальная. М.: Издательство Юрайт, 2017. 245 с.

³⁰⁹ Мясищев В. Н. Психология отношений. М.: Изд-во Московского психолого-социального ин-та, 2011. 193 с.

³¹⁰ Ломов Б. Ф. Психическая регуляция деятельности. Избранные труды. М.: Когито-центр, 2006. 285 с.

³¹¹ Психическое развитие человека и социальные явления. СПб: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2010. 291 с.

прослеживается в понятии «многомерный мир человека», разработанном в теории психологических систем. Это то, что располагается между объективной и субъективной реальностью. Мир каждого человека уникален и составляет то, что является собственно человеческим в человеке, его самость, его сущностную характеристику.

В центре внимания представителей символического интеракционизма находится символическая коммуникация или взаимодействие людей, осуществляемое посредством символов. Человек – единственное в живой природе существо, общественное поведение которого с необходимостью предполагает создание и использование символов. В результате коммуникация представляет собой процесс непрерывной интерпретации и дефиниции образов или символов. В рамках интеракционистского направления разработаны концепции взаимности, согласованности и совместимости на основе принятия ролей. Мерой эффективного взаимодействия является соответствие социального поведения индивида требованиям нормативности и/или ожиданий. Для успешного осуществления коммуникации человек должен обладать способностью принять роль другого, войти в положение того человека, которому адресована коммуникация, и посмотреть на себя его глазами. Только при этом условии индивид превращается в личность, в социальное существо, которое способно отнестись к себе как к объекту, сознавать смысл собственных слов, поступков и представлять, как эти слова и поступки воспринимаются другим человеком³¹².

Г. Блумер ввел понятие «импульсивного Я», которое отвечает за активное противостояние миру, заставляет не просто осознавать свои поступки, но и контролировать собственное поведение³¹³. М. Кун известен как автор теории самооценки личности, в которой главным является детерминация поведения человека тем, как он сам воспринимает и интерпретирует окружающую реальность и себя, т.е. акцент делается именно на рефлексивном «Я». В процессе

---

³¹² Мид Д. Г. Социальное сознание и сознание смысла // Эпистемология и философия науки. 2013. № 1 (35). С. 219-227.

³¹³ Блумер Г. Социологическая теория в промышленных отношениях // Социологический ежегодник. 2009. Т. 2009. С. 158.

аутокоммуникации человек контролирует собственное поведение, исходя из собственного восприятия и интерпретации реальности и самого себя.

Т. Шибутани говорит: «Сознание есть форма коммуникации – человек, который что-то осознает, по существу, дает сам себе показания – примерно так же, как он мог бы это сделать, общаясь с кем-либо другим»³¹⁴. По его мнению, рефлексивное мышление всегда социально. Человеческая природа и социальный порядок являются продуктами коммуникации; личность рассматривается как формирующаяся в процессе повседневного взаимодействия с окружающими.

Современные направления в социальной психологии, такие как социальный конструктивизм, критическая социальная психология, заостряют роль и значение общения не только для социальных процессов, но и для социально-психологических. К. Герген формулирует «социорационалистическую метатеорию», которая исходит из того, что не внутренние процессы, происходящие внутри индивидуального сознания, производят знание, а социальный процесс коммуникации. Это позволило ему провозгласить преобразование тезиса Р. Декарта «*Cogito ergo sum*» («Я мыслю, следовательно, существую») в «*Communicamus ergo sum*» («Я общаюсь, следовательно, существую») ³¹⁵.

В. Франкл также подчеркивал диалогический характер личности, ее коммуникативную природу, когда указывал, что путь человека лежит через мир, если он хочет прийти к самому себе³¹⁶. Близкие идеи высказывает П. Л. Хаммак подчёркивая целесообразность применения идеографического подхода к анализу личностного развития в рамках культурно-исторического подхода, что предполагает приоритет в выявлении личностного нарратива по сравнению с исследованием стадий личностного развития³¹⁷.

Коммуникативный или «интерсубъективный» аспект личности также подчеркивается Рональдом Д. Лэйнгом в его работе «Я и Другие». Невозможно

³¹⁴ Шибутани Т. Социальная психология. М.: Феникс, 2002. С. 48.

³¹⁵ Герген К. Социальная конструкция в контексте. М.: Смысл, 2016. 316 с.

³¹⁶ Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Смысл, 2012. 368 с.

³¹⁷ Hammack P. L., Toolis E. Narrative and the Social Construction of Adulthood // Rereading Personal Narrative and Life Course. 2014. Vol. 145. P. 43-56.

дать неискаженное описание личности, если не дать описания ее отношений с Другим. Даже описывая отдельного человека, мы не можем позволить себе забыть, что любой человек постоянно действует на «Других» и подвергается действию с их стороны. «Другие» всегда присутствуют. Нет никого, кто бы действовал или переживал в вакууме. Личность, которую мы описываем, и относительно которой строим свои теории, не единственная действующая сила в этом «мире». Как она воспринимает «Других» и действует по отношению к ним, как они воспринимают ее в качестве воспринимающей их – всё разные аспекты одной «ситуации». Комплементарность – взаимозависимость, которая оформляется в соответствии с культурными нормами, – это функция персональных отношений, посредством чего «Другой» наполняет или «комплекует» личность и позволяет осуществляться «Я», а также придает ему определенную цельность³¹⁸.

Отсюда напрашивается вывод о том, что при изучении человека одним из интересных направлений может стать и является рассмотрение его через системное психологическое осмысление особенностей построения образа возможного будущего в процессе коммуникации как предиктора жизнеосуществления и развития.

Современные гуманитарные науки признают коммуникативную природу мира, когда личность рассматривается как субъект внешнего межличностного и внутреннего пространств, в которых она поддерживает и развивает коммуникативные и ментальные структуры своего «Я».

В. И. Кабрин понимает личность как иерархию различных уровней внешних и внутренних коммуникаций, динамически интегрирующих различные характеристики личности (мотивации, черты, склонности, способности, конструкторы, когниции, интеракции, установки, чувства, ценности, смыслы, нормы, роли, отношения, деятельности) в новое качество – коммуникативный мир³¹⁹. При таком подходе феномен коммуникации начинает рассматриваться как

³¹⁸ Лэйнг Р. Д. Я и Другие. М.: Независимая фирма «Класс», 2002. 192 с.

³¹⁹ Кабрин В. И. Коммуникативный мир и транскомуникативный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. М.: Смысл, 2005. 248 с.

«смыслообразующий, смыслотворческий процесс». В ходе внешней и внутренней коммуникации информация, которую человек передает и воспринимает, может существенно изменяться под влиянием образа возможного будущего. Если следовать идее о множественной идентификации личности, о которой говорили еще У. Джеймс, К.-Г. Юнг, Р. Ассаджиоли и др., каждый человек может столкнуться с проблемой возникновения конфликта между разными идентичностями, может оказаться в ситуации потери истинной идентичности и пр.³²⁰, ³²¹, ³²². Во всех этих случаях у человека нарушается процесс непрерывного формирования и модернизации образа будущего, изменяется картина внутреннего мира, представления о себе, своей сущности. Поэтому особенно важно изучать процессы существования образа возможного будущего в форме непрерывной внутренней коммуникации как в целом, так и в проявлении их возможных аспектов.

При рассмотрении коммуникативного мира личности в виде многоуровневой системы устойчивых, добровольных и взаимных коммуникативных отношений ее как субъекта со своими партнерами мы предполагаем, что коммуникативный мир личности рождается на пересечении эйдетических возможностей и ментального опыта, содержит многообразие представлений, воззрений, установок, ценностных ориентаций личности в социокультурном масштабе. Применение коммуникативного подхода к анализу образа будущего позволяет рассматривать его как особую психическую реальность, сложно организованную систему регуляции жизнедеятельности субъекта.

Классические психологические подходы рассматривают ситуации реализации собственных намерений при общении с партнёрами как «обмен» информацией, чувствами и т.п. В этом обмене партнерами контролируется соотношение затрат и вознаграждений, т.е. действует принцип выгоды. Более

---

³²⁰ Джеймс У. Рациональность, деятельность и вера // Личность. Культура. Общество. 2017. Т. 19, № 1-2. С. 42-64.

³²¹ Юнг К.-Г. Visions. Семинары. М.: Клуб Касталия, 2015. 825 с.

³²² Ассаджиоли Р. Психосинтез. Принципы и техники. М.: Захаров, 2007. 169 с.

сложные взаимоотношения между партнёрами могут строиться на взаимной эмпатии, выходящей за рамки исполняемого долга. Это транскоммунитивный тип отношений. Возможно выделить несколько уровней отношений:

1. Паразитарные отношения (творчество выживания), в которых мы существуем за счет других, точнее, поглощая других, ассимилируя их в собственный жизненный мир. Социализация отношений на этом уровне может рассматриваться как переход от исходно агрессивных отношений взаимопоглощения и взаимоистребления (дидактический диктат и эксплуатация) к конструктивным отношениям взаимного служения, обеспечивающего социальную преемственность организаторов и исполнителей (они существуют в одной лодке и взаимно ответственны за качество жизни). Этот тип первичной идентификации человека с общностью, в котором паразитарный эгоизм трансформируется в позицию служения, обозначается как интракоммуникативные отношения (еще замкнутые, но уже децентрированные). Этот уровень отношений определяется исходными внутренними свойствами индивидов и интересубъективный контекст еще не сформирован.

2. Симбиотические отношения (полезное творчество), в которых мы терпим других, в той мере, в какой они нам выгодны. Здесь открывается возможность учитывать и оптимально задействовать сильные и слабые стороны партнеров, их индивидуальные особенности. Трансформация симбиотических (инстинктивно - корыстных) отношений возможна в отношения согласия, договоренности и контракта. Этот тип адаптивных, ситуативно - ориентированных на внешние свойства среды отношений обозначается как экстракоммуникативные отношения.

3. Социальные отношения (достойное творчество) – заключаются в приобщении человека к исторически оформленным статусным, ролевым отношениям долженствования. Они часто отягощены взаимным недоверием и подозрительностью в несправедливости и фальши, прикрытой изощренной идеологией. Трансформация деперсонализированных властных отношений возможна в личные достойные отношения взаимной порядочности, честной игры, прозрачности и справедливости. Статусно-ролевые отношения

«Организатор – Исполнитель» развиваются как взаимное принятие своих прав и обязанностей в отношении друг друга и формирование соответствующих взаимных ожиданий. Поэтому такие отношения обозначаются как интеркоммуникативные.

4. Автономные отношения (свободное творчество) как стремление к автономии, самодетерминации, самореализации современные психологи относят к базовым врожденным потребностям человека, определяющим его общий потенциал развития и потенциал достижений.

Теория транскомуникации рассматривает развитие собственной эффективности и профессиональной и личностной компетентности как раскрытие собственного потенциала достижений, который определяется как интегральный фактор, предполагающий одновременную выраженность двух характеристик: творческого потенциала и коммуникативной ответственности. Данные качества образуют единство на основе более глубинного фактора – потребности в компетентности. «Я могу» одновременно рождает самосознание и ответственность («Я отвечаю за это»). Таким образом, психологический потенциал достижений – это раскрытие базовой потребности личности в компетенции и переживании Пика Возможностей в совершенствовании мотивационных, когнитивных, креативных и эмоциональных оснований инновационного поведения. Он реализуется в транскомуникативных ситуациях, преобразующих значимые жизненные отношения, делая их более эффективными и жизнеспособными. Коммуникативный мир развивающейся личности представляет собой дифференцированную систему креативно-коммуникативных компетенций, которые дают возможность находить комфортную и конгруэнтную позицию в сложных и противоречивых ситуациях, сохраняя потенциал жизнелюбия, великодушия, альтруизма и способность актуализировать высшие ценности. Это позволяет такой личности поддерживать свою позитивную

пассионарность. Ориентация на достижения вырастает из глубинных возможностей самореализации³²³.

Б. Ньюгартен установил, что представление о будущем не является феноменом индивидуального сознания, а обусловлено факторами социальной среды. В сознании членов различных социальных групп представлен определенный временной порядок («расписание») основных событий жизни. Отставание от этого «расписания» субъективно рассматривается как неуспех³²⁴. Аналогично временной перспективе ряд специалистов вводят понятие «временной кругозор», рассматривая его как интегративную характеристику развития временных представлений личности, формирующихся в процессе социальной деятельности. В. А. Петровский говорил о том, что «человек включен в другого человека и через эту включенность развивается как личность»³²⁵.

В. Ф. Сафин рассматривает самоопределение в качестве стержневого процесса социального созревания через осознание и соотнесение индивидом своих возможностей и социальной необходимости, овладение значимыми сферами жизнедеятельности, обуславливающими самореализацию его как личности³²⁶. При этом главным в процессе самоопределения является способность самостоятельно ставить жизненные цели, т.е. формировать образ возможного будущего и разрабатывать способы его реализации с учетом требований социальной среды.

Субъективное значение событий, предметов и действий с ними структурирует образ будущего совсем не аналогично структуризации метрических пространств, аффективно «стягивает и растягивает» пространство и время, нарушает их последовательность и, тем самым, ставит под сомнение (или ни во что не ставит) все виды логических связей, являясь частью иррационального. «Образ будущего» является понятием, описывающим

³²³ Кабрин В. И. Коммуникативный мир и транскомуникативный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. М.: Смысл, 2005. 248 с.

³²⁴ Neugarten Bh., Hagestad G.O. Age and the life course // In: Handbook of aging and the social sciences / Ed. by R.H. Binstock, E. Schanas. New York: Litten Edu. publ., 1976. P. 35-55.

³²⁵ Петровский В. А. Индивидуальность, саморегуляция, гармония // Московский психотерапевтический журнал. 2008. № 1 (56). С. 60-90.

³²⁶ Сафин В. Ф. Личность: факторы и условия самоопределения и самореализации. Уфа: Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, 2007. 140 с.

субъективную, пристрастную модель мира, включающую рациональное и иррациональное, развивающуюся на основе непрерывного процесса коммуникации³²⁷.

В. Е. Клочко и Э. В. Галажинский употребляют понятие «ментальное пространство», за которым стоит не комплекс завязанных в систему элементов «объективной действительности», но и не произвол системообразования, осуществляемый человеком. Это то, что происходит между человеком и средой, пространство, в котором снимаются как объективная логика среды, так и субъективная логика человека»³²⁸. Это позволяет нам сделать общий вывод о том, что для томской психологической школы характерно активное применение принципа диалогичности в качестве методологического основания теоретических и эмпирических исследований.

По мнению Ж. Нюттена личность состоит из совокупности потенциальных и актуальных взаимосвязей с поведенческим миром, который сам по себе постепенно выделяется из физической реальности через этот процесс взаимодействия. Ее структурные элементы так же есть результат такого взаимодействия. Выделение полюсов «Индивид» и «Среда» является искусственным, в результате личность и мир оказываются вырванными из объединяющей их сети взаимодействий³²⁹.

Приведенных концепций достаточно для того, чтобы сделать существенные для дальнейшей работы выводы:

- Рассмотренные теории указывают на обязательную связь личности и коммуникации.
- Различия во взглядах заключаются в том, что одни подходы отдают приоритет личности над коммуникацией, другие говорят, что личность является функцией коммуникации.

---

³²⁷ Психология субъектности. Человек как автор жизни: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Киров: Изд-во ВГПУ, 2001. 152 с.

³²⁸ Клочко В. Е., Галажинский Э. В. Самореализация личности: системный взгляд. Томск: Издательство Томского университета, 1999. С. 31.

³²⁹ Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004. 608 с.

- Большинство теорий основное внимание уделяют внешним аспектам коммуникации – межличностному общению и взаимодействию. На наш взгляд, внутренний аспект коммуникации по-прежнему остается мало изученным, особенно в контексте влияния на образ будущего.

3.3. Репрезентация образа будущего в контексте профессионального развития субъекта

Теоретический анализ коммуникативных аспектов существования образа будущего привёл нас к постановке эмпирической задачи выявления форм существования и механизмов проявления содержания образа будущего в коммуникативном мире личности и в деятельности субъекта, а также выявления вариантов (типов) профессионального развития с учётом характеристик образа будущего и коммуникативного мира личности.

В процессе эмпирического исследования мы исходили из предположения, что любые ментальные репрезентации, в том числе и образ будущего, имеют общую структуру. Мы считаем, что в их основе могут находиться инвариантные образования, описываемые характеристиками коммуникативного мира личности. При изучении субъективных факторов, определяющих формирование имплицитной модели профессионального развития, мы выделяли уровень характеристик образа будущего, уровень характеристик коммуникативного мира личности, уровень базовых стратегий жизнеосуществления. В ходе планирования исследования нам представлялось важным рассматривать не предполагаемые события или ситуации в будущем, а базовые интегративные характеристики образа будущего.

Гипотеза исследования заключалась в предположении о том, что в основе внутренней структуры и механизма развития образа будущего лежит внешняя и внутренняя коммуникация, которая выявляется через рассмотрение биографики образа будущего как диалога автора с читателем или с идеальным образом своего Я. Данная структура образа будущего определяет типы стратегий

профессионального развития субъекта трудовой деятельности. В качестве базовых характеристик коммуникации в процессе формирования и развития образа будущего мы выделяли следующие: открытость, децентрация, десубстанциализм, толерантность, коммуникативное действие.

Теоретические основания нашего эмпирического исследования базируются на принципах, описанных в предыдущих параграфах данной главы. Предполагаемым результатом данного исследования будет классификация присущих субъекту типов коммуникации, отражающихся в образе будущего, и типа поведенческих отношений, которые человек хотел бы и выстраивает в процессе профессионального развития. Другой базовый принцип нашего исследования может быть сформулирован следующим образом: мы должны обращать внимание не только на специфические объекты и события, содержащиеся в образе будущего, но и на более общую функцию или роль, которую этот объект или событие выполняет во взаимодействии субъекта с миром в процессе профессионального развития. Представленная система кодирования результатов – продукт эмпирического исследования. Она базируется на анализе коммуникативных аспектов взаимодействия субъекта и мира, присутствующих в образе будущего и была разработана на материале анализа индивидуальных протоколов, полученных в результате работы со всеми категориями субъектов, принадлежащих к разным культурным и возрастным слоям (мужчины и женщины в возрасте от 19 до 47 лет, имеющие различное как по уровню, так и по содержанию образование). Более детальное описание выборки приведено в разделе 2.3. Результаты исследования, отражённые в разделе 2.3. были дополнены результатами контент-анализа коммуникативного мира личности, собранными в ходе фокусированного интервью с респондентами.

Анализ количественных показателей коммуникативного мира личности и содержания образа будущего предполагал широкое применение различных методов статистического анализа:

1. Метод группирующего кластерного анализа (по Уорду), который позволяет организовать формальные классы категорий, объединяемых по

критерию частотной встречаемости, их интерпретация основана на гипотезе о том, что формальные классы соответствуют семантическим классам, а это позволяет сравнивать между собой все параметры по всем признакам. Для процедуры кластерного анализа очень важным является выбор метрики (алгоритма вычисления меры сходства между объектами), нами использовалась наиболее распространенная Евклидова метрика, удобство которой состоит в ее применимости ко всем типам переменных – признаков.

2. Метод центроидного кластерного анализа для установления меры связи между признаками. В «ядре» кластерной структуры будут находиться признаки с самой сильной взаимосвязью. Затем ищется признак, наиболее связанный с «ядром» и т.д. последним к дендрограмме присоединяется признак, наименее связанный со всеми остальными признаками.

В результате контент-анализа описаний образа будущего мы выделили следующие 14 характеристик коммуникативного мира личности, которые затем учитывались в кластерном анализе наряду с 73 характеристиками образа будущего:

Категория «Отношение к другим людям». Это самая распространенная категория, составляющая у многих испытуемых от половины до 80% всех конструкторов. К ней относятся конструкторы, описывающие позицию человека по отношению к другим, его позицию в процессе взаимодействия с кем-либо. В том числе в качестве дополнительных характеристик, раскрывающих содержание данного конструктора мы использовали:

1. Активные социальные контакты – все возможные виды поведенческого взаимодействия между людьми.

2. Цели, формулируемые для других – альтруистические контакты.

3. Ожидание чего-то от других – эгоцентрические контакты.

Категория «Отношение к себе». Конструкторы, описывающие принятие или непринятие себя, уверенность или неуверенность в своих способностях достичь поставленных целей. В том числе в качестве дополнительных характеристик, раскрывающих содержание данного конструктора мы использовали:

4. Личностные характеристики – объекты и события, относящиеся к некоторым аспектам личности самого испытуемого. Представление или восприятие человеком самого себя (Я-концепция), личностная автономия, характер и черты личности.

5. Стремление к саморазвитию – действия или стремления субъекта, направленные на развитие (актуализацию) его самого. Субъект хочет стать личностью определенного типа, либо хочет вести определенный образ жизни. Уверенность в успешной реализации собственных проектов, целей, планов.

Категория «Активность в целом» – высокая активность, направленная на производство некоторых полезных объектов (учеба, работа) в отличие от досуговой активности. Любые формы активности, предполагающие получение какой-либо пользы. В том числе в качестве дополнительных характеристик, раскрывающих содержание данного конструкта, мы использовали:

6. Отношение к профессиональной и другим видам деятельности – описание стиля деятельности, ее качества, успешности, удовлетворенности, степени активности, самостоятельности, инициативности и проч.

7. Активность в связи с получением информации, познанием, исследованием и т.д.

8. Отношение к материальным предметам. Конструкты, характеризующие взаимодействие человека с предметным миром: аккуратность, любовь к порядку, бережливость, интерес к устройству вещей.

9. Желание обладать чем-то, иметь, приобретать.

10. Отношение к явлениям культуры, науки и идеологии – отражение этических, эстетических, религиозных, политических, партийных, этнических и прочих взглядов и убеждений; интерес или его отсутствие к явлениям искусства и науки.

11. Поведенческие конструкты – в них содержатся не свойства или черты личности, а конкретные поведенческие аспекты. Мы рассматривали данную категорию как свидетельство низкого развития категориального аппарата и

неспособности обобщить и выделить характеристики, лежащие за конкретными поведенческими актами.

12. Активность, связанная с отдыхом, игрой, досугом, путешествиями – отсутствие утилитарных целей. Увлечения и интересы – описания всевозможных занятий, которыми могут заниматься люди на досуге.

13. Экстраординарные конструкты, которые основаны на метафорическом восприятии.

14. Трансцендентальные ценности, имеющие религиозную или экзистенциальную природу.

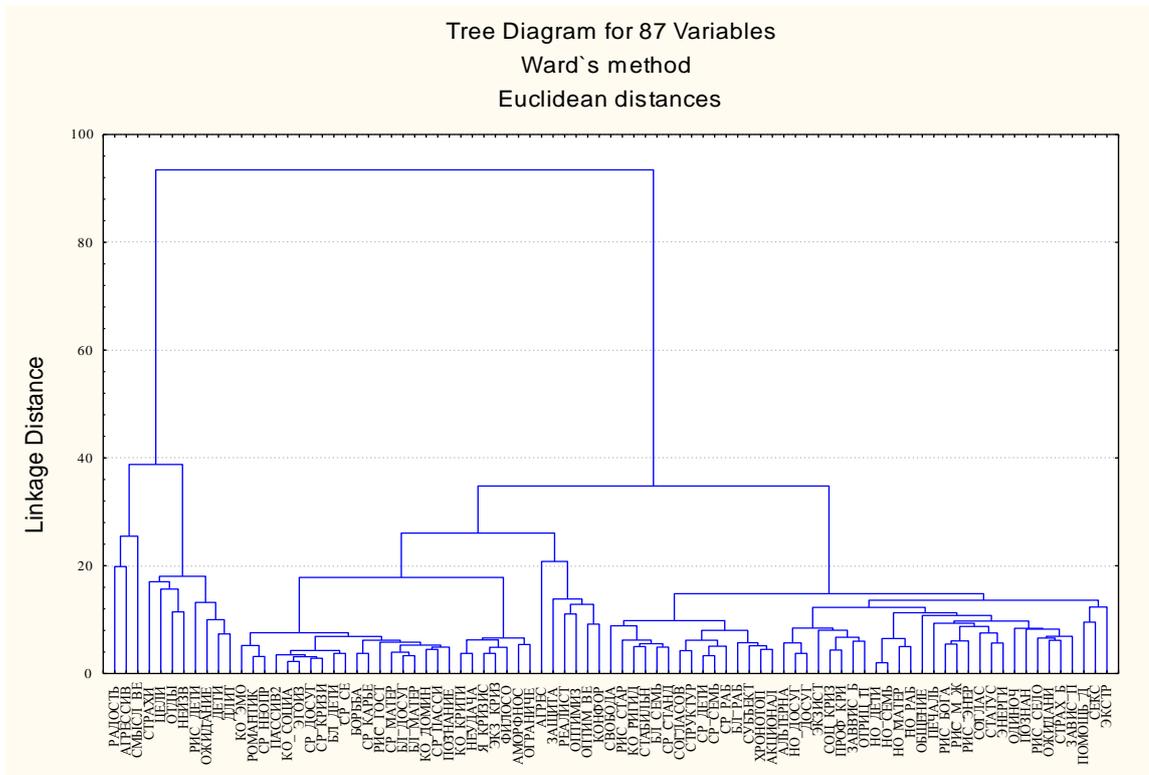

Рисунок 1 – Результаты иерархического анализа характеристик коммуникативного мира личности и особенностей образа будущего в контексте профессионального развития

Для решения задачи учета характера коммуникации и характеристик коммуникативного мира личности в образе будущего в контексте профессионального развития мы применили процедуры кластеризации к полученным результатам контент-анализа (см. 2.3.). Наличие необъяснимых (в

рамках моделей ортогонального базиса) косоугольных сцеплений частных координат и скоплений точек в субъективных пространствах также потребовало применения неметрических алгоритмов кластерного анализа.

Для установления взаимосвязей между психосемантическими признаками описаний образа будущего была проведена кластеризация данных признаков по центроидному методу. При применении Евклидовой метрики и группирующего метода Уорда учитывалось положение о том, что субъективная обрезка дерева и выделение кластеров одного уровня не должны зависеть от наших представлений о «правильной» структуре данных. Кластерный анализ в итоге позволил выделить группы описаний образа будущего с единым психосемантическим пространством, т.е. установить типы описаний образа будущего и характеристик коммуникативного мира личности в контексте вариантов профессионального развития. Во всех кластерах обнаруживается достаточно большая дисперсия, что свидетельствует о четкой дифференциации типов профессионального развития по выделенным признакам. В результате применения процедур статистического анализа были выявлены кластеры, описывающие специфику семантической организации изучаемых шкал, отражающих процессы формирования и развития образа будущего в процессе внешней и внутренней коммуникации (Рисунок 1). Эти данные подтверждают характеристику психосемантического пространства образа будущего и коммуникативного мира личности как униполярного, построенного на взаимодействии различных смыслов, отражающих его сложность и системность.

В связи с ориентацией на кластеры с большим процентом встречаемости показателей, мы выделили для анализа центроидным методом четыре кластера, которые наиболее полно описывают структуру семантических репрезентаций. На основе выделенных четырех кластеров были введены две новые качественные переменные, показывающие в какой именно кластер входит конкретное описание. Это переменные:

- Открытость коммуникативного мира в процессе профессионального развития.

- Осмысленность жизни и образа будущего в процессе профессионального развития.

Статистические характеристики кластерного анализа приведены в Приложении В (Таблица В.1). Вышеназванные переменные и содержание тем сочинений и рисунков образа будущего послужили основанием для выделения четырёх типов построения образа будущего с учётом характеристик коммуникативного мира личности:

1. Оптимистичный, эмоциональный характер внешней и внутренней коммуникации в процессе формирования и развития образа будущего. Интеркоммуникация, сопровождающаяся активным, импульсивным формированием многочисленных жизненных планов, проектов, программ конкретных действий, т.е. формированием вторичного поливариативного образа будущего. Многочисленные жизненные планы постоянно меняются. Деятельность, направленная на их выполнение, отсутствует. Психологическое пространство личности обнаруживает свою безразмерность и сверхразмерность. Примеры описаний образа будущего: «Я хочу, чтобы все события в моем будущем соответствовали моим желаниям и возможностям на тот момент, хотя иногда я могу хотеть совершенно противоположные вещи одновременно». «Будущее для меня близкое и далекое одновременно, а главное – внезапное. Это можно сравнить с поездкой за грибами».

2. Агрессивный, доминирующий характер формирования и развития образа будущего. Интракоммуникация, характеризующаяся импульсивностью, общей агрессивностью. Характерно осознание проблемно-конфликтной ситуации с нарастанием негативных эмоций. Для данного типа коммуникации характерно наличие катарсиса в направлении душевное – телесное. Предполагает построение ригидного образа будущего либо отказ от его формирования вообще. Примеры описаний образа будущего: «Это наглядные образы предметов, сцен и событий, возникающие на основе продуктивного воображения. Это развитие психологической жизни личности». «Каждый человек ставит перед собой

несколько жизненных целей, которые зависят от притязаний». «Все, что нас не убивает, делает нас сильнее».

3. Адаптивный, рациональный, нормативный, конформный характер формирования и развития образа будущего. Экстракоммуникация – носит адаптивный характер, является реакцией на внешнее воздействие и ориентирована на установление гармоничных отношений с внешним миром. Для данного типа коммуникации характерен разрыв между душевной и физической информацией. Предполагает построение адаптивного образа будущего. Примеры описаний образа будущего: «Вся информация, которая находится в смысловом поле слова «будущее», представляется крайне неразборчивой и далека от согласованности». «Это субъективная картина мира, представленная фрагментами внешнего мира».

4. Уверенный, целостный, осознанный, рефлекслирующий характер внешней и внутренней коммуникации в процессе формирования и развития образа будущего. Транскомуникативный, целостный образ будущего. Транскомуникация – строится на основе переживаний, чувств, озарений, тесно связана с творчеством и характеризует построение первичного образа будущего. Именно переживание является основой любого психического акта, действия. Транскомуникация – это переживание человеком себя самого, ситуации, на основе чего строится его отношение к самому себе и ситуации, что предполагает трансцендентность психологического времени (взаимную трансформацию прошлого, настоящего и будущего), чувство вечности. Транскомуникация подразумевает сверхмногообразие жизни, она включает катарсический, импринтинговый, экстатический и инсайтный компонент. В этом случае происходит развитие личности через встречу с неизвестностью и принятие на себя ответственности за конкретные решения. Этот уровень характеризуется целостностью образа будущего, его интенсивным развитием. Он связан с интеграцией в единое целое на базе формирующихся специфических ценностных коммуникативных отношений. Коммуникативные отношения обнаруживают связи с такими характеристиками личности как альтруизм, отзывчивость,

уверенность, толерантность, миротворчество и т.п. Транскомуникация в узком смысле – особый вид и уровень общения, непосредственно порождающий процессы развития личности, интегрирующий и дифференцирующий душевную жизнь человека. На наш взгляд, чтобы понять человека, необходимо понять транскомуникативный процесс взаимной синхронизации его коммуникативных миров в межличностном и внутриличностном планах. Примеры описаний образа будущего: «Хочу прожить всю жизнь, чувствуя завораживающую красоту мира и жизни». «Прошлое – это лед, настоящее – вода, а будущее – пар. Это как облако на небе. Сейчас ты помотришь на него, запомнишь форму, размер, цвет. А буквально чуть – чуть отвлечешься, и оно уже другое. И того, прежнего облака, которое ты увидел впервые, уже никогда не будет, потому что оно осталось в прошлом».

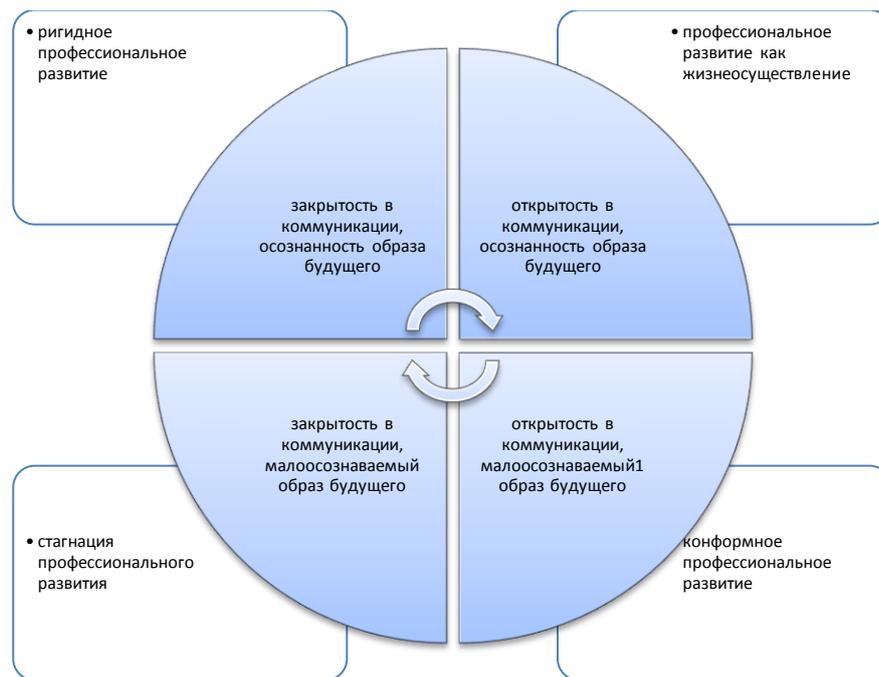

Рисунок 2 – Типы профессионального развития с учётом характеристик образа будущего и коммуникативного мира личности

Предлагаемая модель позволяет рассматривать личность как субъект внешнего межличностного и внутреннего пространств коммуникативного мира, в котором она поддерживает и развивает коммуникативные и ментальные

структуры своего «Я». Коммуникация рассматривается в качестве внутренней, сущностной основы жизненного процесса, внешней, исходной стороной которого является общение человека с миром. Т. о. выделяется внутренняя (смысловая) и внешняя (объективируемая) сторона процесса формирования и развития образа будущего.

Данные типы построения образа будущего с учётом характеристик коммуникативного мира личности соответствуют четырём типам профессионального развития (Рисунок 2):

1. Спонтанно-эмоциональный образ будущего соответствует выраженности профессионального развития в минимальном объёме или его отсутствию. Избирательность и фрагментарность в построении образа будущего. В описаниях встречаются следующие фразы: погруженный в семью и воспитание детей; иногда занимающийся карьерой; главное то, что доставляет удовольствие. Процесс внутренней коммуникации у таких людей возникает крайне редко. Они не склонны заниматься осмыслением себя и своего места в мире. В целом образ будущего у таких людей отличается однозначностью и «узостью», ограниченным содержанием. Преобладают самые общие цели без описания возможного результата («Развиваться», «Понять себя», «Быть нужным людям» и т.п.). При этом для данных людей в значительной мере более важным является анализ прошлого жизненного опыта, нежели планирование возможного или желаемого будущего.

2. Доминирующе-агрессивный характер организации образа будущего свидетельствует о ригидном варианте профессионального развития. Квазирефлексивный подход к жизни, формирование образа будущего на основе предыдущего жизненного опыта. В описаниях встречаются следующие фразы: стремящийся понять смысл и мотивы; углубленный в себя; познающий. Люди этого типа склонны идеализировать свои качества, обесценивая при этом окружающих, что приводит к некоторой ригидности и инфантилизму при формировании образа возможного будущего. В данном случае мы склонны говорить о «раздувании» образа будущего, его гиперболизации, акцентировании

на собственных желаниях. При восприятии окружающего мира у представителей данного типа наблюдается феномен так называемого «наивного реализма»³³⁰. Они считают собственное восприятие окружающего мира абсолютно объективным, а в ситуациях, когда мнение окружающих отличается или противоречит их суждениям, объясняют это некомпетентностью оппонентов.

3. Адаптивный образ будущего – профессиональное развитие носит конформный характер. Аутоагрессивный тип построения образа будущего, наделение его исключительно негативными характеристиками. В описаниях встречаются следующие фразы: враждебно настроенный к другим; неудачник; страдающий из-за собственной бездарности; стыдящийся себя; упрекающий себя; не дающий себе проявиться. Центрируясь на деструктивном, человек остается в статичном негативном внутреннем состоянии, занимается самообвинением и самокритикой. В большей степени акцентирует свое внимание на анализе прошлых ошибок, нетерпим, категоричен в отношении к самому себе, профессиональное развитие отсутствует. Результаты исследования позволяют сделать вывод о недостаточной сформированности и интегрированности образа будущего. Его содержание в большей степени определяется результатами внешней коммуникации. Если получаемая информация негативна, то процесс формирования и структурирования образа возможного будущего практически останавливается. В целом образ будущего отличается стандартностью и стремлением соответствовать требованиям внешнего мира. Такие люди тратят много энергии на самоконтроль. В результате это приводит к одновременной зависимости от окружения и трудностям в социальных контактах (на это указывает положительная корреляционная зависимость между интроверсией и трудностями в социальных контактах $r = 0.87$). В итоге это ведет к утрате собственной индивидуальности и потере инициативы (что подчеркивается положительной корреляционной связью статичности с безразличием ($r = 0.76$), одиночеством ($r = 0.78$) и бесчувственностью ($r = 0.60$)). В коммуникации в целом

---

³³⁰ Петренко В. Ф. Парадигма конструктивизма в гуманитарных науках // Развитие личности. 2012. № 2. С. 88-98.

они склонны проявлять недоверчиво-скептический стиль поведения по отношению как к другим, так и к себе, склонность ставить перед собой достаточно простые и легкодостижимые цели на фоне ощущения недостаточности достигнутого. Мы можем говорить о недостаточности прилагаемых в настоящем усилий для реализации своих жизненных целей. От этого негативные переживания только усиливаются. Вероятно, проблема заключается в конфликте между стремлением к достижениям, планами и актуальным состоянием. Такие люди не готовы к реализации своих целей, не готовы нести ответственность.

4. Транскоммунитивный подход к формированию образа будущего. Профессиональное развитие является частью общего жизненного развития. В описаниях встречаются следующие фразы: оптимистичный; активный; отзывчивый; состоявшийся. К этому типу относятся люди, адекватно воспринимающие, осознающие и осмысливающие себя. Они принимают себя во всем разнообразии своих проявлений (негативных, нейтральных, позитивных), интегрируют информацию о себе в единый целостный образ и имеют устойчивую личностную определенность. Они обладают способностью самостоятельно ставить перед собой цели, относятся к себе, к своим переживаниям, своей собственной субъектности как к ценности. В результате доверие к себе проявляется в способности их личности «выходить за пределы» себя, своего опыта или конкретной ситуации. Это приводит к достаточной детализации разрабатываемых жизненных и карьерных стратегий, их наполненности фактологическим материалом.

Кроме того, в ходе исследования нам представлялось важным выявить особенности когнитивных компонентов образа будущего, которые могут препятствовать профессиональному развитию. К таковым, по результатам исследования, мы относим:

- Неадекватность набора категорий, лежащих в основе построения семантического пространства образа будущего.

- Установка на минимальный диапазон альтернатив при построении жизненных целей.
- Особенности структуры когнитивных компонентов, снижающие адекватность восприятия и оценки образа будущего. К таковым относятся монолитная и сегментарная организация семантического пространства образа будущего; уровень организованности различных структурных компонентов образа будущего.

Наиболее адекватной является артикулированная система, предполагающая наличие сложных иерархизированных причинно-следственных, временных и др. отношений между семантическими полями основных усваиваемых категорий. Структурно-содержательные особенности когнитивных компонентов, тенденция к монолитной, сегментарной или артикулированной структуре могут рассматриваться в качестве критериев адекватности процесса формирования образа будущего.

Таким образом, результаты эмпирического исследования позволили нам подтвердить эмпирическую гипотезу о возможности выделения типов профессионального развития в зависимости от характеристик коммуникативного мира личности и содержания образа будущего. Что ещё раз позволяет нам утверждать, что образ будущего является предиктором профессионального развития современного специалиста.

3.4. Выводы по Главе 3

Образ будущего связан с комплексным пространством функционирования человека, складывающимся из природных, психических, личностных условий его развития с одной стороны, социальных условий (во всей конкретности этого понятия) с другой, и способов организации жизнедеятельности с третьей. Иными словами, формирование образа будущего связано и проявляется в постоянном разрешении противоречия между той сложной живой системой, которую представляет человек и социальными, техническими и прочими системами.

Задачей человека в профессиональном развитии становится в самом широком смысле приведение в соответствие (конечно, в относительных пределах) своих возможностей и ограничений с условиями внешнего мира.

Мы полагаем, что в любом поведенческом акте представлено прошлое, настоящее и будущее. Это живой пространственно-временной континуум, в котором протекает развитие человека, понимаемое как уникальный процесс в единстве пространства и времени. Это одновременно и формирование образа ситуации и программы действия, и необходимое условие вневременных состояний сознания.

Развитие человека происходит в процессе внешней и внутренней коммуникации. Внутренняя коммуникация выполняет функции социальной адаптации, саморегуляции и совершенствования. Это одновременно и саморазвитие, и самопознание личности, когда человек постигает свои внутренние переживания, анализирует свои мысли, состояния, свое реальное поведение, так или иначе оценивает себя, делает соответствующие выводы. Она во многом тождественна рефлексивности. Одновременный учёт характеристик рефлексивности и образа будущего позволяет перейти от анализа статичных характеристик к динамическим. Формирование образа будущего порождает новый жизненный опыт, который обуславливает развитие представлений о самом себе, что, в свою очередь порождает субъектную позицию, активность и деятельность человека.

Учёт характеристик коммуникативного мира личности позволяет рассматривать развитие собственной эффективности профессиональной и личностной компетентности как раскрытие потенциала достижений. Ориентация на достижения вырастает из глубинных возможностей самореализации. Учёт содержания образа будущего и характеристик коммуникативного мира личности даёт понимание нелинейных стратегий профессионального развития.

В зависимости от уровня открытости коммуникативного мира и осознанности образа будущего возможно выделить четыре варианта профессионального развития:

- стагнация профессионального развития,
- ригидное профессиональное развитие,
- комформное профессиональное развитие,
- профессиональное развитие как жизнеосуществление.

Глава 4. Становление образа профессионального будущего на ранних этапах профессионализации

4.1. Онтологический и регуляторный аспекты образа профессионального будущего

Широкий круг детерминант трудовой деятельности человека предполагает ведущую роль смыслообразующих мотивов, включающих в себя образы профессионального будущего. Активизация процессов построения образа профессионального будущего тесно связана с формированием профессиональной идентичности и готовности к самоопределению и самореализации. Индивидуальное бытие личности формируется через «становление связной системы личностных смыслов»³³¹, структуризации образа будущего. Именно образ профессионального будущего формирует готовность к совершению определенным образом направленной деятельности. К ним, прежде всего, относятся эскиз будущей деятельности, который может существовать в латентной форме во времени и актуализироваться, обуславливая наиболее устойчивые формы поведения в соответствующей ситуации. Образ будущего определяет в конечном итоге устойчивость и направленность деятельности человека. Способность к осознанию собственного образа профессионального будущего, к его структуризации есть способность осуществлять оптимальный жизненный выбор. Это важный элемент готовности к совершению адекватных действий в ситуациях изменения условий жизни и условие максимального раскрытия человеком своих возможностей³³².

Научно-теоретические и прикладные исследования за последние десятилетия свидетельствуют о возрастающей остроте проблем построения и реализации образов личностного и профессионального будущего в условиях

---

³³¹ Серый А. В. Система личностных смыслов: структура, функции, динамика. Кемерово: Общество с ограниченной ответственностью "Авторское издательство Кузбассвуиздат", 2004. 272 с.

³³² Зайцева Ю. Е. Конструирование личной идентичности в ситуации жизненного выбора: к методологии исследования субъективных стратегий // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2015. № 1. С. 5-18.

динамически изменяющегося мира профессий и нестабильного рынка труда. Традиционные способы работы по формированию профессионального самосознания, жизненной перспективы и готовности к личностному самоопределению, применяемые в стабильных, устойчиво развивающихся социальных структурах, становятся неэффективными. Целью профессионального самосознания в современных условиях, по нашему мнению, становится не узко направленная профессиональная специализация, а готовность к профессиональному развитию и непрерывному образованию в течение всей жизни.

Образ профессионального будущего как феномен психической жизни человека не имеет в психологии единого понятия. Многообразие подходов указывает на разнообразие и сложность описания этого феномена. Разумеется, возможно выделить по крайней мере несколько подходов к пониманию образа профессионального будущего.

Категория «образ профессионального будущего» затрагивалась в работах, посвящённых профессиональному становлению (выбору профессии, профессиональному самоопределению), профессиональному развитию, профессиональному самосознанию, профессиональной Я-концепции. А. В. Михальский утверждает, что поле поисков в области конструирования образа будущего от личности постепенно смещается к социальным феноменам: изучается отношение к времени в группах, социальному конструированию образа будущего³³³. Он выделяет четыре уровня конструирования образа профессионального будущего – адаптивный, репродуктивный, эвристический, креативный. Т. М. Лавринович отмечает, что ведущим мотивом конструирования профессионального будущего у студентов является мотив социальной полезности труда³³⁴. М. А. Канищева рассматривает образ будущего в контексте самоактуализации человека в настоящем. Направленность в будущее оценивается

---

³³³ Михальский А. В. Взаимосвязь образа профессионального будущего и ценностно-мотивационной сферы (на примере студентов вуза) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015 № 10-2. С. 116-119.

³³⁴ Лавринович Т. М. Особенности ценностно-мотивационной сферы личности будущих психологов на разных этапах процесса профессионализации // Вестник ЮУрГУ. Серия: Психология. 2014. № 4. С. 27-36.

как показатель открытости системы, способной к самотрансцендентности и к самоорганизации. Она исследует образ будущего по критериям дифференцированности и когнитивной сложности³³⁵. Т. Г. Бохан и др. анализировала специфику смыслового пространства образа профессионального будущего на разных этапах обучения и выявила его закономерное усложнение к выпускному курсу, свидетельствующее о динамике личностно-профессионального становления студентов³³⁶.

Рассмотрение времени жизни (life-span) или временного интервала от рождения до смерти (life-time), хронологических рамок индивидуального существования безотносительно к его содержанию, выделение «жизненного цикла» предполагает подчинение хода жизни определённой закономерности, круговороту. Жизненный проект направлен на достижение уникального результата с заданными временными границами и в комплексном учёте ресурсов и иных факторов³³⁷. По мнению Е. И. Головахи к пятнадцати годам личность формирует представления о далёком в понимании для её возраста будущем в личной, профессиональной и других сферах деятельности³³⁸. В качестве ведущего компонента в планировании будущего он выдвигает иерархию ценностей, напрямую взаимодействующую с ведущими потребностями. Образ будущего представляет из себя некоторое соотношение потребностей, мотивов, установок, ценностей и целей.

В современных условиях конструирование профессионального будущего подразумевает не только владение на высоко профессиональном уровне знаниями, умениями и навыками, но и представление индивида о себе как о высоко профессиональной личности. Одним из важнейших компонентов такого

---

³³⁵ Канищева М. А. Особенности самоактуализации у лиц с развитым и неразвитым образом будущего // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 13 (184). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-samoaktualizatsii-u-lits-s-razvitym-i-nerazvitym-obrazom-buduschego>.

³³⁶ Бохан Т. Г., Алексеева Л. Ф., Языков К. Г., Шабаловская М. В., Морева С. А. Образ профессионального будущего у студентов на «кризисных» этапах обучения в вузе // Высшее образование в России. 2013. № 11. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/obraz-professionalnogo-buduschego-u-studentov-na-krizisnyh-etapah-obucheniya-v-vuze>.

³³⁷ Сорокина Ю. Е. Ценностные ориентации в контексте смысловой перспективы проектов жизни // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2012. № 1-1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-orientatsii-v-kontekste-smyslovoyu-perspektivu-proektov-zhizni>

³³⁸ Головаха Е. И. Жизненная перспектива и ценностные ориентации личности // Психология личности в трудах отечественных психологов. СПб: Питер, 2009. 646 с.

конструирования является мотивационно-ценностное отношение к профессии³³⁹. Имеющаяся в литературе совокупность положений и идей позволяет рассматривать мотивационно-ценностное отношение специалиста к профессиональному будущему как своеобразно образованную структуру в сознании индивида, которая характеризуется той или иной степенью изменчивости. Процесс формирования такого отношения специалиста к профессиональному будущему носит длительный и противоречивый характер, он продолжается на протяжении всего обучения в вузе, имеет неоднозначный характер на каждом этапе профессионального образования.

В рамках детерминистской парадигмы выделяются следующие функции образа профессионального будущего:

1. Регуляторная функция. Образ профессионального будущего – это конкретные цели и планы, с помощью которых человек намерен воплотить в действительность свои жизненные ценности.

2. Ориентирующая и направляющая функция. Образ профессионального будущего помогает выбрать оптимальную жизненную стратегию поэтапной реализации задуманного.

То есть мы можем говорить о том, что в данном случае акцент делается на событийных характеристиках образа профессионального будущего и на признании в качестве главного критерия сформированности его максимальной реализуемости. В качестве дополнительных характеристик возможен учёт следующих параметров:

1. Продолжительность жизненной перспективы в образе профессионального будущего характеризует хронологический «размах» событий будущего. Этот показатель во многом связан с повышением жизненной удовлетворенности и улучшением состояния здоровья.

2. Реалистичность образа профессионального будущего – способность личности разделять в представлениях о будущем реальность и фантазию,

---

³³⁹ Клименко И.В. Мотивационно-ценностная направленность студентов на профессиональную деятельность // Национальный психологический журнал. 2013. № 1. С. 143-152.

концентрировать усилия на том, что имеет реальные основания для реализации в будущем. Одним из проявлений инфантилизма является неспособность сосредоточить свои усилия на реальных направлениях эффективной самореализации.

3. Оптимистичность – соотношение положительных и отрицательных прогнозов относительно своего будущего, а также степень уверенности в том, что ожидаемые события произойдут в назначенные сроки. Данная характеристика тесно связана с уровнем социальной интегрированности человека.

4. Согласованность перспективы или феномен «временной компетентности»³⁴⁰ – отсутствие связи между событиями прошлого, настоящего и будущего.

5. Дифференцированность или степень расчлененности будущего на последовательные этапы.

Основной вывод, к которому приходят практически все исследователи – уровень развития образа профессионального будущего связан с уровнем профессионального и личностного развития человека и является необходимой предпосылкой эффективности его деятельности в различных сферах жизни^{341, 342},
³⁴³.

Говоря о «качестве» построения образа профессионального будущего, Н. С. Пряжников выделяет следующие концептуальные уровни построения образов возможного профессионального будущего:

1. Адаптационно-технологический уровень – ориентация на то, чтобы оптимально «вписаться» в определенную систему в качестве ограниченного «члена» (в социально-профессиональную группу, коллектив, в производственную систему). Сущностные интересы личности игнорируются или увязываются с интересами данной производственной системы.

---

³⁴⁰ Мельникова Д. М. Понятие временная компетентность как предмет гуманитарного познания // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 4 (47). С. 191-193.

³⁴¹ Виноградова И. А. Жизненные перспективы как ведущее личностное образование // Жизненные перспективы учащейся молодёжи: ценности и смыслы бытия. М.: Изд-во МГПУ, 2015. С. 7-19.

³⁴² Зеер Э. Ф., Сыманюк Э. Э. Теоретико-прикладные основания прогнозирования профессионального будущего человека // Фундаментальные исследования. 2014. № 9-8. С. 1863-1869.

³⁴³ Минюрова С. А. Психология саморазвития человека в профессии. М.: АСТ, 2008. 298 с.

2. Социально-адаптационный уровень – ориентация на адаптацию к данному обществу, построение определенного образа жизни. Сам выбор профессии часто является способом его построения. Важна не профессия, не работа, а что она «даст» данному человеку. Этот уровень часто порождает этические сомнения.

3. Ценностно-смысловой, нравственный уровень – активное самоопределение и реальная самореализация³⁴⁴.

В большинстве отечественных работ при рассмотрении специфики построения образов профессионального будущего авторы связывают данные процессы с особенностями профессионального самоопределения^{345, 346}. Поэтому остановимся более подробно на этом понятии.

Философский подход, как наиболее общий, рассматривает самоопределение в основном в связи с поиском личностью смысла жизни и осознанием своих возможностей. В его рамках решаются вопросы о сущности человека и сущности самого процесса самоопределения. Понимание самого себя, своих возможностей в связи с условиями жизни, требованиями общества, понимание своего места в человеческом обществе и своего назначения в нем – вот содержание самоопределения с точки зрения философов³⁴⁷.

В рамках социологического подхода рассматривается поколение в целом, его вхождение в социальные структуры и сферы жизни, решаются вопросы о путях и способах самоопределения в конкретных социальных условиях. Изучение процесса самоопределения связывается с анализом и учетом таких жизненных выборов как определение места жительства, продолжение образования, выбор профессии. Это сводит самоопределение к рассмотрению человеком своего места

---

³⁴⁴ Пряжников Н. С., Пряжникова Е. Ю. Психология труда. М.: Академия, 2012. 371 с.

³⁴⁵ Поваренков Ю. П. Периодизация профессионального становления личности: анализ отечественных и зарубежных подходов // Вестник КИГИТ. 2013. № 11 (41). С. 46-50.

³⁴⁶ Долгушина Т. Н., Юревич С. Н. Профессиональное самоопределение как компонент профессионального становления личности // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2013. № 3-4 (16). С. 101-107.

³⁴⁷ Арон И. С. Субъектность личности как основа психологической готовности к профессиональному самоопределению // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. Т. 2, № 1. С. 123-124.

в социальной структуре, ограничивает временные рамки, по сути, только юношеским возрастом³⁴⁸.

Методологические основы психологического подхода заложены С. Л. Рубинштейном, который считал, что самоопределение выступает как момент самодетерминации, в нем выражается активная природа субъективного, т.е. внутренних условий, через которые преломляются внешние воздействия³⁴⁹. В. П. Сафин понимает под самоопределением активность личности как самосозидание, осуществляющееся через самопознание и саморегуляцию, формирование субъектом себя как самореализующейся личности³⁵⁰. Это есть осознание личностью своих возможностей, способностей, потребностей, желаний, интересов, своих относительно устойчивых характерологических качеств, соотнесение их с требованиями, предъявляемыми социальной ситуацией. В рамках теории психологических систем способность личности самоопределяться связывается, прежде всего, с возможностью самостоятельно менять, формировать свой образ жизни в соответствии с образом мира как целостной и системно-смысловой действительностью, представляющей собой мир данного человека, в котором он живет и действует.

Е. А. Климов выделяет два уровня профессионального самоопределения:

- Гностический – перестройка сознания и самосознания;
- Практический – реальные изменения социального статуса человека³⁵¹.

Самоопределение предполагает не только самореализацию, но и расширение своих изначальных возможностей – «самотрансценденцию» (по В. Франклу)³⁵², т.е. способность выходить за рамки самого себя, находить новые смыслы в конкретном деле и во всей своей жизни. Исходя из этого, Н. С. Пряжников определяет сущность профессионального самоопределения как поиск и нахождение личностного смысла в выбираемой, осваиваемой и уже

---

³⁴⁸ Левицкая И. А. Профессиональное самоопределение как социокультурный процесс // Политические науки и социология. Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. Вып. 2 (58), Т.2. С. 38-45.

³⁴⁹ Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М.: Питер, 2012. 224 с.

³⁵⁰ Сафин В. Ф. Личность: факторы и условия самоопределения и самореализации. Уфа: Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, 2007. 140 с.

³⁵¹ Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения. М.: Академия, 2010. 304 с.

³⁵² Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Смысл, 2012. 368 с.

выполняемой трудовой деятельности, а также - нахождение смысла в самом самоопределении³⁵³. При этом сразу обнаруживается парадокс: найденный смысл тут же обесценивает жизнь (образуется как бы «пустота»). Поэтому важен именно процесс поиска смысла, где отдельные, уже найденные смыслы – это лишь промежуточные этапы процесса. Сам процесс становится главным смыслом, жизнь как процесс, а не как некое «достижение». Дискуссионным остается вопрос о возможности построения новых смыслов (в том числе в трудовой деятельности). В. Франкл утверждал, что возможно только нахождение ранее имевшихся смыслов, т.е. они в некотором роде предопределены. На наш взгляд, в случае, когда человек становится подлинным субъектом самоопределения, он приобретает способность создавать смыслы заново.

При этом смысл профессионального развития, на наш взгляд, остается индивидуальным и неповторимым для каждого отдельного человека. Мы можем только условно выделить некоторые его варианты, которые, по сути, являются вариантами образов профессионального будущего:

1. Монетарная ориентация – возможность получения достойного заработка, в соответствии с затраченными усилиями (или в соответствии с вкладом человека в общественное развитие).

2. Связь будущего профессионального развития с имеющимся жизненным опытом.

3. Ситуативность и фрагментарность профессионального развития, гедонистическая позиция.

4. Многоплановость образов профессионального будущего, когда профессиональный контекст соотносится с другими сферами жизни и существует возможность реализации других вариантов развития, в случае невозможности реализовать какой-то один.

5. Иерархичность (соподчиненность) различных образов профессионального будущего и ценностей, когда есть возможность выделить что-

---

³⁵³ Пряжников Н. С. Профориентология: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Издательство Юрайт, 2017. 349 с.

то наиболее важное для себя и сконцентрировать свои усилия на главном в своей жизни.

6. Уникальность, неповторимость образов профессионального будущего, наличие собственных ориентиров, отличных от ориентиров других людей.

В зарубежной психологии под профессиональным самоопределением чаще всего понимают процесс выбора профессии и планирование карьеры. В американской традиции карьера (по Дж. Сьюперу) – это определенная последовательность и комбинация ролей, которые человек выполняет в своей жизни³⁵⁴. Это определение близко к пониманию профессиональной и личностной самореализации в русской традиции. Таким образом, под профессиональным самоопределением мы будем понимать внутреннюю готовность самостоятельно и осознанно планировать, корректировать и реализовывать перспективы своего профессионального развития.

В современной зарубежной психологии рассмотрение образа профессионального будущего предполагает изучение Vision (в пер. с англ. – "взгляд") это осознание того, к чему я стремлюсь. Стоит выделить ряд характеристик Vision:

1. Это некий образ, который нередко затруднительно конкретно и четко вербализировать.

2. Образ будущего довольно часто является разрозненным и противоречивым. Человек редко имеет четкий план по его достижению.

3. Образ будущего обычно не реализуется до конца.

4. Образ будущего является структурированным. Выделяют три составляющих:

- Отдаленная жизненная перспектива (от пятнадцати лет). Образ не привязан к настоящему, здесь могут находиться самые смелые мечты, человек рассматривает себя совершенно другим, изменившимся.

---

³⁵⁴ Егоренко Т. А. Подходы к проблеме становления профессиональной идентичности // В сб.: Интегративный подход к психологии человека и социальному взаимодействию людей: векторы развития современной психологической науки. Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции. СПб: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2017. С. 189-193.

- Среднесрочная перспектива (ближайшие десять лет). Включает довольно крупные жизненные цели

- Краткосрочная перспектива. Человек достаточно четко предсказывает наиболее вероятные события и, исходя из этого, выбирает программу действий³⁵⁵.

Согласно А. Д. Алексеевой планирование профессиональной перспективы может содержать несколько аспектов:

- Психофизиологический – учёт телесной конституции, свойств нервной системы, чувствительности анализаторов и т.д.

- Психологический – анализ интересов и склонностей, структуры интеллекта, типа личности, характерологического профиля, Я-концепции и др.

- Социологический – анализ динамики профессий, условий развития карьеры в социуме.

- Прагматический – ориентация на материальные и моральные выгоды профессии³⁵⁶.

Анализ литературы и результаты собственных исследований позволяют выделить следующие принципы построения образа профессионального будущего:

1. Вхождение элементов в целое, т.е. необходимость описания системы с учетом связей в ней.

2. Принцип совмещения элементов, т.е. наличие процессов, порождаемых вхождением элементов в целое и выражающихся в тенденции к их согласованности между собой.

3. Реально существующие факты неоднородности, неравномерности внутри системы, отличия элементов друг от друга.

4. Взаимоподдержка различных (некоторых) элементов внутри системы.

5. Способность к самооцениванию и, следовательно, к выработке путей самосохранения или самоизменения.

---

³⁵⁵ Ginevra M. C., Sgaramella T. M., Ferrari L., Nota L., Santilli S., Soresi S. Visions about Future: a New Scale Assessing Optimism, Pessimism, and Hope in Adolescents // International Journal for Educational and Vocational Guidance. 2017. Vol. 17, is. 2. P. 187-210.

³⁵⁶ Алексеева А. Д. Современные технологии предвидения профессионального будущего человека // Педагогическое образование в России. 2016. № 8. С. 63-71.

6. Возможность возникновения внутреннего конфликта внутри системы, которая приводит к двойственности (многоуровневости) существования.

7. Способность к самоизменению. Возникновение областей самоотрицания, самоотвержения является предпосылкой к изменению.

8. Наличие некоторого идеала, цели, абсолюта, задающего направление изменений.

Говоря о реализации образа профессионального будущего, современные специалисты (как ученые, так и практики) часто употребляют понятие «Индивидуальная жизненная траектория», которое по содержательному существу синонимично понятию «жизненный путь личности». Их определяют как: онтогенез человека³⁵⁷, индивидуальная история человека³⁵⁸, эволюция личности как последовательность возрастных этапов ее биографии³⁵⁹. Часто, в научном сообществе принято определять данное понятие, как процесс индивидуального развития человека от рождения до смерти. Взяв за единство несущие признаки данного понятия, которые встречаются в большинстве определений, можно определить индивидуальную жизненную траекторию как развивающееся во времени от рождения до окончательной смерти, непрерывная биографическая последовательность событий реальной действительности, влияющих на биологические параметры, социальные статусы и психологические данные человека. Её частью является индивидуальная профессиональная траектория, которая теснейшим образом связана с профессиональным развитием.

В настоящее время проводятся многочисленные исследования факторов, влияющих на индивидуальную жизненную траекторию. Значительное внимание уделяется попыткам формализации различных характеристик личности для их последующего анализа в ракурсе профессионального развития и построения карьеры. Акцент в этих публикациях делается на гибкости, автономности,

---

³⁵⁷ Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М.: Питер, 2012. 224 с.

³⁵⁸ Derobertis E. M. Charlotte Bühler's existential-humanistic contributions to child and adolescent psychology // Journal of Humanistic Psychology. 2006. Vol. 46, is. 1. P. 48-76.

³⁵⁹ Жане П. Психологическая эволюция личности. М.: Академический Проект, 2010. 400 с.

самоорганизации этих процессов³⁶⁰, ³⁶¹, ³⁶². Однако большинство исследований в данной области ориентированы на анализ строго определенной совокупности факторов (исследователями часто берется всего лишь один-два фактора) с позиции степени их влияния на конкретные аспекты индивидуальной жизненной траектории личности: его биологическую (к примеру, здоровье³⁶³), социальную (к примеру, доходы или развод³⁶⁴) или психологическую (к примеру, тревожность или интернет-зависимость³⁶⁵). Часто, для целей исследований используются научные положения различных теорий, типологий и иных научных разработок, после чего, выявляется либо отрицательная корреляция, либо положительная корреляция, либо отсутствие значимой корреляции.

Реализация образа профессионального будущего и построение индивидуальной профессиональной траектории тесно связаны с вопросами целеполагания. В данном контексте цель понимается как идеальный или реальный предмет сознательного или бессознательного стремления субъекта, некоторый финальный результат, на который преднамеренно направлен процесс³⁶⁶. Ряд специалистов разделяет мечту – желание, цель – готовность к действию и задачу – единичное действие на пути к цели³⁶⁷. По мнению Д. А. Леонтьева, способность к самоорганизации (структурированию личного времени, тактическому планированию и стратегическому целеполаганию) является частью личностного потенциала³⁶⁸. С точки зрения С. А. Богомаза, она находится на стыке

---

³⁶⁰ Arnold J. Career concepts in the 21st century / The British Psychological Society. February 2011. Vol.5. P. 118-133.

³⁶¹ Ensher E. Causes of Career-Defining Moments // Development of a Typology. 2016. Vol.3. P. 215-228.

³⁶² Maxwell J., Graves S., Addihgton T. Work as a Life. Business success. M.: Medley, 2010. 320 p.

³⁶³ Sharron L. D., Kayle M., Maslow G. R., Santacroce S. J. The Adolescent and Young Adult with Cancer: A developmental Life Course Perspective // August 2015. Vol. 31, is. 3. P. 186-196. <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0749208115000480>

³⁶⁴ Tamborini C. R., Couch K. A., Reznic G. L. Long-term impact of divorce on women's earnings across multiple divorce windows: A life course perspective // December 2015. Vol. 26. P. 44-59. <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1040260815000301>

³⁶⁵ Przepiorka A., Blachnio A. Time perspective in Internet and Facebook addiction // July 2016. Vol. 60. P. 13-18. <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S074756326300978>

³⁶⁶ Boldero J., Francis J. Goals, Standards, and the Self: Reference Values serving Different Functions // Personality and Social Psychology Review. 2002. Vol. 6, is. 3. P. 232-241.

³⁶⁷ Пригожин А. И. Качество целей // Общественные науки и современность. 2010. № 1. С. 114-125.

³⁶⁸ Леонтьев Д. А., Миюзова А. Е. Личностные изменения как результат жизнетворческой работы // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Т. 24, № 1 (90). С. 44-63.

когнитивного и личностного компонентов³⁶⁹. Целеполагание – процесс управления собственной эффективностью и профессиональным развитием, включая тайм-менеджмент, является одной из распространённых психологических практик.

А. Бандура ввёл ещё один термин – это самоэффективность – убеждённость в способности успешно осуществлять поведение, необходимое для достижения ожидаемых результатов. Она оказывает воздействие на мотивационные характеристики – выбор целей, усилия, настойчивость, эмоции и совладание с трудностями. Источники самоэффективности: личный опыт достижений; косвенный опыт – наблюдение за успешным поведением других; вербальные убеждения (отличаются кратковременностью, иногда могут оказывать обратное действие); эмоциональные и физиологические реакции. Он выделяет следующие особенности оптимально поставленных целей: конкретность и ясность; близость в пространстве и во времени; трудновыполнимость в сочетании с достижимостью; самостоятельный выбор целей, локальность (поэтапность)³⁷⁰.

Причинами для объединения образа профессионального будущего и мотивационно-ценностного отношения могут являться: осознание ценностей, отношение к ценностям, выбор ценностей, реализация ценностей в повседневной жизни; понимание роли профессиональной деятельности в профессионально-личностном развитии, отношение к профессии, уровень (качество) профессиональной подготовки, осознание принципов и способов организации своей личной и профессиональной деятельности, реализация своей личной и профессиональной деятельности.

Е. А. Климов считает, что образ будущей профессии является важнейшей составляющей сознания людей, регулятором профессионального поведения. Фундаментом этого образа становятся профессионально-ориентированные смыслы, которые соединяют в себе особенности профессиональной среды и

---

³⁶⁹ Богомаз С. А. Типологические особенности самоорганизации деятельности // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 344. С. 163-166.

³⁷⁰ Бандура А. Теории социального научения. М.: Евразия, 2000. 375 с.

потребности самой личности³⁷¹. Так как образ профессионального будущего базируется на знаниях об окружающей профессиональной реальности, то его характеристикой можно считать начальную фазу развития ценностных ориентаций. Стоит отметить, что основой для формирования образа будущей профессии является ценностное отношение к профессиональной действительности. Это отношение имеет вид некоего осмысления тех явлений и процессов, которые происходят в профессиональной среде, человеческих взаимоотношений. Все вышеперечисленное имеет значимость для личности.

Л. В. Рыкман и Л. В. Борщевская показали, что отношение школьников к профессиональному будущему совпадает с их отношением к своему будущему в целом, что подтверждает высокую значимость выбора профессионального самоопределения в их картине жизненного пути. Полученные данные свидетельствуют о том, что рост всех компонентов профессиональной готовности и профессионального самоопределения способствует формированию эмоционально-привлекательного образа как будущего в целом, так и профессионального будущего: связан с повышением уровня позитивных эмоциональных модальностей и снижением уровня негативных (кроме показателей тревожности на стадии планирования)³⁷².

Э. Ф. Зеер говорит о поэтапном характере планирования образа профессионального будущего и выделяет следующие особенности:

- Опережающее отражение, планирование, адаптация к знаковым событиям.
- Рефлексия прошлого и настоящего.
- Согласование желаемого и возможного.
- Оценка реальных достижений.
- Мобилизация активности по достижению своих планов.

---

³⁷¹ Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения. М.: Академия, 2010. 304 с.

³⁷² Рыкман Л. В., Борщевская Л. В. Особенности эмоционального отношения к будущему у подростков в связи с их профессиональным самоопределением // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2013. №34. С. 31-36.

Планирование профессиональной перспективы должно базироваться на осознании идеи постоянного обновления компетенций, подготовке к возможной смене профессии и вида деятельности³⁷³.

Одной из популярных техник планирования образа профессионального будущего является Форсайт, который нацелен на определение перспектив развития и появления новых профессий, подготовки к ним, а также работы в условиях негарантированной занятости³⁷⁴. Он ориентирован на повышение потенциала трудоустройства за счёт выявления и последующего овладения универсальными (мета) компетенциям, востребованными на рынке труда в среднесрочной перспективе.

Наряду с этим стоит отметить существующую принципиальную разницу в подходах к пониманию содержания особенностей реализации образа профессионального будущего в отечественной и зарубежной науке. Российские учёные в первую очередь делают акцент на исследовании образа профессионального будущего у школьников, студентов и, крайне редко, молодых специалистов^{375, 376, 377}.

Зарубежные исследования образа профессиональной перспективы посвящены:

- Возможности применения интегративной парадигмы исследования роли жизненной перспективы в профессионализации³⁷⁸.
- Роли образа профессионального будущего в профессионализации педагогов³⁷⁹.

---

³⁷³ Зеер Э. Ф. Психология профессионального развития: методология, теория, практика. Екатеринбург: РГППУ, 2011. 153 с.

³⁷⁴ Кожаринов М. Ю. Форсайт-технологии. [Электронный ресурс]// <http://soling.ru/2012/03/02/forsight-technologies>

³⁷⁵ Энвери Л. А., Осипова Л. Б. Жизненные стратегии современной молодёжи // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 4(4). С. 106-109.

³⁷⁶ Арапова П. И. Образ будущего и выбор жизненного пути в юношеском возрасте // Вестник ПСТГУ. Серия 4: Педагогика, Психология. 2015. № 1 (36). С. 122-129.

³⁷⁷ Койкова Э. И. Роль ценностных ориентаций в жизненном самоопределении современной молодёжи // Проблемы современного педагогического образования. Сер.: Педагогика и психология / Сб. статей. Ялта: РИО ГПА, 2015. Вып. 46. Ч. 1. С. 277-283.

³⁷⁸ Brady E., Gilligan R. The life course perspective: An integrative research paradigm for examining the educational experiences of adult leavers.// Children and youth services review. 2018. Vol. 87. P. 69-77.

³⁷⁹ Eren A. Professional aspirations among pre-services teachers: personal responsibility, time perspectives, and career choice satisfaction // Australian educational researcher. 2017. Vol. 44. P. 275-297.

- Возможности применения анализа мета-данных в исследовании образа профессиональной траектории у взрослых³⁸⁰.
- Гендерным особенностям образа профессионального будущего^{381, 382}.
- Роли лингвистических компетенций в формировании образа профессионального будущего специалистов, работающих в поликультурных средах³⁸³ и др.

Большинство этих исследований отличается конкретностью и узкой направленностью. Нас же интересует сущность профессионального развития на всех этапах профессионализации – от начала этого процесса до формирования состоявшегося специалиста.

4.2. Специфика содержания образа будущего и возможности профессионального развития в школьном возрасте

В рамках возрастной психологии период отделения ребенка от родителей, приобщения его к большому социальному миру и поиск его места в мире приходится на юношество. В этом же возрасте ребенок впитывает в себя общественные ценности, на их основе строит свою систему и действует уже в соответствии с ней. Перед юношами и девушками стоит проблема самоопределения, предполагающая, в первую очередь, формирование образа будущего. При этом за неимением собственных критериев для оценивания своих поступков, подросток юношеского возраста часто прибегает к социальному сравнению: он оценивает свои качества, способности и возможности в сравнении с другими. Социальная ситуация развития в юности определяется теми задачами,

---

³⁸⁰ Rudolph C. W., Kooij D. T. A. M., Rauvola R. S., Zacher H. Occupational future time perspective: A meta-analysis of antecedents and outcomes // *Journal of organizational behavior*. 2018. Vol. 39. P. 229-248.

³⁸¹ Philipsen M., Case S., Octana-Paul A., Sugiama K. Academic womanhood across career stages: a work-in-life perspective on what was, is, and could be // *Community work&family*. 2017. Vol. 20. P. 623-644.

³⁸² Kochoian N., Raemdonck I., Frenay M., Zacher H., The Role of Age and Occupational Future Time Perspective in Workers' Motivation to Learn // *Vocations and Learning*. 2017. Vol. 10. P. 27-45.

³⁸³ Hammarberg B. Becoming multilingual: The macro time perspective // *Iral-international review of applied linguistics in language teaching*. 2017. Vol. 55. P. 3-22.

которые необходимо решить. Р. Хейвигхерст выделяет восемь главных задач развития в юности:

1. Формирование социальной ответственности и развитие соответствующего поведения.

2. Построение системы ценностей и этических принципов как ориентиров собственного поведения.

3. Принятие собственной внешности и эффективное использование своего тела в разных видах деятельности.

4. Формирование более зрелых отношений с ровесниками обоих полов.

5. Принятие гендерной роли.

6. Обретение эмоциональной независимости от родителей и других взрослых при сохранении с ними отношений, основанных на привязанности, взаимопонимании и уважении.

7. Подготовка к трудовой деятельности, которая могла бы обеспечить экономическую независимость.

8. Подготовка к семейной жизни и к вступлению в брак³⁸⁴.

«Серьезная игра» – так немецкий психолог В. Штерн³⁸⁵ назвал процесс формирования и попытки реализации образа будущего в юношеском возрасте. В качестве примеров серьезной игры можно выделить игры любовного характера (кокетство, флирт), выбор профессии, занятия спортом и участие в общественных организациях. Таким образом, подросток учится ставить реалистичные цели, проверяет свои силы, определяет отношение к различным видам интересов.

Учебно-профессиональная подготовка считается ведущей деятельностью юношеского возраста: она ориентирована на будущее и связана с планируемой профессиональной подготовкой. Например, такая ориентация определяет избирательность отношения к некоторым учебным предметам. Многие психологи в качестве ведущей деятельности юности называют профессиональное самоопределение. Ценностно-нравственный аспект, развитие рефлексии и

---

³⁸⁴ Болотова А. К., Молчанова О. Н. Психология развития и возрастная психология. М.: Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", 2012. 528 с.

³⁸⁵ Бодякина А. В., Щелина Т. Т. Проблемы жизненного самоопределения старшеклассников // Электронный научно-практический журнал Культура и образование. 2014. № 5 (9). С. 37.

самопознания, потребность в профессиональной компетентности признаются Н. С. Пряжниковым центральными моментами в профессиональном самоопределении³⁸⁶.

Процесс формирования новообразований, отличающих подростка от взрослого, растянут во времени и может происходить неравномерно, из-за чего в подростке одновременно существуют и «детское», и «взрослое». Это создает огромное разнообразие индивидуальных вариантов развития в подростковом возрасте – от школьников, с детским обликом и интересами, до почти взрослых подростков, уже приобщившихся к некоторым сторонам взрослой жизни³⁸⁷.

Когнитивное развитие в этот период характеризуется качественными и количественными изменениями, которые отличают его от детского способа познания мира. Становление когнитивных способностей отмечено двумя основными достижениями: развитием способности к абстрактному мышлению и расширением временной перспективы. Появление новых и совершенствование старых когнитивных умений обуславливает потребность молодых людей в теоретизировании, в построении неких общих моделей и целостных концепций, в том числе, образа профессионального будущего. Умение абстрагироваться от конкретных жизненных обстоятельств позволяет рассматривать реальность как один из вариантов возможных моделей мира. Способность строить идеальные модели и сравнивать их с реальным положением дел является основой формирования образа будущего.

Параллельно с этим начинается становление идентичности. Этот процесс выходит за границы отрочества и охватывает время от 13-14 до 20-21 года. По мере взросления постепенно формируется новая субъективная реальность, преобразующая представления индивида о себе и о другом. Становление психосоциальной идентичности, лежащее в основе феномена подросткового самосознания, включает три основные задачи развития:

---

³⁸⁶ Пряжников Н. С. Профориентология: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Издательство Юрайт, 2017. 349 с.

³⁸⁷ Василенко И. В. Потребительское поведение как социальный феномен // Logos et Praxis. 2008. №1 (7). С. 69-75.

1. Осознание временной протяженности собственного «Я», включающей детское прошлое и определяющей проекцию себя в будущее.

2. Осознание себя как отличного от интериоризированных родительских образов.

3. Осуществление системы выборов, которые обеспечивают цельность личности (в основном речь идет о выборе профессии, половой поляризации и идеологических установках).

А. В. Серый подчеркивает наличие взаимосвязи характера идентификационных процессов и синхронизации смысла субъективных прошлого, настоящего и будущего в период юности³⁸⁸.

Эти процессы тесно связаны с функционированием коммуникативного мира. Источником, внутренним динамическим фактором развития личности, согласно модели В. А. Петровского, начинает выступать противоречие: «Я не похож на других» и «Я как все» (противоречие «Я уникального» и «Я заурядного»). Данное противоречие порождает новую цель: осознать свою уникальность, свое несходство с другими, найти свою идентичность и благодаря ей обрести значимость в глазах других³⁸⁹.

По мере накопления опыта реального взаимодействия с другими, общения и деятельности складывается более полная и устойчивая Я-концепция. Ключевое место начинают занимать структурирование времени жизни от прошлого к будущему, преобразование прошлого опыта («Я» в прошлом), преодоление узости и ограниченности настоящего («Я» в настоящем), обретение способности предвидения своего будущего («Я» идеальное) – выступает важнейшей детерминантой возрастного развития³⁹⁰.

«Теория социального сравнения» Л. Фестингера говорит о том, что «люди имеют необходимость в оценке уровня своих возможностей и точности своих

---

³⁸⁸ Серый А. В., Вечканова Е. М. Тепоральные аспекты актуализации смысловых граней субъективных образов переживания кризиса идентичности в период юности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3-3 (63). С. 238-247.

³⁸⁹ Петровский В. А. Индивидуальность, саморегуляция, гармония // Московский психотерапевтический журнал. 2008. № 1 (56). С. 60-90.

³⁹⁰ Болотова А. К., Молчанова О. Н. Психология развития и возрастная психология. М.: Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", 2012. 528 с.

суждений и поэтому, в отсутствие объективных несоциальных стандартов, они сравнивают себя с окружающими». Основные положения теории Л. Фестингера звучат следующим образом:

- Люди имеют естественную тенденцию оценивать свои суждения и способности.
- Чтобы компенсировать отсутствие объективного, несоциального критерия, люди оценивают свои суждения и способности, сравнивая их с суждениями и способностями окружающих.
- Если у людей есть выбор, они предпочитают сравнивать себя с теми, чьи мнения и возможности не сильно отличаются от их собственных³⁹¹.

Теорию Л. Фестингера уточняет и детализирует Д. Вуд. Она определяет три мотива, которые побуждают людей прибегать к механизму социального сравнения: потребность в самооценке; стремление к самосовершенствованию; потребность в повышении самооценки³⁹². В связи с этим актуализируются процессы построения образа будущего, в короткие сроки происходит стремительное изменение его содержания, идет его активное становление, на которое значительное влияние оказывает социальная ситуация развития.

Важнейшей психологической особенностью периода юности является устремленность в будущее. Из всей полученной информации об обществе и о себе вступающий в самостоятельную жизнь человек строит свой проект будущего. Поэтому развитие готовности и способности к предварительному самоопределению предполагает построение образа будущего, в том числе, профессионального, которые включают в себя не только цели, но и конкретные способы их достижения, оценку своих субъективных и объективных ресурсов.

Б. С. Братусь выводит критерий зрелости личности через изучение тактики целеполагания и способности разводить идеальные и реальные цели, к которым стремится человек³⁹³. Образ будущего, жизненная перспектива – та

³⁹¹ Festinger L. A theory of social comparison processes // Human Relations. 1954. Vol. 7, is. 2. P. 117-140.

³⁹² Wood J. V. Theory and research concerning social comparisons of personal attributes // Psychological Bulletin. 1989. Vol. 106. P. 231-248.

³⁹³ Братусь Б. С. Общая психология на фоне знаков современности // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2007. № 3. С. 96-101.

действительность, которая существует и воспроизводится личностью постольку, поскольку она имеет ценность для личности. Это выражается по крайней мере в трех отношениях: в стремлении расширить границы своего индивидуального бытия и своей конечности; в стремлении объективировать себя в формах, неподвластных течению времени, результативно-статичных; в стремлении сделать свою жизнь более результативной в настоящем.

Состояние психологического благополучия в подростковом и юношеском возрасте имеет ключевое значение для формирования личности и обуславливает ее развитие в зрелом возрасте. Ключевым элементом в структуре психологического благополучия выступает психологическое здоровье как степень эмоционального благополучия и характер удовлетворенности жизнью. Удовлетворенность различными аспектами жизни рассматривается как результирующий фактор психологического благополучия в целом. Именно в подростковом возрасте удовлетворенность жизнью считается одним из важнейших условий дальнейшего позитивного развития³⁹⁴.

Резюмируя все вышесказанное, выделим следующие особенности юношеского возраста: ведущей деятельностью юношеского возраста становится профессиональное самоопределение, в результате чего человек становится ориентированным на будущее. Ценностно-нравственный аспект и развитие рефлексии выходят на первый план. Происходит структурирование времени жизни от прошлого к будущему.

В целом, на наш взгляд, вопрос о влиянии возраста на процесс формирования и реализации образа будущего остаётся открытым. Большинство исследователей лишь говорят о достижении некоторого уровня личностной зрелости в период юности. Эта «зрелость» характеризуется, в первую очередь, уровнем сформированности образа профессионального будущего. Речь идёт о: наличие ведущей потребности или, по словам Л. И. Божович, «аффективного

---

³⁹⁴ Чудаева К. Д. Образ будущего в разных возрастах // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. Вып. № 2. С. 43-49.

центра» (например, выбор будущей профессии)³⁹⁵; об определённом уровне социальной и психологической зрелости. По словам Л. С. Самсоненко, юношеский возраст является сензитивным с точки зрения формирования базовых механизмов самодетерминации, в этот период возникает реальная ответственность человека за свои поступки, происходит интенсивный процесс самоопределения, возникает вопрос поиска смысла жизни³⁹⁶.

О. В. Белановская указывает на следующие особенности ранней юности в контексте построения образа будущего:

1. Осознание течения времени.
2. Дифференциация временных интервалов.
3. Увеличение одновременно и степени обобщённости, и степени конкретной представленности времени жизни в целях, планах и ожиданиях.
4. Повышение уровня реалистичности.
5. Формирование представлений о прошлом, настоящем и будущем в виде линейной модели времени.
6. Формирование мировоззрения, целостной картины мира и себя в нём³⁹⁷.

С целью более глубокого и детализированного изучения особенностей формирования образа будущего и специфики процессов профессионального самоопределения в подростковом и юношеском возрасте нами было проведено лонгитюдное исследование, результатом которого являлось выявление динамики образа будущего в подростковом возрасте с учетом стрессовых факторов жизнедеятельности подростков. Процедура комплексного диагностического исследования включала в себя применение следующих методик: цветовой тест М. Люшера; модифицированный вариант ЦТО М. Эткинда; метод мотивационной индукции Ж. Нюттена и свободная беседа. Выборку нашего исследования составили 90 школьников г. Новокузнецка Кемеровской области.

---

³⁹⁵ Божович Л. И. Соображения к проблеме развития воли. Многоплановость личности. Конформизм // Культурно-историческая психология. 2008. № 4. С. 109-116.

³⁹⁶ Самсоненко Л. С. Психолого-педагогические условия формирования жизненной перспективы личности // Сибирский психологический журнал. 2010. № 35. С. 82-86.

³⁹⁷ Белановская О. В. Динамика представлений о профессиональной деятельности в процессе обучения студентов в вузе // Лингвокультурное образование в системе вузовской подготовки специалиста. 2016. Т. 1, № 1 (9). С. 169-175.

Исследование проводилось в два этапа: первый срез – опрашивались респонденты 14-15 лет (2008 г.); второй срез – респонденты опрашивались повторно в возрасте 16-17 лет (2010 г.).

Таблица 2 – Сравнительный анализ по критерию Пирсона Хи-квадрат значений шкал Ориентация только на ближайшее будущее и Ориентация как на ближайшее, так и на отдаленное будущее

Диагностический срез	Ориентация только на ближайшее будущее, %	Ориентация как на ближайшее, так и на отдаленное будущее, %	Значение достоверности Пирсон Хи-квадрат	
			Хи-квадрат	p
1	24,3	75,6	5,227574	0,04256
2	45,9	51,3		

В ходе лонгитюдного исследования было выявлено, что образ будущего подростков стал более четким, более ясным. Во втором срезе по сравнению с первым количество подростков с достаточно хорошо сформулированным образом будущего увеличилось (Таблица 2). Образ будущего у подростков стал более структурированным, появились новые намерения, желания, цели, которые собираются осуществить подростки, события, которые могут произойти. Респонденты с более туманным, мало определенным образом будущего по-прежнему при заполнении метода мотивационной индукции в основном использовали более общие фразы, индукторы часто повторялись, иногда было непонятно, что именно имел в виду респондент. Можно отметить, что данные подростки говорили о том, чего хотят в жизни, но это описывалось достаточно кратко и всего в нескольких предложениях. Респондентами в основном по-прежнему использовались такие фразы, как я надеюсь, что у меня все получится; я борюсь за то, что для меня важно; я намерена достигнуть своей цели; я стараюсь, чтобы все было как можно лучше; я хочу осуществить свои планы.

Изменились также динамические характеристики образа будущего подростков. Подростки в большей степени стали ориентироваться на ближайшее

будущее, они более детально описывают свои планы, цели на ближайший год, два года (окончить школу, сдать экзамены, получить аттестат, поступить в институт, строят планы на лето, говорят о покупках и своем преображении, планируют путешествия, переезды). Наряду с этим для респондентов по-прежнему значимым остается и отдаленное будущее (подростки пишут, что хотят получить два образования, стать лучшими в своей профессии, описывают, какие материальные блага хотели бы приобрести во взрослой жизни, работу, которую хотели бы иметь, семью которую хотели бы завести).

Важным является также то, что подростки по-прежнему представляют свое будущее светлым, оптимистичным, желают быть счастливыми, полагают, что у них все наладится, надеются на лучшее. Наблюдается также динамика в отношении к родителям. Так, мама стала восприниматься большинством ребят как активная, суетливая, вызывающая напряжение. Возможно, мама является не просто субъективным образом, не основанным на реальности, а настоящим катализатором в жизни подростка. В этот период мамы начинают больше беспокоиться за судьбу своих детей, больше вмешиваются, в частности, в учебную жизнь.

Обсуждая временную установку по отношению к настоящему и прошлому, стоит отметить, что некоторая часть подростков относится к своему настоящему негативно (жалеют, что у них сейчас все плохо, желают, чтобы все наладилось). Описывая свое прошлое в первом срезе, подростки в основном писали о том, что хотели бы вернуться в прошлое, в детский возраст, и понимали, что это невозможно, сейчас же, описывая его, респонденты в основном сожалеют о нем: сожалеют о незаконченных делах (о незаконченном музыкальном образовании, о незаконченном кружке по шитью), сожалеют о прошлых ссорах, о некоторых своих поступках, хотят вернуться в прошлое и его исправить, жалеют, что нельзя вернуть прошлое, изменить некоторые моменты жизни.

Таким образом, согласно данным исследования, можно сделать вывод о том, что вопросы содержания образа будущего для подростков стали более значимыми. Подростки стали больше задумываться о своём будущем, их образ

будущего стал более отчётливым, структурированным, это связано с изменением жизненной ситуации, в которой пребывают подростки, а также с психологическим взрослением респондентов. У большинства респондентов изменились планы на будущее. В ходе исследования мы увидели, что, с одной стороны, у подростков усилилась интернальная позиция, а с другой – для них характерно появление экзистенциальных страхов – страхов перед будущим (страх ответственности; страх перемен; страх, что в будущем выбранная профессия не будет востребованной; страх, что могут быть трудности в будущей семье (трудности с мужем, с родителями мужа); страх не оправдать надежды родителей и др.). Экзистенциальные страхи свидетельствуют о формировании личностной зрелости. Можно сказать, что образ будущего подростков стал более зрелым.

С целью выявления количественных закономерностей, отражающих специфику формирования образа будущего в юношеском возрасте мы провели эмпирическое исследование учащихся колледжей, которые уже имели опыт профессионального самоопределения.

Выборка исследования представляет собой 99 респондентов двух учебных заведений, из которых 85 % женщины и 15 % мужчины. Все испытуемые являются учащимися средних учебных заведений города Томска.

В работе были использованы следующие диагностические методики: Дифференциальный тест рефлексивности Д. А. Леонтьева³⁹⁸; Модифицированный опросник ценностей Р. Инглхарта (адаптация Р. К. Хабибулина)³⁹⁹; Опросник временной перспективы Ф. Зимбардо⁴⁰⁰; Оксфордский опросник счастья (первоначальный вариант)⁴⁰¹; Опросник «Индекс жизненной удовлетворенности (ИЖУ)», адаптация Н.В. Паниной⁴⁰².

---

³⁹⁸ Леонтьев Д. А., Осин Е. Н. Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2014. Т. 11, №4. С. 110-135.

³⁹⁹ Хабибулин Р. К. Характеристики авторитета Российской государственной власти в сознании граждан: дис. канд. психол. наук: 19.00.12. СПб: Санкт-Петербургский государственный университет, 2015. 179 с.

⁴⁰⁰ Зимбардо Ф., Бойд Дж. Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь. СПб.: Речь, 2010. 185 с.

⁴⁰¹ Голубев А. М., Дорошева Е. А. «Апробация Оксфордского опросника счастья» на российской выборке // Психологический журнал. 2017. Т. 38, № 3. С. 108-118.

⁴⁰² Сохань Л. В., Степаненко И. В. Личностный потенциал: структура и диагностика // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9, № 4. С. 151-154.

Возраст испытуемых колеблется от шестнадцати до восемнадцати лет. В процентном соотношении больше половины участников исследования относятся к возрастной группе 16 лет, 33 % составляет возрастная группа семнадцати лет, и 4 % – восемнадцатилетние респонденты.

Для выбора корректных методов статистического анализа были проверены и учтены такие характеристики как объем выборки, наличие пропущенных значений по шкалам, виды шкал (порядковая, количественная, номинальная – параметрическая, непараметрическая), нормальность распределения для каждой шкалы, зависимость / независимость шкал. Исходя из результатов проверки вышеперечисленных характеристик, для анализа были выбраны следующие статистические методы:

- Критерий Колмогорова – Смирнова для проверки шкал на нормальность распределения;
- Статистические показатели: для номинальных шкал – мода; для порядковых шкал – мода и медиана; для количественных (метрических) шкал – среднее арифметическое, мода, медиана. Также выводились асимметрия и эксцесс.
- U-критерий Манна – Уитни и H-критерий Краскела – Уоллиса для поиска значимых различий между показателями средних;
- Корреляционный анализ Пирсона для параметрических шкал с нормальным распределением;
- Корреляционный анализ Спирмена для параметрических шкал с ненормальным распределением, для непараметрических шкал.

В ходе обработки полученных данных, по результатам теста «Оксфордский опросник счастья» респонденты были разбиты на подгруппы с низким, пониженным, средним и высоким уровнями счастья.

Среди испытуемых не было выявлено тех, кто входил бы в группу с низким уровнем счастья: максимальное количество респондентов входят в группу со средним показателем уровня счастья (64,76 %), группы с пониженным и с

высоким показателями уровня счастья имеют практически равное процентное соотношение (17,81 % и 17,42 % соответственно).

Также, в ходе обработки полученных данных, респонденты были разбиты на группы в соответствии с результатами теста «Индекс жизненной удовлетворенности»: группу с низким индексом жизненной удовлетворенности составили 45,97 % испытуемых, группу со средним индексом жизненной удовлетворенности составили 35,58 % испытуемых, и группу с высоким показателем – 18,45 % испытуемых.

Общие описательные статистики по всем параметрическим шкалам представлены в Приложении Г (Таблица Г.1). Анализ элементарных статистик показал:

Для результатов по Оксфордскому опроснику счастья была сформирована одна шкала с результатами в виде процентов (параметрическая, количественная). Для некоторых видов статистического анализа была сформирована дополнительная порядковая шкала уровня счастья, которая делила респондентов на 4 группы: 1 – низкий уровень счастья, 2 – пониженный уровень счастья, 3 – средний уровень счастья, 4 – высокий уровень счастья. Критерий Колмогорова – Смирнова показал нормальное распределение для параметрической шкалы уровня счастья ($p = 0,820$ ($p > 0,05$)).

Описательные статистики свидетельствуют о том, что среди респондентов чаще всего встречается показатель уровня счастья равный 68,2 (мода), что означает, что средний уровень счастья по всем респондентам находится в границах среднего значения.

Результаты по тесту «Индекс жизненной удовлетворенности (ИЖУ)» (адаптация Н. В. Паниной) были сформированы в шесть шкал: 1 шкала – непосредственно индекс жизненной удовлетворенности, получаемый суммированием всех баллов теста; 5 других шкал соответствуют шкалам исходного теста. Все шкалы являются количественными (параметрическими). Для некоторых видов статистического анализа была сформирована отдельная порядковая (непараметрическая) шкала ИЖУ, в соответствии с которой

респонденты делились на 3 группы – с низким, средним и высоким индексом жизненной удовлетворенности. Нормальность распределения проверялась с помощью критерия Колмогорова – Смирнова для всех параметрических шкал: Индекс жизненной удовлетворённости $p = 0,002$; Интерес к жизни $p = 0,003$; Последовательность в достижении целей $p = 0,024$; Согласованность между поставленными и достигнутыми целями $p = 0,017$; Положительная оценка себя и собственных поступков $p = 0,017$; Общий фон настроения $p = 0,029$ ($p < 0,05$) – вероятность ошибки является значимой. Согласно статистике, чаще всего респонденты набирали 28 баллов по ИЖУ, что означает средний показатель.

Результаты теста Инглхарта были выделены в 2 шкалы, соответствующие исходным шкалам теста. Обе шкалы являются количественными (параметрическими) и подчиняются нормальному распределению (в соответствии с критерием Колмогорова – Смирнова: $p = 0,410$ и $p = 0,188$ ($p > 0,05$)). В соответствии со статистическими показателями, для всей численности респондентов чаще всего характерен выбор рациональных ценностей и ценностей самовыражения (по моде). Асимметрия и эксцесс по обеим шкалам подтверждают нормальность распределения. Результаты опросника Ф. Зимбардо были разбиты на 5 шкал, которые соответствуют пяти шкалам оригинального теста. В соответствии с критерием Колмогорова – Смирнова, все шкалы опросника имеют нормальное распределение ($p > 0,05$). Статистики шкал опросника свидетельствуют о том, что респонденты чаще всего набирали наиболее высокий показатель по шкале «Позитивное прошлое» – 4,1. Самые низкие баллы чаще всего встречались по шкале «Негативное прошлое» – 3. Показатели асимметрии и эксцесса подтверждают наличие нормального распределения по всем шкалам методики.

Результаты по тесту рефлексивности были разбиты на 3 шкалы в соответствии со шкалами исходного теста. Для некоторых методов статистического анализа эти три шкалы были дополнительно переформированы в порядковые (непараметрические), по каждой из которых респонденты делились на три группы в соответствии с уровнем (низким, средним, высоким) каждой. По

критерию Колмогорова – Смирнова получены следующие результаты: Системная рефлексия – $p = 0,796$; Интроспекция – $p = 0,767$; Квазирефлексия – $p = 0,113$ ($p > 0,05$) – вероятность ошибки не является значимой, поэтому значения переменных достаточно хорошо подчиняются нормальному распределению. Мода для каждой шкалы показывает значения в пределах средних.

Таблица 3 – Статистика критерия Краскела – Уоллиса для рассматриваемых трёх возрастных групп учащихся

Показатели	Уровень счастья (Оксфордский опросник)	Индекс жизненной удовлетворенности (ИЖУ)
Хи-квадрат	0,613	3,557
p-уровень значимости	0,736	0,169
Группирующая переменная: Возраст		

Таблица 4 – Коэффициент корреляции Спирмена для рассматриваемой группы учащихся в возрасте 16-18 лет (N = 99 человек)

	Возраст	Индекс жизненной удовлетворенности (ИЖУ)	Уровень счастья (Оксфордский опросник)
Возраст	1	-0,184	-0,078
Индекс жизненной удовлетворенности (ИЖУ)	-0,184	1	0,686
Уровень счастья (Оксфордский опросник)	-0,078	0,686	1

В первую очередь, с помощью критерия Краскела – Уоллиса (который является непараметрической заменой для однофакторного дисперсионного анализа) была проведена оценка субъективных характеристик качества жизни (результаты по шкалам Уровень счастья (Оксфордский опросник) и Индекс Жизненной Удовлетворённости) для выделенных возрастных групп (Таблица 3). Критерий Краскела – Уоллиса выбран из-за невозможности использования однофакторного дисперсионного анализа, который требует равенства дисперсий в

рассматриваемых комплексах (группах), а по показателю «Возраст» данные группы существенно отличны.

Полученные результаты не показывают значимых различий между возрастными группами по уровню счастья и удовлетворенности жизнью. То есть, уровень счастья и удовлетворенность жизнью не зависят от возраста в период юности. Для поиска связи между упомянутыми выше шкалами проводится корреляционный анализ Спирмена (Таблица 4). Анализ Спирмена выбран, потому что шкала Возраст имеет ненормальное распределение.

Обнаружена значимая положительная корреляция между шкалами Индекс жизненной удовлетворенности (ИЖУ) и Уровень счастья (Оксфордский опросник). Обратимся к предназначениям двух упомянутых тестов. Методика Оксфордский опросник счастья предназначена для измерения уровня счастья в целом. Она была разработана по аналогии с опросником депрессии Бека (BDI) и направлена на оценку депрессии. Методика основана на убеждении, что счастье состоит из трёх, отчасти независимых, факторов: удовлетворенности жизнью, положительных эмоций и отсутствия отрицательных эмоций. Методика Оксфордский опросник счастья, в качестве результата, показывает преимущественно эмоциональную сторону удовлетворенности жизнью.

Тест Индекс жизненной удовлетворенности измеряет наиболее общее психологическое состояние человека, определяемое его личностными особенностями, системой отношений к различным сторонам своей жизни. Результаты данного теста дают возможность достаточно быстро получить информацию об общем эмоциональном состоянии человека, о сферах жизни, которые, возможно, являются для него "проблемными". Методика Индекс жизненной удовлетворенности выводит результаты, указывающие на конкретные сферы жизни, которыми человек удовлетворен или не удовлетворен.

Можно говорить о связи между счастьем и удовлетворенностью жизнью – счастливые люди в большей степени удовлетворены своей жизнью. Возможна и обратная трактовка: успехи в жизни делают людей счастливее. Здесь обратимся к словам Д. А. Леонтьева, который утверждал, что 50 % влияния на наше

восприятие мира оказывает склад нашей личности, 10 % – внешние обстоятельства, и почти 40 % – наши действия⁴⁰³. Соответственно, мы можем предположить, что ощущение счастья и действительное положение дел в жизни человека естественным образом связаны, однако, при определенных обстоятельствах, эти два параметра могут эту связь терять.

Таблица 5 – Результаты корреляционного анализа (шкала Уровень счастья (Оксфордский опросник) и шкалы других методик)

Параметр	Уровень значимости, р	Коэффициент корреляции
Традиционные ценности – секулярно/рациональные ценности	0,006	0,301
Ценности выживания – ценности самовыражения	0,998	-
Негативное прошлое	0,000	-0,434
Позитивное прошлое	0,002	0,442
Гедонистическое настоящее	0,332	-
Фаталистическое настоящее	0,354	-
Будущее	0,440	-
Системная рефлексия	0,257	-
Интроспекция	0,000	-0,444
Квазирефлексия	0,038	-0,289
Интерес к жизни	0,529	-
Последовательность в достижении целей	0,006	0,397
Согласованность между поставленными и достигнутыми целями	0,000	0,654
Положительная оценка себя и собственных поступков	0,000	0,476
Общий фон настроения	0,000	0,647

Дальнейший статистический анализ показал, что шкала Возраст не коррелирует ни с одной из шкал исследования. Значимые различия между

⁴⁰³ Леонтьев Д. А. Субъективная семантика и смыслообразование // Вестник МГУ, сер. 14 Психология. 1990. № 3. С. 15-23.

мужчинами и женщинами по уровню счастья и удовлетворенности жизнью отсутствуют.

Для анализа переменной Уровень счастья (Оксфордский опросник) использовался критерий Краскела – Уоллиса. Для дисперсионного анализа был использован вариант ранговой шкалы, для корреляционного анализа – количественная шкала. Она использовалась для получения более точных результатов по корреляционному анализу. Ранговая шкала Уровень счастья (Оксфордский опросник) имеет ненормальное распределение, т.к. предполагает сравнение 4-х независимых групп. Количественная шкала Уровень счастья (Оксфордский опросник) имеет нормальное распределение, при анализе со шкалами нормального распределения использовался корреляционный анализ Пирсона, при анализе со шкалами ненормального распределения использовался корреляционный анализ Спирмена. Анализ корреляций всех шкал со шкалой Уровень счастья (Оксфордский опросник) представлен в Таблице 5.

По показателям Традиционные ценности – секулярно/рациональные ценности, Негативное прошлое, Позитивное прошлое, Интроспекция, Квазирефлексия, Последовательность в достижении целей, Согласованность между поставленными и достигнутыми целями, Положительная оценка себя и собственных поступков, Общий фон настроения найдены значимые различия.

Для шкалы Традиционные ценности - секулярно/рациональные ценности выявлена корреляция с Уровнем счастья. Люди, придерживающиеся секулярно/рациональных ценностей более счастливы, чем люди, придерживающиеся традиционных ценностей. Такой результат закономерен, ведь рациональные ценности предполагают рациональное поведение, достижение успеха, предпочтение светского государства, низкую роль религии, то есть все для себя, для своего удовольствия и благополучия.

Найдена отрицательная корреляция Уровня счастья со шкалой Негативное прошлое и положительная корреляция со шкалой Позитивное прошлое. Для счастливых людей характерно восприятие своего прошлого как позитивного, в то время как менее счастливые люди видят свое прошлое в негативных тонах.

Возможно, именно прошлое сказывается на уровне счастья человека, то есть пережитый опыт может влиять на настоящее восприятие жизни.

Таблица 6 – Результаты корреляционного анализа

Параметр	Уровень значимости, р	Коэффициент корреляции
Традиционные ценности – секулярно/рациональные ценности	0,750	-
Ценности выживания – ценности самовыражения	0,045	-0,242
Негативное прошлое	0,000	-0,505
Позитивное прошлое	0,011	0,296
Гедонистическое настоящее	0,774	-
Фаталистическое настоящее	0,004	-0,282
Будущее	0,038	-
Системная рефлексия	0,854	-
Интроспекция	0,000	-0,535
Квазирефлексия	0,009	-0,277

Также найдена отрицательная корреляция Уровня счастья со шкалами Интроспекция и Квазирефлексия. Д. А. Леонтьев отмечал в своих исследованиях, что показатель системной рефлексии демонстрирует слабые и умеренные положительные связи с показателями счастья и удовлетворенности жизнью. В то же время, в тех же исследованиях, показатель интроспекции демонстрирует умеренные отрицательные связи с показателями счастья и удовлетворенности жизнью, и показатель квазирефлексии демонстрирует сходные эффекты⁴⁰⁴. В данном исследовании получены практически идентичные данные. Единственное отличие – не найдено корреляции между шкалой Системная рефлексия и Уровень счастья (Оксфордский опросник). Это может объясняться спецификой выборки. Таким образом, слишком большая сосредоточенность на себе, своих переживаниях, отрыв от реального мира негативно сказываются на уровне счастья человека. Между Уровнем счастья и всеми шкалами теста Индекс жизненной

⁴⁰⁴ Леонтьев Д. А., Осин Е. Н. Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11, № 4. С. 110-135.

удовлетворенности были найдены значимые корреляции. Такой результат не удивителен, как было описано ранее, связь этих двух методик является очевидной, хоть и не всегда подтверждается.

Для анализа переменной Индекс жизненной удовлетворенности (ИЖУ) для дисперсионного анализа был использован вариант ранговой шкалы, для корреляционного анализа – количественная шкала. Количественная шкала использовалась для получения более точных результатов по корреляционному анализу. Ранговая и количественная шкалы ИЖУ имеют ненормальное распределение, поэтому выбран критерий Краскела – Уоллиса, а для корреляционного анализа критерий Спирмена (Таблица 6). Анализ корреляций всех шкал со шкалой Индекс жизненной удовлетворенности (ИЖУ) представлен в таблице ниже.

Найдены статистически значимые различия по шкалам Ценности выживания – ценности самовыражения, Негативное прошлое, Позитивное прошлое, Фаталистическое настоящее, Будущее, Интроспекция, Квазирефлексия. Корреляционный анализ почти в точности повторяет корреляции шкалы Уровень счастья (Оксфордский опросник).

Отрицательная корреляция найдена для шкал Индекс жизненной удовлетворенности (ИЖУ) и Ценности выживания – ценности самовыражения. Предполагается, что ценности выживания подразумевают высокий уровень удовлетворенности жизнью, тогда как ценности самовыражения – наоборот, низкий уровень жизненной удовлетворенности. Ценностями выживания являются экономическая и физическая безопасность, материальные ценности, нетерпимость к инакомыслию, низкая оценка свободы и прав человека, готовность принять авторитаризм, покорность. Если вспомнить, что тест ИЖУ больше ориентирован на обстоятельства реальной жизни, то ценности выживания вполне справедливо коррелируют с удовлетворенностью жизнью. Такие ценности подразумевают покорность всему происходящему, принятие жизненных обстоятельств как должного, они не противостоят сложившимся устоям общества, люди просто

принимают жизнь такой, какая она есть, это их устраивает и, соответственно, это отражается на уровне удовлетворенности жизнью.

Найдена отрицательная корреляция Индекса жизненной удовлетворенности со шкалой Негативное прошлое и положительная корреляция со шкалой Позитивное прошлое. Для людей, которые удовлетворены своей жизнью, характерно восприятие своего прошлого как позитивного, в то время как неудовлетворенные люди видят свое прошлое в негативных тонах. Возможно, именно прошлое сказывается на уровне жизненной удовлетворенности человека, то есть пережитый опыт может влиять на настоящее восприятие жизни.

Таблица 7 – Результаты корреляционного анализа

Параметр	Уровень значимости, р	Коэффициент корреляции
Параметр	Ассимпт. Знч.	Корреляция
Традиционные ценности – секулярно/рациональные ценности	0,007	0,241
Ценности выживания – ценности самовыражения	0,080	0,262
Негативное прошлое	0,472	-
Позитивное прошлое	0,151	-
Гедонистическое настоящее	0,002	0,447
Фаталистическое настоящее	0,006	0,278
Будущее	0,985	-
Системная рефлексия	0,619	-
Интроспекция	0,394	-
Квазирефлексия	0,746	-
Интерес к жизни	0,687	-
Последовательность в достижении целей	0,329	-
Согласованность между поставленными и достигнутыми целями	0,284	-
Положительная оценка себя и собственных поступков	0,306	-
Общий фон настроения	0,267	-
Пол	0,854	-
Возраст	0,488	-

Также найдена отрицательная корреляция Индекса жизненной удовлетворенности со шкалой Фаталистическое настоящее. Чем выше удовлетворенность человека своей жизнью, тем меньше он воспринимает жизнь как нечто неподвластное ему, независимое от его действий. Когда человек чувствует себя хозяином своей жизни, он больше ею удовлетворен.

В соответствии с результатами корреляционного анализа Индекса жизненной удовлетворенности и всех шкал теста рефлексивности Д. А. Леонтьева, делается вывод, что слишком большая сосредоточенность на себе, своих переживаниях, отрыв от реального мира негативно сказываются не только на уровне счастья человека, но и на удовлетворенности жизни в целом.

Для анализа переменной Степень демонстративного потребления для дисперсионного анализа был использован вариант ранговой шкалы, для корреляционного анализа – количественная шкала. Количественная шкала использовалась для получения более точных результатов по корреляционному анализу. Ранговая шкала Степени демонстративного потребления имеет ненормальное распределение, поэтому выбран критерий Краскела – Уоллиса, количественная шкала имеет нормальное распределение, поэтому для корреляционного анализа между упомянутой шкалой и шкалами с нормальным распределением используется критерий Пирсона, для корреляции упомянутой шкалы и шкал с ненормальным распределением используется критерий Спирмена (Таблица 7).

Найдены статистически значимые различия по шкалам Традиционные ценности – секулярно/рациональные ценности, Гедонистическое настоящее, Фаталистическое настоящее. Обнаружена значимая корреляция шкалы Степень демонстративного потребления со шкалой Традиционные ценности – секулярно/рациональные ценности. Высокая степень демонстративного потребления в большей степени присуща людям, которые придерживаются рациональных ценностей. Была найдена значимая корреляция шкалы Степень демонстративного потребления со шкалами Гедонистическое настоящее и Фаталистическое настоящее. Люди с высокой степенью демонстративного

потребления воспринимают жизнь как то, от чего нужно получать лишь наслаждения, ориентируясь на удовольствие, не заботясь о будущих последствиях, потому что жизнь неподвластна человеку, от него ничего не зависит. Опираясь на полученные статистические данные, делаем следующие выводы:

В юношеском возрасте для счастливых и удовлетворенных своей жизнью характерно восприятие своего прошлого как позитивного, в то время как менее счастливые и удовлетворенные люди видят свое прошлое в негативных тонах. Возможно, именно прошлое сказывается на уровне счастья и уровне удовлетворенности человека, то есть пережитый опыт может влиять на настоящее восприятие жизни. Слишком большая сосредоточенность на себе, своих переживаниях, отрыв от реального мира негативно сказываются не только на уровне счастья человека, но и на удовлетворенности жизни в целом.

Ценности, которых придерживаются люди, так же влияют на уровень счастья и удовлетворенность жизнью. Рациональные ценности предполагают рациональное поведение, достижение успеха, низкую роль религиозности, когда все для себя, для своего удовольствия и благополучия, и такие ценности положительно влияют на уровень счастья человека. В свою очередь, ценности выживания подразумевают покорность всему происходящему, принятие жизненных обстоятельств как должного, они не противоположны по отношению к сложившимся устоям общества, люди просто принимают жизнь такой, какая она есть, это их устраивает и, соответственно, это положительно отражается на уровне удовлетворенности жизнью. Удовлетворённость жизнью так же взаимосвязана с восприятием жизни как подвластной субъекту деятельности и зависящей от его действий. Когда человек чувствует себя хозяином своей жизни, он больше ею удовлетворен. Следовательно, мы можем говорить в данном случае о субъектной позиции в отношении к собственной жизни и развитию. Одновременно с этим нами были получены результаты, свидетельствующие о регуляторной роли жизненного опыта и характера взаимоотношений со значимыми взрослыми в отношении удовлетворённости жизнью в период юности.

Это совпадает с результатами как зарубежных, так и отечественных исследований о регулирующей роли взрослых (в т.ч. родителей) в формировании образа профессионального будущего⁴⁰⁵. Это позволяет нам сформулировать гипотезу об эффективности и целесообразности психологического сопровождения профессионального развития на ранних этапах профессионализации.

4.3. Роль современных образовательных технологий в профессиональном развитии студента

Возникновение индустриального производства сформировало совершенно новый общественный запрос на навыки и знания, что потребовало более высокого, чем прежде, уровня массового образования. Начался интенсивный процесс адаптации образовательных институтов к изменившимся условиям. И в тех странах, где государство смогло вовремя перехватить инициативу у прежних поставщиков знания и обеспечить доступ к образованию все большего числа своих граждан, появилось то конкурентное преимущество, которое и стало источником их прогресса.

Постиндустриальное общество сформировало запрос на создание целостной системы новых форм образовательных услуг, позволяющих довольно быстро осуществлять обновление навыков и знаний на протяжении всего периода трудоспособной жизни для самого широкого круга социальных групп.

Одним из возможных путей повышения качества трудовой жизни и одновременного увеличения эффективности трудовой отдачи можно назвать рост качественных характеристик занятого населения, в том числе, рост уровня образования занятых. При этом инвестиционный подход к образованию подразумевает получение в будущем дохода от произведенных вложений, «ренты на обладание более высоким запасом человеческого потенциала». Это справедливо лишь в том случае, когда образование служит «социальным

---

⁴⁰⁵ Andre L., van Vianen A. E. M., Peetsma T. T. D. Adolescents' and parents' regulatory focus as determinants of future time perspective on school and professional career // Learning and individual differences. 2017. Vol. 59. P. 34-42.

лифтом», позволяющем своему обладателю получать более высокий доход и статус. По мере эволюции общества социальные группы становятся все менее замкнутыми и эндогамными, все более мобильными. Одним из важнейших общественных механизмов, работающих на “размыкание” социальных групп, является именно система образования⁴⁰⁶.

Такая ситуация складывается тогда, когда экономика предъявляет спрос на высокое образование (в данном случае мы говорим, в первую очередь, о профессиональном образовании), а структура подготовки кадров отражает текущие и перспективные потребности рынка труда⁴⁰⁷. В противном случае рост государственных и индивидуальных затрат на образование не только не окупается экономически, но и может спровоцировать эскалацию социальных конфликтов или деградацию качества населения, обусловленную эмиграцией наиболее образованных и динамичных граждан.⁴⁰⁸

В производстве человеческого капитала принципиальным становится акцент на «мягкие» навыки: на широту взгляда, способность вести дискуссию, разнообразно презентировать результат, коммуницировать, работать в командах. И тогда возникает не только вопрос, чему мы учим, но и как и где мы учим, причем не только в школе и университете.⁴⁰⁹

Чтобы соответствовать стремительным темпам развития экономики знаний и оставаться востребованным на рынке труда, человеку необходимо учиться на протяжении всей жизни и адаптироваться к непрерывным, быстрым и неожиданным изменениям.⁴¹⁰ Технологии удаленного интерактивного взаимодействия продолжают трансформировать и мировое образование, расширяя возможности обучения вне зависимости от местонахождения слушателя и подрывая позиции традиционных учебных заведений.

---

⁴⁰⁶ Byrom T., Lightfoot N. Interrupted Trajectories: the Impact of Academic Failure on the Social Mobility of Working-class Students // British Journal of Sociology of Education. 2013. Vol. 34 (5-6). P. 812-828.

⁴⁰⁷ Рыкун А. Ю., Южанинов К. М. Высшее образование и деконструкция профессионализма // Журнал исследований социальной политики. 2010. Т. 4, № 1. С. 7-24.

⁴⁰⁸ Садовая Е. С., Сауткина В. А. Качество жизни населения мира: измерение, тенденции, институты. М.: ИМЭМО РАН, 2012. 208 с.

⁴⁰⁹ Россия 2025: от кадров к талантам. Доклад The Boston Consulting Group, Россия. М.: 2017. 72 с.

⁴¹⁰ Россия 2025: от кадров к талантам. Доклад The Boston Consulting Group, Россия. М.: 2017. 72 с.

Распространенность случаев несоответствия между фактическим и требуемым уровнями образования работников показана в отечественных и зарубежных исследованиях. Причиной возникновения подобных диспропорций может быть рост требований к работникам со стороны работодателей в соответствии с техническими и технологическими изменениями производства, снижение качества образовательной подготовки будущих специалистов, в ряде случаев незаинтересованность работодателей в повышении профессионального уровня низкоквалифицированных работников в связи с высокими затратами на эти цели. Рассогласование между сферой образования и рынком труда – одна из ключевых проблем как в России, так и в других странах. Этот конфликт на практике проявляется прежде всего в дефиците квалифицированных кадров. Помимо количественных диспропорций широкое распространение получили качественные – несоответствие квалификации требованиям рабочих мест, трудоустройство не по специальности и т.п. В значительной степени такая ситуация объясняется невостребованностью полученной профессии на рынке труда, несоответствием работника требованиям работодателя или, напротив, неприемлемостью требований работодателя для работника, изменением профессиональных предпочтений, отсутствием перспектив карьерного роста и получения высоких доходов в будущем^{411, 412}.

В XXI веке произошёл очередной технологический прорыв: на этот раз в сфере информационных технологий. По мнению ряда учёных в настоящий момент происходит четвёртая промышленная революция, которую принято называть цифровой. Предыдущая, третья, промышленная революция была информационной и привела к автоматизации огромного количества производственных процессов⁴¹³. В результате действия этих двух революций содержание трудовой деятельности большинства специалистов претерпевает существенные, если не сказать радикальные, изменения. Это, в свою очередь,

---

⁴¹¹ Heckman J. J., Jacobs B. Policies to Create and Destroy Human Capital in Europe // IZA discussion paper № 4680. – Bonn: IZA, 2009.

⁴¹² Устинова К. А. Сфера образования и рынок труда: проблемы рассогласования // Социологические исследования. 2014. № 6 (362). С. 96-103.

⁴¹³ Шваб К. Четвёртая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 138 с.

приводит к изменению профессиональных стандартов работы специалиста и стандартов профессионального обучения. В результате изменения, происходящие в современном мире, делают уже практически невозможным применение традиционной классической системы образования в её чистом виде, как в общеобразовательной школе, так и в системе профессионального образования. Настоящий момент характеризуется, на наш взгляд, трансформацией, если не сказать революционной перестройкой, образовательного процесса. Появляются всё новые образовательные модели, старые модели наполняются новым содержанием и эволюционируют.

По мнению А. Шабуновой потенциал профессионального развития современного специалиста определяется характером взаимосвязи между образовательной системой и рынком труда, которая является неоднозначной и нелинейной.⁴¹⁴ Наряду с проблемой подготовки современного специалиста, важнейшее значение приобретает разработка системы максимально эффективного использования имеющегося профессионального и личностного потенциала специалиста.

Возникновение теории человеческого капитала отразило смену ориентации современной науки с проблем использования на проблемы формирования рабочей силы, удовлетворяющей условиям научно-технологического прогресса.

Исследователи Аугсбургского университета описывает «мотивационный спад» возникающий в процессе обучения студентов. Он возникает в конце первого года обучения как следствие разочарования в отношении предыдущих ожиданий, изменения референтных групп, возникновения более высоких требований, по сравнению со школьными и затрагивает, в первую очередь, цели достижения⁴¹⁵. Аналогичные результаты получены в Тамбовском и Поволжском

---

⁴¹⁴ Шабунова А., Леонидова Г., Устинова К. Трудовой потенциал современной России: старые тренды, новые вызовы // Общество и экономика. 2017. № 10. С. 79-94.

⁴¹⁵ Ziegler A., Schober B., Dresel M. Primary school students' implicit theories of intelligence and maladaptive behavioral patterns // Education Sciences and Psychology. 2005. Is. 1.P. 76-86.

государственном университетах И. А. Котельниковой⁴¹⁶; И. А. Бирюковой, И. В. Столярчук⁴¹⁷ и А. П. Шкуратовой⁴¹⁸).

Одной из ведущих мировых тенденций развития современного высшего образования является усиление внимания к вопросу соотношения объёма фундаментальных теоретических знаний и практико-ориентированных компетенций у будущих специалистов, что приводит к существенному приближению учебного процесса к практической проблемно-ориентированной профессиональной деятельности.

Классическая образовательная модель была в большей степени ориентирована на приобретение академических теоретических знаний. Современные же подходы требуют формирования у обучающихся не просто знаний, а готовности и способности принимать взвешенные и ответственные решения, а в последующем и реализовывать их. Данные характеристики будущего специалиста могут формироваться только в процессе деятельности, а уровень развития данных компетенций определяется степенью включенности обучающегося в образовательный процесс.

В настоящий момент классическая модель обучения не позволяет в полной мере обеспечить включённость студентов в учебный процесс. В результате в профессиональном образовании возникла необходимость применения новых технологий, позволяющих организовывать обучение в процессе деятельности при решении практических, жизненно важных задач. Результатом применения подобных технологий становится активизация учебно-познавательной деятельности студентов. Таким образом, учебная деятельность становится источником активизации процессов саморазвития и самосовершенствования⁴¹⁹.

---

⁴¹⁶ Котельникова И. А. Развитие мотивации достижения успеха как фактор стрессоустойчивости личности // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. № 30. С. 16-20.

⁴¹⁷ Бирюкова И. А., Столярчук И. В. Мотивация достижения успеха как фактор развития профессиональных качеств студентов // Поволжский педагогический вестник. 2014. № 1(2). С. 56-62.

⁴¹⁸ Шкуратова А. П. Исследование мотивации достижения в учебном процессе // Вестник ЗабГУ. 2014. № 2. С. 88-94.

⁴¹⁹ Сафьянников И. А., Вехтер Е. В. Проектный метод обучения в системе инженерного образования России на примере Национального исследовательского Томского политехнического университета // Актуальные социальные проблемы молодежи и образования: сборник трудов молодежной научной школы, г. Томск, 18-19 июня 2012 г. Томск: Изд-во ТПУ, 2012. [С. 3-7]. <http://www.lib.tpu.ru/fulltext/c/2012/C06/001.pdf>

С целью повышения эффективности образовательного процесса и развития творческого потенциала студентов мы считаем целесообразным реализовывать следующий комплекс мероприятий:

- Переход от парадигмы учебного предмета к парадигме деятельности, имеющий личностный смысл для обучающегося.
- Ориентация на решение конкретных современных проблем профессиональной деятельности в рамках профессионального обучения.
- Использование системы проблем – ориентированных и профессионально – ориентированных кейсов.
- Актуализация субъектной позиции студента, его самостоятельность в постановке целей образовательной деятельности и в определении способов их достижения.
- Комплексный подход к развитию общепрофессиональных, коммуникативных и исследовательских компетенций обучающихся.
- Организация учебно-творческого взаимодействия преподавателя и студента в процессе реализации проблемно-ориентированного подхода в обучении.
- Организация совместной групповой работы студентов над решением проблемно-ориентированных задач.
- Предоставление возможности выстраивания индивидуальной траектории работы над поиском решения проблемных ситуаций для каждого студента.

В результате всё большее распространение получают относительно новые образовательные модели. К их числу относится и проблемно-ориентированное обучение (Problem Based Learning) (ПБЛ). Оно основано на идее совместного обучения студентов в небольших группах (10-15 человек), когда каждый из них сам отвечает за свой собственный процесс обучения. Образовательный процесс строится на принципе активности студентов, в результате происходит

осмысленное построение новых знаний путем их увязки с существующими знаниями в противовес классической модели пассивной передачи знаний⁴²⁰.

Технология ПБЛ стала применяться в системе высшего образования во второй половине XX века как метод интерактивного обучения. В 50-е годы она начала применяться в университетах США и Канады, а в 60-е годы получила распространение и в университетах Европы. Впервые данная технология была применена на медицинском факультете Университета Кейс Вестерн резерв (Case Western Reserve University). Эта модель обучения оказалась как нельзя более подходящей к современной ситуации обучения, характеризующейся информационным и технологическим «взрывом», приводящим к быстрой смене требований к будущему специалисту⁴²¹.

В традиционной модели образования центральным элементом является передача уже имеющихся знаний. Студенты сталкиваются с необходимостью заучивания больших объёмов информации, которая зачастую, на их взгляд, не имеет прямого отношения к их будущей профессиональной деятельности. Это, в конечном счёте, вызывает скуку и безразличие, а иногда и разочарование в выбранной профессии. Очень часто студенты после сдачи соответствующего экзамена забывают большую часть материала, а то, что помнят, не могут применить для решения задач в смежных дисциплинах, тем более для решения задач в ситуации реальной профессиональной деятельности. В результате вся образовательная модель сводится к задаче приобретения диплома, который рассматривается как любой иной товар, продающийся на рынке. У студентов возникает ярко выраженная предпринимательская позиция: они занимаются (и чаще всего достаточно успешно) поиском способов эффективной сдачи соответствующих зачётов и экзаменов с минимальным количеством усилий. То

---

⁴²⁰ Maurer H., Neuhold C. Problem-Based Learning in European Studies // Baroncelli S., Farneti R., Horga I., Vanhoonacker S. (eds.) Teaching and Learning the European Union. Traditional and Innovative Methods. – Dordrecht [etc.]: Springer, 2014. P.199-215.

⁴²¹ Kolmos A., Flemming K. F., Love K. The Aalborg PBL-model – Progress, Diversity and Challenges. Aalborg: Aalborg University Press, 2006. 13 p.

есть главной целью обучения становится получение высокого аттестационного балла, а не формирование необходимых профессиональных компетенций⁴²².

В основе ПБЛ лежит конструктивистский подход, который подчёркивает важность реконструкции опыта в процессе формирования новых знаний⁴²³. В результате сам процесс обучения становится активным и социально-ориентированным (т.е. интерактивным). При этом результаты обучения сильно зависят от контекста, в котором оно протекает. Отсюда возникает необходимость и целесообразность тесной привязки всего процессе обучения к реальным профессиональным ситуациям и будущей профессиональной деятельности студентов.

В рамках данного подхода, и это принципиально важно, отправной точкой обучения являются не лекции, а практико-ориентированные кейсовые задания, которые разбираются студентами на практических занятиях. Затем происходит самостоятельная работа каждого из студентов (индивидуально или в микро-группах в зависимости от типа кейса) над сформулированной в ходе занятия проблемой (или группой проблем) и последующее обсуждение самостоятельно освоенного студентами материала на последующих практических занятиях. Лекция же является завершающим этапом изучения материала, когда происходит его обобщение и систематизация.

Применение технологии ПБЛ в образовательном процессе тесно связано с анализом содержания, выявлением недостающих знаний, формулированием и проверкой гипотез, определением последовательности действий, сбором, систематизацией и анализом данных, презентацией результатов, участием в дискуссии, оформлением выводов, формулированием новых проблем. При этом создаются условия, практически полностью соответствующие реальной профессиональной деятельности, и студенты, таким образом, получают возможность приобрести опыт комплексного решения профессиональных задач с

---

⁴²² Newman M. J. Problem Based Learning: An Introduction and Overview of the Key Features of the Approach // Journal of Veterinary Medical Education. 2005. Vol. 32(1). P. 12-20.

⁴²³ Пиаже Ж. Генетическая эпистемология. СПб: Питер, 2004. 159 с.

распределением функций и ответственности между членами студенческой группы.

В результате применения технологии проблемно-ориентированного обучения профессиональная деятельность преподавателя так же претерпевает существенные изменения, что приводит к смене его профессиональной позиции:

- Одной из главных задач становится формирование банка проблемно-ориентированных кейсов. Данные кейсовые задания содержат описание реальных профессиональных ситуаций и рассматривают несколько взаимосвязанных явлений или событий. Данные задания адаптированы для образовательных целей и связаны с потребностями обучающейся группы.

- Функция транслятора знаний заменяется на функцию экспертизы. Преподаватель перестаёт «сообщать» информацию, он в большей степени комментирует высказывания студентов.

- Роль модератора при проведении занятий заменяется на роль фасилитатора. В результате возникает синергетическое усиление вовлеченности студентов в образовательный процесс.

- В содержании образовательной деятельности особое внимание уделяется формированию и развитию мотивации к обучению у студентов. Применение технологии ПБЛ предполагает наличие систематических целенаправленных действий преподавателя по повышению уровня мотивированности и включенности студентов в образовательный процесс путём создания проблемных ситуаций.

- Соответственно, как отдельная задача перед преподавателем ставится необходимость создания и постоянного поддержания на занятиях положительного эмоционального фона, способствующего эффективной совместной деятельности студентов.

- Оценка полученного результата осуществляется совместно со студентами. При этом оцениваются как профессиональные компетенции, так и коммуникативные, и собственно личностные.

- При этом, если общие критерии оценки эффективности освоения образовательной дисциплины остаются в целом прежними, то значимость отдельных индикаторов претерпевает существенные изменения. Значительно большее внимание уделяется индикаторам самообучения студента.

- Большое значение приобретают относительно новые индикаторы эффективности освоения дисциплины. К их числу относятся так называемые «мягкие» компетенции (soft skills).

Как результат - роль наставника, «мудреца на сцене» заменяется ролью посредника. Задача преподавателя – поддержка профессионального развития студентов через процесс обучения и оценивания. При этом необходимо понимать, что преподаватель тоже может учиться в процессе проведения занятий. Он далеко не всегда может заранее знать ответы на возникающие в ходе дискуссии студентов вопросы. Ни один человек в мире не может знать ответы на все вопросы. Преподаватель имеет право сомневаться, искать решения, обучаться. Наоборот, это является дополнительным стимулом к обучению для студентов.

Одной из сложных задач в работе преподавателя в случае применения технологии ПБЛ является оценка работы студентов. Следует отметить, что латинское происхождение термина assessment (assidere) буквально означает «сесть рядом». Это требует от педагога иного типа мышления (по сравнению с традиционной моделью обучения). Оценка должна базироваться на результатах наблюдения в процессе занятий, отражённых в специальных «картах успеваемости», она должна быть понятна самим студентам и максимально аргументирована. Фокус и цель оценки перестают быть нормативными, предполагающими сравнение студентов между собой, и становятся критериально-ориентированными, т.е. предполагающими сравнение с эталонными картами развития профессиональных компетенций.

В этом случае оценка результатов обучения не является конечным продуктом. Она должна быть непрерывной и ориентированной на определение дальнейших задач профессионального развития будущего специалиста. Оценка является свидетельством активного отношения преподавателя к образовательной

деятельности обучающегося, его понимания специфики образовательной ситуации у данного конкретного человека и возможностей раскрытия его личностного потенциала. В данном контексте оценка студентами друг друга также становится существенным индикатором наряду с возможным мониторингом разрабатываемых в ходе занятий проектов реально работающими специалистами в данной предметной области. Студенты могут играть активную роль в выработке критериев оценивания и установлении стандартов производительности.

Оценка должна иметь смысл для обучающегося, она становится многогранным процессом, неотъемлемой частью обучения.

Отправной точкой в практическом занятии является работа с кейсами. Их целью является формирование у студентов состояния «озадаченности», которое призвано повысить у него мотивацию к обучению и уровень познавательной активности. Основные этапы работы с кейсом:

1. Знакомство с содержанием кейса. Формулирование вопросов по содержанию кейса. Кейсы содержат описание гипотетических или виртуальных ситуаций, связанных с будущей профессиональной деятельностью студентов⁴²⁴. Описание этих ситуаций мало структурировано, в ней никогда явно не просматриваются предустановленные «правильные» ответы. Что позволяет имитировать реальные ситуации трудовой активности с высокой степенью точности. Кейс может представлять из себя текст с описанием ситуации, или видеоклип, показывающий реальную ситуацию на рабочем месте, или рассказ профессионала об одном из моментов собственной профессиональной деятельности. Данный этап проходит в форме мозгового штурма, который позволяет выявить профессиональные интересы и мотиваторы обучающихся. Студентам не рекомендовано высказывать критические замечания: используется стратегия «белого листа», все высказываемые идеи имеют первоначальную ценность. Важность этого этапа определяется тем, что в результате

---

⁴²⁴ Искренко Э.В., Полтон Т.А. Проблемно-ориентированное обучение: особенности методики преподавания в Великобритании (на примере St. George University, London, Great Britain) // Научные ведомости БелГУ. 2008. № 10(50). С. 214-217.

интенциональные ожидания студентов выявляются и чётко формулируются до этапа собственно приобретения знаний.

2. Идентификация проблемы (или проблем), описанной в кейсе. В ходе обсуждения студентами этого вопроса происходит имитация исследовательской ситуации. Первоначально обучающиеся предпринимают попытку анализа данной проблемной ситуации в свете имеющегося жизненного опыта и уже накопленных профессиональных знаний. Данная работа предполагает создание особой эмоциональной атмосферы на занятиях. Каждый студент должен чувствовать себя свободным в высказывании любых гипотез, критика любых, даже самых несоответствующих содержанию кейсов высказываний недопустима. Будущие специалисты должны учиться высказывать своё мнение по поводу высказываний коллег открыто и конструктивно. Манера высказывания мнения о суждении другого должна быть дружественной. В результате формулируется список индикаторов – ключевых слов, которыми в дальнейшем студенты будут оперировать, пытаясь найти решение проблем(-ы). Данные ключевые слова используются для постановки конкретных вопросов, ответы на которые будут искаться на последующих этапах.

3. В результате такой исследовательской дискуссии формулируются гипотезы о причинах возникновения проблемы и (или) способах её разрешения, а затем и задачи для самостоятельной индивидуальной (или групповой) работы. Цель этого этапа – достижения консенсуса в студенческой группе и определение общих целей последующей совместной исследовательской деятельности, которые должны быть сформулированы максимально чётко в виде гипотез, которые необходимо будет в последующем либо верифицировать, либо фальсифицировать. Обучение никогда не сможет быть успешным, если у студентов не будет возможности формулировать собственные, пусть даже с точки зрения преподавателя заведомо ошибочные суждения-гипотезы.

4. Самостоятельная работа над проблемой предполагает глубокий анализ литературных источников. Его целью является нахождение доказательств сформулированных ранее гипотез, разработка системы аргументации для

последующего обсуждения на следующем практическом занятии. Это основной элемент образовательного процесса, который обеспечивает высокую эффективность обучения в целом за счёт субъектной позиции студентов и их высокого уровня самостоятельности в изучении материала. В зависимости от стадии обучения и уровня мотивации студентов работа на данном этапе может основываться:

- на чётком и подробном списке литературы с указанием конкретных тем, которые необходимо изучить более глубоко;
- на общем большом списке литературы, когда каждый студент самостоятельно решает с какими именно источниками ему целесообразно ознакомиться для достижения цели обучения;
- на самостоятельном поиске студентами современных и интересных для них источников информации по сформулированной ранее проблематике. В этом случае они дополнительно учатся самостоятельному быстрому поиску необходимой информации.

5. Групповая дискуссия предполагает сопоставление сформированных в ходе самостоятельной работы точек зрения и систем аргументации каждого из студентов с целью поиска совместного решения по проблеме и достижения консенсуса. На этом этапе достаточно часто применяется технология проведения дебатов. Также возможно включать доклады и презентации отдельных студентов или групп, совместно выполнявших самостоятельную работу. Кроме того, данная ситуация заставляет студентов формулировать и проговаривать друг другу в ходе дискуссии свои «новые» знания, что существенно повышает эффективность обучения в целом.

6. Принятие группового решения по проблеме. На данном этапе происходит формулирование «нового знания», которое оказывается увязанным и с уже имевшимся у студентов пониманием, и с реальными проблемами профессиональной деятельности, и с существующими различными подходами к решению данной проблемы.

На практических занятиях студентам предоставляется более активная роль в приобретении знаний⁴²⁵. В процессе работы на занятиях студенты по очереди выполняют роли Ведущего занятия и Секретаря. Роль Ведущего занятия предполагает инициирование процесса обсуждения проблемной ситуации, мотивирование студентов к дискуссии по обсуждаемой профессиональной проблеме. Данный студент контролирует ход занятия, он отслеживает длительность обсуждения отдельных вопросов, активность участия в дискуссии всей членов группы, охват в ходе дискуссии всех сформулированных ранее гипотез и т.п. Кроме того, периодически он резюмирует содержание высказываний других студентов и таким образом управляет ходом дискуссии. Роль Секретаря предполагает ведение стенограммы дискуссии. Он отвечает за последующую рассылку материалов обсуждения всем членам группы. В этом случае преподаватель выполняет роль эксперта. Он может дополнять и комментировать отдельные высказывания студентов, а также обеспечивает эмоциональную поддержку студентам и возможность эффективной совместной деятельности. Преподаватель может задавать провокационные вопросы для обострения дискуссии и управления её общим содержанием, он также координирует общее направление исследовательской деятельности студентов на протяжении изучения всего курса в целом и контролирует логику приобретения знаний от одного практического занятия к другому. При этом преподавателю категорически запрещено включать в практические занятия элементы лекций. Он может лишь организовывать дискуссию со студентами с целью дополнительного выявления у них информационных дефицитов и активировать дополнительный поиск недостающих данных самими студентами. Преподаватель обязан быстро реагировать на попытки студентов увести дискуссии в деструктивное русло, либо на ситуации изменения содержания дискурса и отход от направленности на решения исследовательских проблем.

---

⁴²⁵ Кущева Н. Б., Терехова В. И. Подготовка специалистов для индустрии туризма и гостеприимства на основе проблемно-ориентированной модели обучения // Интернет-журнал «Науковедение». 2015. Т. 7, № 2. <http://naokovedenie.ru/PDF/84PVN215.pdf>.

Поочерёдное выполнение студентами функций Ведущего и Секретаря позволяет активно развивать в ходе обучения коммуникативные и лидерские компетенции, навыки организации групповой работы. Это также позволяет получить опыт работы с документами и развить компетенции систематизации и обработки информации. В результате применения технологии ПБЛ происходят существенные изменения в уровне и содержании профессиональной компетентности студентов:

- Применение проблемно-ориентированных кейсов стимулирует самостоятельную поисковую деятельность студентов и активизирует их познавательную потребность.

- Работа с мало структурированным материалом кейсовых заданий развивает у студентов способность к риску, толерантность к неопределённости и креативный подход к решению практических задач.

- Это, в свою очередь активизирует процесс формирования когнитивных моделей решения проблем⁴²⁶.

- Активный поиск возможных вариантов рассмотрения выявленных задач стимулирует у студентов междисциплинарный подход к рассмотрению профессиональных проблем, интеграцию имеющихся теоретических знаний и профессионального и жизненного опыта⁴²⁷.

- Работа над проблемно-ориентированными кейсами развивает у обучающихся способность к самоорганизации образовательной деятельности. Вследствие того, что объем прямых директивных указаний и инструкций при ПБЛ сводится к минимуму, студенты берут на себя большую ответственность за собственное обучение⁴²⁸.

---

⁴²⁶ Dolmans D., Schmidt H. What directs self-directed learning in a problem based curriculum // Evensen D., Hmelo C. (eds). *Problem Based Learning: A Research Perspective on Learning Interactions*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 2000. P. 251-262.

⁴²⁷ Barrows H. *Generic Problem-Based Learning Essentials*. 2004. http://www.pbli.org/pbl/generic_pbl.htm.

⁴²⁸ Искренко Э. В., Полтон Т. А. Проблемно-ориентированное обучение: особенности методики преподавания в Великобритании (на примере St. George University, London, Great Britain) // *Научные ведомости БелГУ*. 2008. № 10(50). С. 214-217.

- Работа над кейсами, описывающими возможные проблемные ситуации будущей профессиональной деятельности мотивирует студентов к формированию установки на пожизненное непрерывное обучение.

- Приобретение опыта решения профессиональных проблем способствует «развитию мышления будущих специалистов, его критичности, эмоционального и социального интеллекта»⁴²⁹ в контексте будущей образовательной практики.

- Важными преимуществами ПБЛ является выработка способности ориентироваться в междисциплинарных ситуациях и умение находить и перерабатывать необходимый материал посредством использования различных информационных источников (лекции, учебники, словари и справочники, интернет-источники)⁴³⁰.

- Проведение групповых дискуссий позволяет студентам получить навыки общения и совместной работы в команде. Они имеют возможность экспериментировать с различными коммуникативными стратегиями.

Применение технологии ПБЛ позволяет развивать у студентов следующие навыки:

- Умение четко формулировать существо проблемы, представлять критический анализ исследуемой проблемной ситуации, высказывать диагностические суждения.

- Умение формулировать гипотезы и альтернативные варианты решения проблемы, потенциально позволяющие разрешить данную ситуацию. Этот навык формируется в процессе мозгового штурма с целью обсуждения сути проблемы, изложенной в кейсе.

- Умение определять имеющуюся нехватку знаний и осуществлять поиск недостающей информации.

- Умение систематизировать разрозненные сведения, собирать, соотносить и объединять информацию из различных источников.

---

⁴²⁹ Savin-Baden M. Facilitating Problem Based Learning: Illuminating Perspectives. Buckingham, UK: Society for Research in Higher Education, Open University Press, 2003. 195 p.

⁴³⁰ Искренко Э. В., Полтон Т. А. Проблемно-ориентированное обучение: особенности методики преподавания в Великобритании (на примере St. George University, London, Great Britain) // Научные ведомости БелГУ. 2008. № 10(50). С. 214-217.

- Умение проводить собственные мини-исследования с использованием широкого спектра ресурсов.

- Умение объединять знания, полученные по различным дисциплинам, а также интегрировать вновь приобретенные знания с уже имеющимся пониманием.

- Умение делать устные презентации.

- Умение вести дискуссию и аргументировать собственную точку зрения.

- Умение готовить совместный мини-проект с другими студентами.

- Умение предлагать решения, рекомендации и предложения для дальнейшего решения проблемы.

Так как содержание обучения, в случае использования технологии ПБЛ, существенно отличается от традиционного, возникает необходимость изменения критериев оценивания эффективности изучения курса студентами. При выставлении итоговой оценки учитываются: посещаемость занятий в течение семестра и активность участия в дискуссиях; качество подготовки докладов и презентаций по темам кейсов; успешность выступления с презентациями; эффективность работы в минигруппах над совместными задачами; эффективность выполнения различных ролей в ходе участия в практических занятиях; оценка на итоговом экзамене.

В ходе внедрения в образовательный процесс Национального исследовательского Томского государственного университета технологии ПБЛ выявились следующие ограничения:

- Требование высокого уровня посещаемости студентов аудиторных занятий. Так как образовательная программа данного типа курсов построена по прогрессивному принципу и активное участие студента в работе на следующем занятии предполагает глубокое освоение материала предыдущих.

- Требование достаточного уровня развития компетенций самообучения и анализа литературы. В том числе, свободное владение английским языком и способность не только понять общий смысл статьи на иностранном языке, но и провести полноценный анализ её содержания в ограниченные по времени сроки.

Этого требует сам принцип самостоятельной работы над проблемно-ориентированными кейсами.

- Требование высокого уровня развития коммуникативных компетенций учащихся для активного участия в совместной деятельности с другими студентами, как при подготовке занятий, так и на самих семинарах.

- Сложность разработки и описания корректной системы оценки качества освоения учебного материала в процессе проблемно-ориентированного обучения.

Данные ограничения во многом относятся к системе управления образовательным процессом, которая требует существенной перестройки и трансформации.

Анализ опыта внедрения технологии Проблемно-ориентированного обучения в практику образовательной деятельности вуза позволяет нам сделать вывод о том, что данная образовательная модель может быть основой для формирования профессиональных компетенций будущего специалиста. Реализация проблемно-ориентированного подхода в обучении позволяет:

1. Развивать у студентов компетенции самообучения, что приводит к формированию открытой позиции и постоянной готовности к изменению, уточнению и углублению имеющихся знаний и трансформации образа профессионального будущего в соответствии с ними.

2. Приобретать опыт применения теоретических знаний для решения практических задач профессиональной деятельности и уточнения собственной траектории профессионального развития.

3. Развивать у студентов компетенции эффективной совместной деятельности.

4. Это, в свою очередь, приводит к развитию компетенций самоконтроля и самоорганизации деятельности. В итоге повышается общий уровень субъектности студента, у него формируется более осознанная позиция к процессу профессионального развития.

В результате мы можем говорить о том, что учебная деятельность студентов вуза приобретает личностный смысл для обучающегося и становится источником

активизации саморазвития, формирования профессиональной траектории и реализации образа профессионального будущего.

Данные выводы согласуются с результатами зарубежных исследований, в которых рассматривается и подчёркивается:

- Роль современных образовательных моделей и образа будущего в обучении студентов^{431, 432}.
- Влияние непрерывного образования на характеристики жизненной перспективы⁴³³
- Роль психологического сопровождения в обучении студентов вузов⁴³⁴.
- Ценностная парадигма образования⁴³⁵.
- Гибкость построения карьеры и профессиональной траектории молодых людей⁴³⁶.
- Удовлетворённости жизнью и жизненной перспективой студентов⁴³⁷.

Таким образом, мы можем констатировать исключительную важность периода обучения в вузе для выбора типа будущей профессиональной траектории и варианта профессионального развития. Это определяет наш интерес к возможности психологического сопровождения процесса профессионального развития в вузе.

---

⁴³¹ Janeiro I. N., Duarte A. M., Araujo A. M., Gomes A. I. Time perspectives, approaches to learning, and academic achievement in secondary students // *Learning and individual differences*. 2017. Vol. 55. P. 61-68.

⁴³² Berrington A., Pattaro S. Educational differences in fertility desires, intentions and behavior: A life course perspective // September 2014. Vol. 21. P. 10-27. <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1040260813000464>

⁴³³ van de Werfhorst H. G. Adult learning in modern societies an international comparison from a life-course perspective foreword // *Adult learning in modern societies: an international comparison from a life-course perspective*. 2014. P. XV-XVI

⁴³⁴ Kirillova O. V., Kirillova T. V., Abramova L. A., Gavrilova I. V., Vaibert M. I. Psychological and pedagogical support of the formation of professional world outlook of the university students // *European Journal of contemporary education*. 2017. Vol. 6. P. 280-288.

⁴³⁵ Panina S., Tulasinova N., Golovtseva N. Developing value paradigm of rising educators at university // *Bk 1: Psychology and Psychiatry, sociology and healthcare, education conference proceedings*. 2016. P. 187-194.

⁴³⁶ McDonald P. K. How «flexible» are careers in the anticipated life course of young people? // *Human relations*. 2018. Vol. 71. P. 23-46.

⁴³⁷ Civitci N., Baltaci H. S. Time perspective, Life Satisfaction and social comparison orientation in University students // *Pamukkale universitesi egitim fakultesi dergisi-pamukkale university journal of education*. 2018. Is. 43. P. 107-116.

4.4. Психологическое сопровождение профессионального развития на этапе обучения в вузе

М. К. Мамардашвили утверждал: «Сознание наше живет в напряженном поле, очерченном предельными границами смыслов, и ясность в нем возможна только тогда, когда мы владеем языком этих смыслов, т.е. понимаем их отвлеченность, их ограниченную природу, умеем читать то, что они нам говорят о наших возможностях и природе, и когда сами достаточно развиты для этого»⁴³⁸. Следовательно, одной из практических задач развития человека является осознание собственных смыслов, заложенных, в том числе, в образе будущего в целом и образа профессионального будущего в частности.

Разработка технологий психологического сопровождения процесса формирования и реализации образа будущего, уже породившая введение в категориальный аппарат психологии новых базовых категорий и оформление новых научных направлений, требует дальнейшей категоризации, дефинирования понятий и введение объяснительных принципов рассмотрения субъективной реальности, состояний мучительного описания себя, «метафизического зуда»⁴³⁹, стремления человека к чему-то ценному и непреходящему. На наш взгляд осознание собственного образа профессионального будущего предполагает особый уровень рефлексии, осознание себя как субъекта мыслительной деятельности, сознательно организующим ее именно таким, а не другим способом. Для активизации этого процесса зачастую необходимы специальные формы психологической поддержки, создающие предпосылки для формирования более четких жизненных перспектив, осознания собственных потребностей и мотивов, психологического моделирования.

Психологическое моделирование состоит, во-первых, в искусственном конструировании ситуации экспликации образа профессионального будущего, во-вторых, в попытке теоретического моделирования его, основанной на

---

⁴³⁸ Мамардашвили М. К. Сознание и цивилизация. СПб: Азбука, 2011. С. 117.

⁴³⁹ Шестов Л. И. Философия трагедии. Избранные работы. М.: Издательство Юрайт, 2017. 396 с.

представлении об образе будущего как личностном феномене самосознания, сформированном в результате самопонимания, имеющем коммуникативную природу и межличностное происхождение.

В ситуации конструирования образа профессионального будущего как экспериментального задания психолога у оптантов происходит формирование определенной жизненной ситуации, своеобразного «драматического сегмента», когда не просто осуществляется принятие цели и ищутся пути решения задачи, а возникают реальное поведение, реальные эмоции и реальные реакции, возникает реальный пласт жизни со всеми ее нюансами.

Попытка вербального и невербального конструирования образа профессионального будущего, а также построение в последствии его описательной модели выступают как важнейший метод формирования субъектной позиции по отношению к собственному профессиональному развитию. Знания о предмете, полученные таким образом, могут обеспечить глубокое понимание его скрытых внутренних свойств. Допускаемые при моделировании сложных объектов и процессов упрощения и схематизация облегчают процесс познания и расширяют его возможности, особенно на начальных этапах.

Понятие «тренинг» чаще всего связывается с конкретной совокупностью процедур и условий их проведения. Л. А. Петровская предлагает этим термином обозначать «практику психологического воздействия, основанную на активных методах групповой работы»⁴⁴⁰. Теоретический анализ показал, что доминантой в большинстве ведущих современных концепций тренингов является «логика преодоления», что оказывает существенное влияние на понимание его психологического смысла. Как следствие формулировка задач, чаще всего, сводится к «ломке стереотипов», «перестройке сознания»⁴⁴¹ и проч. Сценарии тренингов в этом случае выстраиваются как поступательное движение от одного упражнения к другому. В итоге происходит блокировка спонтанности, которая

---

⁴⁴⁰ Петровская Л. А. Общение – компетентность – тренинг. М.: Смысл, 2007. С. 8.

⁴⁴¹ Никитин В. Н., Цанев П. К. Образ и сознание в арт-терапии. София: Болгарская национальная художественная академия, 2017. 283 с.

нередко встречается участниками тренинга с радостью и готовностью. Неизвестность, свобода вызывают у них страх. Поэтому, на наш взгляд, одной из первейших задач психологического сопровождения профессионального развития является обеспечение условий принятия его участниками позитивной свободы.

Направленность на десубъективацию жизненного опыта, ориентация на рефлексию, восстановление пространства внутреннего мира, неразложимых целостных внутренних переживаний существует, в основном, в интегративных моделях неклассической психотерапии. Суть этих подходов состоит в выявлении паттерна взаимосвязей между эволюционным статусом и различными внутренними и внешними контекстами функционирования личности. Эволюционный статус понимается как способность достаточно адаптированного индивида справиться с трудностями, возникающими в ходе личностного развития. Методическая основа такого подхода может быть дополнительно усилена процедурами тексто- и арт-терапии как способов самофокусировки, увеличивающих чувство самоидентичности и целостности Я⁴⁴².

Цель разработанного нами тренинга профессиональной перспективы – это самопомощь в формировании и развитии образа профессионального будущего или - в терминологии гуманистической психологии – саморегуляция и самоопределение в профессиональном развитии, признание того факта, что человек сам способен себе помочь. Данная модель не направлена на переструктурирование субъективного мира личности, правильнее говорить об изменении внутреннего мира в условиях конкретной жизненной ситуации и нахождении вариантов жизнеосуществления. Такие «частичные» изменения, на наш взгляд, запускают механизмы самоорганизации, нахождения самоидентичности и аутентичности.

Рассуждения о себе индивида, его способ постигать природу мира представляют собой его собственное творение. Такое конструктивистское понимание бытия не означает отрицания реальности существующего мира, но

---

⁴⁴² Макаров Ю. В. Тренинговые технологии: структурная композиция // Казанская наука. 2015. № 1. С. 202-207.

означает, по мнению Дж. Келли, что ключом в судьбе человека является способность дать новую интерпретацию тому, что нельзя отрицать⁴⁴³. Смысл постановки именно такой цели в описываемом тренинге заключался в том, что психологу с помощью проникновения в сокровенный внутренний мир участников этой процедуры через анализ образа профессионального будущего удаётся частично изменить представления о себе и мире, открыть возможности принятия и изменения себя.

Ментальное пространство тренинга предусматривало различные стратегии поведения тренера – психолога:

- «семиотика понимания» – «расчистка» пространства понимания, создания особой пустоты, которую должен заполнить участник тренинга (экзистенциально ориентированная стратегия)⁴⁴⁴;

- «внимающая и влияющая позиция» – ориентация на воздействие, активизацию и принятие решений⁴⁴⁵;

- структурно-семиотическая стратегия – оперируя ассоциативными значениями, предлагая интерпретации, тренер стремится изменить структуру ментального пространства участников тренинга, вписанного в совместное пространство дискурса⁴⁴⁶.

В рамках нашей концепции мы рассматривали тренинг как проектирующую реальность, детерминированную будущим. В качестве основной техники в ходе тренинга применялся структурированный диалог с самим собой (внутренняя коммуникация) и с другими (внешняя коммуникация). Модель тренингового взаимодействия представляла собой экзистенциальное, бытийное сосуществование в едином целостном культурно-символическом пространстве. Эти процессы характеризовались высокой динамичностью (мгновенностью появления и быстротой исчезновения), непредсказуемостью содержания (как для

⁴⁴³ Келли Д. Психология личности. СПб: Речь, 2000. 248 с.

⁴⁴⁴ Коротенко В. А. Семиотическая парадигма языка в гносеологическом аспекте // Гуманитарный трактат. 2017. № 9. С. 99-102.

⁴⁴⁵ Манохина М. М. Рефлексивный тренинг – способ оптимизации профессионально-личностного самоопределения // Среднее профессиональное образование. 2007. № 8. С. 13-15.

⁴⁴⁶ Петрова В. Н., Богомаз С. А. Особенности профессионального и личностного самоопределения студентов младших курсов // Сибирский психологический журнал. 2001. № 14-15. С. 110-113.

окружающих, так и для самих участников тренинга) и многообразием форм проявления.

Специфика процесса обретения личностью своей сущности, самопонимания, осознания себя и своего будущего достаточно глубоко и подробно описана в гештальт-терапии⁴⁴⁷. Осознавание – это то знание своего Я, тот поток сознания, который человек исследует опытным путем ежесекундно, который является одновременно и умственным, и эмоциональным процессом. Оно характеризуется высокой динамичностью, непредсказуемостью содержания, многообразием форм проявления. Осознавание не имеет своего собственного содержания, это не объяснение ситуации, а сам момент понимания, момент переживания; это не опыт индивида, а именно связь любого содержания опыта с другим содержанием этого опыта.

При разработке модели тренинга мы шли по пути совмещения и взаимодополнения абстрактного познания и эстетического постижения. Как отмечал А. Маслоу, абстрагирование активно и агрессивно по отношению к своему объекту, оно более склонно к селекции свойств и оцениванию их, нежели эстетическая позиция наслаждения, радостного постижения. Это позиция, в которой нет и намека на желание вмешаться, повлиять, властвовать⁴⁴⁸. При абстрактном познании происходит формулирование возможных вариантов действий, их детальная проработка, выбор наиболее оптимального и создание пошаговой модели достижения. Это предполагает «ломку стереотипов», вызывает необходимость пользоваться латеральным мышлением⁴⁴⁹. Однако, конечный продукт абстрагирования – формула, схема, модель – часто также далек от реальности как географическая карта от территории. Иногда при абстрактном познании используется метод ассоциаций. Различают ассоциации по сходству (могут быть использованы как исходные данные для приемов эвристической инверсии – обращения, поиска от конца к началу), контрасту и смежности

---

⁴⁴⁷ Шаймуратова А. Ф. Методы гештальт-терапии в развитии профессионально-важных качеств личности будущего специалиста // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2010. Т. 12, № 5-2. С. 475-479.

⁴⁴⁸ Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл - Альпина нон-фикшн, 2011. 512 с.

⁴⁴⁹ Косогова А. С., Дьякова М. Б. Формирование профессиональной компетентности у студентов вуза с позиций системного подхода // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. С. 265.

(эффективны для приемов преобразования в пространстве и во времени). Конечная цель эстетического познания – полное целостное и позитивное постижение объекта. На наш взгляд, целесообразным является сочетание обоих подходов в тренинговой работе.

При разработке нашего тренинга мы исходили из следующих предположений:

- каждый человек стремится выйти за пределы своего существования, ограниченного пространством и временем;
- после тренинга его участники не только должны уметь использовать то новое, что они узнали, но и стремиться использовать новые знания и новый опыт.

Основные техники, применяемые в ходе тренинга:

- Парадоксальность, создание атмосферы карнавала, игры.
- Образность, использование метафор, схем, символов.
- Баланс комфорта и дискомфорта – создание благоприятной психологической атмосферы взаимодействия группе и отказ от попыток облегчить деятельность участников.
- Направленность на применение результатов.

Задачи тренера: создать условия, при которых участники могли бы испытать на себе действие образа профессионального будущего, затем научиться управлять им, а потом научиться позволять образу профессионального будущего свободно проявляться и трансформироваться в программу действий по достижению конкретной цели.

Разделы тренинга:

1. Рефлексивный самоанализ имевшихся профессиональных выборов и профессиональных проб.
2. Рефлексивный самоанализ актуального состояния.
3. Проектирование общей жизненной перспективы.
4. Интегративное проектирование профессиональной перспективы.

Каждый раздел предполагал прохождение следующих этапов:

1. Подготовка. Цель – раздвинуть границы понятия «реальность».

2. Включение – создание условий для включения всех членов группы в активную работу.

3. Самостоятельная работа – спонтанное формулирование жизненных планов и целей в вербальной и невербальной форме через цепочки событий – переживаний.

4. Завершение.

В целом в данной практике на первый план выступает гармонизация внутреннего мира человека и различных сторон его личности, а также развитие спонтанности. Тренинг профессиональной перспективы реализуется в логике трехступенчатой задачи:

1 этап. Погружение в образ профессионального будущего: Демонстрация действия образа будущего в отвлеченной от реальности ситуации. Осознание особенностей индивидуального образа профессионального будущего в приближенной к реальности ситуации.

2 этап. Управление образом профессионального будущего: Систематизация представлений об особенностях формирования образа будущего. Развитие навыков позитивного планирования образа будущего. Развитие навыков эффективной деятельности в ситуации реализации образа профессионального будущего.

3 этап. Слияние с образом будущего. Помощь в проживании парадоксальности образа будущего. Развитие возможности согласования противоречивых тенденций в образе профессионального будущего.

Содержание конкретной работы зависело от представлений тренера о том, как должен совершаться переход от простого к сложному, от безличного – к личному, от безопасного – к тому, что бросает вызов; логики перехода от разминочных упражнений к напряженной работе; необходимостью разнообразить упражнения, формы работы, способы подачи материала и приобретения нового опыта.

Анализ содержания образа профессионального будущего включал:

- Инерционный анализ, предполагающий экстраполяцию наличных устойчивых тенденций на обозримое будущее⁴⁵⁰.
- Трендовый анализ – построение на базе фиксированных тенденций наиболее устойчивой и всеобъемлющей – тренда⁴⁵¹.
- Сценарный анализ, проводящийся на основе двух предыдущих и определяющий веер возможностей⁴⁵².

Исследование эффективности тренинга в его динамичности является исключительно сложной процедурой. Поэтому в качестве модели сбора и обработки информации о его ходе мы использовали метод динамических проекций, в основе которого лежит идея создания «портрета тренинговой группы» на разных этапах ее работы⁴⁵³. В итоге мы анализировали три динамических портрета тренинговой группы:

1. Коммуникативный – отражает поведение участников, особенности возникающего группового пространства, совместную динамику.
2. Эмоциональный – отражает последовательность возникновения эмоций, их характер и степень значимости той или иной из них для участников тренинга.
3. Вербальный – отражает психосемантическое пространство, возникающее и развивающееся по ходу тренинга.

Источниками информации для составления динамических портретов тренинга являлись: карты и протоколы наблюдений за поведением, деятельностью, межличностными коммуникациями членов тренинговой группы; документы - анкеты, тексты, рисунки, созданные в ходе тренинга, результаты диагностики.

---

⁴⁵⁰ Поварёнков Ю. П. Инерционность как закономерность профессионального становления личности // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2017. № 2 (34). С. 394-403.

⁴⁵¹ Таранова Т. Н. Модели специалиста в форсайт-проектах современного образования // Всероссийская научно-практическая конференция Личность в культуре и образовании: психологическое сопровождение, развитие, социализация. 2017. № 5. С. 189-191.

⁴⁵² Малюченко Г. Н., Плоткина Л. Н. Применение сценарного подхода к исследованию закономерностей профессионально-личностного становления будущих ИТ-специалистов // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Психология. 2010. № 2. С. 19-32.

⁴⁵³ Носс И. Н. Рефрактивные проективные методы и их применение в психодиагностике // Психология и психотехника. 2013. № 3. С. 294-303.

В качестве методов сбора эмпирических данных использовались: методика изучения образа возможного будущего (В. Н. Петрова)⁴⁵⁴; опросник терминальных ценностей (И. Г. Сенин)⁴⁵⁵; опросник профессиональных предпочтений (Дж. Холланд)⁴⁵⁶; тест смысложизненных ориентаций (Д. А. Леонтьев); методика диагностики межличностных отношений (Т. Лири); полуструктурированное интервью.

Выборку составили студенты факультета психологии Томского государственного университета, проходившие обучение по данному курсу в рамках программ бакалавриата, специалитета и профессиональной переподготовки. Объём выборки составил 123 человека. Сбор эмпирических данных производился в период с 2005 г. по 2010 г.

Участники группы заполняли несколько анкет – опросников. В начале работы тренинга проводилось первое диагностическое исследование с целью построения статичного портрета группы перед тренингом. В ходе работы с целью изучения эмоционального портрета тренинговой группы проводилось исследование эмоционального фона. Это позволяло получить обобщенные показатели, дающие ответы на вопросы: Какие эмоции возникали в ходе тренинга чаще, какие реже? Какова очередность возникновения эмоций; какова степень их значимости для участников группы? Через два – три месяца участники тренинговой группы в свободной форме писали тексты, фразы, отражающие суть происшедшего на тренинге.

Дж. Келли впервые поставил проблему одновременного сохранения активности субъекта (испытуемого) и необходимости контролируемости и варьированности ситуации исследования⁴⁵⁷. При планировании оценки эффективности тренинга мы приняли следующее решение: детерминанты и

---

⁴⁵⁴ Петрова В. Н. Методика изучения образа возможного будущего // Сибирский психологический журнал. 2002. № 16-17. С. 32-36.

⁴⁵⁵ Калугин А. Ю. Психометрический анализ двух «ценностных» методик - аналогов: «Опросник терминальных ценностей» И. Г. Сенина и опросник «Аксиологическая направленность личности» А. В. Капцова, Л.В. Карпушиной // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 1 (45). С. 62-79.

⁴⁵⁶ Петрова В. Н. Возможность применения оригинального опросника профессиональных предпочтений Дж. Голланда для диагностики профессиональной перспективы // Сибирский психологический журнал. 2008. № 27. С. 115-120.

⁴⁵⁷ Келли Д. Психология личности. СПб: Речь, 2000. 248 с.

условия формирования образа будущего выступали как единые векторы или направления, по которым шел контроль (измерение) и вариация условий и наблюдения, а содержание и характеристики процесса коммуникации при построении образа профессионального будущего разными испытуемыми были различны, поскольку определялись ими самими. Иными словами, характеристики образа будущего были структурно-динамически конкретизированы, что, в свою очередь, позволило судить о причинах их изменения.

При анализе содержания образа будущего его структура сопоставлялась с парадигмами техник переживания Ф. Е. Василюка⁴⁵⁸. В соответствии с его теорией мы выделяли следующие компоненты анализа:

- Энергетическая компонента – связана с активностью работы на тренинге. Обнаруживалась по формальным параметрам высказываний в дискуссиях, текстов и рисунков (объему, количеству слов и деталей на рисунке). Сдвиг мотива на цель как энергетический и смысловой феномен обнаруживался в процессе тренинга в тех случаях, когда задача саморефлексии становилась основной, а не сопровождающей работу с психологом.

- Пространственная компонента характеризует расширение – сужение психологического пространства личности и связана со стремлением или отказом от профессионального развития и самореализации.

- Темпоральная компонента определялась наличием комплексности сочетания темпоральных характеристик с вневременными описаниями, связи прошлого, настоящего и будущего между собой, проявлению хронотопа.

- Информационно-когнитивная компонента проявлялась в активности диалога, оценочной субъектной авторской позиции, четком проявлении сфер интенсивного профессионального и личностного развития.

При анализе текстов акцент делался на выявлении его функций семантически-эмоционального освоения бытия:

---

⁴⁵⁸ Василюк Ф. Е., Карягина Т. Д. Личность и переживание в контексте экспериментальной психотерапии // Консультативная психология и психотерапия. 2017. Т. 25, № 3 (97). С. 11-32.

- Познавательная функция – рассказ о себе, как репрезентация самого главного, интересного.

- Коммуникативная функция – активное участие в дискурсе, стремление приобщиться к другим участникам тренинга.

- Аксиологическая функция – стремление к репрезентации системы смыслов и ценностей.

- Регуляторная функция – ориентация на общественные нормы.

Результаты анализа позволили выделить несколько вариантов дисгармоничного профессионального развития в период начальной профессионализации:

- Экзистенциальный дисбаланс – неопределенность понимания целей, жизненных задач, предпочитаемых ценностей.

- Профессиональный дисбаланс – неуверенность по поводу будущей карьеры.

- Социальный дисбаланс – неуверенность в формировании межличностных отношений.

- Внутрличностный дисбаланс или кризис идентичности – осознание необходимости пересмотра представлений о себе, спутанность восприятия времени, общая тревожность.

Попытки выявить четкие количественные закономерности в развитии и функционировании образа профессионального будущего привели нас к задаче факторизации. Каждый из факторов интерпретировался нами несимметрично другому, а потому давал возможность раскрыть действие закономерностей формирования образа будущего в виде, осложненном противодействующими, нейтрализующими тенденциями. В результате факторизации индивидуальных оценок образа будущего, особенностей коммуникации и характеристик личностного и профессионального потенциала были выделены факторные структуры, описывающие закономерности профессионального развития современного специалиста. Факторные решения отразили систему общих

категорий, которые респонденты используют при выборе варианта профессионального развития.

Анализ результатов показал достаточно большую размытость образа профессионального будущего у части респондентов. Абсолютное большинство (86 %) считают необходимым получение дополнительного образования ещё по крайней мере по одному направлению (чаще всего менеджмент или гуманитарная сфера) как условия дальнейшего профессионального развития. Это свидетельствует о гибком подходе к построению собственной профессиональной траектории, а также о поливариативности жизненной перспективы.

Интересным является соотнесение пространственных и временных характеристик образа будущего. В трудовой деятельности большинство испытуемых в среднесрочной перспективе планируют (в возрасте в среднем 29.6 лет) быть руководителями небольшого коллектива, также у значительной части существует стремление в отдаленном будущем стать руководителем крупного подразделения. Адекватным этим планам является желаемый уровень заработной платы. Однако, на наш взгляд, цели в денежно-затратной сфере (покупка жилья, автомобиля и проч.) не соответствуют критерию адекватной реалистичности. Времени на достижение этих целей отводится слишком мало и в целом планы отличаются низкой дифференцированностью и несогласованностью: средний возраст покупки трехкомнатной квартиры – 29.5 лет. Радует тот факт, что планируемое создание семьи и рождение детей согласуется с профессиональной перспективой.

В целом необходимо отметить, что критерий продолжительности временной перспективы в восприятии студентов ограничивается периодом зрелости. Возможно, это обусловлено высокой концентрацией планируемых событий и большой эмоциональной заинтересованностью в их достижении в возрасте от 22 до 35 лет, когда происходит интенсивная реализация задуманного, активный поиск и нахождение своего места в жизни.

Кроме изучения собственно образа будущего нас еще интересовал вопрос восприятия настоящего и его согласованности, совместимости с жизненными

планами. Картина получилась ожидаемая: студенты в целом довольны своим профессиональным выбором и процессом обучения в вузе, их устраивают имеющиеся формы проведения свободного времени и досуга, но при этом они испытывают явные материальные затруднения. Если же говорить об общей осмысленности жизни, то следует отметить, что респонденты в целом готовы самостоятельно ставить жизненные цели, находить в них смыслы. Для них характерно стремление развивать себя. Обращает на себя внимание низкая общая социальная зрелость студентов. В подавляющем числе случаев восприятие испытуемых акцентировано на ближайшем окружении.

Таблица 8 – Результаты выполнения теста смысложизненных ориентаций

Название шкалы	Средние значения	Стандартное отклонение
Цели	35,06	5,44
Процесс	34,22	4,92
Результат	27,28	3,6
Локус контроля – Я	22,76	4,02
Локус контроля – жизнь	34,02	4,71
Общий показатель осмысленности жизни	111,52	14,42

Эти выводы подтверждаются и результатами выполнения теста смысложизненных ориентаций (Таблица 8). Приведенные данные свидетельствуют о наличии четко сформированных жизненных целей, которые придают определенную направленность и осмысленность всей жизни. Картина жизни в представлении испытуемых наполнена конкретными событиями и способами их достижения. Настоящая жизнь представляется им эмоционально насыщенной, наполненной личностным смыслом, интересными и значимыми делами. Однако низкие показатели по шкале «Локус контроля Я» свидетельствуют об ограниченности свободы выбора, давлении большого количества внешних факторов в достижении некоторых целей. Также результативность жизни, т.е. удовлетворенность прошлыми событиями у студентов также невысокая. По-видимому, главные события жизни для них еще

впереди. В целом результаты теста свидетельствуют об общей осмысленности жизни и психологической готовности к жизненному самоопределению.

С целью изучения особенностей построения личного и социального будущего нами применялась методика диагностики межличностных отношений Т. Лири. Полученные результаты свидетельствуют о следующем: в целом присутствует умеренная адаптация испытуемых к социальному окружению. Студентов можно охарактеризовать как уверенных в себе людей, иногда склонных к соперничеству, критичных по отношению к окружающим и несколько эгоистичных. В целом мы можем говорить о сформированности Я-концепции и вариативности путей личностного самоопределения. Однако в социальном плане наблюдается неустойчивость в определении своей жизненной позиции по отношению к окружающим, дихотомичность и противоречивость в выстраивании линии поведения.

Анализ терминальных ценностей показал, что для испытуемых наибольшую важность имеют активные социальные контакты (среднее значение – 38), достижения (среднее значение – 37) и духовное удовлетворение (среднее значение – 37), реализуемые в профессиональной сфере (среднее значение – 59) и в сфере обучения и образования (среднее значение – 58). Т.е. это свидетельствует о желании студентов идентифицировать себя с определенной социальной группой, характеризующей уровень образования и именно благодаря этому обеспечить себе достижение определенных жизненных целей. Они заинтересованы в развитии своих способностей и обучении с целью дальнейшего применения их в профессиональной деятельности.

Результаты анализа профессиональных предпочтений выявили ориентацию на предпринимательские виды деятельности, предполагающие целеустремленность, организаторские способности, готовность брать на себя ответственность и рисковать. В то же время обращает на себя внимание нежелание заниматься видами деятельности, связанными с концентрацией внимания, усидчивостью и большой трудоемкостью, что свидетельствует о желании быстро получить желаемый результат и нетерпеливости.

Таблица 9 – Фактор «Активное профессиональное развитие»

Параметры	Вес параметров
Результативность жизни	0,838
Уверенность в будущем	0,838
Локус контроля жизни	0,805
Удовлетворенностью жизнью	0,786
Стремление получить второе образование	0,775
Связь будущей профессии с получаемой	-0,806
Артистический тип личности	-0,862
Стремление рано образовать семью	-0,953
Общий вес фактора	15,212

Теперь обратимся к описанию результатов факторного анализа (метод выделения – анализ главных компонент; метод вращения – варимакс с нормализацией Кайзера). В результате было выделено четыре фактора с совокупным процентом дисперсии 60,112.

Таблица 10 – Фактор «Домохозяйка»

Параметры	Вес параметров
Гуманитарный факультет	0,906
Конвенциональный тип личности	0,781
Интенсивная скоростная карьера	-0,811
Высокая заработная плата	-0,832
Пол	-0,906
Исследовательский тип личности	-0,97
Общий вес фактора	13,716

Первый фактор (Таблица 9), который мы назвали «Активное профессиональное развитие», описывает объединённый показатель, который характеризует нацеленность на интенсивную профессиональную деятельность. Это предполагает наличие удовлетворенности тем, как складывается жизнь в настоящем и обширные планы на будущее, предполагающие расширение зоны профессиональной компетентности, получение дополнительного образования,

прагматичность и откладывание реализации жизненных планов, связанных с другими сферами жизни на неопределенное будущее.

Таблица 11 – Фактор «Активное саморазвитие»

Параметры	Вес параметров
Собственный престиж	0,897
Креативность	0,845
Профессиональная деятельность	0,838
Семейная жизнь	0,812
Развитие себя	0,8
Жизненная перспектива	0,763
Достижения	0,761
Обучение и образование	0,703
Высокая должность	-0,912
Общий вес фактора	14,713

Второй фактор «Домохозяйка» (Таблица 10) выявил объединённый показатель, особенностей профессионального развития, когда работа не является значимым смыслом жизни, и отсутствует намерение прикладывать сверхусилия в данной области. Это чаще девушки, представительницы гуманитарных факультетов, прагматичные и усидчивые, ценящие стабильность и прочность жизненного положения, уважающие статус и престиж. Работа для них, в большей степени является, нормативной частью жизни.

Таблица 12 – Фактор «Автономное саморазвитие»

Параметры	Вес параметров
Духовное удовлетворение	0,822
Удовлетворенность проведением досуга	0,754
Эгоизм	-0,757
Высокое должностное положение	-0,803
Агрессивность	-0,814
Зависимость от окружения	-0,921
Общий вес фактора	9,496

Третий фактор (Таблица 11) демонстрирует гармоничный тип самореализации, предполагающий активное развитие и достижение результатов во всех сферах жизни: не только в профессиональной, но и в семейной. Развитие своих творческих способностей, расширение рамок возможного – вот цель, которую респонденты ставят в жизни и которая наполняет ее осознанностью и смыслом.

Четвертый фактор (Таблица 12) имеет наименьший факторный вес, но, не смотря на это, мы все-таки рассматриваем его достаточно подробно, так как он имеет для нас большое значение в содержательном плане. Этот фактор характеризует обобщенный показатель, рассмотрения профессиональной деятельности как необязательной в жизни. Когда большое значение имеют духовные ценности, собственные интересы, реализация индивидуальных жизненных программ. Все это предполагает, что труд в жизни может появляться только в качестве осознанной необходимости, как средство зарабатывания денег.

Таким образом, исходя из представленных данных, мы можем сделать общий вывод о том, что наблюдается достоверная статистическая зависимость между уровнем сформированности, реалистичностью, оптимистичностью, детализированностью образа возможного будущего и готовностью к профессиональному развитию. Обе эти характеристики в сумме является критерием зрелости личности, характеристикой ее субъектности.

Проведенное нами исследование позволило вывить психологические типы испытуемых, нацеленных на активное профессиональное и личностное развитие и имеющих сформированные жизненные планы и намерения. Именно данные характеристики, на наш взгляд, определяют содержание, интенсивность, осознанность образа будущего, внутреннюю готовность к его реализации.

Продолжая работу по выявлению конкретно-психологического содержания, структуры и форм проявления различных вариантов формирования образа будущего мы учитывали, что господствующие представления о чертах личности сложились в рамках объективной парадигмы, где личность представлялась как набор объектных характеристик в пространстве диагностических показателей. В

нашем же исследовании мы исходим из субъектной парадигмы, в которой личность мыслится, в первую очередь, как носитель определенной картины мира, системы жизненных целей и мотивов. Это ставит проблему соотнесения субъективных способов структурирования личностью реальности с тем, что в факторных теориях традиционно исследовалось как черты личности. Мы исходим из того, что субъекты, различающиеся по чертам «верхнего уровня», имеют отличия в способах субъективной категоризации, которые не вполне осознанны, но могут быть изучены и описаны с помощью проективных методов, а также методов психосемантики и субъективной семантики.

В ходе анализа мета-данных при сопоставлении результатов серии исследований, описанных в Главе 2 и Главе 3 (в частности выделенных уровней сформированности образа будущего) с результатами факторизации было выявлено существование нескольких вариантов содержания образа профессионального будущего по критерию наличия активного, творческого подхода к профессиональному развитию:

- Часть испытуемых оказалась ограниченно способными к собственно творческому развитию образа будущего, для которого характерен ненормированный вмешательством извне выход за пределы актуальной деятельности. Его содержание в значительной степени обусловлено подчиненностью актуального для испытуемого (здесь и сейчас) процесса смыслообразования внешней инструкции, задающей общую направленность и базовые параметры образа будущего.

- Другая группа испытуемых использует открывающиеся в заданной ситуации возможности творческого подхода для трансформации, преобразования образа будущего в своеобразную «психологическую защиту» от обнаруживаемого познавательного противоречия. Среди смысловых образований этих испытуемых доминируют актуальные смыслы «ухода» от проблемной ситуации.

- Только у небольшой части испытуемых (21%), продемонстрировавших готовность и способность к творческому подходу в развитии образа будущего, проявившуюся в преобразовании актуальной деятельности (заданной

инструкцией) в мыслительную деятельность и последующий переход к более продуктивным, творческим аспектам, доминирующим смысловым образованиям, обладающим побудительным характером. У них обнаружили ценности собственного развития, удовлетворения от интеллектуальных достижений и формирования новой жизненной цели.

При сопоставлении результатов также было выявлено, что относительно друг друга и в динамике образа профессионального будущего в ходе тренинга модулируемый контур профессионального развития расширяется, изменяется число и характер вводимых критериев, а также число семантических единиц образа профессионального будущего (они более глобальны или дифференцированы), варьируется соотношение внешних и внутренних опор, критериев и т.д. Мы считаем данные характеристики динамическим параметром образа профессионального будущего. Это вторично проявлялось в характере саморегуляции, посредством которой человек выстраивает (полностью автономно или с опорой на внешние условия) «контур» профессионального развития.

В ходе анализа особенностей внедрения тренинга профессиональной перспективы в учебный процесс вуза нами было эмпирически подтверждено наличие четырёх вариантов личностного и профессионального развития с учётом характеристик коммуникативного мира личности и содержания образа профессионального будущего, отражающие четыре типа стратегий профессионального развития на начальных этапах профессионализации:

1. Отсутствие профессионального развития. Созерцательная стратегия. Предполагает активную духовную, интеллектуальную жизнь. Понимание сложности и противоречивости вариантов профессионального развития. Уход в сферу научных, общечеловеческих и исторических перспектив не позволяет реализовать собственные цели.

2. Конформный тип профессионального развития. Стихийно-обыденная стратегия: человек находится в зависимости от событий и обстоятельств жизни. Он не успевает построить образ будущего, четко сформулировать жизненные цели, не может организовать последовательность событий, предвосхищать их

наступление или предотвращать его. Это определяет ситуативность профессионального развития и отсутствие личностной инициативы.

3. Ригидный тип профессионального развития. Функционально-действенная стратегия: человек активно формирует образы профессионального будущего, осознает их. Однако активность, направленная на реализацию этих образов наблюдается в рамках «узко» поставленной цели. Альтернативные варианты не рассматриваются, ситуации неопределённости и резкие изменения в ходе событий не учитываются.

4. Профессиональное развитие как жизнеосуществление. Творчески-преобразующая стратегия: оптимальное сочетание процессов активного определения содержания образа профессионального будущего и реализации жизненных перспектив с опорой на индивидуальные жизненные цели и предельные смыслы и на фоне общей положительной эмоциональной окраски образа будущего.

Таким образом, механизм психологической поддержки процесса формирования и развития образа профессионального будущего в процессе тренинга может быть описан как создание и развитие процессов намеренного смыслообразования, самопонимания, самоопределения; как трансформация диалога «Я – Ты» психолога и участника тренинга в «Я – Я» диалог последнего. Такой процесс переосмысления, на наш взгляд, тесно связан с инсайтом, который В. Франкл понимал как открытие, изменение смысла объектов и явлений или усмотрение общего смысла в привычном их видении, механизм соотнесения объекта, явления с мотивами более общей деятельности, более общим мотивационным контекстом⁴⁵⁹. Результаты тренинга показали, что в 63% случаев отмечались элементы экзистенциальной динамики: повышение реалистичности формируемых образов, ориентация на личностный рост и саморазвитие, восприятие себя как автора своей будущей жизни. Изменялся контекст переживания своей самости в плане проявления большего количества высших переживаний, изменялось эмоциональное состояние (отмечалась «легкость»,

---

⁴⁵⁹ Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Смысл, 2012. 368 с.

«раскованность», «внутреннее спокойствие», «уверенность», «будущее не пугает»).

Содержательный анализ предлагаемых кластерных и факторных моделей формирования и регулирования образа профессионального будущего показывает их принципиальную схожесть, что позволяет нам в дальнейшем объединить их в единую систему объяснения. Итак, полученные данные о специфике образа профессионального будущего в контексте профессионального и личностного развития показывают реальное разнообразие механизмов его формирования. Эти результаты позволяют раскрыть проблему сопряжения внешних и внутренних опор, критериев, оценок, сложность саморегуляции при построении субъектом своей профессиональной траектории. Это даёт возможность рекомендовать тренинг профессиональной перспективы в качестве кампусного курса программ бакалавриата и магистратуры.

4.5. Выводы по Главе 4

Образ профессионального будущего является конструктом, обозначающим направленность профессионального развития человека. Под образом профессионального будущего мы понимаем желаемую и осознаваемую как возможную, при условии достижения определенных целей, будущую профессиональную жизнь. В содержательном плане образ профессионального будущего есть целостная картина в сложной и противоречивой взаимосвязи программируемых и ожидаемых событий, с которыми человек связывает одновременно социальную ценность и индивидуальный смысл своей жизни.

Образ профессионального будущего является неотъемлемой частью жизненного проектирования и выполняет следующие функции: обеспечение смысловой перспективы профессионального развития посредством проектирования себя в будущем; обеспечение временной перспективы и разработка сценариев пошагового достижения целей.

Синонимичным образом профессионального будущего и широко используемым в практике является понятие «Vision», которое определяется как видение, концепция, и трактуется как результат внутренней проективной деятельности человека, в котором отражаются возможности, жизненные стремления, ценностные ориентации человека, перспективы его развития и самореализации.

Говоря о реализации образа профессионального будущего, целесообразно говорить об индивидуальной профессиональной траектории как о развивающейся во времени, от начала планирования трудовой деятельности до смерти, непрерывной биографической последовательности событий реальной действительности, влияющих на биологические параметры, социальные статусы и психологические данные человека.

Большинство исследований содержания образа профессионального будущего и особенностей его реализации носят уточняющий характер и ориентированы на анализ строго определенной совокупности факторов (исследователями часто берется всего лишь один-два фактора) с позиции степени их влияния на конкретные аспекты индивидуальной жизненной траектории человека: его биологическую (к примеру, здоровье), социальную (к примеру, доходы) или психологическую (к примеру, тревожность) стороны жизни. Часто, результатом этих исследований является выявление либо отрицательной корреляции, либо положительной корреляции, либо отсутствие значимой корреляции между характеристиками образа профессионального будущего и отдельными паттернами поведения или чертами личности. Всё это определяет разнонаправленность подходов и трактовок вопросов построения и реализации образа профессионального будущего.

В отечественной психологии принято делать акцент на особенностях формирования образа профессионального будущего в подростковом и юношеском возрасте. Результаты наших собственных эмпирических исследований дополняют результаты отечественных и зарубежных изысканий и позволяют утверждать, что в юношеском возрасте на передний план выходят:

ценностно-нравственные вопросы развития, рефлексия собственного жизненного опыта и активное построение образа будущего; происходит структурирование времени жизни от прошлого к будущему.

Результаты лонгитюдного исследования формирования образа будущего в подростковом и юношеском возрасте показали, что образ будущего в этот период постоянно трансформируется, появляются новые намерения, желания, цели, представления о событиях, которые могут произойти. Наиболее детализированными в этом возрасте являются ближайшая и отдалённая перспектива. Среднесрочная перспектива, содержащая жизненные цели и планы, а также способы их достижения остаётся мало детализированной.

В юношеском возрасте удовлетворённость жизнью оказывается взаимосвязанной с восприятием жизни как подвластной субъекту деятельности и зависящей от его действий. Когда человек чувствует себя хозяином своей жизни, он больше ею удовлетворен. Следовательно, мы можем говорить в данном случае о возникновении субъектной позиции в отношении к собственной жизни и развитию. Одновременно с этим нами были получены результаты, свидетельствующие о регуляторной роли жизненного опыта и характера взаимодействия со значимыми взрослыми в отношении удовлетворённости жизнью в период юности. Это совпадает с результатами как зарубежных, так и отечественных исследований о регулирующей роли взрослых в формировании образа профессионального будущего, что позволяет нам говорить об эффективности и целесообразности психологического сопровождения профессионального развития на ранних этапах профессионализации, которое должно базироваться на учёте вышеперечисленных особенностей. Т.е. задачей этого сопровождения должно быть не принятие окончательного решения о профессиональном выборе, а расширение пространства этого выбора.

Современная ситуация в общественно-экономическом развитии привела к изменению роли применяемых в профессиональном обучении образовательных технологий. Они стали составной частью процесса профессионализации студентов. Результаты наших исследований позволяют утверждать, что

сензитивным для выбора типа профессионального развития становится именно период обучения в вузе. Это порождает необходимость и целесообразность интенсивного психологического сопровождения данного периода профессионализации. Одной из адекватных форм подобного психологического сопровождения является тренинг профессиональной перспективы.

Глава 5. Профессиональное развитие специалиста

5.1. Профессиональное развитие как реализация потенциала достижений

В классической науке, начиная с Р. Декарта, признаётся отраженная природа действия человека. Это привело учёных к признанию ведущей причины поведения – внешнего стимула и утверждению материалистической основы поведения живых существ⁴⁶⁰. В ходе исторического развития науки рефлекс на длительное время выступил в качестве универсальной единицы организации психических функций. А. А. Ухтомский открыл принцип доминанты и показал, что внешние стимулы не всегда имеют императивное значение в формировании психической деятельности. Внутреннее состояние субъекта (доминанта) может не только выступать в качестве побудительного момента поведения, но и значительно изменять его. Доминанта выбирает специальные раздражители жизненно важной среды и направляет субъекта к цели. Учёный сравнивал доминанту с «вектором поведения»⁴⁶¹.

П. К. Анохин разработал системный подход, объясняющий общие закономерности процессов жизнедеятельности: самоорганизующиеся саморегулирующиеся функциональные системы, все составляющие элементы которых взаимодействуют с целью достижения полезных для системы в целом результатов, представляют объективно существующую реальность⁴⁶². Данные положения позволяют понимать активность и ориентацию на развитие как нормативное или сверхнормативное образование, как общественную направленность или способ удовлетворения потребностей. Однако в классических подходах к личностному и профессиональному развитию практически не учитывались такие личностные характеристики активности, как образ будущего, смыслы, удовлетворенность жизнью. В качестве предпосылки к новому пониманию этого развития мы рассматриваем традицию в отечественной

---

⁴⁶⁰ Декарт Р. Рассуждения о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках. М.: Академический проект, 2011. 335 с.

⁴⁶¹ Ухтомский А. А. Учение о доминанте. М.: Юрайт, 2017. 310 с.

⁴⁶² Анохин П. К. Философские аспекты теории функциональной системы. М.: Найка, 1978. 399 с.

психологии обсуждать не только проблему активности личности в изменении себя и окружающего мира, но и действия, направленные на познание себя как основы этих изменений.

Л. С. Выготский в своей работе «Сознание как проблема психологии поведения» вплотную подходит к идее ограничения и избирательности взаимодействия любой психологической системы со средой (идея «воронки»), а также к мысли о слабом взаимодействии, которое способно определить дальнейшее развитие системы, приближающейся в точке бифуркации. Психика есть «... орган отбора, решето, процеживающее мир и изменяющее его так, чтобы можно было действовать»⁴⁶³. Д. Н. Узнадзе говорит о функциональной тенденции поведения, когда активность может возникать не только под давлением конкретной потребности, но и самостоятельно, автономно. С его точки зрения именно функциональная тенденция является источником игровой, творческой и ряда других видов деятельности⁴⁶⁴. А. А. Ухтомский в качестве главного регулятора процесса реализации жизненных целей (и образа будущего в том числе) называл волю, под которой он понимал, прежде всего, желание⁴⁶⁵. Достаточно много о роли воли в развитии человека рассуждал и Р. Ассаджиоли⁴⁶⁶. П. Я. Гальперин выдвинул идею, согласно которой собственно психологические процессы имеют автономное значение и являются необходимым звеном регуляции активности в сложной среде. Специфика психической регуляции активности состоит в том, что она обеспечивает выработку новых реакций на ситуацию на основе «образа потребного будущего» при наличии способности к преследованию целей⁴⁶⁷. А. В. Запорожец утверждал, что регуляторами поведения и действий субъекта являются функциональные системы и органы, действующие на основе принципов интериоризации и опосредования⁴⁶⁸. Когнитивная регуляция характеризуется согласованием внутренних средств и способов деятельности с ее

⁴⁶³ Выготский Л. С. Психология развития человека. М.: Изд-во Смысл; Эксмо, 2005. С. 347.

⁴⁶⁴ Узнадзе Д. Н. Общая психология. М.: Смысл, 2004. 412 с.

⁴⁶⁵ Ухтомский А. А. Учение о доминанте. М.: Юрайт, 2017. 310 с.

⁴⁶⁶ Ассаджиоли Р. Психосинтез. Принципы и техники. М.: Захаров, 2007. 169 с.

⁴⁶⁷ Гальперин П. Я. Опыт изучения формирования умственных действий // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2017. № 4. С. 3-20.

⁴⁶⁸ Запорожец А. В. Социализация подростков в условиях глобальной информатизации // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2008. № 3. С. 97-100.

целями и задачами; эмоциональная регуляция – согласованием личностных смыслов, ценностей, идеалов с общей направленностью и динамикой поведения.

По мнению А. В. Брушлинского и др. системная архитектура представляет собой своеобразный концептуальный мост, позволяющий исследователям наряду с внешним проявлением психической деятельности в поведении изучать ее внутреннюю субъективную сущность. Ведущим свойством системной организации деятельности является ее выраженный опережающий по отношению к событиям окружающего мира характер. На ее основе формируются два важнейших механизма: принятия решения и предвидения результата деятельности⁴⁶⁹.

А. Н. Леонтьев выдвинул идею становления личности. Он отрицал рассмотрение личности как продукта биографии и фаталистическое понимание судьбы человека. По его мнению, термин «поведение» отражает непосредственность, термин «деятельность» – обозначение реального взаимодействия субъекта с миром. А. Н. Леонтьеву принадлежит идея о поступке как единице анализа личности (в русле анализа структуры и иерархии деятельности). Поступок – действие, судьба которого определяется не из наличной ситуации, действие, входящее в разные системы отношений, и поэтому полимотивированное. При этом возникает волевое действие (мотивы могут быть неосознаваемы). Т.е. в поступке мотивы могут иметь разные аффективные знаки⁴⁷⁰.

Напомним, что М. М. Бахтин говорил о том, что поступок – важнейшая онтологическая категория, определяющая жизнедеятельность человека: «Акт нашей деятельности, нашего переживания, как двуликий Янус глядит в разные стороны: в объективное единство культурной области и неповторимую единственность переживаемой жизни, но нет единого и единственного плана, где оба лика взаимно себя определяли бы по отношению к одному единственному единству»⁴⁷¹.

⁴⁶⁹ Брушлинский А. В. Избранные психологические труды. М.: Институт психологии РАН, 2006. 623 с.

⁴⁷⁰ Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Смысл, 2004. 346 с.

⁴⁷¹ Бахтин М. М. Теория романа // Собрание сочинений в 7-ми т.т. Т. 3. М.: Русское слово, 2012. С. 83.

Вопросы реализации жизненных планов человека часто рассматриваются с точки зрения выделения жизненных стратегий. М. Вебер разработал теорию социального действия как инструмента объяснения поведения других людей⁴⁷². Э. Дюркгейм рассматривает жизненные стратегии в контексте формирования требований со стороны общества⁴⁷³. Т. Парсонс разработал концепцию стратегического поведения⁴⁷⁴. А. Адлер определяет жизненные стратегии в рамках адаптационного подхода как интегрированный стиль приспособления к жизни и взаимодействия с ней, который формируется ещё в детстве⁴⁷⁵. По мнению К. – Г. Юнга человек на протяжении всей жизни непрерывно достигает всё новых целей, тем самым раскрывая себя. Это есть путь «обретения себя»⁴⁷⁶.

С. Л. Рубинштейн утверждал, что жизнь человека может протекать как стихийно, так и быть сознательным, творчески направленным процессом, который предполагает разумное проектирование собственной жизни. Он разработал положение о «событиях» – активных поступках индивида, выступающих в качестве узловых моментов и поворотных этапов его жизненного пути, при совершении которых человек становится субъектом своей жизни и деятельности⁴⁷⁷. К. А. Абульханова понимает жизненную стратегию как принципиальную, реализуемую в различных жизненных условиях и обстоятельствах; тип используемых жизненных стратегий выступает критерием зрелости личности. Она предполагает, что в период осуществления деятельности приходят во взаимодействие две системы: система личности, включающая индивидуальный, темпераментальный, нервно-психический уровень ее организации, эмоциональный уровень ее переживания времени и система объективно развернутых временных характеристик, требований деятельности⁴⁷⁸.

---

⁴⁷² Weber M. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. New York: Dover Publications, 2003. 185 p.

⁴⁷³ Дюркгейм Э., Юдин Г. Дуализм человеческой природы и его социальные условия // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12, № 2. С. 133-144.

⁴⁷⁴ Парсонс Т. Социальные системы // Вопросы социальной теории. 2008. Т.2. С. 38-71.

⁴⁷⁵ Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. М.: Академический проект, 2015. 240 с.

⁴⁷⁶ Юнг К.-Г. Visions. Семинары. М.: Клуб Касталия, 2015. 825 с.

⁴⁷⁷ Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М.: Питер, 2012. 224 с.

⁴⁷⁸ Абульханова К. А. Соотношение индивидуальности и личности в свете субъектного подхода // Мир психологии. 2011. № 1. С. 22-32.

Ю. М. Резник выделил несколько типов жизненных стратегий (стратегия жизненного успеха, стратегия жизненного благополучия, стратегия самореализации) на основе анализа ряда институциональных признаков: социально-экономическое положение; способ воспроизводства и трансляции культурных стандартов; система регуляции и контроля; коллективная ментальность⁴⁷⁹.

Важным для обоснования нашей методологической позиции является так же учёт положений теории А. Бандуры, который, разрабатывая проблему эффективности жизни и деятельности личности, выделяет в структуре самоэффективности ряд способностей, опирающихся на саморефлективные процессы. Таковы способности присваивать себе, считать исходящими от себя успешные действия, формировать убеждения в собственной эффективности, удерживать позитивную самооценку. Интеграл этих способностей – «позитивную самоэффективную мысль» - он считает необходимым условием продуктивной активности человека на протяжении всей жизни. Личностей, высоко развивших у себя качества самоэффективности, А. Бандура называет продюсерами или режиссерами – постановщиками. Если люди, не доверяющие себе, присваивающие главным образом неудачи и промахи, могут лишь предвидеть свое будущее, то верящие в себя субъекты преимущественно создают свое будущее⁴⁸⁰.

С точки зрения А. Маслоу зрелая личность должна обладать спонтанностью, способностью к экспрессии, незапланированности, произвольности, доверию, непредсказуемости, творчеству и т.д. Э. Фромм и А. Маслоу рассматривали спонтанную активность как путь к целостности, принятию позитивной свободы⁴⁸¹ и дальнейшей самоактуализации личности⁴⁸². Само слово «спонтанность» произошло от латинского «sponte», означающего «по собственному желанию», «само собой». Спонтанная активность – это свободная

---

⁴⁷⁹ Резник Ю. М. Трансперсональность человека: к методологии исследования и конструирования (метафизические аспекты) // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. XI. № 2 (48-49). С. 131-151.

⁴⁸⁰ Бандура А. Теории социального научения. М.: Евразия, 2000. 375 с.

⁴⁸¹ Фромм Э. Бегство от свободы. М.: АСТ, 2009. 142 с.

⁴⁸² Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл – Альпина нон-фикшн, 2011. 512 с.

деятельность личности. Причем под «деятельностью» и «активностью» подразумевается не «делание чего-либо», а эмоциональные, интеллектуальные и чувственные проявления потенциала личности. Следовательно, по их мнению, чрезмерно детализированный образ будущего является тормозом в развитии личности.

М. М. Бахтину принадлежит идея «моего неалиби в бытии». «В данной единственной точке, где я теперь нахожусь, никто другой в единственном времени и единственном пространстве единственного бытия не находился... То, что мною может быть совершено, никем и никогда совершено быть не может»⁴⁸³. Из этого вытекает деятельность бытия человека в мире и неповторимость его жизненного пути и жизненных целей, а, следовательно, уникальность и неповторимость индивидуального образа будущего и способов его реализации в процессе саморазвития и жизнеосуществления. При этом действие, деятельность принципиально отрицает ценностную самостоятельность настоящего, уже наличного ради будущего, предвосхищенного изнутри. Предстоящая цель действия разрушает данную наличность внешнего предметного мира, план будущего осуществления разлагает тело настоящего состояния предмета. Ю. М. Лотман говорил о человеческом стремлении приписывать действиям и событиям смысл и цель, что предполагает расчленение реальности на условные временные сегменты и выделение будущего, ради осуществления которого и совершается действие⁴⁸⁴.

Согласно Б. С. Братусю, в сложных формах активности человек действует не ради достижения самого по себе предмета потребности (или мотива по А. Н. Леонтьеву), он действует ради целостного образа новой жизни, в которую будет включен этот предмет. Возникают особые закономерности смыслоорождения: смыслы более простых, замкнутых на себе деятельностей

---

⁴⁸³ Бахтин М.М. Теория романа // Собрание сочинений в 7-ми т.т. Т. 3. – М.: Русское слово, 2012. С. 70.

⁴⁸⁴ Лотман Ю. М. Чему учатся люди. М.: Центр Книги, 2009. 361 с.

порождаются отношением мотива к цели; а смыслы жизни порождаются образом будущего, творящим настоящее⁴⁸⁵.

Построение образа возможного будущего связано с выбором той или иной альтернативы действий. Построить достаточно реалистичный образ того, что следует за тем или иным решением – значит связать между собой множество факторов и условий, вычислить и экстраполировать тенденции, представить себе следствия принятия тех или иных решений, следствия этих следствий, затем новые решения, которые, как и их следствия, придется рассматривать. И это для каждой альтернативы. Для этого необходимо обладать навыками построения воображаемой картины взаимосвязи жизненных событий и экстраполяции этой картины в будущее.

Я. Б. Частоколенко считает, что процесс создания нового (в т.ч. постановка новых жизненных целей, формирование образа будущего) происходит в форме встречи с неизвестностью (неопределённостью), включающей в себя:

- Столкновение, которое субъективно оценивается как препятствие и приводит к внутреннему конфликту. В результате происходит либо отторжение – бегство, либо преодоление возникших негативных явлений.
- Собственно встречу человека и неизвестности, при которой образуется уникальная целостность, взаимное принятие и «врастание» друг в друга, что дает начало порождению новой сущности⁴⁸⁶.

Активность личности интегрирует внешние и внутренние условия осуществления деятельности (включая в число последних и образ возможного будущего). К. А. Абульханова понимает активность как особое высшее личностное образование, связанное с жизненным путем личности, его целостной и временной организацией⁴⁸⁷. Это такой способ самовыражения личности в жизни, при котором в большей или меньшей мере сохраняется целостность, автономность, индивидуальность личности и, тем самым, одновременно

---

⁴⁸⁵ Братусь Б. С. Общая психология на фоне знаков современности // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2007. № 3. С. 96-101.

⁴⁸⁶ Частоколенко Я. Б. Динамические особенности первичного творчества. Томск: Томский политехнический университет, 2005. 266 с.

⁴⁸⁷ Абульханова К. А. Личностная организация времени жизни // Мир психологии. 2011. № 3. С. 93-104.

обеспечивается возможность ее развития. Она структурирует жизненное, межличностное, социально-психологическое пространство, формирует образ будущей деятельности, поведения и общения.

В. А. Татенко утверждает, что процесс построения образов будущего базируется на развитии субъектности. При этом субъект психической активности понимается как «регулятивно-развивающийся центр» на всех уровнях психического. Субъектное ядро рассматривается как некая центральная часть, вокруг которой группируются другие ядра в процессе развития. Оно составляет субстанциональную (самопричинную, самодействующую) основу активности человека как субъекта деятельности – изначально интегрированные онтопсихические образования, несущие в себе «сущностный код» онтопсихических превращений индивида в направлении достижения им подлинного человеческого бытия в мире. В состав субстанциональных интуиций субъектного ядра входят:

- Экзистенциальная компонента образа будущего – «Я присутствую, существую, живу»; основной механизм психической активности – самовопрошание.
- Интенциональная компонента образа будущего – «Я хочу, желаю, стремлюсь»; основной механизм психической активности – антиципирующее целеполагание; основное переживание: «хочу быть человеком».
- Потенциальная компонента образа будущего – «Я могу, умею, способен»; основной механизм психической активности – самопотенцирование; переживание: «я могу быть человеком».
- Виртуальная компонента образа будущего – «Я выбираю, намериваюсь, решаю»; основной механизм психической активности – самоопределение как способность к соотнесению поставленных целей, избранных средств и ситуаций действия; основное переживание: «Я уверен в успехе, принимаю решение и начинаю действовать».
- Актуальная компонента образа будущего – «Я реализую, выполняю, достигаю»; основной механизм психической активности – самоактуализация –

превращает намерение в действие, идеальное в реальное, цель в результат; основное переживание – «Я должен достичь поставленную цель».

- Рефлексивная компонента образа будущего – «Я оцениваю, примеряю, сравниваю»; основной механизм психической активности – самооценивание – устанавливает факт достижения или недостижения цели; основное переживание – «Я доволен (не доволен) полученным результатом».

- Экспериментальная компонента образа будущего – «Я имею, содержу, владею»; основной механизм психической активности – самоапперцепция – воспроизводство индивидуального психологического опыта; основное переживание – «Я обретаю необходимый опыт активности в становлении себя человеком».

При этом субъектность как особая форма активности присутствует на всех стадиях онтогенеза, соответствуя определенному уровню развития. Иными словами, субъект всегда «наличествует» и всегда находится в состоянии самостановления, самосовершенствования и саморазвития⁴⁸⁸.

В. В. Нуркова для описания факта реализации образа возможного будущего вводит понятие «интервала самоидентичности личности», который формирует макроуровневые рамки жизненных этапов. При этом она считает, что каждый человек имеет свой порог чувствительности к собственным изменениям. Интервал самоидентичности личности – это отрезок жизненного пути, границы которого личность осознает как точки качественного преобразования (кардинального изменения) самой себя. Окончание одного интервала характеризуется сдвигом самождественности с амплитудой переживания масштаба изменения от «я не тот, что прежде» до «теперь я - другой человек». Этот переход может носить как взрывной (изменения происходят скачкообразно), так и кумулятивный (изменения накапливаются постепенно) характер. В нормальном случае личность при этом сохраняет свою целостность. Возможно три подхода к изучению интервала самоидентичности личности:

---

⁴⁸⁸ Психология индивидуальности: новые модели и концепции. М.: НОУ ВПО НПСИ, 2009. 384 с.

1. Деятельностный – признает присутствие в судьбе человека сквозных жизненных тем, отражающих сферы его активности.

2. Количественный – позволяет оценить субъективный объем изменений в процессе перехода от одного жизненного этапа к другому, динамику изменений внутри каждого этапа.

3. Имиджевый – описывает субъективный образ Я.

В итоге В. В. Нуркова выделила четыре типа преобразования картины жизни:

1. Ригидный тип – стабильность размерности и фактологии. Расширение картины жизни носит ассимиляционный характер, т.е. новые события «пристраиваются» к уже сложившейся структуре. В итоге возникает чрезмерная насыщенность образа будущего фактами и мелкими деталями, их жесткая привязанность к определенным срокам выполнения.

2. Фактологический тип – субъективное представление о собственном будущем стабильно фактологически, но интерпретации событий подвижны и могут наполняться различным содержанием.

3. Эмоциональный тип – сохраняется эмоциональный профиль, а конкретные события в образе будущего варьируются. Т.е., выражаясь языком Э. Берна, общий тип жизненного сценария сохраняется, а его конкретное содержание может трансформироваться. Характерна низкая плотность событий, смешанная событийно-этапная структура.

4. Нестабильный тип – регулярная коренная перестройка пространства жизни, изменение размерности, фактологии, эмоциональных оценок и метафорических символов в пространстве образа будущего⁴⁸⁹.

В кемеровской психологической школе рассматривают системное взаимодействие личностных, социальных и темпоральных аспектов самоидентичности в условиях изменений жизненной ситуации. Рассматриваются вопросы влияния факторов времени и среды на идентификационные процессы и выявляются особенности временной трансформации ценностных структур

---

⁴⁸⁹ Нуркова В.В. Мгновенный жизненный выбор. Метафора? Реальный мнемический опыт? Ретроспективный артефакт? К вопросу о перспективах исследования // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2011. № 4 (18). С. 2.

самоидентичности личности. Подчеркивается детерминирующая роль контекста жизненной ситуации в данных процессах⁴⁹⁰.

Важным аспектом теории временной перспективы Ж. Нюттена является идея трансформации потребностей в цели, планы и поведенческие проекты, которая представляет собой когнитивную переработку потребностей, взаимодействие мотивационных и когнитивных процессов. В результате потребности не только конкретизируются, они перестают быть «иррациональными», интегрируются с динамическим соотношением и системой ценностей индивида. Побуждения приобретают временную перспективу, перспективу будущего. Тем самым образ будущего вносится в поведенческий мир субъекта. В целом Ж. Нюттен понимает перспективу будущего как временное измерение поведенческого мира, рассматривая способность ставить и осуществлять отдаленные во времени цели как важную сущностную характеристику человека. Перспектива будущего, прежде всего, связана с мотивацией и главная ее функция – регулирование поведения. Цель всегда связана с некоторой потребностью и локализована в некоторой точке будущего. Такая локализация шире, чем процесс антиципации или ожидания. Поведение есть «серия соподчиненных целей»⁴⁹¹, при этом поведение не обязательно предполагает внешнее действие, которое воздействует на внешний мир; это любая активность, влияющая на сеть отношений индивида с миром. Можно выделить три фазы поведенческого процесса:

1. Построение поведенческого мира, переработка информации о физическом окружении и представление осмысленной ситуации, в которой находится субъект.

2. Трансформация динамических отношений субъекта с миром (т.е. его потребностей) в объекты, цели и структуры «средство – цель» или планы поведения.

---

⁴⁹⁰ Мазуркевич А.В., Яницкий М.С., Серый А.В. Темпоральные аспекты трансформации ценностной структуры самоидентичности в условиях кардинальных изменений жизненной ситуации // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. Т. 7, № 3. С. 104-122.

⁴⁹¹ Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего./ Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004. С. 46.

3. Исполнение поведенческих операций, необходимых для достижения внутренних и внешних целей.

Индивид является центром переработки информации, постановки целей, планирования и осуществления действия, как на перцептивном, так и на концептуальном уровнях. В целом будущее – это «ментальное пространство, в котором человеческие потребности когнитивно преобразуются в долговременные цели и поведенческие проекты»⁴⁹².

Основатель синергетики Г. Хакен, автор идеи эволюционных объектов, активно разрабатываемой в рамках термодинамики неравновесных процессов при описании механизмов развития системы, и другие современные психологи выделяют механизмы адаптации, обеспечивающие устойчивость развивающейся системы в стандартных условиях среды и особые механизмы бифуркации (bifurcation – разветвление, раздвоение), которые обеспечивают тенденцию к изменениям развивающейся системы и приходят в действие, когда возникают резкие изменения среды или кризисы в жизни системы⁴⁹³. Синергетика утверждает, что сущность развития и жизни личности заключается в ее прохождении через множество точек бифуркации – точек «ветвления», от выбора направления движения в которых зависит последующее существование системы.

Характерно, что если классическая синергетика выдвинула понятие «бифуркации» для определения той ситуации процесса, в которой пути движения «раздваиваются», то С. П. Курдюмов в одном из своих выступлений предложил говорить о полифуркации, имея в виду, что в наиболее сложных системах выход из состояния хаоса происходит не раздвоением путей движения, а выявлением гораздо большего, в принципе неопределенного⁴⁹⁴. Адаптационные механизмы характеризуются предсказуемостью будущего поведения и развития; бифуркационные – неопределенностью, невозможностью предсказать по какому пути пойдет дальнейшее развитие системы. При этом

---

⁴⁹² Ньюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004. С. 389.

⁴⁹³ Хакен Г. Информация и самоорганизация. М.: URSS, 2005. 245 с.

⁴⁹⁴ Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Основания синергетики: человек, конструирующий себя и своё будущее. М.: Общество с ограниченной ответственностью "Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2011. 264 с.

поведение становится невыводимым из прошлого опыта, оно опирается на принципы преадаптивности и саморазвития системы.

Б. Мандельброт ввел понятие «фрактал», который обладает свойствами нерегулярности, но самоподобности. Фрактальное развитие идет по нелинейным законам. Любой нелинейный процесс приводит к ветвлению, к развилке на пути, в которой система может выбирать ту или иную ветвь. Мы имеем дело с выбором решений, последствия которых предсказать невозможно, поскольку для каждого из этих решений характерно усилие. Развитие фрактала есть явление нелинейное и непредсказуемое, разворачивающееся через самоорганизацию и принятие свободы в коммуникации с Неизвестностью. Таким образом, фрактал несет в себе неопределенность определенности и определенность неопределенности. Непримируемый дуализм Определенности и Неопределенности существует лишь в двузначной аристотелевской логике; обращаясь к фрактальному принципу, мы выходим из их дуализма⁴⁹⁵.

С. Боулз ввел близкое понятие «точка креативной фрустрации»⁴⁹⁶. По его мнению этот момент является самым важным, «поворотным пунктом» всего процесса работы с проблемной ситуацией, это этап выбора. Д. Сепп полагает, что точка креативной фрустрации вызывает одну из следующих реакций:

1. Отказ (отрицание) – человек отказывается от дальнейшей проработки жизненных планов, отрицает их ценность, как бы резко перечеркивает направление поисков.

2. Рационализация – человек избегает фрустрации, оправдывает свое бездействие и считает существующую ситуацию благополучной, не требующей дальнейшего развития.

3. Принятие ситуации – состояние скуки и апатии, процесс остается незавершенным.

⁴⁹⁵ Мандельброт Б. Фракталы и хаос. М.: Регулярная и хаотичная динамика, 2009. 391 с.

⁴⁹⁶ Boles S. A model of routine and creative problem solving // Journal of Creative Behavior. 1990. Vol. 24 (3). P. 171-189.

4. Новый рост – человек продолжает работу над проблемой, что приводит к актуализации его творческих ресурсов. Характерная черта – отказ от стереотипов, активный поиск новых путей⁴⁹⁷.

Многие современные психологи активно оперируют понятием трансспектива (о которой мы уже говорили) – это такой взгляд, благодаря которому каждая точка на пути развития (жизненном пути) понимается как точка сосуществования времен, их взаимопроникновения и взаимоперехода, в котором реализует себя тенденция усложнения человека как системной организации. На наш взгляд профессиональное развитие человека во многом подчиняется принципам формирования трансспективы.

Проблема осуществления образа будущего часто связывается с вопросами саморазвития и самореализации личности. Самореализация – это осуществление возможностей развития Я посредством собственных усилий, сотворчества, содеятельности с другими людьми (ближним и дальним окружением), социумом и миром в целом. И. Р. Пригожин, один из теоретиков самоорганизации, рассматривает человеческие системы не как механизмы в понятиях равновесия, а как креативный мир с неполной информацией и изменяющимися ценностями⁴⁹⁸.

Активизация процессов профессионального и личностного развития тесно связана со способностью к самоорганизации, в ходе которой создается, воспроизводится или совершенствуется организация сложных динамических систем. Ее характеризуют:

1. Спонтанность возникновения процесса в ходе взаимодействия некоторой совокупности сложных целостных объектов с их качественными характеристиками и закономерностями.

2. Целенаправленность.

3. Стремление поддерживать некоторый уровень сложности системы при значительных изменениях внутренних и внешних условий (обратная связь в кибернетике).

---

⁴⁹⁷ Sapp D. The point of creative frustration and creative process: a new look at old model // Journal of creative behavior. 1992. Vol. 26(1). P. 21-28.

⁴⁹⁸ Пригожин И. Время. Хаос. Квант. М.: URSS, 2009. 299 с.

4. Саморазвитие системы, которая способна накапливать и использовать прошлый опыт.

5. Согласованность процессов, когда совмещения различных элементов внутри системы приводят к образованию новых.

6. Рефлексивность, наличие аппарата самоотражения, нацеленного на самосохранение.

7. Представление собственных нужд (потребностей) в виде некоторых условных значений, побуждающих к активности.

Преобладание одной из названных характеристик определяет специфику процесса в некоторый момент развития системы: восходящее развитие (прогресс); нисходящее развитие (регресс); устойчивое одноплоскостное развитие; стагнация; рождение; распад и др.

Основные принципы самоорганизации:

1. Вхождение элементов в целое, т.е. необходимость описания системы с учетом связей в ней.

2. Принцип совмещения элементов, т.е. наличие процессов, порождаемых вхождением элементов в целое и выражающихся в тенденции к их согласованности между собой.

3. Реально существующие факты неоднородности, неравномерности внутри системы, отличия элементов друг от друга.

4. Взаимоподдержка различных (некоторых) элементов внутри системы.

5. Способность к самооцениванию и, следовательно, к выработке путей самосохранения или самоизменения.

6. Возможность возникновения внутреннего конфликта внутри системы, которая приводит к двойственности (многоуровневости) существования.

7. Способность к самоизменению. Возникновение областей самоотрицания, самоотвержения является предпосылкой к изменению.

8. Наличие некоторого идеала, цели, абсолюта, задающего направление изменений⁴⁹⁹.

В XXI в. одним из ведущих направлений исследований стало рассмотрение личностного и профессионального развития как процесса реализации потенциала достижений. Последние двадцать лет специалисты очень много говорят о личностном и профессиональном потенциале специалиста как составляющих потенциала достижений человека.

На сегодняшний день под личностным потенциалом принято понимать интегральную характеристику личностной зрелости, которая обеспечивает возможность осуществления деятельности, ориентированной на достижение индивидуальных целей, в относительной свободе от заданных условий этой деятельности⁵⁰⁰.

На наш взгляд, одним из наиболее адекватных моделей описания личностного потенциала является Пятифакторная модель интегральных личностных черт, которая была создана с помощью методов кластерного и факторного анализа американскими психологами П. Коста, Р. Мак-Крейемом, Л. Голдбергом и др. Пять фундаментальных, универсальных черт, составляющих структуру личности человека, – результат пятидесятилетних научных поисков. Модель включает следующие основные факторы: “открытость опыту”, или “открытость” (openness for experience, O), “добросовестность” (conscientiousness, C), “экстраверсия” (extraversion, E), “дружелюбность” (agreeableness, A), “нейротизм” (neuroticism, N)⁵⁰¹.

Сегодня в качестве основных признаков эффективного поведения человека, указываются такие его характеристики, как творчество, открытость, сверхадаптивность, сверхнормативность, нешаблонность, гибкость,

---

⁴⁹⁹ Клочко В. Е., Галажинский Э. В. Самореализация личности: системный взгляд / Под редакцией Г. В. Залевского. Томск: Издательство Томского университета, 1999. 154 с.

⁵⁰⁰ Леонтьев Д. А. Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал // Сибирский психологический журнал. 2016. № 62. С. 18-37.

⁵⁰¹ Крюк Н. В. Пятифакторная модель личности: история возникновения и развития // Психиатрия, психотерапия и клиническая психология. 2011. № 4. С. 97-104.

нестереотипность и т.д.⁵⁰² При этом открытость понимается как одна из важнейших характеристик, описывающая способность адекватно принимать идеи, ситуации и образы жизни, даже если они принципиально новые и необычные. Некоторые специалисты рассматривают открытость как таковую и открытость новому опыту включёнными во внутриличностный аспект структуры эмоционального интеллекта. Характеристикой, теснейшим образом связанной с открытостью, является автономность, общими чертами которой являются: значительная степень независимости от воли других, постоянная критическая переоценка своих убеждений, идеалов и целей, свобода от манипуляций и принуждений, а также способность осуществлять жизненный выбор.

На поведенческом уровне высокий уровень открытости и автономности приводит к формированию у современного эффективного работника такой важнейшей характеристики как мобильность. Еще каких-то 100 лет назад, даже люди из развитых стран рождались, жили и умирали в пределах одной территории, с ограниченными образовательными и профессиональными возможностями, продолжая дело своих родителей, как правило, либо в сельской, либо в промышленной области⁵⁰³. Экономические, политические и социальные силы изменили течение прошлого века. По данным Международной ассоциации миграции на 2015 год, в мире насчитывается около 232 млн эмигрантов из различных стран, вдвое большее число в мировом масштабе живут или работают за рубежом с 1965 года. Если эмигранты были бы страной, то они являлись пятой по густонаселенности территорией в мире, и составляли бы около 3,1 % населения мира⁵⁰⁴. По данным ЮМ (2009 г.), более 2,7 млн студентов, обучаются за рубежом⁵⁰⁵.

---

⁵⁰² Davidson G. R. Exploration of psychologists' social responsibilities: How does the new APS Code of Ethics measure up? // Allan A., Love A. W. (Eds.) *Ethical practice in psychology: Reflections from the creators of the APS Code.* – Melbourne, VIC: Wiley-Blackwell, 2010. P. 281-297.

⁵⁰³ Dovidio J. F., Esses V. M. Immigrants and immigration: Advancing the psychological perspective // *Journal of Social Issues.* 2001. Vol. 57(3). P. 375-387.

⁵⁰⁴ Bell M., Ward G. Comparing temporary mobility with permanent migration // *Tourism Geographies.* 2000. Vol. 2(1). P. 87-107.

⁵⁰⁵ Frieze I. H., Hansen S. B., Boneva B. The migrant personality and college students' plans for geographic mobility // *Journal of Environmental Psychology.* 2006. Vol. 26. P. 170-177.

Если отсутствие удовлетворения базовой мотивации является основной причиной для миграции, человек будет искать то место, которое, по его мнению, в наибольшей степени позволяет удовлетворить данные мотивы. Однако модель дефицита, определяющая как самых отчаявшихся тех, кто решает уехать в другую область, не получила значительной эмпирической поддержки⁵⁰⁶.

Мотивации достижения является желанием сделать что-то хорошо, работать, конкурировать с другими, и связана с экономическим успехом человека и целых регионов с высокой концентрацией людей с сильной мотивацией получения результата⁵⁰⁷. Люди, которые мотивированы достижениями, как правило, сильнее верят в собственные силы и продолжают работу даже после поражения. Организация собственного бизнеса или другая предпринимательская деятельность также связаны с мотивацией достижения. Такие люди являются наиболее неутомными и стремятся избегать рутины. Они зачастую более прогрессивны, более активно ищут информацию, которая может помочь им делать вещи лучше или дать им информацию о том, в каком направлении они могут двигаться. Высокий уровень мобильности так же во многом связан с мотивацией лидерства, желанием иметь контроль над собственной жизнью и результатами деятельности.

Таким образом мы можем констатировать, что ситуация реализации потенциала достижений порождает особые формы профессиональной активности, ориентированные на профессиональное развитие как жизнеосуществление.

---

⁵⁰⁶ Carr S. C. The psychology of global mobility. New York: Springer. 2010. 100 p.

⁵⁰⁷ Tartakovsky E., Schwartz, S. H. Motivation for emigration, values, wellbeing, and identification among young Russian Jews // International Journal of Psychology. 2001. Vol. 36(2). P. 88-99.

5.2. Профессиональные деструкции и дефициты профессионального развития в современном мире

В постсоветский период в России сложилась и закрепились особая модель рынка труда. Ее основным отличием признан неконвенциональный режим приспособления к шокам – адаптация происходит, как правило, через изменение ценовых, а не количественных параметров⁵⁰⁸:

1. Мобильность между основными состояниями на российском рынке труда значительна, а состояние неактивности играет существенную роль в адаптационных процессах на рынке труда.

2. Сотрудники бюджетного сектора отличаются слабой профессиональной мобильностью по сравнению с работниками рыночного сектора.

3. Неформально занятые и экономически неактивные имеют более высокие шансы попадания в безработицу, чем формально занятые. Это особенно заметно у мужчин.

4. Безработные мужчины с большей вероятностью получают работу в частном формальном секторе, а безработные женщины – покидают рынок труда.

5. Динамика безработицы практически полностью объясняется интенсивностью входных потоков, а изменения в оттоке работающих практически на нее не влияют.

6. Наблюдаемые интенсивность и направленность потоков хорошо согласуются с действующей в России институциональной конфигурацией (российской моделью) рынка труда⁵⁰⁹.

Российская модель профессиональной занятости характеризуется низкой информационной прозрачностью. На таком рынке труда ищущий работу или устроившийся на новое место человек сталкивается с высокой неопределенностью, поскольку он не в состоянии предвидеть, в какой мере будет

---

⁵⁰⁸ The Oxford Handbook of Russian Economy / ed. by M. Alexeev, S. Weber. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 693-724.

⁵⁰⁹ Гимпельсон В. Е., Шарунина А. В. Потоки на российском рынке труда: 2000-2012 г.г. // Экономический журнал ВШЭ. 2015. Т. 19, № 3. С. 313-348.

исполняться трудовой договор.⁵¹⁰ В результате возникает стабильная ситуация невозможности профессионального развития вследствие крайне неблагоприятных условий производственной среды⁵¹¹.

Высокие темпы развития производства привели к ситуации, когда одним из знаковых следствий технологических трендов на рынке труда становится распространение феномена так называемых «лишних людей» – тех, чей базовый уровень навыков и готовность к изменениям не позволяют сохранить трудоустройство в конкуренции.

С целью изучения специфических особенностей образа будущего и стратегий профессионального развития в контексте успешности трудовой деятельности нами было проведено сравнительное исследование, состоявшее из нескольких этапов:

1. Сначала было проведено пилотажное тестирование безработных в количестве 24 человек в возрасте от 25 до 55 лет, состоящих на учете в Томском городском центре занятости населения с целью выявления системы внутренних конструкторов, влияющих на профессиональное развитие, и построения развёрнутой эмпирической гипотезы для следующего этапа исследования.

2. С целью выявления различий в системе ценностей и специфике построения образа возможного будущего у успешно работающих и безработных граждан был проведен второй этап исследования.

В целом исследовании приняли участие 28 безработных и 20 успешно работающих граждан. С целью выявления внутренней картины мира профессионала была применена методика Дж. Келли, которая позволяет выявлять конструкторы, с помощью которых человек интерпретирует события и строит свою жизнь. Изучение смысловой сферы респондентов проводилось с помощью методики предельных смыслов Д. А. Леонтьева. Для выявления особенностей формирования жизненной перспективы была применена методика изучения

---

⁵¹⁰ Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения. Доклад Центра трудовых исследований и Лаборатории исследования рынка труда НИУ ВШЭ / Под. Ред. В. Гимпельсона, Р. Капелюшников, С. Рощина. М.: Государственный университет Высшая школа экономики, 2017. 148 с.

⁵¹¹ Серый А. В., Хакимова Н. Р. Темпоральные аспекты переживания шахтёрами травматического события на производстве // В сб. Психология индивидуальности. Материалы V Международной научной конференции. 2015. С. 270-271.

образа возможного будущего В. Н. Петровой. Результаты исследования приведены в Приложении Д (Таблица Д.1 и Таблица Д.2).

Прежде всего, остановимся на результатах исследования безработных респондентов. В первую очередь обращает на себя внимание трудность сбора эмпирических данных: исследование проходило достаточно долго, а ответы отличались однообразием. У каждой профессии часто выделялось какое-либо одно качество (например, умственный труд, работа с людьми). Основным типом выявляемых конструкторов оказалось описание предметов или средств труда (чаще вещественных и/или внешних функциональных). У респондентов с более развитой и многообразной системой конструкторов чаще причина потери работы была не связана с личностными особенностями (переезд в другой город и т.п.).

При описании образа будущего были выявлены следующие особенности: для безработных характерен страх проявлять свои желания. Люди хотят чего-то, но говорят об этом неохотно, в шутку и без надежды на исполнение. При этом конкретные профессиональные выборы чаще всего не совпадают с жизненными целями и потребностями, даже если речь идет о переобучении за счет Центра занятости. Этот вывод подтверждается так же тем, что часто наиболее значимые конструкторы, предъявляемые требования противоречат имеющейся профессии и, на наш взгляд, именно это являлось причиной потери работы.

У многих безработных наблюдается нежелание брать на себя ответственность за выполняемую работу, за свой выбор, за принятие решения. При этом у большинства из них нет четких целей в жизни, их объединяет нежелание изменяться самим, менять профессию, а, следовательно, и всю свою жизнь. Они часто видят минусы своего положения, но ничего не хотят менять. Даже те испытуемые, у которых были выявлены конструкторы, связанные каким-либо образом с личностным ростом, движением вперед, развитием, не выделяли их как основные. Одновременно выдвигалось множество требований к возможной будущей работе: в том числе, чтобы она была легкой, в комфортных условиях. Интересным является тот факт, что ни у кого из безработных не был выявлен конструктор, связанный с уровнем заработной платы, с богатством. Мы объясняем

это внутренней готовностью согласиться на имеющиеся достаточно сложные материальные условия взамен отсутствия сложных, рискованных и ответственных действий.

Теперь обратимся к результатам работающих респондентов и наибольшее внимание уделим их сравнению с безработными испытуемыми.

Во-первых, успешно работающие люди, как правило, занимаются тем видом деятельности, который им подходит, нравится и может быть описан с помощью выявленных значимых конструктов. Они чаще всего знают, чего хотят. И даже если имеющееся положение их чем-то не устраивает, то они уже параллельно основному виду деятельности пробуют подобрать или реализовать более подходящие варианты, совмещая основную работу с другими видами занятости.

Во-вторых, у работающих испытуемых мало общих, повторяющихся конструктов, они более разнообразны; профессии сравнивались по нескольким параметрам. Конструкты, связанные с предметом труда, выделялись крайне редко, на первое место выдвигается удовольствие, интерес, который вызывает работа. Если у безработных среднее количество конструктов составило 6.8, то у работающих – 12.2, что говорит о более высоких, многообразных требованиях, предъявляемых к работе и жизни успешно работающими испытуемыми.

Кроме того, у работающих респондентов появляются конструкты, связанные с управлением, руководством, материальным обеспечением, нравственностью, честностью, любовью к людям, а также конструкты, ориентированные в будущее, связанные с целеустремленностью, развитием («высокий уровень профессионализма», «повышение квалификации» и т.п.). Это подтверждается тем, с какой легкостью данная группа испытуемых называла профессии, о которых они мечтают. Вообще часто подчеркивалось, что работа должна положительно влиять на человека, это неотъемлемая часть всей жизни. У большинства испытуемых из этой группы встречались такие конструкты как Самостоятельность и Ответственность; Знания, широкий кругозор и эрудиция. Появились конструкты, относящиеся к творчеству, желанию проявить себя в обществе.

Таким образом, у работающих респондентов чаще наблюдается стремление к развитию; неотрывность профессиональной жизни от всей остальной, взаимосвязанность; ценность знаний и широкого кругозора; занимаемая должность описывается в системе значимых конструкторов.

Обратимся к анализу результатов выполнения методики предельных смыслов. Уже в самом начале хочется обратить внимание на интересную особенность: работающие испытуемые в основном отвечали на вопросы нетерпеливо, часто испытывали явные трудности и нежелание отвечать. Безработные же наоборот отвечали легко и быстро. Возможно, это связано с неопределенной жизненной ситуацией в данный период (отсутствие работы), которая заставляет человека задуматься о жизни и смысле существования. У успешно работающих и в целом благополучных людей, имеющих более - менее стабильную жизнь, нет острой необходимости заниматься ее анализом.

В целом ответы работающих респондентов более конкретны, привязаны к жизненной ситуации. Ответы же безработных более обобщенны. Например, категория «жить», которая может содержать в себе множество различных ценностей, интересов и смыслов, встречается 2 раза у работающих и 10 раз у безработных. У работающих респондентов в ходе анализа ответов достаточно легко выделить сферы, являющиеся для них смысловыми: социальный статус, собственная красота, профессиональное совершенство, семья, дети, развитие, любовь, сильная родина, новые знания, общение. Безработные же говорят: «чтобы жить интересно», «было хорошо», «не скучно», «радоваться», «получать удовольствие», «быть счастливым», «жить легче», но не говорят, как этого можно добиться, в каких сферах, через реализацию каких потенциалов. Т.е. мы можем говорить о том, что безработные испытуемые способны строить образ отдаленного будущего, но испытывают явные трудности с определением способов его достижения и реализации. Успешно работающие же, наоборот, способны легко прорабатывать ближайшие цели и пути их достижения, но испытывают явные трудности с определением глобальных, предельных смыслов жизни.

Результаты корреляционного анализа позволяют сделать следующие выводы:

В выборке безработных было выявлено несколько корреляционных плеяд. Первая из них связана с желанием респондентов жить не зря, что подразумевает самореализацию, выполнение собственной миссии, желанием оставить след, стремлением к тому, чтобы не растворилось собственное Я, самосознанием (под категорией «самосознание» мы понимаем все, что связано с самомнением, самооценкой, самоидентификацией и т.д.), успехом в труде, стремлением помогать и любить. Все перечисленные категории имеют между собой тесные связи, взаимозависимы и коррелируют с общим успехом в трудовой деятельности.

Следующая плеяда имеет не такие тесные взаимосвязи, но все-таки относительно крупная. Туда входят категории «справедливость», которая связана со стремлением «не отличаться от других», со спокойствием и стремлением «быстрее чего-либо добиться». Справедливость также связана с отдыхом, расслаблением, заботой о собственном Я, а расслабление связано еще и с весельем. То есть, если у человека будет возможность отдыхать, расслабляться, не терять своего Я, то это будет справедливо.

Еще одна плеяда состоит из четырех категорий: стремление к отсутствию проблем, к продолжению рода и продолжению жизни на Земле, а категория «продолжение рода» связана с категорией «жить по-человечески».

Обобщая полученные данные, можно сказать, что достижение целей для безработных связано в их сознании с наслаждением жизнью. При этом полноценная жизнь предполагает выполнение некоторой деятельности, а это связано с нереализованными стремлениями. Отсюда достаточно часто мы могли наблюдать восприятие данной категорией испытуемых себя как неполноценных и неуспешных.

Интересной также является обнаруженная связь между категориями «не думать» и «идти в ногу со временем». Следовательно, по мнению испытуемых их привычка задумываться о серьезных вопросах, о смысле жизни, о целях своего существования является в какой-то степени анахронизмом.

В отличие от безработных у успешно работающих испытуемых была выявлена всего одна корреляционная плеяда. Они стремятся помогать другим, и улучшение жизни других ведет за собой улучшение собственной жизни. Это делает особенно значимым общение с другими людьми, которое делает жизнь интересной и наполненной.

В обнаруженной плеяде по количеству связей на первом месте стоят категории «отличаться» и «добиться цели». Успешно работающие испытуемые считают, что отличность от других делает жизнь нескучной, позволяет любить, приносить пользу, решать проблемы, облегчает жизнь и обеспечивает спокойствие (у безработных же, наоборот, спокойствие обеспечивается похожестью на других). Достижение цели, по мнению работающих респондентов, обеспечивает высокий социальный статус, комфорт, наслаждение жизнью, расслабление, позволяет «не растворить свое Я», оставить след, влияет на самосознание.

Обращает так же на себя внимание другое интересное отличие: работающие испытуемые чаще говорят о «решении проблем», а безработные – об их отсутствии. Также для работающих большое внимание имеет расширение кругозора. Оно позволяет познавать мир, повышать интеллектуальный уровень, что обеспечивает дальнейшее развитие и спокойствие.

Наличие множества плеяд у безработных и одной с многочисленными внутренними связями у работающих, на наш взгляд, свидетельствует о меньшей структурированности и сформированности образа будущего и жизненной перспективы у неработающих граждан.

Кроме того, применение U-критерия Манна – Уитни позволило выделить значимые различия в показателях между безработными и работающими испытуемыми: успешно работающие в значительно большей степени склонны к рефлексии, самоанализу, более внимательны к своему внутреннему миру; для безработных значительно большее значение имеет категория «легкая жизнь», ожидание возможного внезапного избавления от всех проблем, беззаботной

жизни и внутренняя неготовность прикладывать собственные усилия и брать ответственность за жизнь на себя.

Кластерный анализ позволил выделить следующие группы категорий у успешно работающих испытуемых:

- Ценности семейной жизни, предполагающие взаимопомощь и стабильную «хорошую» жизнь.
- Ценности самореализации, связанные с саморазвитием, высоким интеллектом, достижением целей и успешным трудом.
- Ценности комфортной жизни, предполагающие отдых, красоту, жизнь без стресса, ощущение счастья и полноценной жизни.
- Ценности спокойствия и здоровья.

У безработных граждан в результате кластерного анализа были выявлены следующие группы категорий:

- Ценности счастливой жизни, предполагающие общение, широкий кругозор, деятельность и самореализацию.
- Ценности успеха, включающие выполнение миссии, самосознание, успешный труд, деньги, «не быть дураком», «оставить след на Земле» и жизнь, прожитую не зря.
- Ценности наслаждения жизнью, когда приятно, ни о чем не думаешь, не скучаешь, идешь в ногу со временем, отдыхаешь, расслабляешься.
- Ценности спокойствия, подразумевающие быстрое достижение чего-либо и «не отличаться от других».
- Ценности семьи, включающие продолжение рода, жизнь по-человечески, отсутствие проблем.

Сравнение этих результатов показывает, что одни и те же ценности для безработных и успешно работающих граждан имеют разное содержание:

- стремление к саморазвитию и достижениям в жизни у безработных связана с желанием «не быть дураком», а у работающих со стремлением расширять кругозор и достигать целей.

- Работающие стремятся получать радость от деятельности, а безработные счастливы, когда ее не выполняют.

- Для работающих в семейной жизни важно помогать другим, а безработные стремятся к отсутствию проблем.

Детальный анализ образа будущего у безработных граждан не выявил никаких зависимостей между отношением к собственному будущему, нереализованными стремлениями, личными и профессиональными перспективами, активностью и какими-либо действиями в настоящий момент. Это свидетельствует о недостаточной сформированности образа профессионального будущего и неготовности к его реализации.

В целом можно сказать, что полученные результаты свидетельствуют о том, что для безработных характерны страх изменений и неудач, нежелание брать на себя ответственность, отсутствие четких жизненных целей, стремления к профессиональному развитию и протраиванию образа будущего. Успешная трудовая деятельность во многом связана со стремлением к развитию, реализации своего потенциала, осознанием собственных жизненных целей, целостностью восприятия жизненной перспективы и взаимозависимостью отдельных сфер жизни. У успешных профессионалов система жизненных ценностей и образа будущего взаимосвязана с особенностями выполняемой трудовой деятельности.

С целью более глубокого понимания дефицитов профессионального развития современного специалиста нами было проведено исследование среди школьных психологов школ г. Томска, а также среди лиц, ранее работающих в школе психологами длительное время. Всего в исследовании приняло участие 30 человек. Участникам предлагалось ответить на вопросы методики AVEM, направленной на выявление наличия профессиональных деформаций, опросника исследования мотивации и внутренних конфликтов и заполнить анкету, направленную на выявление отношений испытуемых к различным аспектам профессиональной деятельности. В случае отказа принять участие в исследовании школьным психологам в корректной форме было предложено мотивировать свой отказ (полученные данные также представляют научный интерес и учитывались

при обработке результатов). Минимальный возраст испытуемых – 21 год, максимальный – 51. Минимальный срок нахождения в профессии – 1 год, максимальный – 17 лет. Средний возраст составил – 32,8 лет, средний стаж – 6 лет. Для математико-статистической обработки результатов исследования применялся U-критерий Манна – Уитни, корреляционный анализ Спирмена и контент-анализ.

Проведенное нами исследование профессиональных конфликтов школьных психологов-практиков показало, что базовые ценности «любовь» и «счастливая семейная жизнь» остаются в атрибутах будущего, в сфере нереализованных желаний, тогда как в настоящем присутствуют духовные ценности и возможность расширения своего кругозора. Статистический анализ позволил выделить механизмы формирования и особенности проявления профессиональных деформаций у школьных психологов, которые включает в себя:

- тенденцию к отказу от какой-либо деятельности в ситуациях неудач;
- тенденцию к расширению сферы экономии эмоций, выражающуюся в снижении эмоциональной насыщенности личной жизни профессионала;
- пассивную стратегию решения проблем;
- пессимистическую установку в целом на появляющиеся профессиональные проблемы и неудачи.

Психологи с большим стажем работы менее способны распределять энергию между профессиональной и внепрофессиональной жизнью, менее склонны к релаксации после работы и в связи с профессиональной усталостью более склонны избегать лично значимого общения, по сравнению с психологами с меньшим стажем работы. Они обнаруживают менее эмоционально насыщенную личную жизнь. Отчасти это объясняется тенденцией к компенсации жизненных проблем профессиональной деятельностью.

Таким образом, для современных специалистов первостепенной задачей повышения своей профессиональной компетентности и супервизии должно быть раннее выявление среди специалистов группы риска с целью применения к ним

комплекса коррекционных мероприятий, направленных на снятие негативных состояний и предупреждений профессиональных деформаций.

5.3. Возможности профессионального развития в условиях современного предпринимательства

Сегодня соответствие человека времени, в котором он живет и осуществляет преобразующую деятельность, направленную на самого себя, на мир, определяется прежде всего экономическими способами жизни, задающими «поле, очерченное напряженными границами смыслов»⁵¹².

В этой связи, усилия многих исследователей направлены на выделение и описание характеристик инновационной личности, инновационного потенциала, инновационного поведения и других феноменов. Именно новаторская (инновационная) личность является предпосылкой усиления экономического роста, распространения предпринимательства и накопления капитала, повышения качества жизни, поскольку способствует рождению самоподдерживаемых изменений, которые постоянно революционизируют жизнь⁵¹³.

По большому счету вопросы инновационного поведения и различных проявлений инновационной личности имеют отношение к жизненному самоосуществлению как особым образом выстроенному отношению человека к окружающим миром, актуализирующем вопрос о том, является ли жизнь тем, что активно (само)осуществляет человек (по формуле «Я живу»), или это то, что само осуществляется в человеке (по формуле «Мне живется»). Являясь средством осуществления (само)развития, инновационное поведение выступает особой ценностью, позволяющей задавать рамки нового стандарта жизни, контекстуально выходя в более широкое проблемное поле, чем вопросы социально-экономического функционирования общества. Именно человек, реализует инновационное поведение как особое отношение к жизни, способ

---

⁵¹² Мамардашвили М. К. Сознание и цивилизация. СПб: Азбука, 2011. 271 с.

⁵¹³ Halal W. E. The top 10 emerging technologies // Futurist. Washington. 2000. Vol. 34, is. 4. P. 191-214.

взаимодействия с миром, результатом которого выступает инновационный продукт.

На противоречиях, возникающих между образом мира и образом жизни, «пульсирует» готовность человека осуществить задуманное, возможное, желаемое, покрытое всегда налетом эмоционального отношения к «рожденному» в реальных условиях жизнедеятельности противоречию, приводящему к осуществлению инновационной деятельности.

Следует отметить, что в рассмотрении главных особенностей субъекта, направленного инновационно, в научных исследованиях нет полного единства. Так, А. И. Пригожин отмечает, что главная характеристика субъекта инноваций – это его деятельное самосознание, т.е. понимание своей личной инициативы как субъективно возможной и общественно принимаемой основы собственного существования⁵¹⁴. Автор представляет субъектность как единство целеполагания и целеосуществления. Таким образом, субъект есть деятель, способный к выбору типа поведения, конкретной роли для себя среди других субъектов, к выработке собственных средств для достижения целей. Его отличает уверенность, т.е. возможность и желание самому определять свою траекторию развития, образ жизни, стремление раздвигать рамки реальной независимости и компетентности. Одновременно субъект есть носитель и автор вклада в какую-либо совместную деятельность, партнер в межсубъектных отношениях.

Дополняют данную точку зрения исследования таких ученых, как М. М. Поташник⁵¹⁵, П. Ф. Друкер⁵¹⁶, Р. Э. Джонстон⁵¹⁷ и др., которые отмечают, что инновация во всех ее видах связывается с деятельностью личности, отличающейся психологическими особенностями и руководствующейся волей к самоутверждению посредством активной преобразовательской деятельности, что формирует особый тип поведения - инновационный. В связи с этим

---

⁵¹⁴ Пригожин А. И. Методы развития организации. М.: МЦФЭР, 2003. 315 с.

⁵¹⁵ Поташник М. М. Мысли орлиные, а результаты куриные, или что разрушает систему внедрения инноваций // Народное образование. 2011. № 1. С. 14-20.

⁵¹⁶ Друкер П. Ф. Менеджмент. Вызовы XXI века. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2012. 235 с.

⁵¹⁷ Джонстон Р. Анализ технологий, ориентированный на будущее: проблема «Кассандры» // Форсайт. 2011. Т. 5, № 2. С. 58-64.

целесообразным представляется более глубокое и детализированное рассмотрение данного феномена.

Достаточно активно изучение проблемы инновационного поведения ведется зарубежными исследователями (В. А. Вест⁵¹⁸, Дж. Л. Фарр⁵¹⁹, О Дженсен⁵²⁰, С. Г. Скотт и Р. А. Брюс⁵²¹ и др.), которые накопили большой опыт практической и теоретической деятельности в области инноваций. Говоря об инновациях, одни ученые являются последователями идеи, что инновационность – это личностная характеристика человека, на первое место ставя творческий потенциал личности⁵²², другие придерживаются бихевиоральной позиции, говоря об индивидуальном инновационном поведении.

Исследователи Н. Кинг и Н. Андерсен отмечают, что каждый инновационный процесс проходит две основные стадии: стадия инициации (или рождения идей) и стадия реализации (или внедрения идей)⁵²³. Они опираются на определение инновационного поведения, которое разработали В. Вест и Дж. Фарр: это поведение, направленное на реализацию новых идей, продуктов, процессов, процедур, которые могут быть применены для оптимизации работы в целом⁵²⁴. Н. Кинг и Н. Андерсен также замечают, что инновационное поведение носит многоаспектный характер и включает все виды активности, которые позволяют обогатить инновационный процесс⁵²⁵. Важным, с нашей точки зрения, является также рассмотрение инновационного поведения во взаимосвязи с креативной или творческой деятельностью, направленными на разработку идей, являющихся не только новыми, но и полезными. Вследствие того, что

---

⁵¹⁸ West V. A., Farr J. L. Innovation at work // Innovation and creativity at work: Psychological and Organizational strategies. – Chichester, U.K.: Wiley, 1990. P. 63-80.

⁵¹⁹ Tesluk P. E., Farr J. L. Generalization of employee involvement training to the job setting: individual and situational... // Personnel Psychology. 1995. Vol. 48, is. 3. P. 607-632.

⁵²⁰ Janssen O. Innovative behavior and job involvement at the price of conflict and less satisfactory relations with co-workers // Journal of Occupational & Organizational Psychology. 2003. Vol. 76. P. 347.

⁵²¹ Scott S. G., Bruce R. A. Determinants of innovative behavior: a path model of individual innovation in the workplace // Academy of Management Journal. 1994. Vol. 37, is. 3. P. 580-607.

⁵²² West M. A. A measure of role innovation at work // British Journal of Social Psychology. 1987. Vol. 6. P. 83-85.

⁵²³ King N., Anderson N. Managing Innovation and Change: A Critical Guide for Organizations. London: Thomson, 2002. 290 p.

⁵²⁴ West V. A., Farr J. L. Innovation at work // Innovation and creativity at work: Psychological and Organizational strategies: 63-80. Chichester, U.K.: Wiley, 1990. P. 3-13.

⁵²⁵ King N., Anderson N. Managing Innovation and Change: A Critical Guide for Organizations. London: Thomson, 2002. 290 p.

инновационная активность также включает разработку новых идей и их реализацию, креативное поведение является его составной частью именно в области генерации новых вариантов и способов деятельности.

Для российской психологической теории и практики существенным в определении содержания понятия «инновационное поведение» является учет индивидуальных компонентов. Качественно отличное понимание инновационного поведения и, следовательно, механизмов, инициирующих его, имеют российские исследователи Е. И. Каменкова, В. Ю. Зинченко, В. Е. Клочко, Э. В. Галажинский. Говоря об инновационной активности, они рассматривают не только способность человека генерировать и реализовывать качественно новые идеи, но и максимальное развитие своей индивидуальности и самоактуализацию⁵²⁶, «проявление инновационного потенциала каждого отдельного субъекта...»⁵²⁷. Так, например, В. Е. Клочко под инновационной деятельностью понимает «поведение, которое осуществляется путем выхода за пределы сложившихся установок и поведенческих стереотипов и инициируется не системой периодически актуализируемых потребностей, но возникает инициативно в тех точках жизненного пространства человека, в которых сходятся между собой как минимум три фактора: возможности человека, среда, отвечающая этим возможностям, и готовность человека реализовывать свои возможности «здесь и теперь»»⁵²⁸.

Инновационное поведение, по определению Э. В. Галажинского и О. М. Краснорядцевой, представляет собой такую форму активности человека, которая осуществляется путем его выхода за пределы сложившихся установок и поведенческих стереотипов и инициируется не системой периодически актуализируемых (воспроизводимых) потребностей, но возникает инициативно в тех точках жизненного пространства человека, где сходятся между собой как минимум три фактора:

---

⁵²⁶ Каменкова Е. И. Проблемы подготовки педагогических кадров к инновационной деятельности. URL: [http:// festival.1september.ru/articles/516438](http://festival.1september.ru/articles/516438).

⁵²⁷ Психолого-педагогическое сопровождение реализации инновационных образовательных программ / Под ред. Ю. П. Зинченко, И. А. Володарской. М.: Изд-во МГУ, 2007. С. 14.

⁵²⁸ Клочко В. Е., Галажинский Э. В. Психология инновационного поведения. Томск: Том. гос. ун-т, 2009. С. 229.

- возможности человека, представленные его личностным, духовным, творческим, интеллектуальным и т.д. потенциалом;
- среда, отвечающая этим возможностям, т.е. размеченное ценностно-смысловыми «маркерами» пространство, в котором возможна самореализация;
- готовность человека реализовать свои возможности «здесь и теперь»⁵²⁹.

В современной отечественной и зарубежной литературе инновационный потенциал человека и инновационное поведение связывают, в первую очередь с предпринимательской деятельностью⁵³⁰.

Современная модель предпринимательства в ее нынешнем виде, сформировалась в основном на Западе в XX веке. В это же время в России эта система разрушалась неоднократно, - в начале, середине и конце столетия, а в промежутке развивалась в относительной изоляции от остального мира в весьма специфических формах. В результате этого, по мнению некоторых авторов, сложилась самобытная российская модель предпринимательства, обусловленная национальными социокультурными и историческими особенностями страны⁵³¹,⁵³². На наш взгляд, и это основная гипотеза нашего исследования, эта модель предполагает либо слепое копирование, либо отказ от учёта мирового опыта, что вносит свой значимый вклад в проблему затяжного управленческого кризиса в России и низкой конкурентоспособности национальной экономики и государства в целом.

При этом специфика предпринимательства (особенно мелкого) в России описана недостаточно полно, само его существование часто оспаривается, а поэтому научные подходы к ее описанию и оптимизации еще предстоит разработать. Большинство публикаций на эту тему содержат разрозненные описания опыта внедрения изменений в систему управления отдельных

---

⁵²⁹ Галажинский, Э. В., Краснорядцева, О. М. О месте и роли мышления в организации инновационного поведения // Современная психология мышления: смысл в познании: тез. докл. науч. конф. М.: Смысл, 2008. С. 15-17.

⁵³⁰ Богомаз С. А., Каракулова О. В. Личностный и коммуникативный потенциал инновационно-предпринимательски-ориентированных субъектов // Сибирский психологический журнал. 2010. № 37. С. 48-51.

⁵³¹ Прохоров А. П. Русская модель управления. М.: Изд-во Студии Артемия Лебедева, 2011. 376 с.

⁵³² Иванов М. А., Шустерман Д. М. Организация как ваш инструмент. Российский менталитет и практика бизнеса. – М.: Альпина публицер, 2003. 379 с.

организаций⁵³³, ⁵³⁴. В данной ситуации представляется целесообразным переходить от уровня самоуничижительных сетований на особенности российского разгильдяйства к системному выявлению как слабых, так и сильных сторон национального предпринимательства, их рациональному применению и поиску методов оптимизации.

Эта современная специфика нам представляется во многом эклектичной: трудно описать ее принципиальные, основные методологические принципы и положения. Поэтому целью своих научных изысканий по данной проблематике мы считаем движение от уровня вербального описания впечатлений о национальных особенностях российского предпринимательства к выявлению тенденций, построению гипотез, а затем переход и к статистическому анализу больших массивов данных, собранных одинаковыми методами и позволяющих оценить достоверность тенденций, для их проверки.

В данном эмпирическом исследовании рассматриваются результаты анализа опросов 230 управленцев, проводившиеся в 2007-2013 гг. Эмпирическую базу исследования составили 24 сибирских предприятия малого и среднего бизнеса сферы оптовой и розничной торговли, производства товаров и услуг. Это организации разного уровня: среднего (100-300 чел.), малого (15-100 чел.) и мелкого (до 15 чел.) бизнеса. Все эти предприятия на момент исследования находились в нормальном, платежеспособном состоянии и обратились за консультационными услугами с запросом на дальнейший рост и развитие бизнеса. Использовались следующие методы сбора эмпирических данных:

1. Проективный рисунок «Образ организации» (ассоциативный эксперимент).

2. Структурированное интервью собственников и топ-менеджеров, направленное на выяснение представлений о целях, Vision (образе будущего),

---

⁵³³ Tchouikina S. The Crisis in Russian Cultural Management: Western Influences and the Formation of New Professional Identities in the 1990s-2000s / Journal of Arts Management, Law, and Society. 01/2010. Vol. 40. P. 76-91.

⁵³⁴ Dirani K. M., Ardichvili A. Human capital theory and practice in Russian enterprises // John J. Lawler, Greg Hundley (ed.) The Global Diffusion of Human Resource Practices: Institutional and Cultural Limits (Advances in International Management) / Emerald Group Publishing Limited. 2008. Vol. 21. P.125-144.

конкурентных преимуществах организации, ее положению в жизненном цикле, бизнес-процессах и организационных проблемах.

3. Анонимное анкетирование управленцев с целью выявления типа организационной культуры, основных управленческих ошибок и организационных патологий.

4. Групповой дискурс с участием собственников и топ-менеджеров с целью анализа структуры проблемного поля организации.

Анализ специфики управления проводился нами в рамках концепции жизненного цикла организации И. К. Адизеса, позволяющей выявлять организационные патологии и управленческие ошибки. Под организационными патологиями мы будем понимать, вслед за И. К. Адизесом, причины застревания организации на каком-либо этапе жизненного цикла, либо ее преждевременного старения⁵³⁵, а также, вслед за А. И. Пригожиным, причины устойчивого не достижения целей организации⁵³⁶. Соответственно в качестве инструментов диагностических интерпретаций мы используем концепцию жизненного цикла организации И. К. Адизеса и накопленную А. И. Пригожиным коллекцию организационных патологий и управленческих ошибок. Под «организационными проблемами» в ходе интервью руководителей мы понимали разрыв между целями организации и реальной ситуацией. Под организационной культурой - совокупность «интегральных» характеристик организации (ее ценностей, паттернов поведения, способов оценки результатов деятельности), данную в языке определенной типологии⁵³⁷, в нашем случае – типологии К. Кэмерона и Р. Куинна⁵³⁷.

Проведенные нами исследования свидетельствуют о том, что одной из основных проблем управления современной российской организацией является отсутствие анализа среднесрочной и отдаленной временной перспективы организации и, соответственно, преобладание деятельности в рамках краткосрочной временной перспективы. К тому же в большинстве

---

⁵³⁵ Адизес И. Управляя изменениями. СПб: Питер, 2010. 224 с.

⁵³⁶ Пригожин А. И. Методы развития организации. М.: МЦФЭР, 2003. С. 94-105.

⁵³⁷ Базаров Т. Ю. Управление персоналом: учебное пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. С.67.

диагностировавшихся нами организаций, работа с целями не поставлена вообще, руководители не используют этот мощный организационный ресурс, причем целеполагание отсутствует даже в относительно больших организациях. Именно данные управленческие ошибки, на наш взгляд, приводят к формированию чрезмерно жесткой, негибкой и неэффективной кадровой политики организации, приводящей к низкой мотивации персонала в целом и снижающей эффективность его деятельности.

Среди организационных патологий в малом и среднем бизнесе в качестве наиболее часто испытываемые отмечают:

- «стагнацию» (неспособность организации к изменениям);
- «господство структуры над функцией»;
- «инверсию» (когда результаты управленческих решений обратны ожидаемым);
- «бюрократию» (формальные отношения к делу как признак преждевременного старения организации);
- «неуправляемость», которая проявляется в низкой осуществляемости управленческих решений и рассогласованности действий;
- «бессубъектность» (когда работники не берут на себя ответственность, - или не желают, оттого, что нет мотивации, или не могут, оттого, что нет полномочий).

Проявляется это в том, что управление всеми процессами в организации сосредоточено в одном центре – в руках собственника, который по мере роста организации все хуже справляется с потоком управленческих задач (отсюда – «стагнация»). Причина – «предпринимательская» функции владения не отделена от функции административного управления, административная функция не передается наемному менеджменту. Сотрудники не могут самостоятельно принимать решения (отсюда «бессубъектность»). Наличие такого рода патологий в компании в конечном итоге приводит к невозможности гибко реагировать на изменяющиеся условия, т.е. к стагнации.

Таким образом, в результате анализа управленческих ошибок, организационных патологий, положения в жизненном цикле, организационной культуры и проблемного поля организаций в практике управления сибирскими организациями малого и среднего бизнеса нам удалось выделить следующие основные проблемы управления организациями и вытекающие из них сложности жизнедеятельности:

- Незрелость стратегического управления и управления по целям и через образ будущего (Vision).
- Авторитарно-репрессивное сознание и стиль поведения лидеров.
- Нежелание управленцев признавать свои ошибки и брать на себя ответственность.
- Сочетание низкого уровня и фрагментарности управленческого образования лидеров с представлением о его необязательности.
- Невостребованность управления по ценностям.
- Неотрефлексированность причинно-следственных связей организационных проблем.

Подводя итоги, мы можем отметить следующую парадоксальную особенность современной практики управления в организациях малого и среднего бизнеса: На уровне сознания, т.е. на рациональном уровне, большинство собственников и топ-менеджеров демонстрируют понимание современных подходов к достижению эффективности в управлении. На уровне же спонтанного поведения наблюдается использование малоэффективных, устаревших, не соответствующих реалиям жизни подходов. Такое противоречие затрудняет возможность быстрого изменения ситуации в управлении, делает ее ригидной.

В качестве способа разрешения вышеназванных проблем и противоречий мы рассматриваем возможность заключения Партнёрского соглашения в процессе предпринимательской деятельности. Понятие «Партнерское соглашение» было введено в обиход конфликтологами, которые занимались проблемами взаимоотношений в командах менеджеров, методов организации эффективного дискурса между собственниками и управленцами, особенностями построения

семейного бизнеса⁵³⁸, ⁵³⁹. Основное количество публикаций, относящихся к данной проблеме, носит до сих пор практико-ориентированный характер и описывает частный конкретный опыт точечных решений бизнес – проблем. Они чаще всего не имеют ни обобщающей методологии, ни консультационной (переговорно-посреднической) технологии, ни валидизированного инструментария.

Первые научные публикации на эту тему относятся в 2004 г. и связаны, прежде всего, с именем Д. Гейджа. В качестве базы для заключения Партнёрского соглашения рассматривается общность (или хотя бы принципиальная совместимость) целей в бизнесе и взаимное доверие партнеров друг к другу. Согласно Д. Гейджу Партнерское соглашение является документом, который подписывают все партнеры, он не имеет юридической силы в суде, но его авторы обязуются считать его обязательным для исполнения в своей деятельности. Этот документ имеет определенную структуру, касается деловой жизни партнеров в организации закрытого типа и содержит следующие части: видение и стратегия бизнеса; вопросы собственности (владение, покупка и продажа долей в бизнесе, оценка, распределение дивидендов); полномочия и статус каждого из партнеров; система корпоративного управления (система принятия решений, подотчетность, стандарты качества); индивидуальные цели в бизнесе каждого из партнеров; их сильные и слабые стороны; принципы эффективной совместной деятельности; ожидания партнеров друг от друга; правила поведения в нестандартных ситуациях; способы разрешения конфликтных ситуаций и достижения эффективной коммуникации. Таким образом, Партнерское соглашение является способом «страхования» бизнеса за счет создания чувства уверенности партнеров друг в друге на основе предсказуемости их поведения и понятных правил взаимодействия, о которых они договорились⁵⁴⁰.

---

⁵³⁸ Brecher J. Partnership charter helps clarify the roles, responsibilities and expectations of each partner. - Toronto, October, 31, 2008. <http://www.lawyersweekly.ca/index.php?section=article&articleid=794>

⁵³⁹ Horowitz S. How to Make Partnerships Work. - http://www.umass.edu/fambiz/articles/successful_succession/partnership_charter.html

⁵⁴⁰ Гейдж Д. Партнерское соглашение: как построить совместный бизнес на надежной основе. М.: Альпина Паблишер, 2012. 255 с.

Возникнув в бизнесе, система Партнерских соглашений начала распространяться на другие общественные и экономические практики. В настоящий момент в США практически все государственные департаменты и их подразделения рассматривают свою работу как систему Партнерских отношений и имеют соответствующие договорённости. Устав любой из подобных организаций пишется на языке Партнерского соглашения и имеет соответствующие разделы. Учебные курсы по Партнерскому соглашению включены в программы обучения студентов по специальностям, связанным с менеджментом, ведущих университетов (например, Стенфордский университет). Партнерское соглашение является инструментом в работе многих коучей в Канаде⁵⁴¹. В основу их работы также положена методика Д. Гейджа, которая позволяет достичь существенного прогресса как в достижении индивидуальных целей собственников, так и в создании возможности эффективной совместной деятельности, базирующейся на рациональных четко обозначенных договоренностях, признаваемых всеми сторонами.

В Европе проблемами заключения партнерских соглашений активно занимаются во Франции. Европейские исследователи отмечают растущую сложность сетевых взаимоотношений и информационных систем в бизнесе, которые становятся более открытыми и более разнородными, состоящими из многочисленных субъектов и компонентов, которые необходимо объединять для эффективной, надежной и устойчивой совместной работы. В результате возникает очень высокая гибкость и изменчивость числа заинтересованных сторон в бизнесе. Партнерское соглашение является инструментом решения данной проблемы⁵⁴². Французские бизнес – консультанты выделяют несколько принципиально разных форм партнерских отношений:

1. Партнерство без принципиальных взаимных обязательств – наиболее простая форма взаимоотношений без взаимных количественных обозначенных целей и обязательств. Этот тип неформального партнерства, чаще всего, является

⁵⁴¹ Osborn J. Partnerships: the rationale // <http://www.gfi.fr/en/groupe/charte-partenariat.php>

⁵⁴² Jones L. D. How do Partner: Before Hanging Out a Shingle Together, Advisors Must Make Their Expectations Well-known // Advisor Today. December, 2004. http://www.bmcassociates.com/wp-content/uploads/2011/06/Partnership_charter_brochure_nf.pdf

первым этапом для выстраивания более сложных форм сотрудничества. Он чаще всего предполагает информационный обмен не предъявляет высоких требований к лояльности партнеров. Партнерское соглашение на данном этапе обычно не заключается.

2. Партнерство для конкретного краткосрочного проекта – предполагает выстраивание формальных отношений. Чаще всего в этом случае один из партнеров занимает лидирующую позицию. Партнерское соглашение в данном случае помогает выстроить сбалансированные и беспроблемные отношения взаимного уважения и адекватного распределения выгод и рисков между партнерами.

3. Длительные акционерные отношения предполагают серьезную интеграцию партнеров с четким обозначением вкладов каждого в общее дело, однозначным распределением выгод и рисков. Такие взаимоотношения являются эксклюзивными и предполагают соблюдение многих этических правил ведения бизнеса, в частности, это касается взаимоотношений с конкурентами. В данном случае Партнерское соглашение является более объемным, оно предполагает разработку полноценного бизнес-плана с детальной проработкой целей совместного бизнеса и целей каждого из партнеров; форм сотрудничества; необходимых ресурсов; бюджета; критериев принятия решения; а также учет индивидуальных личностных особенностей друг друга.

4. Совместное инвестирование – наиболее структурированная форма партнерских отношений. Она требует четкого профессионального поведения всех сторон на основе следующих принципов:

- Прозрачность – точные и количественные обязательства, с соответствующими формами проверки и контроля.
- Экспертиза – свидетельствует о взаимном признании сильных сторон каждого партнера, которые, вместе взятые, дают больше, чем сумма индивидуальных действий каждого их партнеров.
- Участие – партнерство предполагает активность каждого в строгом соответствии со сформулированными общими целями, а также регулярные

совместные встречи с целью мониторинга достижения общих целей, их коррекции в случае необходимости и уточнения общей стратегии деятельности.

- Качество – подразумевает четкое описание предполагаемых результатов. Соотнесение с ними результатов текущей деятельности обуславливает формирование у партнеров чувства удовлетворенности совместной деятельностью.

- Продолжительность партнерских отношений предполагает осознание необходимости постоянного развития бизнеса в целом и каждого из партнеров, неизбежных структурных изменений, что делает партнерские отношения более продуктивными.

Соблюдение данных принципов позволяет выстроить партнерские отношения, характеризующиеся сбалансированностью, высокой степенью доверия друг другу, четким распределением сфер деятельности каждого, беспроектностью и уникальностью.

В России о проблемах и необходимости заключения Партнерского соглашения начали говорить последние 2-3 года. Во всех случаях в данных Партнерских соглашениях не рассматриваются вопросы этики, коммуникаций между сторонами, целей и смыслов деятельности, распределения ролей в бизнесе и т.д. Чаще всего такие соглашения выстраиваются на основе первоначального и устойчивого недоверия друг к другу, постоянного ожидания подвоха и глубочайшего неверия в возможность выстраивания взаимовыгодных партнерских отношений. От соглашения в первую очередь ожидается четкое оговаривание карательных санкций по отношению друг к другу в случае нарушения взаимных обязательств и обеспечение гарантии выполнения этих жестких мер.

Поэтому в редких случаях разговоров о возможном заключении Партнерского соглашения в качестве посредников приглашаются не бизнес - консультанты и организационные психологи, а адвокаты, т.е. у всех участников переговоров явно имеется четкая внутренняя установка, что выстроить продуктивные позитивные отношения друг с другом нереально и Партнерское

соглашение будет еще одной попыткой обеспечения взаимоконтроля в атмосфере недоверия и подозрительности.

В тех компаниях, где собственников больше чем один, проблема их взаимопонимания и взаимодействия со временем неизбежно становится корневой проблемой организации, ограничителем эффективности деятельности, роста и развития бизнеса. Симптомы этой проблемы весьма серьезны: в компании нет общего видения будущего, стратегических целей и стратегического управления как такового, отсутствуют устойчивая организационная структура и четкое разграничение полномочий и ответственности. Как следствие - нет управленческой команды, системы и функциональных политик: маркетинга, производства, управления персоналом и т.д. В результате основные силы управленческого персонала тратятся на угадывание сиюминутной политической ситуации, конфликты, и борьбу с валом внутренних проблем, воспроизводящихся в условиях дефицита системности и организационного порядка.

Парадокс партнерства в России, на наш взгляд, заключается в следующем. С одной стороны, потенциально партнерство нескольких лидеров в управлении организацией, является весьма выгодным за счет ряда синергетических эффектов. Очевидна выгода от объединения капиталов и компетенций партнеров (талантов, знаний, умений, полезных связей и т.д.). Кроме того, по мнению И. Адизеса, источником синергии является эффект комплиментарной команды, создаваемой партнерством людей с разными стилями поведения, выполняющими четыре разные роли в команде: предприниматель, производитель, администратор и интегратор. По мнению этого автора, идеальных руководителей не существует. Природа людей такова, что в эффективном управленце наиболее развит один, реже два из названных выше стилей, хотя обычно присутствуют и остальные стили поведения⁵⁴³. Соответственно, для комплиментарной команды нужны носители всех четырех стилей, взаимно дополняющие друг – друга, т.е. два - четыре партнера.

---

⁵⁴³ Адизес И. Как преодолеть кризисы менеджмента. Диагностика и решение управленческих проблем. СПб.: «Best Business Books», 2007. 286 с.

К сходным выводам пришел Э. Фламгольц, выдвинув концепцию «молекулы лидерства». Суть концепции в том, что необходимым условием быстрого роста бизнеса является – группа из трех – четырех руководителей, которые выполняют такие ключевые функции как разработка видения, управления культурой, создания систем и управления текущими операциями. Так как один человек крайне редко бывает наделен всеми качествами, необходимыми для эффективного приведения в действие всех четырех, названных выше факторов изменений⁵⁴⁴, то целесообразным является формирование некоего содружества партнеров.

Для России характерна своя специфика выстраивания отношений партнерства – дисбаланс за счет двух социокультурных феноменов:

1. Традиции патернализма, в которой начальник должен быть один – «отец нации», а взаимодействие часто строится не «по Взрослому», где по модели Э. Берна единственно возможно рациональное партнерство, а сверху вниз – по линии «Родитель – Ребенок», где один из партнеров начинает доминировать, а второй уходит в «детскую» безответственную позицию «Невиноватый я!!!»

2. Национальная традиция недоверия и нежелания строить взаимовыгодные отношения, когда партнер рассматривается как временная составляющая, нестабильная и иррациональная, скорее как угроза. Отсюда – главная задача взаимоотношений – защититься или избавиться от партнера, а не договориться с ним.

Перечисленные проблемы характерны не только для совладельцев бизнеса, но и для любых партнеров внутренней и внешней бизнес-среды (собственники - топ-менеджеры, поставщики – клиенты, участники совместных проектов), а также для государственно-частного партнерства.

Таким образом, на наш взгляд возникает специфическая для России ситуация: с одной стороны, необходимость заключения договоренностей между партнерами, которые бы соблюдались и являлись основой функционирования

---

⁵⁴⁴ Фламгольц Э., Рэнделл И. Управление стратегическими изменениями: от теории к практике. М.: Эксмо, 2012. С. 85-86.

бизнеса, признается почти всеми. С другой стороны, базовые внутренние установки большинства партнеров по бизнесу основываются на глубоком недоверии друг к другу, нежелании идти на уступки и признавать какие-либо собственные ошибки. В результате, процесс заключения партнерских соглашений становится длительным, сопряженным с многократными уточнениями уже достигнутых договоренностей. Наибольшие трудности вызывает согласование целей партнеров (как в бизнесе, так и в жизни в целом). Стратегия и методика заключения партнерского соглашения становится специфической.

В итоге, мы можем констатировать существование специфической для России ситуации предельной сложности возможностей профессионального развития предпринимателей. Это выражается, в том числе, в неразвитости в организациях стратегического управления и управления по целям и через образ будущего (Vision) и неотрефлексированности причинно-следственных связей профессионального развития собственников организации и развития организации в целом. Эти проблемы проявляются в существовании определённого типа коммуникативного пространства в бизнесе: одновременное существование потребности в партнёрских (транскоммуникативных) отношениях и глубокое недоверие друг к другу. Наибольшие трудности вызывает согласование целей партнеров.

5.4. Эффективность профессионального развития в контексте жизнеосуществления

В контексте современного понимания карьеры в условиях повышенной мобильности и непредсказуемости профессионального развития, личностный смысл карьерного успеха становится все более определяющим по сравнению с традиционным пониманием успеха как иерархической позиции в организации.

Еще Аристотель писал: «Цель государства – это совместное продвижение к высокому качеству жизни»⁵⁴⁵. Различные аспекты качества жизни столетиями

---

⁵⁴⁵ Аристотель. Политика. М.: Академический проект, 2015. 318 с.

обсуждаются в мировой философской, социологической и экономической литературе.

Существуют разные определения понятия «качество жизни» и разные показатели и критерии для измерения и оценки этой характеристики населения. Для Г. М. Зараковского наиболее конструктивной представляется точка зрения, отдающая приоритет внеэкономическим факторам качества жизни⁵⁴⁶. Их в целом можно назвать социально-психологическим характеристикам населения. К ним относятся все свойства населения – социума, которые связаны с потребностями, ценностями и целями более высокого уровня, чем биологические потребности.

Для определения понятия «качество жизни» следует исходить, прежде всего, из понимания категории – «качество». Наиболее удачным, на наш взгляд, является формулировка Института русского языка Академии Наук: «Качество – это сущностная определенность предмета, явления или процесса, в силу которой он является данным, а не иным предметом, явлением или процессом. Качество выявляется через многочисленные свойства предмета, явления или процесса. Качество всегда связано с количественной определенностью предмета, вне которой существовать не может»⁵⁴⁷.

В свою очередь Г. М. Зараковским было выдвинуто следующее определение жизни человека: «Жизнь человека – это процесс самореализации заложенного в человеке природой и развивающегося после рождения жизненного потенциала; он представляет собой жизнедеятельность, включающую физиологические функции и выполнение деятельности во внутренней (психической) и внешней (материальной и социальной) сферах, направленную на самосохранение, развитие и репродукцию себя, на познание мира и его преобразование в целях удовлетворения своих и общественных потребностей».

Качество жизни определяется, прежде всего, присущими определенному человеку (или социуму) внутренними возможностями осуществлять жизненные процессы, то есть, его жизненным потенциалом. Вторым фактором качества

---

⁵⁴⁶ Зараковский Г. М. Качество жизни населения России. М.: НПФ «Смысл», 2009. 190 с.

⁵⁴⁷ Словарь русского языка: В 4-х т. / Евгеньева А. П. (ред.). М., 1957-1961.

жизни являются процессуально-результативные характеристики целевых жизненных процессов (деятельности) по отношению к имеющимся у людей потребностям, интересам, ценностям и целям. Третьим фактором качества жизни являются внешние возможности, то есть, свойства окружающих сред, объектов и субъектов, имеющихся инструментов и ресурсов. Они должны быть такими, чтобы жизненные процессы первой направленности могли безусловно осуществляться, а процессы второй направленности имели значимую вероятность достижения целей для людей, которые хотят это сделать и прилагают для этого необходимые усилия.

Из сказанного вытекает, что качество жизни человека (индивида) – это оценочная категория жизни человека, обобщенно характеризующая параметры всех составляющих его жизни: жизненного потенциала, жизнедеятельности и условий жизнедеятельности (инструментов, ресурсов и среды) по отношению к некоторому эталону.

В 1970-е годы была разработана концепция «бинарного» качества жизни: качества жизни объективного и качества жизни субъективного⁵⁴⁸. Тем самым было положено начало доминирующему до сих пор пониманию психологического компонента только как субъективной оценки людьми своего качества жизни в целом или ее отдельных аспектов (синоним – «субъективное благополучие»).

Качество жизни проявляется в субъективной удовлетворенности людей самими собой и своей жизнью и в объективных характеристиках, свойственных человеческой жизни как биологическому, психическому (духовному) и социальному явлению.

Психологические составляющие качества жизни образуют два принципиально различных класса:

1. Субъективно-оценочные составляющие (субъективное качество жизни) – это эмоционально-когнитивные оценки человеком (или множеством людей) собственной жизни и ее элементов. Они подразделяются на два подкласса:

---

⁵⁴⁸ Abbey A., Andrews F. M., Halman L. J. Psychological predictors of life quality. How are they affected by infertility, gender, and parenthood? // Journal of Family Issues. 1994. Vol. 15, is. 2. P. 253-271.

- Преимущественно эмоциональные (например, чувства радости, ощущение счастья).

- Преимущественно когнитивные (например, мнения, высказываемые при социологических опросах об удовлетворенности жизнью, ее качестве).

2. Объективные психологические составляющие – это оценки психологических элементов жизни по отношению к объективным эталонам (критериям). Объективные эталоны, применительно к психологическим составляющим, представляют собой научно или эмпирически установленные нормативные значения элементов психологического потенциала или других психологических характеристик (например, величина коэффициента интеллекта (IQ), равная 100).

Любой психологический элемент жизни, в принципе, может быть измерен как субъективно-оценочная составляющая качества жизни. В современном мире среди учёных преобладает точка зрения, что качество жизни человека, в части его надбиологического компонента, определяется:

- во-первых, величиной его психологического потенциала, степенью удовлетворения психологических и культурных потребностей и уровнем самореализации в различных сферах жизнедеятельности (это – объективные психологические составляющие качества жизни);

- во-вторых, характером оценочных суждений и переживаний, вызванных состоянием любого элемента жизни (это – субъективные составляющие качества жизни).

В парадигме субъективного качества жизни основными целостными составляющими качества жизни, по мнению Г. М. Зараковского, принято считать:

- самооценку качества жизни как целостного феномена, то есть, в виде ответа человека на прямой вопрос об уровне качества его жизни;

- самооценку счастья (с использованием разных социально-психологических методов измерения этой характеристики);

- самооценку удовлетворенности жизнью;

- баланс положительных и отрицательных эмоций, то есть, отношение числа положительных и отрицательных эмоциональных переживаний, испытываемых человеком за определенный, достаточно большой промежуток времени.

В настоящее время существует несколько теорий счастья. Общим в них является его понимание как доминирующего в жизни человека позитивного эмоционального состояния, обусловленного разными факторами. Отсюда возникает тенденция рассмотрения счастья как аффективного компонента субъективного качества жизни. Вслед за древнегреческими философами выделяется два вида понимания счастья: эвдемоническое и гедоническое. Эвдемоническое понимание: счастье - это «состояние совершенства» и «обладания высшими благами», что обусловлено самосовершенствованием личности и самореализацией человеком себя как духовного, разумного существа. Гедоническое понимание: счастье - это «сумма наслаждений, которые испытывает или испытал человек», что обусловлено любыми удовольствиями и радостями, которые выпадают на его долю в разных сферах жизни⁵⁴⁹.

Ощущение счастья и удовлетворенности жизнью, по мнению Н. Бредберна, определяется доминирующей эмоцией, которая является ответом на события внешней среды⁵⁵⁰. Для автора следующие три понятия «психологическое благополучие», «счастье», «удовлетворенность жизнью» являются синонимичными. Э. Динер добавляет в понятие субъективного благополучия Н. Бредберна когнитивный аспект отношения к себе и окружающей действительности - удовлетворенность жизнью. Однако, более корректным будет обозначение удовлетворенности как оценочного конструкта, сличающего наличные обстоятельства с внутренними потребностями субъекта. По мнению Э. Динера, удовлетворенность, позитивный аффект и негативный аффект формируют определенный уровень субъективного благополучия⁵⁵¹. Выделяя те

---

⁵⁴⁹ Рикель А. М., Туниянц А. А., Батырова Н. Понятие субъективного благополучия в гедонистическом и эвдемонистическом подходах // Вестник московского университета. Серия 14: Психология. 2017. №2. С. 91-96.

⁵⁵⁰ Садмен С., Бредберн Н. Форма вопроса в социальном контексте // Социологический журнал. 2000. № 3-4. С. 184-199.

⁵⁵¹ Diener Ed., Seligman M. E. P. Very happy people // Psychological Science. 2002. Vol. 13, is. 1. P. 81-84.

же структуры, М. Аргайл обобщает их термином «счастье», которое он приравнивает к субъективному благополучию. Ключевая роль в достижении психологического благополучия, согласно перечисленным авторам, отводится соотношению позитивных и негативных эмоций, что дает основания рассматривать их как гедонистические концепции субъективного благополучия. Однако очевидно, что положительные переживания и счастье не могут быть самоцелью и не всегда то, что повышает удовлетворенность жизнью, благотворно влияет на личность. Рассуждения о возможности ощущения наполненности жизни в процессе долгого и напряженного достижения значимой для личности цели создают основу для эвдемонистических концепций благополучия. Согласно эвдемонистическим трактовкам, психологическое благополучие связано с реализацией объективно обоснованных потребностей, уходящих корнями в природу человека и способствующих развитию личности⁵⁵².

Синтезируя гедонистические и эвдемонистические взгляды, субъективное благополучие можно определить как «эмоционально-оценочное отношение человека к своей жизни, личности, взаимоотношениям с другими и процессам, имеющим важное для него значение с точки зрения усвоенных нормативно-ценностных представлений о «благополучной» внешней и внутренней среде, выражающееся в удовлетворенности ею, ощущении счастья»⁵⁵³. По характеру понимания и переживания счастья существует следующая типология людей:

1. Люди, склонные в большей степени к гедонистическому поведению и восприятию жизни;
2. Люди, склонные в большей степени к эвдемонистическому поведению и восприятию жизни.

Теоретически, у различающихся по этим типам групп должно быть разное ощущение счастья. Аристотель писал: «Хорошая жизнь – это когда человек живет в согласии с истинной своей природой». Но эта «природа» у каждого человека

---

⁵⁵² Argyle M., Lu L. Happiness and social skills // Personality and Individual Differences. 1990. Vol. 11, is. 12. P. 1255-1261.

⁵⁵³ Шамионов Р. М. Субъективное благополучие и ценностно-смысловые образования личности в профессиональной сфере // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2006. Т. 6, № 1-2. С. 104-109.

своя, индивидуальная. Поэтому решение вопроса о критериях качества жизни зависит от вида ценностей и их значимости для индивида.

Д. А. Леонтьев говорил, что благополучие определяется тем, как удовлетворяются наши потребности и насколько наша жизнь близка к тому, что мы хотим. Дети, как правило, гораздо счастливее взрослых, потому что их желания легче удовлетворить. Но при этом их счастье от них самих почти не зависит: потребности детей обеспечивают те, кто о них заботится. Наибольшее влияние на нас оказывает склад нашей личности – на него приходится 50 % индивидуальных различий в сфере психологического благополучия. На долю внешних обстоятельств приходится всего 10 %. И почти 40 % – на то, что в наших руках, что мы сами делаем со своей жизнью⁵⁵⁴.

Таким образом, мы можем констатировать, что в отечественной традиции принято считать, что качество жизни, в первую очередь, проявляется в субъективной удовлетворенности людей самими собой и своей жизнью, что можно определить, как субъективное восприятие качества жизни индивида, которое, в свою очередь, включает в себя следующие характеристики: самооценку качества жизни как целостного феномена; самооценку счастья; самооценку удовлетворенности жизнью; баланс положительных и отрицательных эмоций. В дальнейшем вышеперечисленный список будет именоваться субъективными характеристиками качества жизни.

Зарубежные исследователи высказывают близкие позиции. Они выделяют три разных компонента субъективного благополучия: позитивный аффект (positive affect (PA)); негативный аффект (negative affect (NA)); удовлетворенность жизнью (life satisfaction)⁵⁵⁵. В то время как эмоциональная часть субъективного благополучия – это гедонистическая оценка, основанная на эмоциях и чувствах, когнитивная часть представляет собой основанную на информации оценку своей жизни, по которой люди судят о том, насколько их жизнь соответствует их ожиданиям и напоминает их предполагаемую «идеальную» жизнь. Позитивные и

⁵⁵⁴ Леонтьев Д. А., Сучков Д. Д. Постановка и достижение целей как фактор психологического благополучия // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 44. С. 63-72.

⁵⁵⁵ Frijns M., Dr. Blumberg B. Determinants of life satisfaction. Maastricht: Maastricht University Press, 2010. 181 p.

негативные аффекты ранжируются в соответствии с такими эмоциональными реакциями как депрессия, грусть, беспокойство, гордость, радость и экстаз. Они предназначены для отличительных измерений. В то время как позитивный аффект отражает степень, в которой человек чувствует энтузиазм, активность и бдительность, негативный аффект отражает общий аспект субъективного страдания и неудовлетворения, которое включает в себя множество аверсивных настроений, включая гнев, презрение, чувство вины, отвращение, нервозность и страх.

Удовлетворенность жизнью можно определить как когнитивную составляющую субъективного благополучия. Это согласуется с утверждением Р. Брэдли и Р. Корвина, которые говорят, что жизненная удовлетворенность отражает как степень удовлетворения основных потребностей, так и степень, в которой многие другие цели рассматриваются как достижимые. Чем больше целей мы достигаем, тем сильнее увеличится наша удовлетворенность жизнью⁵⁵⁶. Р. Венхувен писал: «Жизненная удовлетворенность понимается как степень, в которой человек оценивает общее качество своей жизни в целом как благополучное»⁵⁵⁷. Удовлетворенность жизнью включает в себя удовлетворенность сразу нескольких важных областей жизни. В качестве наиболее важных областей жизни, он рассматривает доход, субъективное здоровье, образование, религию, социальную поддержку и семейное положение. В результате становится понятно, что в представленном зарубежном взгляде на проблему субъективных характеристик качества жизни, последние не разделяются на внешние и внутренние факторы.

В результате мы можем наблюдать эволюцию самого понятия качества жизни от термина, который первоначально носил явно пропагандистский характер и чаще употреблялся в публицистике, до научной категории, которая в современном контексте становится главным показателем существования прочной

---

⁵⁵⁶ Bradley R. H., Corwyn R. F. Life satisfaction among European American, African American, Chinese American, Mexican American, and Dominican American adolescents // *International Journal of Behavioral Development*. 2004. Vol. 28, is. 5. P. 385-400.

⁵⁵⁷ Veenhoven R. Happiness as a public policy aim: the greatest happiness principle // In: *Positive Psychology in Practice*. 2012. P. 658-678.

связи между темпами экономического роста и социальным равновесием в обществе. Одновременно подчеркивается, что именно качество жизни людей может служить главным показателем эффективности профессионального и личностного развития специалиста и реализации его потенциала в мире, вступившем постиндустриальный период своего развития.

Последнее десятилетие значительно увеличивается количество исследований, посвящённых связи удовлетворённости жизнью и образа будущего, в том числе акцент в исследованиях делается на взаимосвязи образа будущего, возраста и удовлетворённости жизнью⁵⁵⁸, ⁵⁵⁹, ⁵⁶⁰. Однако все эти работы относятся к классу «уточняющих исследований» и изучают отдельные очень узкие стороны данной проблематики. Например, специфику удовлетворённости жизнью и жизненной перспективы у перуанских мигрантов в Лондоне или у студентов в Каталонии. По-прежнему в данной предметной области отсутствуют работы, носящие методологический характер.

С целью исследования особенностей профессионального развития специалистов с различными типами занятости в контексте удовлетворённости жизнью и с учётом характеристик образа профессионального будущего нами было проведено эмпирическое исследование. Гипотеза исследования заключалась в предположении о том, что специалисты с различной формой занятости (фриланс, традиционная карьера, классические формы предпринимательства) различаются по типу профессионального развития, уровню удовлетворённости жизнью, содержательным характеристикам образа профессионального будущего.

Для сбора эмпирических данных в работе были использованы следующие диагностические методики: опросник «Якоря карьеры» Э. Шейна (перевод и адаптация В. А. Чикер, В. Э. Винокурова); Методика исследования ценностей

---

⁵⁵⁸ Simons M., Peeters S., Janssens M., Lataster J. Does age make a difference? Age as moderator in the association between time perspective and happiness // *Journal of happiness studies*. 2017. Vol. 19. P. 57-67.

⁵⁵⁹ Muro A., Feliu-Soler A., Castella J., Devi J., Soler J. Does time perspective predict life satisfaction? A study including mindfulness as a measure of time experience in a sample of Catalan students // *Mindfulness*. 2017. Vol. 8. P. 655-663.

⁵⁶⁰ Wright K. Conceptualizing Human Well-being from gender and Life course Perspective: The Case of Peruvian Migrants in London // *Cross-border migration among Latin Americans: European perspectives and beyond*. 2011. P. 139-155.

Г. Хофстеде; Ценностный опросник Ш. Шварца⁵⁶¹; тест Индекс жизненной удовлетворенности (ИЖУ), адаптация Н. В. Паниной; Тест на ригидность Г. Айзенка.

В исследовании приняли участие 89 респондентов. Исследование проводилось среди взрослого населения города Томска. 33,7 % (30 человек) составили мужчины, 66,3 % (59 человек) - женщины. Респондентам предлагалось самоидентифицировать свою работу с одной из предложенных форм занятости. По результатам опроса, было определено, что 42,7 % (38 человек) опрошенных идентифицируют себя с фрилансерами, 24,7 % (22 человека) – с предпринимателями и 32,6 % (29 человек) являются работниками, ориентированными на традиционную занятость. В результате были сформированы три группы испытуемых:

Группа 1. Фрилансеры. 71 % составили женщины (27 человек) и 29 % – мужчины (11 человек). Из них 76,3 % (29 человек) имеют высшее образование, 13,2 % (5 человек) имеют 2 и более высших образования и 10,6 % (4 человека) – средне–специальное. Таким образом, 89,5 % респондентов группы фрилансеров имеют высшее образование и 10,5 % – средне–специальное. Фрилансеры в возрасте 20-24 года составляют 7,9 % от группы (3 человека), 25-29 лет – 60,5 % (23 человека), 30-34 года – 26,3 % (10 человек), 35-40 лет – 2,6 % (1 человек) и в возрасте 50-59 лет – 2,6 % (1 человек).

Группа 2. Предприниматели. 41 % (9 человек) мужчины и 59 % (13 человек) женщины. Высшее образование имеют 77,3 % (17 человек), 2 и более высших – 9,1 % (2 человека) и 13,6 % (3 человека) имеют средне-специальное. 9,1 % группы составляют люди в возрасте 20-24 года (2 человека), 36,5 % - 25-29 лет (8 человек), 22,7 % – 30-34 года (5 человек), 22,7 % – 35-39 лет (5 человек), 4,5 % – 50-59 лет (1 человек) и 4,5 % 60 и более лет (1 человек).

Группа 3. Респонденты с традиционной формой занятости по долгосрочному договору найма (ТЗ). 65,5 % (19 человек) являются женщинами и

---

⁵⁶¹ Панюшева Т. Д., Ефремова М. В. Анализ русскоязычной версии опросника ценностных ориентаций (SVS) Ш. Шварца методом когнитивного интервью // Социальная психология и общество. 2012. № 3. С. 116-128.

34,5 % (10 человек) – мужчинами. Высшее образование имеют 79,3 % (23 человека), 13,8 % (4 человека) имеют 2 и более высших и 6,9 % (2 человека) – средне–специальное. 44,8 % в возрасте 25-29 лет (13 человек), 31 % в возрасте 30-34 года (9 человек), 3,4 % – 35-39 лет (1 человек), 10,3 % – 40-49 лет (3 человека), 3,4 % – 50-59 лет (1 человек), 6,9 % – 60 и более лет (2 человека).

Сравнение эмпирических данных проводилось по каждой шкале по следующей схеме:

- 1) Группа 1 «Фрилансеры» – Группа 2 «Предприниматели»
- 2) Группа 1 «Фрилансеры» – Группа 3 «Традиционная занятость»
- 3) Группа 1 «Фрилансеры» и Группа 2 «Предприниматели» – Группа 3 «Традиционная занятость»

Процедуры статистического анализа выполнялись с помощью статистического пакета SPSS-24. Для сравнения признаков использовались: для групп данных с нормальным распределением – параметрический Т-критерий Стьюдента; для групп данных с распределением, отличающимся от нормального – непараметрический U-критерий Манна – Уитни. Критическое значение уровня статистической значимости при проверке нулевых гипотез принималось равным 0,05. Каждая группа значений была проверена на нормальность распределения.

В результате обработки полученных данных выявлены статистически значимые различия в исследуемом признаке в сравнении групп Фрилансеров и Предпринимателей по шкале «стабильность места жительства».

Сравним значения по средним. Значение среднего арифметического группы Фрилансеров – 4,745614, а группы Предпринимателей – 3,272727. Таким образом, можно сделать вывод, что стабильность места жительства важнее для Фрилансеров, чем для Предпринимателей. Фрилансеры больше ориентированы на проживание в одном регионе, они больше связывают себя с географическим регионом, «пуская корни» в определенном месте, вкладывая сбережения в свой дом, и меняют работу или организацию только тогда, когда это предотвращает их «срывание с места». Люди, ориентированные на стабильность, могут быть талантливыми и занимать высокие должности в организации, но, предпочитая

стабильную работу и жизнь, они откажутся от повышения, если оно грозит риском и временными неудобствами, даже в случае широко открывающихся возможностей роста.

В то же время для групп фрилансеров и работников, ориентированных на традиционный тип карьеры, существуют статистически значимые различия по шкалам «стабильность работы» и «предпринимательство». Точно такие же различия существуют и в сравнении признака у групп «Фрилансеры и Предприниматели» и «Традиционная занятость». Принимая в значение уровень средних (Фрилансеры: стабильность работы – 5,824561, предпринимательство – 6,005263; Традиционная занятость: стабильность работы – 7,666667, предпринимательство – 4,071429; Фрилансеры и Предприниматели: стабильность работы – 5,883333, предпринимательство – 5,866667), можно сделать вывод, что для работников, ориентированных на традиционный тип карьеры стабильность работы гораздо важнее, чем для фрилансеров и для предпринимателей. Эта карьерная ориентация обусловлена потребностью в безопасности и стабильности для того, чтобы будущие жизненные события были предсказуемы. Люди из группы Традиционная занятость ориентированы на поиск работы в такой организации, которая обеспечивает определенный срок службы, имеет хорошую репутацию (не увольняет рабочих), заботится о своих работниках после увольнения и платит большие пенсии, выглядит более надежной в своей отрасли. Человек с такой ориентацией – его часто называют «человеком организации» – ответственность за управление карьерой перекладывает на нанимателя.

Шкала «Предпринимательство» имеет обратные результаты. В данном исследовании статистически доказано, что люди, ориентированные на традиционный тип карьеры, имеют более низкие показатели по данной шкале. Фрилансеры и Предприниматели более ориентированы на стремление создавать что-то новое, преодоление препятствия, они больше готовы к риску. Они не желают работать на других, а хотят иметь свою марку, свое дело, свое финансовое богатство. Причем они не всегда творческие люди, для них главное – создать дело, концепцию или организацию, построить ее так, чтобы это было

продолжением их самих, вложить туда душу. Предприниматель будет продолжать свое дело, даже если сначала он будет терпеть неудачи и ему придется серьезно рисковать.

По методике ценностей Ш. Шварца и Г. Хофстеде статистически значимых различий в уровне исследуемых признаков не обнаружено. Это говорит о том, что ценности не зависят от формы трудовой занятости человека.

Уровень удовлетворенностью жизнью и уровень ригидности также не имеет значимых различий среди исследуемых групп. Однако в ходе исследования, были обнаружены корреляции между этими признаками. У групп Традиционная занятость и Предприниматели они являются отрицательными. То есть чем меньше уровень ригидности, тем больше индекс удовлетворенности жизнью, и наоборот – чем выше уровень ригидности, тем ниже ИЖУ.

В группе Фрилансеров преобладают молодые специалисты возраста 25-29 лет – 60,5 %. Это логично, так как люди в 25 лет уже успели закончить вуз и набраться опыта в работе. Они попробовали себя в профессии по специальности и попали в современный распространенный вид занятости как фриланс. Так как современное общество направлено на пересмотр образа жизни, все больше ценится интересная работа, возможность бывать с семьей, путешествовать, вести здоровый образ жизни, фрилансеров становится все больше, так как этот вид занятости позволяет выстраивать удобный рабочий график и выбирать место работы.

В группе Предприниматели распределение по возрасту идет более равномерное: 36,5 % – 25-29 лет, 22,7 % – 30-34 года, 22,7 % – 35-39 лет.

В группе Традиционная занятость распределение по возрасту смещается в ту же сторону, что и в группе фрилансеров. 44,8 % в возрасте 25-29 лет, 31 % в возрасте 30-34 года. Это говорит о том, что не все молодые люди после университета выбирают для себя фриланс. Для кого-то тип традиционной занятости является предпочтительным.

Таким образом, эмпирическая гипотеза подтверждается частично. Карьерные ориентации фрилансеров отличаются от ориентаций работников,

ориентированных на традиционный тип занятости, а также от предпринимателей. Для фрилансеров не так важно иметь стабильное место работы, они уверены в своих силах, своей конкурентоспособности, в том, что они смогут найти заказчика. Уровень их предпринимательских карьерных ориентаций выше. Молодые люди, работающие фрилансерами имеют много общего с предпринимателями. Цель фрилансера состоит в том, чтобы иметь постоянную работу без начальника, чтобы работы было много, чтобы спрос постепенно рос и, соответственно, росла почасовая зарплата, как и качество заказов. Работа без непосредственного руководства сближает фрилансеров с предпринимателями, однако, целью предпринимателя является продать созданное за большие деньги или построить «машину по долгосрочному получению прибыли», которая будет устойчивой, стабильной и не очень опасной в эксплуатации.

Также фрилансеры отличаются от других форм занятости тем, что более спокойно воспринимают ситуацию нестабильности в работе. Их образ жизни обязывает быстро подстраиваться под меняющиеся условия, искать новых заказчиков, продавать свои услуги и быть готовым к смене специализации. Таким образом, профессионализация фрилансеров имеет свои особенности и занимает, скорее, промежуточное положение между традиционным вариантом занятости и предпринимательством.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что выбор типа профессионального развития не зависит от формы занятости. Профессиональное развитие как жизнеосуществление возможно при любых регламентах организации трудовой деятельности.

5.5. Выводы по Главе 5

Профессиональное развитие в современном мире – есть способ самовыражения человека в жизни, при котором в большей или меньшей мере сохраняется целостность, автономность, индивидуальность человека и, тем самым, одновременно обеспечивается возможность достижения определённых

стандартов качества жизни, удовлетворённости трудовой деятельностью и жизнью в целом. Оно структурируется образом будущей деятельности, наполняя своим содержанием жизненное, межличностное, социально-психологическое пространство человека.

Активность современного специалиста, направленная на профессиональное и личностное развитие, во многом подчиняется принципам бифуркации и фрактальности. Нелинейное и непредсказуемое профессиональное развитие разворачивается через самоорганизацию и принятие свободы в столкновении с неизвестностью и неопределённостью. Одним из его ключевых элементов становится «ломка стереотипов», требующая изменения личности как необходимого условия запуска этого процесса. В результате профессиональное развитие характеризуется: принятием существования «здесь и сейчас», сопровождающимся отказом от наивной рациональности; принятием свободы, что влечет уход страхов перед неизвестностью и неопределённостью.

Научным трендом последнего десятилетия стало значительное увеличение количества исследований, посвящённых связи удовлетворённости жизнью и образа будущего, в том числе акцент в исследованиях делается на взаимосвязи образа будущего, возраста и удовлетворённости жизнью. Однако большинство этих работ относятся к классу «уточняющих исследований» и изучают отдельные очень узкие стороны данной проблематики. По-прежнему, в данной предметной области отсутствуют работы, носящие методологический характер.

Профессиональное развитие специалиста в современном мире может порождать следующие профессиональные дефициты: отказ от деятельности в ситуации неудач, расширение сферы экономики эмоций, выражающуюся в снижении эмоциональной насыщенности личной жизни профессионала, пессимистическая установка в образе профессионального будущего.

Сравнительное исследование успешных профессионалов и безработных показало, что у работающих респондентов чаще наблюдается стремление к саморазвитию, неотрывность профессиональной жизни от всей остальной, взаимосвязанность; присутствует ценность знаний и широкого кругозора;

занимаемая должность описывается в системе значимых конструктов. Достижение целей для успешно работающих связано с решением проблем, а для безработных – с их отсутствием и с наслаждением жизнью. Для успешно работающих специалистов характерно преобладание транскомуникаций в коммуникативном мире личности. Они стремятся помогать другим, и улучшение жизни других ведет за собой улучшение их собственной жизни. Это делает особенно значимым общение с близкими людьми, которое делает жизнь интересной и наполненной.

Одни и те же ценности для безработных и успешно работающих граждан имеют разное содержание:

- стремление к саморазвитию и достижениям в жизни у безработных связана с желанием «не быть хуже других (дураком)», а у работающих со стремлением расширять кругозор и достигать целей.
- Работающие стремятся получать радость от деятельности, а безработные счастливы, когда ее не выполняют.
- Для работающих в личной жизни важно помогать другим, а безработные стремятся к отсутствию проблем.

Формальное включение человека в структуры образования, трудовой деятельности, семьи и т.д., не отвечающее его образу будущего, жизненным ценностям, отсутствие полноты самовыражения, неприсвоенность этих форм жизни, нехватка их активного моделирования ведут к падению удовлетворенности жизнью и активности, к обесцениванию смыслов жизни. Формальное, частичное включение ведет к потере той степени самостоятельности, которая необходима и для формирования дальнейших жизненных перспектив, и для дальнейшего профессионального и личностного развития человека.

Сложности профессионального развития предпринимателей в современных российских социально–экономических условиях проявляются, в том числе, в неразвитости в организациях стратегического управления и управления по целям и через образ будущего (Vision), в неотрефлексированности причинно-

следственных связей профессионального развития собственников организации и развития организации в целом.

Результаты проведённых нами эмпирических исследований свидетельствуют об отсутствии взаимозависимостей между типом занятости (работа по долгосрочному договору (традиционная занятость), фриланс или предпринимательство) и предпочитаемым типом профессионального развития, а также уровнем удовлетворённости работой и жизнью в целом. Профессиональное развитие как жизнеосуществление возможно при любых регламентах организации трудовой деятельности.

Сущность профессионального и личностного развития в жизни человека заключается в прохождении через множество точек выбора, от которых зависит всё последующее существование. В результате его деятельность становится невыводимой из прошлого опыта, она опирается на принципы преадаптивности и саморазвития системы и опосредуется пространственно-динамическими характеристиками образа будущего.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современная социокультурная и экономическая ситуация выдвигает особые требования к человеку как к личности и профессионалу. В ситуации нестабильности, неопределённости, сложности и неоднозначности (в VUCA – мире) содержание и условия профессионального развития претерпевают существенные изменения.

В результате на передний план выходит изучение позитивных аспектов профессионального развития. Значимым становится понимание качеств личности, факторов, условий и собственной активности человека, приводящих к достижению высокого качества жизни, которое принято рассматривать как многофакторный конструкт, представляющий собой сложную взаимосвязь различных характеристик: социальных, психологических, физических, культурных, экономических, духовных и др. В этом случае изменения и непрерывность профессионального развития становятся нормой жизни.

Результаты собственных теоретических и эмпирических исследований профессионального развития позволяют нам сделать следующие выводы:

1. Традиционно под профессиональным развитием понимаются изменения психических функций и свойств человека, которые возникают при взаимодействии с профессией, в процессе профессионального обучения и профессиональной деятельности. В современных условиях на передний план в профессиональном развитии выступают вопросы планирования и реализации человеком собственного профессионального пути с учётом имеющихся способностей, мотивов, потребностей, отношений и ценностей. Речь уже идёт о профессиональном развитии как жизнеосуществлении.

2. В результате профессиональное развитие представляет собой смысл, к реализации которого стремится человек при выборе и осуществлении своей трудовой деятельности. Профессиональное развитие - это уникальное сочетание профессиональных замыслов и целей, последовательность реализации которых одновременно опосредуется имеющимся жизненным опытом и содержанием

образа будущего, и определяет ведущие направления активности на протяжении всей жизни.

3. Соответствие специалиста вызовам современности возможно только в ситуации актуализации его внутренних ресурсов. А актуализацию внутренних ресурсов, в свою очередь, невозможно представить вне процессов формирования и реализации образа будущего. Образ будущего есть отражение способа бытия человека в мире и понимания им этого мира, его содержание отражает стандарты качества жизни и способы жизнеосуществления, стратегии самоорганизации жизни.

4. Пространственно-динамическая модель организации образа будущего позволяет учесть содержательные и временные характеристики образа будущего (его гармоничность, упорядоченность, целостность, поливариативность, осознанность, содержание краткосрочной, среднесрочной и отделённой перспектив) и оценить степень его сформированности с учётом характеристик коммуникативного мира личности.

5. Полученные эмпирические данные позволяют сделать общий вывод о подтверждении гипотезы о том, что образ будущего является предиктором профессионального развития человека. Наиболее значимые эффекты оказывают следующие содержательные характеристики образа будущего:

- связность представлений о собственном прошлом, настоящем и будущем;
- субъектная позиция по отношению к собственному будущему;
- структурированность образа будущего;
- наличие альтернатив в образе будущего;
- согласованность вербальных и невербальных компонентов образа будущего
- акциональность, готовность к реализации образа будущего.

6. Применение разработанных нами Методики изучения образа возможного будущего и модифицированного варианта Методики диагностики образа профессионального будущего Дж. Холланда позволяет выявлять специфические

особенности структуры и степень сформированности образа будущего на различных этапах профессионализации.

7. Учёт пространственно-динамических характеристик образа будущего и особенностей его проявлений в коммуникативном мире личности позволяет описать нелинейные стратегии профессионального развития специалиста. Всего возможно выделить четыре варианта профессионального развития:

- Стагнация профессионального развития.
- Ригидное профессиональное развитие.
- Конформное профессиональное развитие.
- Профессиональное развитие как жизнеосуществление.

8. Результаты лонгитюдного исследования показали, что вопросы содержания образа будущего становятся значимыми в старшем подростковом возрасте. Образ будущего оказывается более отчётливым, структурированным. Одновременно с этим происходит постоянное изменение его содержания, уточнение и трансформация жизненных планов. Наиболее детализированными в этом возрасте являются ближайшая (отражающая текущие задачи жизнедеятельности) и отдалённая (содержащая мечты, фантазии, формирующиеся ценности и смыслы) перспективы. Среднесрочная перспектива, содержащая четкие жизненные цели и возможные стратегии их достижения остаётся малодетализированной.

9. Для юношеского возраста характерно одновременное наличие устойчивой взаимосвязи между восприятием собственного прошлого, типом жизненных ценностей, отражённых в содержательных характеристиках образа будущего, и уровнем счастья и удовлетворенности жизнью. В этом возрасте удовлетворённость жизнью оказывается взаимосвязана с восприятием жизни как подвластной субъекту деятельности и зависящей от его действий. Мы можем говорить о существовании в этом возрасте субъектной позиции в отношении к собственной жизни и профессиональному развитию.

10. Одновременно с этим нами были получены результаты, свидетельствующие о регуляторной роли жизненного опыта и характера

взаимоотношений со значимыми взрослыми в отношении удовлетворённости жизнью в период юности. Это совпадает с результатами как зарубежных, так и отечественных исследований о регуливающей роли взрослых в формировании образа профессионального будущего в старшем подростковом и юношеском возрасте. Что позволяет нам говорить об эффективности и целесообразности психологического сопровождения профессионального развития на ранних этапах профессионализации. Однако задачами этого сопровождения должно быть не навязывание раннего профессионального выбора, а расширение пространства этого выбора.

11. Результаты проведённых эмпирических исследований показывают, что сензитивным для определения варианта профессионального развития становится период профессионального обучения (в т.ч. в вузе). Это порождает необходимость и целесообразность интенсивного психологического сопровождения данного этапа профессионализации. Одной из адекватных форм подобного психологического сопровождения является тренинг профессиональной перспективы.

12. Применение современных образовательных технологий в обучении позволяет актуализировать порождающий эффект образовательной среды в отношении профессионального развития будущего специалиста. Это позволяет:

- Развивать у студентов компетенции самообучения, что приводит к формированию открытой позиции и постоянной готовности к изменению, уточнению и углублению имеющихся знаний и трансформации образа профессионального будущего в соответствии с ними.
- Приобретать опыт применения теоретических знаний для решения практических задач профессиональной деятельности и уточнения собственной траектории профессионального развития.
- Активно формировать у студентов компетенции эффективной совместной деятельности.
- Это, в свою очередь, приводит к развитию компетенций самоконтроля и самоорганизации деятельности. В итоге повышается общий уровень субъектности

студента, у него формируется более осознанная позиция к процессу профессионального развития.

В результате мы можем говорить о том, что учебная деятельность студентов вуза приобретает личностный смысл для обучающегося и становится источником активизации саморазвития, формирования профессиональной траектории и реализации образа профессионального будущего.

13. Говоря о специфике профессионального развития предпринимателей, мы можем констатировать существование специфических сложностей профессионального развития. Это выражается, в том числе, в неразвитости в организациях стратегического управления, управления по целям и через образ будущего (Vision), а также неотрефлексированности причинно–следственных связей между профессиональным развитием собственников организации и развитием организации в целом. Эти проблемы проявляются в существовании определённого типа коммуникативного пространства в бизнесе: одновременное существование потребности в партнёрских (транскоммуникативных) отношениях и глубокое недоверие совладельцев друг к другу. Наибольшие трудности вызывает согласование деятельности и совместное целеполагание партнеров.

14. Полученные результаты теоретических и эмпирических исследований позволяют рассматривать ориентацию на саморазвитие и жизнеосуществление как вариант профессионального развития, характерный для современной ситуации трудовой деятельности, существенными признаками которого являются:

- Профессионализм как творческое осмысленное жизнеосуществление и реализация своего индивидуального личностного и профессионального потенциала.

- Переход от классической модели компетенций, для которой характерна узкая специализация с чётким описанием трудовых функций, к модели профессионального потенциала, предполагающей непрерывность и нелинейность профессионального развития.

- Способность специалиста эффективно переструктурировать имеющийся профессиональный и жизненный опыт в соответствии с новыми задачами;

- Способность обеспечивать режим профессионального саморазвития как стратегический фактор профессиональной реализации.
- Способность специалиста генерировать новые формы профессиональной активности в сложной динамике пространства профессиональной реализации.

Сформулированные в ходе теоретических и эмпирических исследований положения открывают новые возможности для углубления понимания специфических особенностей профессионализации современного специалиста на различных этапах освоения карьеры. Исключительно важное как научное, так и практическое значение имеет углублённое исследование принципов построения профессиональной траектории на ранних этапах профессионализации с опорой на принципы детерминации возможностями и построения на основе полученных результатов программ психологического сопровождения на ранних этапах профессионализации в условиях неопределённости и непредсказуемости.

Несомненный научно-практический интерес имеет также дальнейшее внедрение в практику работы служб управления персоналом моделей оценки и аттестации кадров, построенных на основе описанной типологии профессионального развития и учитывающих характеристики образа будущего и коммуникативного мира личности, а также дальнейшее внедрение в практику их работы тренингов профессиональной перспективы, нацеленных на формирование готовности к профессиональному развитию как жизнеосуществлению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова К. А. Личностная организация времени жизни // Мир психологии. 2011. № 3. С. 93-104.
2. Абульханова К. А. Соотношение индивидуальности и личности в свете субъектного подхода // Мир психологии. 2011. № 1. С. 22-32.
3. Агафонова В. П. Подходы к пониманию карьеры, её сущность и особенности // Baikal Research Journal. 2016. Т. 3, № 7. С. 21-27.
4. Адизес И. Как преодолеть кризисы менеджмента. Диагностика и решение управленческих проблем. СПб.: «Best Business Books», 2007. 286 с.
5. Адизес И. Управляя изменениями. СПб: Питер, 2010. 224 с.
6. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. М.: Академический проект, 2015. 240 с.
7. Акимов Р. А., Бабаева Д. П. Познание сущности времени и смысл человеческого бытия // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2018. № 1 (197). С. 4-9.
8. Александров Ю. И., Александрова Н. Л., Харламенкова Н. Е. Субъективный опыт: личностное и социокультурное // Человек. 2011. № 2. С. 104-113.
9. Алексеева А. Д. Современные технологии предвидения профессионального будущего человека // Педагогическое образование в России. 2016. № 8. С. 63-71.
10. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. М. и др.: Питер, 2010. 282 с.
11. Анохин П. К. Философские аспекты теории функциональной системы. М.: Наука, 1978. 399 с.
12. Анцыферова Л. И. Методологические проблемы формирования и развития личности. К психологии личности как развивающейся системе // Психология формирования и развития личности. М.: Наука, 1981. 365 с.

13. Арапова П. И. Образ будущего и выбор жизненного пути в юношеском возрасте // Вестник ПСТГУ. Серия 4: Педагогика, Психология. 2015. № 1 (36). С. 122-129.

14. Арестова О. Н. Развитие представлений о роли мотивации в мыслительной деятельности // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2008. № 2. С. 128-139.

15. Аристотель. Политика. М.: Академический проект, 2015. 318 с.

16. Арон И. С. Субъектность личности как основа психологической готовности к профессиональному самоопределению // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. Т. 2, № 1. С. 123-124.

17. Арпентьева М. Р. Контент-анализ: психолингвистический анализ текстов // Математические методы и модели в управлении, экономике и социологии. Сборник научных трудов. – Тюмень: Тюменский гос.ун-т, 2015. С. 13-26.

18. Артемьева Е. Ю. Психология субъективной семантики. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 204 с.

19. Асеев В. Г. Механизмы детерминации психического развития // Мир психологии. 2012. № 2. С. 40-46.

20. Асмолов А. Г. Историко-эволюционная парадигма конструирования разнообразия миров: деятельность как существование // Вопросы психологии. 2008. № 5. С. 3-11.

21. Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М. Преадаптация к неопределённости как стратегия навигации развивающихся систем: маршруты эволюции // Вопросы психологии. 2017. № 4. С. 3-26.

22. Ассаджиоли Р. Психосинтез. Принципы и техники. М.: Захаров, 2007. 169 с.

23. Асташова Н. А., Малькина О. В. Ценности педагогической деятельности и карьерные ориентации современного учителя // Известия Смоленского государственного университета. 2015. № 2 (30). С. 315-326.

24. Атлас новых профессий. М.: Агентство стратегических инициатив, 2015. 288 с.
25. Афиногенова В. А., Павлова Н. Д. Метод интент-анализа: проблема интенциональных категорий // Процедуры и методы экспериментально-психологических исследований. Сер. "Интеграция академической и университетской психологии". М.: Институт психологии РАН, 2016. С. 718-724.
26. Бавыкина Е. Н. Современная концепция карьерного развития: [Электронный ресурс] // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. Т. 20. С.4491-4495. URL: <https://e-koncept.ru/2014/55163.htm>.
27. Базаров Т. Ю. Управление персоналом. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. 239 с.
28. Бандура А. Теории социального научения. М.: Евразия, 2000. 375 с.
29. Бастракова Н. С. Личность в проекции выбора жизненного пути // Сборник научных трудов SWorld. 2013. Т. 26, № 4. С. 3-8.
30. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. С. 5-300.
31. Бахтин М. М. Теория романа // Собрание сочинений в 7-ми т.т. Т. 3. М.: Русское слово, 2012. 880 с.
32. Башкова С. А. Особенности образа будущего у старшеклассников больших и малых городов: дис. канд. психол. наук: 19.00.01. М.: МГУ, 1999. 152 с.
33. Белановская О. В. Динамика представлений о профессиональной деятельности в процессе обучения студентов в вузе // Лингвокультурное образование в системе вузовской подготовки специалиста. 2016. Т. 1, № 1 (9). С. 169-175.
34. Белкин В. Н., Белкина Н. А., Антонова О. А. Человеческий капитал и трудовой потенциал персонала организации // Журнал экономической теории. 2015. № 4. С. 58-65
35. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Acadimia, 2004. 790 с.

36. Бергсон А. Сознание и жизнь. М.: Издательство «Российская политическая энциклопедия», 2010. 399 с.
37. Бернштейн Н. А. Биомеханика и физиология движений. М.: Московский психолого-социальный ин-т, 2008. 687 с.
38. Бернштейн Н. А. Физиология движений и активность. М.: Наука, 1990. 494 с.
39. Бестужев-Лада И. В., Наместникова Г. А. Социальное прогнозирование. М.: Пед. о-во России, 2001. 386 с.
40. Бибянова Н. Р. Проблема саморазвития личности в психологии. М.: Мос. Психолого-социальный ин-т: Флинта, 1998. 48 с.
41. Бинсвангер Л. Бытие – в – мире. М.: КСП+, СПб: Ювента, 1999. 299 с.
42. Бирюкова И. А., Столярчук И. В. Мотивация достижения успеха как фактор развития профессиональных качеств студентов // Поволжский педагогический вестник. 2014. № 1(2). С. 56-62.
43. Блумер Г. Социологическая теория в промышленных отношениях // Социологический ежегодник. 2009. Т. 2009. С. 158.
44. Богомаз С. А. Типологические особенности самоорганизации деятельности // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 344. С. 163-166.
45. Богомаз С. А., Каракулова О. В. Личностный и коммуникативный потенциал инновационно-предпринимательски-ориентированных субъектов // Сибирский психологический журнал. 2010. № 37. С. 48-51.
46. Божович Л. И. Соображения к проблеме развития воли. Многоплановость личности. Конформизм // Культурно-историческая психология. 2008. № 4. С. 109-116.
47. Болотова А. К., Молчанова О. Н. Психология развития и возрастная психология. М.: Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", 2012. 528 с.

48. Бодякшина А. В., Щелина Т. Т. Проблемы жизненного самоопределения старшеклассников // Электронный научно-практический журнал Культура и образование. 2014. № 5 (9). С. 37.

49. Боровских А. В., Розов Н. Х. Деятельностные принципы в педагогике и педагогическая логика. М.: МАКС Пресс, 2010. С. 69-91.

50. Бохан Т. Г., Алексеева Л. Ф., Языков К. Г., Шабаловская М. В., Морева С. А. Образ профессионального будущего у студентов на «кризисных» этапах обучения в вузе // Высшее образование в России. 2013. № 11. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/obraz-professionalnogo-buduschego-u-studentov-na-krizisnyh-etapah-obucheniya-v-vuze>.

51. Братусь Б. С. Общая психология на фоне знаков современности. // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2007. № 3. С. 96-101.

52. Brentano Ф. Избранные вопросы психологии и эстетики // В сб. Ежегодник по феноменологической философии. Российский государственный гуманитарный университет. М.: Центр феноменологической философии, 2015. С. 281-298.

53. Брушлинский А. В. Избранные психологические труды. М.: Институт психологии РАН, 2006. 623 с.

54. Бубер М. Изречённое слово // Личность. Культура. Общество. 2008. Т. X, № 2 (41). С. 19-26.

55. Бусыгина Н. П. Ракурсы интерпретации в качественных исследованиях // Вопросы психологии. 2017. № 2. С. 121-133.

56. Василенко И. В. Потребительское поведение как социальный феномен // Logos et Praxis. 2008. №1 (7). С. 69-75.

57. Василюк Ф. Е. Модель хронотопа в психотерапии // Московский психотерапевтический журнал. 2009. № 4 (63). С. 26-49.

58. Василюк Ф. Е., Карягина Т. Д. Личность и переживание в контексте экспериментальной психотерапии // Консультативная психология и психотерапия. 2017. Т. 25, № 3 (97). С. 11-32.

59. Вильданов Х. С., Вильданова Г. Б., Сиргалина Л. Р. Особенности методологии аксиологического исследования // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 4. С. 97-108.

60. Виноградова И. А. Жизненные перспективы как ведущее личностное образование // Жизненные перспективы учащейся молодёжи: ценности и смыслы бытия. – М.: Изд-во МГПУ, 2015. С. 7-19.

61. Воловикова М. И. История разработки и возможности применения микросемантического анализа // Психологический журнал. 2008. Т. 29, № 2. С. 61-68.

62. Вундт В. М. Введение в психологию. М.: URSS, 2007. 167 с.

63. Выготский Л. С. Педология подростка // Выготский Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. М.: Педагогика. 1984. С. 220-242.

64. Выготский Л. С. Психология развития человека. М.: Изд-во Смысл; Эксмо, 2005. 1136 с.

65. Гаврилюк В. В., Мехришвили Л. Л. Роль образа будущего в выборе жизненных стратегий современной российской молодёжи // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 7-2 (57). С. 52-55.

66. Галажинский, Э. В., Краснорядцева, О. М. О месте и роли мышления в организации инновационного поведения // Современная психология мышления: смысл в познании: тез. докл. науч. конф. М.: Смысл, 2008. С. 15-17.

67. Гальперин П. Я. Опыт изучения формирования умственных действий // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2017. № 4. С. 3-20.

68. Гейдж Д. Партнерское соглашение: как построить совместный бизнес на надежной основе. М.: Альпина Паблишер, 2012. 255 с.

69. Герген К. Социальная конструкция в контексте. М.: Смысл, 2016. 316 с.

70. Гимпельсон В. Е., Шарунина А. В. Потоки на российском рынке труда: 2000–2012 г.г. // Экономический журнал ВШЭ. 2015. Т. 19, № 3. С. 313-348.

71. Гинзбург М. Р. Жизненное поле личности // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2016. № 3. С. 77-83.

72. Головаха Е. И. Жизненная перспектива и ценностные ориентации личности // Психология личности в трудах отечественных психологов. СПб: Питер, 2009. 646 с.

73. Головаха Е. И., Кроник А. А. Психологическое время личности. М.: Смысл, 2008. 267 с.

74. Голубев А. М., Дорошева Е. А. Апробация Оксфордского опросника счастья на российской выборке // Психологический журнал. 2017. Т. 38, № 3. С. 108-118.

75. Горбань Г. А. Социализация личности в условиях трансформаций образовательного пространства // Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность. Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2016. С. 133-137.

76. Гордеева Н. Д. Продуктивный хаос как условие порождения совершенного действия // Вопросы психологии. 2007. № 3. С. 116-126.

77. Гуреев С. В. Анализ рисунков в социологических исследованиях // Социологические исследования. 2007. № 10. С. 132-140.

78. Гусельцева М. С., Асмолов А. Г. Парадигмы развития в психологии // Мир психологии. 2007. № 2. С. 18-31.

79. Гуссерль Э. Избранные работы. М.: ИД Территория будущего, 2005. 464 с.

80. Гэлбрейт Д. К. Новое индустриальное общество. М.: РГБ, 2009. 608 с.

81. Декарт Р. Рассуждения о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках. М.: Академический проект, 2011. 335 с.

82. Джонстон Р. Анализ технологий, ориентированный на будущее: проблема «Кассандры» // Форсайт. 2011. Т. 5, № 2. С. 58-64.

83. Долгушина Т. Н., Юревич С. Н. Профессиональное самоопределение как компонент профессионального становления личности // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2013. № 3-4 (16). С. 101-107.

84. Дорфман Л. Я. Будущее, возможности и причины // Мир психологии, 2013. № 2. С. 16-29.

85. Друкер П. Ф. Менеджмент. Вызовы XXI века. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2012. 235 с.

86. Дюркгейм Э., Юдин Г. Дуализм человеческой природы и его социальные условия // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12, № 2. С. 133-144.

87. Егоренко Т. А. Подходы к проблеме становления профессиональной идентичности. // В сб.: Интегративный подход к психологии человека и социальному взаимодействию людей: векторы развития современной психологической науки. Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции. СПб: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2017. С. 189-193.

88. Жане П. Психологическая эволюция личности. М: Академический Проект, 2010. 400 с.

89. Желтикова И. В. Образ будущего в интерпретации Ф. Полака // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2013. № 3 (23). С. 15.

90. Желтикова И. В. Образ будущего как образ // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. Вып. № 5. 2013. С. 32-45.

91. Жильцова О. А., Самоненко Ю. А. Трансактный анализ Э. Берна: новое прочтение // Мир психологии. 2016. № 4 (88). С. 256-261.

92. Зайцева Ю. Е. Конструирование личной идентичности в ситуации жизненного выбора: к методологии исследования субъективных стратегий // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2015. № 1. С. 5-18.

93. Запорожец А. В. Социализация подростков в условиях глобальной информатизации // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2008. № 3. С. 97-100.

94. Зараковский Г. М. Качество жизни населения России. М.: НПФ «Смысл», 2009. 390 с.

95. Зеер Э. Ф. Психология профессионального развития: методология, теория, практика. Екатеринбург: РГППУ, 2011. 158 с.
96. Зеер Э. Ф., Сыманюк Э. Э. Теоретико-прикладные основания прогнозирования профессионального будущего человека // Фундаментальные исследования. 2014. № 9-8. С. 1863-1869.
97. Зейгарник Б. В. Психология личности в норме и патологии. М.: Изд-во Моск. психол-соц. ин-та, 2007. 415 с.
98. Зимбардо Ф. Время как лекарство. СПб: Питер, 2017. 288 с.
99. Зимбардо Ф., Ляйппе М. Социальное влияние. СПб: Питер, 2001. 364 с.
100. Зинченко В. П. Время – действующее лицо // Вопросы психологии. 2001. № 6. С. 36-55.
101. Зинченко В. П. Живое время (и пространство) в течении философской и поэтической мысли // Вопросы философии. 2005. № 5. С. 20-46.
102. Иванников В. А. Порождение деятельности и проблема мотивации // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2015. № 2. С. 15-22.
103. Иванов М. А., Шустерман Д. М. Организация как ваш инструмент. Российский менталитет и практика бизнеса. М.: Альпина паблишер, 2003. 379 с.
104. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
105. Искренко Э. В., Полтон Т. А. Проблемно-ориентированное обучение: особенности методики преподавания в Великобритании (на примере St. George University, London, Great Britain) // Научные ведомости БелГУ. 2008. № 10(50). С. 214-217.
106. Кабрин В. И. Коммуникативный мир и транскоммунитивный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. М.: Смысл, 2005. 248 с.
107. Калмыков А. А. Образы НОО. Матрица ключевых посланий. М. – Берлин: Директ – Медия, 2016. 461 с.

108. Калугин А. Ю. Психометрический анализ двух «ценностных» методик – аналогов: «Опросник терминальных ценностей» И. Г. Сенина и опросник «Аксиологическая направленность личности» А. В. Капцова, Л. В. Карпушиной // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 1 (45). С. 62-79.

109. Каменкова Е. И. Проблемы подготовки педагогических кадров к инновационной деятельности. - URL: [http:// festival.1september.ru/articles/516438](http://festival.1september.ru/articles/516438)

110. Канищева М. А. Особенности самоактуализации у лиц с развитым и неразвитым образом будущего // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 13 (184). URL: [http:// cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-samoaktualizatsii-u-litss-ravitym-i-nerazvitym-obrazom-buduschego](http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-samoaktualizatsii-u-litss-ravitym-i-nerazvitym-obrazom-buduschego).

111. Карашук Л. Н., Куликов А. Д. Развитие герменевтики как метода психологии // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2016. № 4. С. 8-14.

112. Карнаух В. К. Постиндустриальное общество: темпоральный анализ // В сб. Контуры будущего: технологии и инновации в культурном контексте. Коллективная монография по результатам конференции. СПб: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2017. С. 212-215.

113. Кассирер Э. Философия символических форм. М.: Академический проект, 2011. 22 с.

114. Келли Д. Психология личности. СПб: Речь, 2000. 248 с.

115. Клименко И. В. Мотивационно-ценностная направленность студентов на профессиональную деятельность // Национальный психологический журнал. 2013. № 1. С. 143-152.

116. Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения. М.: Академия, 2010. 304 с.

117. Ключко В. Е. Постнеклассическая транспектива психологической науки // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 305. С. 157-164.

118. Ключко В. Е., Галажинский Э. В. Самореализация личности: системный взгляд. Томск: Издательство Томского университета, 1999. 154 с.
119. Князева Е. Н. Конструирование будущего // Экономические стратегии. 2010. Т. 12, № 4. С. 88-97.
120. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Основания синегретики: человек, конструирующий себя и своё будущее. М.: Общество с ограниченной ответственностью "Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2011. 264 с.
121. Коверга А. О. Психологическое восприятие времени в причинно-целевой концепции // Будущее науки – 2013. Материалы Международной молодежной научной конференции. Курск: Закрытое акционерное общество "Университетская книга", 2013. С. 287-289.
122. Кожаринов М. Ю. Форсайт-технологии. [Электронный ресурс]// <http://soling.ru/2012/03/02/forsight-technologies>
123. Козлова Н. В. Личностно – профессиональное становление студентов как форма проявления самоорганизации человека // Психология обучения. 2009. № 4. С. 28-40.
124. Койкова Э. И. Роль ценностных ориентаций в жизненном самоопределении современной молодёжи // Проблемы современного педагогического образования. Сер.: Педагогика и психология // Сб. статей. Ялта: РИО ГПА, 2015. Вып. 46. Ч. 1. С. 277-283.
125. Кон И. С. Ребёнок и общество. М.: РГБ, 2008. 264 с.
126. Кормакова В. Н. Проектирование жизненных стратегий как условие профессионально-личностного самоопределения старшеклассников // Образование и общество. 2015. № 1. С. 55-58.
127. Коротенко В. А. Семиотическая парадигма языка в гносеологическом аспекте// Гуманитарный трактат. 2017. № 9. С. 99-102.
128. Косогова А. С., Дьякова М. Б. Формирование профессиональной компетентности у студентов вуза с позиций системного подхода // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. С. 265.

129. Котельникова И. А. Развитие мотивации достижения успеха как фактор стрессоустойчивости личности // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. № 30. С. 16-20.

130. Крайг Г. Психология развития. М. и др.: Питер, 2012. 934 с.

131. Краснорядцева О. М. Рефлексия как условие актуализации мотивопорождающих смыслов в процессе профессиональной подготовки // Психология обучения. 2008. № 3. С. 68-74.

132. Крюк Н. В. Пятифакторная модель личности: история возникновения и развития // Психиатрия, психотерапия и клиническая психология. 2011. № 4. С. 97-104.

133. Кунин Е. В. Логика случая. О природе и происхождении биологической эволюции. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2014. 527 с.

134. Кущева Н. Б., Терехова В. И. Подготовка специалистов для индустрии туризма и гостеприимства на основе проблемно-ориентированной модели обучения.// Интернет – журнал «Науковедение». 2015. Т. 7, № 2. <http://naokovedenie.ru/PDF/84PVN215.pdf>.

135. Лавринович Т. М. Особенности ценностно-мотивационной сферы личности будущих психологов на разных этапах процесса профессионализации// Вестник ЮУрГУ. Серия: Психология. 2014. № 4. С. 27-36.

136. Лазурский А. Ф. Психология общая и экспериментальная. М.: Издательство Юрайт, 2017. 245 с.

137. Латова Н. В. Роль профессионального образования в воспроизводстве российского рабочего класса // Общественные науки и современность. 2017. № 1. С. 99-113.

138. Левин К. Теория поля в социальных науках. М.: Академический проспект, 2017. 298 с.

139. Левинас Э. Заметки о смысле // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за её пределами. М.: Издательство Академический проект: Гаудеамус, 2014. С. 18-38.

140. Левицкая И. А. Профессиональное самоопределение как социокультурный процесс // Политические науки и социология. Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. Т.2, Вып. 2 (58). С. 38-45.
141. Лейкина Я. В. Какие навыки и умения нужно развивать сегодня, чтобы завтра быть первым // Управление развитием персонала. 2010. № 02 (22). С. 132-137.
142. Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Смысл, 2004. 346 с.
143. Леонтьев Д. А. Жизнетворчество как практика расширения жизненного мира // 1-я Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии. М.: Смысл, 2001. С.100-109.
144. Леонтьев, Д. А. Позитивная психология – повестка для нового столетия // Психология: журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9, №4. С. 36-58.
145. Леонтьев Д. А. Развитие личности в норме и в затрудненных условиях // Культурно-историческая психология. 2014. Т. 10, № 3. С. 97-106.
146. Леонтьев Д. А. Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал // Сибирский психологический журнал. 2016. № 62. С. 18-37.
147. Леонтьев Д. А. Субъективная семантика и смыслообразование // Вестник МГУ, сер. 14 Психология. 1990. № 3. С. 15- 23.
148. Леонтьев Д. А., Лебедева А. А., Костенко В. Ю. Траектории личностного развития: реконструкция взглядов Л. С. Выготского // Вопросы образования. 2017. № 2. С. 98-112.
149. Леонтьев Д. А., Миюзова А. Е. Личностные изменения как результат жизнетворческой работы // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Т. 24, № 1 (90). С. 44-63.
150. Леонтьев Д. А., Осин Е. Н. Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11, № 4. С. 110-135.

151. Леонтьев Д. А., Сучков Д. Д. Постановка и достижение целей как фактор психологического благополучия // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 44. С. 63-72.
152. Лейкина Я. В. Какие навыки и умения нужно развивать сегодня, чтобы завтра быть первым // Управление развитием персонала. 2010. № 02 (22). С. 132-137.
153. Литвинова Е. Ю. Поливариативная карьера: перспективы изучения //Зарубежная психология. 2013. № 2. С. 118-129.
154. Логинова Н. А. Психобиографический метод исследования и коррекции личности. Алматы: «Казак университети», 2001. 172 с.
155. Ломов Б. Ф. Психическая регуляция деятельности. Избранные труды. М.: Когито-центр, 2006. 285 с.
156. Лотман Ю. М. Чему учатся люди. М.: Центр Книги, 2009. 361 с.
157. Лэйнг Р. Д. Я и Другие. М.: Независимая фирма «Класс», 2002. 192 с.
158. Мазуркевич А. В., Яницкий М. С., Серый А. В. Темпоральные аспекты трансформации ценностной структуры самоидентичности в условиях кардинальных изменений жизненной ситуации // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. Т. 7, № 3. С. 104-122.
159. Макаров Ю. В. Тренинговые технологии: структурная композиция // Казанская наука. 2015. № 1. С. 202-207.
160. Макушинский А. Современный «образ мира: действительность» // Вопросы философии. 2002. № 6. С. 119-137.
161. Малиновский П. В. Транспрофессионализм как критерий эффективности управления человеческим потенциалом. - 2004. <http://www.shkp.ru/lib/actions/ss/malinovsky/publications/1>.
162. Малюченко Г. Н., Плоткина Л. Н. Применение сценарного подхода к исследованию закономерностей профессионально-личностного становления будущих ИТ-специалистов // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Психология. 2010. № 2. С. 19-32.

163. Мамардашвили М. К. Сознание и цивилизация. СПб: Азбука, 2011. 288 с.
164. Манакова И. Ю. Человек в постиндустриальном обществе. М.: LAP Lambert Academic Publishing, 2012. 236 с.
165. Мандельброт Б. Фракталы и хаос. М.: Регулярная и хаотичная динамика, 2009. 391 с.
166. Мандрикова Е. Ю. Современные подходы к изучению временной перспективы личности // Психологический журнал. 2008. Т. 29, № 4. С. 85-98.
167. Манохина М. М. Рефлексивный тренинг – способ оптимизации профессионально-личностного самоопределения // Среднее профессиональное образование. 2007. № 8. С. 13-15.
168. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл – Альпина нон-фикшн, 2011. 512 с.
169. Мельникова Д. М. Понятие временная компетентность как предмет гуманитарного познания // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 4 (47). С. 191-193.
170. Мельникова О. Т., Хорошилов Д. А. Валидность качественных исследований в ракурсе полипарадигмальности в современной психологии // Вопросы психологии. 2014. № 1. С. 28-38.
171. Мельникова О. Т., Хорошилов Д. А. Уровни анализа данных качественного исследования // Вопросы психологии. 2010. № 3. С. 12-19.
172. Мерло-Понти М. Человек и противостоящее ему // Психология и психотехника. 2011. № 5. С. 17-27.
173. Мещерякова Э. И. Текст в психодиагностике и консультировании. Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2001. 142 с.
174. Мид Д. Г. Социальное сознание и сознание смысла // Эпистемология и философия науки. 2013. № 1 (35). С. 219-227.
175. Минюрова С. А. Психология саморазвития человека в профессии. М.: АСТ, 2008. 298 с.

176. Михальский А. В. Психология конструирования будущего. М.: МГППУ, 2014. 192 с.
177. Митина Л. М. Личностное и профессиональное развитие детей, молодежи, взрослых: проблемы и решения. М.: Издательство «Перо», 2017. 308 с.
178. Михальский А. В. Взаимосвязь образа профессионального будущего и ценностно-мотивационной сферы (на примере студентов вуза) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015 № 10-2. С. 116-119.
179. Мудрак В. И., Павлова Т. А. Процессы целеполагания и организации времени студентов высшей школы // Психология личности и время жизни человека. – Черновцы: Наука, 1991. С. 85-93.
180. Муравьев В. Н. Овладение временем. М.: Росспен, 1998. 318 с.
181. Мусина-Мазанова Г. Х. Зарубежные и отечественные теоретические подходы к изучению понятия «карьера» // Наука и школа. 2011. № 4. С. 101-106.
182. Мэй Р. Три формы мира (главы из книги «The Discovery of being») // Социология власти. 2013. № 1-2. С. 257-262.
183. Мясищев В. Н. Психология отношений. М.: Изд-во Московского психолого-социального ин-та, 2011. 193 с.
184. Назаретян Н. А. Нелинейное будущее. М.: Аргамак-Медиа, 2017. 508 с.
185. Налимов В. В. Реальность нереального. М.: Мир идей: АО «АКРОН», 1995. 431 с.
186. Нестик Т. А. Коллективный образ будущего: социально-психологические аспекты прогнозирования // Вопросы психологии, 2014. № 1. С. 55-69.
187. Никитин В., Чудновский Ю. Основание иного. К.: Оптима, 2011. 176 с.
188. Никитин В. Н., Цанев П. К. Образ и сознание в арт-терапии. София: Болгарская национальная художественная академия, 2017. 283 с.
189. Никоненко Н. В. Взаимосвязь Эго-состояния личности и мотивации успеха // Мир педагогики и психологии. 2018. № 1 (18). С. 107-112.
190. Носс И. Н. Рефрактивные проективные методы и их применение в психодиагностике // Психология и психотехника. 2013. № 3. С. 294-303.

191. Нуркова В. В. Мгновенный жизненный выбор. Метафора? Реальный мнемический опыт? Ретроспективный артефакт? К вопросу о перспективах исследования // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2011. № 4 (18). С. 2.
192. Ньюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004. 608 с.
193. Огнев А. С., Лихачёва Э. В. Содержание образа будущего у современных студентов // В сб. Итоги научных исследований. Сборник статей Международной научно-практической конференции. М.: ООО «Европейский фонд инновационного развития», 2015. С. 204-207.
194. Олпорт Г. У. Толерантная личность // Национальный психологический журнал. 2011. № 2. С. 155-159.
195. Оруджев З. М. Природы человека и смысл истории. М.: URSS, 2009. 445 с.
196. Павлова Т. А. Картина мира личности студентов высшей школы. М.: Пед. общ-во России, 2010. 152 с.
197. Панюшева Т. Д., Ефремова М. В. Анализ русскоязычной версии опросника ценностных ориентаций (SVS) Ш. Шварца методом когнитивного интервью // Социальная психология и общество. 2012. № 3. С. 116-128.
198. Парсонс Т. Социальные системы // Вопросы социальной теории. 2008. Т.2. С. 38-71.
199. Пастернак Н. А. Внутренний план действия как показатель общего развития личности // Вопросы психологии. 2001. № 1. С. 82 - 90.
200. Первин Л. А., Оливер П. Д. Психология личности. М.: РГБ, 2006. 215 с.
201. Петренко В. Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М.: Новый хронограф, 2010. 285 с.
202. Петренко В. Ф. Парадигма конструктивизма в гуманитарных науках // Развитие личности. 2012. № 2. С. 88-98.
203. Петрова В. Н. Возможность применения оригинального опросника профессиональных предпочтений Дж. Голланда для диагностики

профессиональной перспективы // Сибирский психологический журнал. 2008. № 27. С. 115-120.

204. Петрова В. Н. Методика изучения образа возможного будущего // Сибирский психологический журнал. 2002. № 16-17. С. 32-36.

205. Петрова В.Н. Психология труда и образа профессионального будущего. Учебное пособие. Томск: Изд-во ТГУ, 2011. 128 с.

206. Петрова В. Н., Богомаз С. А. Особенности профессионального и личностного самоопределения студентов младших курсов // Сибирский психологический журнал. 2001. № 14-15. С. 110-113.

207. Петровская Е. В. Теория образа. М.: РГТУ, 2012. 281 с

208. Петровская Л. А. Общение – компетентность – тренинг. М.: Смысл, 2007. 686 с.

209. Петровский В. А. Индивидуальность, саморегуляция, гармония // Московский психотерапевтический журнал. 2008. № 1 (56). С. 60-90.

210. Пиаже Ж. Генетическая эпистемология. СПб: Питер, 2004. 159 с.

211. Пиаже Ж. Психология интеллекта. СПб: Питер, 2003. 193 с.

212. Пищнева Т. Н. «Образы будущего» в массовом сознании 2007-2008 г.г.// Актуальные проблемы современной политической психологии./ Под ред. Е.Б. Шестоपाल. М.: РИОР. 2010. С. 89-112.

213. Поварёнков Ю. П. Инерционность как закономерность профессионального становления личности // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2017. № 2 (34). С. 394-403.

214. Поваренков Ю. П. Периодизация профессионального становления личности: анализ отечественных и зарубежных подходов // Вестник КИГИТ. 2013. № 11 (41). С. 46-50.

215. Поппер П. Предположения и опровержения. Рост научного знания. М.: АСТ. 638 с.

216. Поташник М. М. Мысли орлиные, а результаты куриные, или что разрушает систему внедрения инноваций // Народное образование. 2011. № 1. С. 14-20.

217. Пригожин А. И. Качество целей // *Общественные науки и современность*. 2010. № 1. С. 114-125.
218. Пригожин А. И. *Методы развития организации*. М.: МЦФЭР, 2003. 315 с.
219. Пригожин И. *Время. Хаос. Квант*. М.: URSS, 2009. 299 с.
220. Пригожин И. Р. *Кость еще не брошена // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве*. М.: Прогресс - Традиция, 2002. С. 15-22.
221. *Профессиональное развитие личности: начало пути (эмпирическое исследование)* / Л. А. Головей, М. В. Данилова, Л. В. Рыкман, М. Д. Петраш, В. Р. Манукян, М. Ю. Леонтьева, Н. А. Александрова. СПб.: Нестор – История, 2015. 336 с.
222. Прохоров А. П. *Русская модель управления*. М.: Изд-во Студии Артемия Лебедева, 2011. 376 с.
223. Прусова Э. В. *Проблема взаимосвязи образа будущего личности с удовлетворенностью профессиональным выбором в юношеском возрасте: дис. канд. психол. наук: 19.00.01*. Краснодар, 2006. 184 с.
224. Пряжников Н. С. *Профориентология: учебник и практикум для академического бакалавриата*. М.: Издательство Юрайт, 2017. 405 с.
225. Пряжников Н. С. Статусы «акме» в карьерном самоопределении: приглашение к дискуссии // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития*. 2017. Т. 6, № 3. С. 214-220.
226. Пряжников Н. С., Пряжникова Е. Ю. *Психология труда*. М.: Академия, 2012. 371 с.
227. *Психическое развитие человека и социальные явления*. СПб: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2010. 291 с.
228. *Психология индивидуальности: новые модели и концепции*. М.: НОУ ВПО НПСИ, 2009. 384 с.

229. Психология субъектности. Человек как автор жизни: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Киров: Изд-во ВГПУ, 2001. 152 с.

230. Психолого-педагогическое сопровождение реализации инновационных образовательных программ / Под ред. Ю. П. Зинченко, И. А. Володарской. М.: Изд-во МГУ, 2007. 145 с.

231. Птахина Ю. А., Черенева Е. А. Вклад грузинской школы в изучение установки // Наука и современность. 2011. № 14. С. 136-140.

232. Ральникова И. А. Жизненные перспективы личности в научной парадигме психологического знания // Известия АлтГУ. 2011. № 2-1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/zhiznennyye-perspektivy-v-nauchnoy-paradigme-psihologicheskogo-znania/>

233. Регуш Л. А. Психология прогнозирования: успехи в познании будущего. СПб: Речь, 2003. 351 с.

234. Резник Ю. М. Трансперсональность человека: к методологии исследования и конструирования (метафизические аспекты) // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. XI, № 2 (48-49). С. 131-151.

235. Резник Ю. М., Смирнов Е. А. Жизненные стратегии личности: (опыт комплекс.анализа). М.: Ин-т человека РАН, Независ.ин-т граждан. об-ва, 2002. 209 с.

236. Рикель А. М., Туниянц А. А., Батырова Н. Понятие субъективного благополучия в гедонистическом и эвдемонистическом подходах // Вестник московского университета. Серия 14: Психология. 2017. №2. С. 91-96.

237. Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения. Доклад Центра трудовых исследований и Лаборатории исследования рынка труда НИУ ВШЭ / Под. Ред. В. Гимпельсона, Р. Капелюшникова, С. Рощина. М.: Государственный университет Высшая школа экономики, 2017. 148 с.

238. Россия 2025: от кадров к талантам. Доклад The Boston Consulting Group, Россия. М.: Дукат Плейс III, 2017. 72 с.

239. Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М.: Питер, 2012. 224 с.
240. Рыкман Л. В., Борщевская Л. В. Особенности эмоционального отношения к будущему у подростков в связи с их профессиональным самоопределением // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2013. №34. С. 31-36.
241. Рыкун А. Ю., Южанинов К. М. Высшее образование и деконструкция профессионализма // Журнал исследований социальной политики. 2010. Т. 4, № 1. С. 7-24.
242. Садовая Е. С., Сауткина В. А. Качество жизни населения мира: измерение, тенденции, институты. М.: ИМЭМО РАН, 2012. 208 с.
243. Садмен С., Брэдберн Н. Форма вопроса в социальном контексте // Социологический журнал. 2000. № 3-4. С. 184-199.
244. Самсоненко Л. С. Психолого-педагогические условия формирования жизненной перспективы личности // Сибирский психологический журнал. 2010. № 35. С. 82-86.
245. Сараева Е. В. Самопрогнозирование как механизм саморазвития // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2006. № 15. С. 86-90.
246. Сартр Ж. П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: Изд-во АСЕ, 2011. 925 с.
247. Сафин В. Ф. Личность: факторы и условия самоопределения и самореализации. Уфа: Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, 2007. 140 с.
248. Сафьянников И. А., Вехтер Е. В. Проектный метод обучения в системе инженерного образования России на примере Национального исследовательского Томского политехнического университета // Актуальные социальные проблемы молодежи и образования: сборник трудов молодежной научной школы, г. Томск, 18-19 июня 2012 г. Томск: Изд-во ТПУ, 2012. – [С. 3-7]. <http://www.lib.tpu.ru/fulltext/c/2012/C06/001.pdf>
249. Селигман М. Новая позитивная психология. М.: «София», 2006. 370 с.

250. Семёнов Д. С. Психологические предикторы прогнозирования профессиональной деятельности // Фундаментальные исследования. 2015. № 2. С. 4333-4335.

251. Серенкова В. Ф. Типологические особенности планирования личностного времени: автореферат дис. канд. психол. наук: 19.00.01. М.: Ин-т психологии РАН, 1991. 21 с.

252. Серкин В.П. Профессиональная специфика образа мира и образа жизни // Психологический журнал. 2012. Т. 33, № 4. С. 78-90.

253. Серкин В. П. Психологические механизмы формирования образа мира // Вестник Северо-Восточного государственного университета. 2011. Т. 15, № 15. С. 58-62.

254. Серкин В.П. Трудовая деятельность и сообщества при внепрофессиональном образе жизни (на примере российских вольных путешественников) // Организационная психология. 2017. Т. 7, № 4. С. 102-128.

255. Серый А. В. Система личностных смыслов: структура, функции, динамика. Кемерово: Общество с ограниченной ответственностью "Авторское издательство Кузбассвуиздат", 2004. 272 с.

256. Серый А. В., Вечканова Е. М. Темпоральные аспекты актуализации смысловых граней субъективных образов переживания кризиса идентичности в период юности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3-3 (63). С. 238-247.

257. Серый А. В., Хакимова Н. Р. Темпоральные аспекты переживания шахтёрами травматического события на производстве // В сб. Психология индивидуальности. Материалы V Международной научной конференции. 2015. С. 270-271.

258. Словарь русского языка: В 4-х т. / Евгеньева А. П. (ред.). М., 1957-1961.

259. Смолькин А. А. Трудовой потенциал пожилых людей // Социологические исследования. № 5. 2014. С. 97-103.

260. Собчик Л. Н. Психология индивидуальности. СПб: Речь, 2005. 349 с.

261. Соколов М. В. Диагностика готовности будущих педагогов к саморазвитию // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 3. С. 215.
262. Соловьёв О. В. О функции семиотической связи объективного мира и «мира человеческой психики» // Мир психологии. 2014. № 2. С. 201-212.
263. Сорокина Ю. Е. Ценностные ориентации в контексте смысловой перспективы проектов жизни // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2012. № 1-1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-orientatsii-v-kontekste-smyslovoy-perspektivy-proektov-zhizni>
264. Сохань Л. В. Жизненный комфорт как творческий проект личности: духовное измерение // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. XI, № 4 (51-52). С. 156-167.
265. Сохань Л. В., Степаненко И. В. Личностный потенциал: структура и диагностика // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 4. С. 151-154.
266. Спиноза Б. Этика. СПб: Азбука, 2012. 246 с.
267. Степанов С. Э. Толмен (1886-1959) // Век психологии: имена и судьбы. – М.: Litres, 2013. С. 374-383.
268. Стрелков Ю. К. Темпоральность трудовой деятельности // Национальный психологический журнал. 2011. № 1. С. 62-65.
269. Сырцова А., Соколова Е. Т., Митина О. В. Адаптация опросника временной перспективы личности Ф. Зимбардо // Психологический журнал. 2008. Т. 29, № 3. С. 101-109.
270. Таранова Т. Н. Модели специалиста в форсайт-проектах современного образования // Всероссийская научно-практическая конференция Личность в культуре и образовании: психологическое сопровождение, развитие, социализация. 2017. № 5. С. 189-191.
271. Тихомиров О. К. Психология мышления. М.: Academia, 2008. 288 с.
272. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2008. 259 с.
273. Турчин А. В., Батин М. А. Футурология. XXI век... М.: Бином. Лаб. знаний, 2012. 263 с.

274. Узнадзе Д. Н. Общая психология. М.: Смысл, 2004. 412 с.
275. Уколов А. О. Темпоральность бытия и проблема будущего // Новая наука: Стратегии и векторы развития. 2016. № 10-2. С. 90-93.
276. Украинец В. Н. Жизненные перспективы личности // Жизненный путь личности. – Киев, 1987. С. 217-225.
277. Улановский А. М. Качественная методология и конструктивистская ориентация в психологии // Вопросы психологии. 2006. № 3. С. 27-38.
278. "Умные" среды, "умные" системы, "умные" производства: серия докладов (зеленых книг) в рамках проекта "Промышленный и технологический форсайт Российской Федерации" // Серия докладов в рамках проекта "Промышленный и технологический форсайт Российской Федерации" / Коллектив авторов; Фонд "Центр стратегических разработок "Северо-Запад". СПб., 2012. Вып. 4. 62 с.
279. Устинова К. А. Сфера образования и рынок труда: проблемы рассогласования // Социологические исследования. 2014. № 6 (362). С. 96-103.
280. Ухтомский А. А. Учение о доминанте. М.: Юрайт, 2017. 310 с.
281. Федорова Е. П. Жизненные цели как показатели процесса жизненного осуществления на этапе профессионального становления. // Вестник Московского института государственного управления и права. 2017. № 1 (17). С. 154-157.
282. Фламгольц Э., Рэндл И. Управление стратегическими изменениями: от теории к практике. М.: Эксмо, 2012. 320 с.
283. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Смысл, 2012. 368 с.
284. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: АСТ, 2009 142 с.
285. Фромм Э. Иметь или быть? М.: Изд-во АСТ, 2012. 320 с.
286. Хабермас Ю., Тягунова Т. Теория рационализации Макса Вебера // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8, № 3. С. 37-60.
287. Хабибулин Р. К. Характеристики авторитета Российской государственной власти в сознании граждан: дис. канд. психол. наук: 19.00.12. СПб: Санкт-Петербургский государственный университет, 2015. 179 с.

288. Хабибулин Р. К., Дейнека А. С. Феномен постматериалистических ценностей и проблема политической стабильности // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=17300>

289. Хайдеггер М. Бытие и время. М: Академический проект, 2011. 227 с.

290. Хакен Г. Информация и самоорганизация. М.: URSS, 2005. 245 с.

291. Частоколенко Я. Б. Динамические особенности первичного творчества. Томск: Томский политехнический университет, 2005. 266 с.

292. Чикер В. А. Методология и методы социально-психологических исследований. СПб: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2010. 262 с.

293. Чудаева К. Д. Образ будущего в разных возрастах // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. Вып. № 2. С. 43-49.

294. Чумаков М. В. Эмоционально-волевая регуляция как рефлексивный процесс // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2016. № 1 (35). С. 88-92.

295. Шабунова А., Леонидова Г., Устинова К. Трудовой потенциал современной России: старые тренды, новые вызовы // Общество и экономика. № 10, 2017. С. 79-94.

296. Шаймуратова А. Ф. Методы гештальт-терапии в развитии профессионально-важных качеств личности будущего специалиста // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2010. Т. 12, № 5-2. С. 475-479.

297. Шамионов Р. М. Субъективное благополучие и ценностно-смысловые образования личности в профессиональной сфере // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2006. Т. 6, № 1-2. С. 104-109.

298. Шваб К. Четвёртая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 138 с.

299. Шевченко Т. М. О роли прогнозирования в определении жизненного пути личности. Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2005. <http://sworld.com.ua>, свободный доступ.

300. Шестов Л. И. Философия трагедии. Избранные работы. М.: Издательство Юрайт, 2017. 396 с.

301. Шибутани Т. Социальная психология. М.: Феникс, 2002. 246 с.

302. Шкуратова А. П. Исследование мотивации достижения в учебном процессе // Вестник ЗабГУ. 2014 № 2. С. 88-94.

303. Шмелёв А. Г. Персоплан – психотехнический инструмент жизненного выбора // LifeLine и другие новые методы психологии жизненного пути. М.: Наука, 1993. 185 с.

304. Шпет Г. Г. Философия и наука. М.: РОССПЭН, 2009. 493 с.

305. Шпранглер О. Закат Европы. М.: Юрайт, 2017. 490 с.

306. Энвери Л. А., Осипова Л. Б. Жизненные стратегии современной молодёжи // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 4(4). С. 106-109.

307. Эльконин Б. Д. Энергия действия и развитие // Человек.RU. 2008. № 4. С. 271-282.

308. Эльконин Д. Б. Детская психология. М.: Academia, 2007. 281 с.

309. Эммонс Р. Психология высших устремлений: мотивация и духовность личности. / Пер. с англ.; Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004. 416 с.

310. Юмартова Н. М., Гришина Н. В. Осознанность (mindfulness): психологические характеристики и адаптация инструментов измерения // Психологический журнал. 2016. Т. 37, № 4. С. 105-115.

311. Энвери Л. А., Осипова Л. Б. Жизненные стратегии современной молодёжи // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 4(4). С. 106-109.

312. Юнг К.-Г. Visions. Семинары. М.: Клуб Касталия, 2015. 825 с.

313. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. М.: Класс, 2014. 472 с.

314. Яницкий О. Н. Профессионал как социальный актор: случай или правило? // Вестник Института социологии. 2012. № 5. С. 043-060.
315. Яницкий О. Н. «Турбулентные времена» как проблема общества. // Общественные науки и современность. 2011. № 6. С. 155-164.
316. Яницкий О. Н. «Турбулентные времена»: слоган или проблема социологии? [Электронный ресурс]. URL: http://www.ssarss.m/index.php?page_id=19&id=508.
317. Яньшин П. В. Введение в психосемантику цвета. Самара: Самарский государственный педагогический университет, 2001. 269 с.
318. Ясперс К. Духовная ситуация времени. М.: АСТ, 2013. 295 с.
319. Abbey A., Andrews F. M., Halman L. J. Psychological predictors of life quality. How are they affected by infertility, gender, and parenthood? // Journal of Family Issues. 1994. Vol. 15, is. 2. P. 253-271.
320. Andersson D. E., Andersson Å. E. Time, Space, and Capital. Cheltenham: Edward Elgar, 2017. 180 p.
321. Andre L., van Vianen A. E. M., Peetsma T. T. D. Adolescents' and parents' regulatory focus as determinants of future time perspective on school and professional career // Learning and individual differences. 2017. Vol. 59. P. 34-42.
322. Argyle M., Lu L. Happiness and social skills // Personality and Individual Differences. 1990. Vol. 11, is 12. P. 1255-1261.
323. Arnold J. Career concepts in the 21st century / The British Psychological Society. February, 2011. Vol. 5. P. 118-133.
324. Arum R., Müller W. (eds.) The Return of Self-Employment. Princeton: Princeton University Press, 2004. 171 p.
325. Austin J. T., Vancouver J. B. Goal constructs in psychology: Structure, process, and content // Psychological Bulletin. 1996. Vol. 120. P. 338-375.
326. Barrett A. E., Montepare J. M. «It's about time» Applying Life Course Perspectives to a Study of Subjective Age // Annual Review of Gerontology and Geriatrics. 2015. Vol. 35. P. 55-77.

327. Barrows H. Generic Problem-Based Learning Essentials. 2004. http://www.pbli.org/pbl/generic_pbl.htm.
328. Bell M., Ward G. Comparing temporary mobility with permanent migration // *Tourism Geographies*. 2000. Vol. 2(1). P. 87-107.
329. Berrington A., Pattaro S. Educational differences in fertility desires, intentions and behavior: A life course perspective // September 2014. Vol. 21 P. 10-27. <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1040260813000464>
330. Bögenhold D., Klinglmair R., Kandutsch F. Solo Self-Employment, Human Capital and Hybrid Labor in the Gig Economy // *Foresight and STI Governance*. 2017. Vol. 11, is. 4. P. 23-32.
331. Boldero J., Francis J. Goals, Standards, and the Self: Reference Values serving Different Functions // *Personality and Social Psychology Review*. 2002. Vol. 6, is. 3. P. 232-241.
332. Boles S. A model of routine and creative problem solving // *Journal of Creative Behavior*. 1990. № 24 (3). P. 171-189.
333. Bradley R. H., Corwyn R. F. Life satisfaction among European American, African American, Chinese American, Mexican American, and Dominican American adolescents // *International Journal of Behavioral Development*. 2004. Vol. 28, is. 5. P. 385-400.
334. Brady E., Gilligan R. The life course perspective: An integrative research peredogm for examining the educational experiences of adult leavers // *Children and youth services review*. 2018. Vol. 87. P. 69-77.
335. Brecher J. Partnership charter helps clarify the roles, responsibilities and expectations of each partner. Toronto, October, 31, 2008. <http://www.lawyersweekly.ca/index.php?section=article&articleid=794>
336. Briscoe J. P., Hoobler J. M., Byle K. A. Do "protean" employees make better leaders? The answer is in the eye of the beholder // *The Leadership Quarterly*. 2010. Vol. 21, is. 5. P. 783-795.
337. Buss D. M. Evolutionary psychology: A new paradigm for psychological science // *Psychological Inquiry*. 1995. Vol. 6. P. 1-30.

338. Byrom T., Lightfoot N. Interrupted Trajectories: the Impact of Academic Failure on the Social Mobility of Working-class Students // *British Journal of Sociology of Education*. 2013. Vol. 34 (5-6). P. 812-828.

339. Cantor N. From thought to behavior: “Having” and “doing” in the study of personality and cognition // *American Psychologist*. 1990. Vol. 45. P. 735-750.

340. Carr S. C. *The psychology of global mobility*. New York: Springer. 2010. P. 88-100.

341. Carver C. S., Scheier M. F. *On the self-regulation of behavior*. New York: Cambridge University Press, 1998. 240 p.

342. Civitci N., Baltaci H. S. Time perspective, Life Satisfaction and social comparison orientation in University students // *Pamukkale universitesi egitim fakultesi dergisi-pamukkale university journal of education*. 2018. Is. 43. P. 107-116.

343. Cottle T. J. *Perceiving time: a psychological study with men and women*. New York: Willey, 1976. 267 p.

344. Davidson G. R. Exploration of psychologists’ social responsibilities: How does the new APS Code of Ethics measure up? // Allan A., Love A. W. (Eds.) *Ethical practice in psychology: Reflections from the creators of the APS Code*. Melbourne, VIC: Wiley-Blackwell, 2010. P. 281-297.

345. Derobertis E. M. Charlotte Bühler’s existential-humanistic contributions to child and adolescent psychology // *Journal of Humanistic Psychology*. 2006. Vol. 46, is. 1. P. 48-76.

346. Diener Ed., Seligman M. E. P. Very happy people // *Psychological Science*. 2002. Vol. 13, is. 1. P. 81-84.

347. Dirani K. M., Ardichvili A. Human capital theory and practice in Russian enterprises // John J. Lawler, Greg Hundley (ed.) *The Global Diffusion of Human Resource Practices: Institutional and Cultural Limits (Advances in International Management)*. – Emerald Group Publishing Limited, 2008. Vol. 21. P. 125-144.

348. Dolmans D, Schmidt H. What directs self-directed learning in a problem based curriculum // Evensen D, Hmelo C, eds. *Problem Based Learning: A Research*

Perspective on Learning Interactions. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 2000. P. 251-262.

349. Doob L. W. Patterning of time. New Haven: London: Yale Univ. Press, 1971. 472 p.

350. Dovidio, J. F., & Esses, V. M. Immigrants and immigration: Advancing the psychological perspective // Journal of Social Issues. 2001. Vol. 57(3). P. 375-387.

351. Ensher E. Causes of Career-Defining Moments // Development of a Typology. 2016. Vol. 3. P. 215-228.

352. Eren A. Professional aspirations among pre-services teachers: personal responsibility, time perspectives, and career choice satisfaction // Australian educational researcher. 2017. Vol. 44. P. 275-297.

353. Festinger L. A theory of social comparison processes // Human Relations. 1954. Vol. 7, is. 2. P. 117-140.

354. Ford D., Nichols C. A taxonomy of human goals and some possible applications // Ford M.E., Ford D.H. (Eds.) Humans as self-constructing living systems: Putting the framework to work. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1987. P. 289-311.

355. Frieze I. H., Hansen S. B., Boneva B. The migrant personality and college students' plans for geographic mobility // Journal of Environmental Psychology. 2006. Vol. 26. P. 170-177.

356. Frijns M., Dr. Blumberg B. Determinants of life satisfaction. Maastricht: Maastricht University Press, 2010. 181 p.

357. Frei C. B., Osborn M. A. The future of employment: how susceptible are jobs to computerisation? 2013. 72 p.
https://www.oxfordmartin.ox.ac.uk/downloads/academic/The_Future_of_Employment.pdf

358. Furnham A. Time Perspectives // Managing People in a Downturn. Munich: Springer, 2011. P. 194-196.

359. Gergen K. J. The acculturated brain // Theory and Psychology. 2010. Vol. 20, is. 6. P. 795-816.

360. Ginevra M. C., Sgaramella T. M., Ferrari L., Nota L., Santilli S., Soresi S. Visions about Future: a New Scale Assessing Optimism, Pessimism, and Hope in Adolescents // *International Journal for Educational and Vocational Guidance*. 2017. Vol. 17, is. 2. P. 187-210.
361. Halal W. E. The top 10 emerging technologies // *Futurist*. Washington. 2000. Vol. 34, is. 4. P. 191-214.
362. Hall D. T. The protean career: A quarter century journey // *Journal of Vocational Behavior*. August 2004. Vol. 65, is. 1. P. 1-13.
363. Hammack P. L., Toolis E. Narrative and the Social Construction of Adulthood // *Rereading Personal Narrative and Life Course*. 2014. Vol. 145. P. 43-56.
364. Hammarberg B. Becoming multilingual: The macro time perspective // *Irish international review of applied linguistics in language teaching*. 2017. Vol.55. P. 3-22.
365. Heckman J. J., Jacobs B. Policies to Create and Destroy Human Capital in Europe // *IZA discussion paper № 4680*. Bonn: IZA, 2009.
366. Horowitz S. How to Make Partnerships Work / http://www.umass.edu/fambiz/articles/successful_succession/partnership_charter.html
367. Janeiro I. N., Duarte A. M., Araujo A. M., Gomes A. I. Time perspectives, approaches to learning, and academic achievement in secondary students // *Learning and individual differences*. 2017. Vol. 55. P. 61-68.
368. Janssen O. Innovative behavior and job involvement at the price of conflict and less satisfactory relations with co-workers // *Journal of Occupational & Organizational Psychology*. 2003. Vol. 76. P. 347.
369. Jaszczolt K. M. Time, Perspective and semantic representation // *Language and Cognition*. 2018. Vol.10. P. 26-55.
370. Jones L. D. Howdy Pardner: Before Hanging Out a Shingle Together, Advisors Must Make Their Expectations Well-known. – *Advisor Today*, December, 2004. / http://www.bmcassociates.com/wp-content/uploads/2011/06/Partnership_charter_brochure_nf.pdf
371. King N., Anderson N. *Managing Innovation and Change: A Critical Guide for Organizations*. London: Thomson, 2002. 290 p.

372. Kirillova O. V., Kirillova T. V., Abramova L. A., Gavrilova I. V., Vaibert M. I. Psychological and pedagogical support of the formation of professional world outlook of the university students // *European Journal of contemporary education*. 2017. Vol. 6. P. 280-288.

373. Klinger E. The search for meaning in evolutionary perspective and its clinical implications // Wong P. T. P., Fry P. S. (Eds.) *The human quest for meaning*. – Mahwah, NJ: Erlbaum, 1998. P. 27-50.

374. Kochoian N., Raemdonck I., Frenay M., Zacher H., The Role of Age and Occupational Future Time Perspective in Workers' Motivation to Learn // *Vocations and Learning*. 2017. Vol. 10. P. 27-45.

375. Kolmos A., Flemming K. F., Love K. *The Aalborg PBL-model - Progress, Diversity and Challenges*. Aalborg: Aalborg University Press, 2006. 13 p.

376. Levinson D. J., Levinson J. D. *Seasons of a Woman's Life*. New York, NY: Alfred A. Knopf, 1996. 315 p.

377. Li T., Tan Y. X., Gong X. M. Future Time Perspective Impacts Gain-Related but Not Loss-Related Intertemporal Choice // *Frontiers in Psychology*. 2018. Vol. 9. Article Number 523.

378. Maurer H., Neuhold C. *Problem-Based Learning in European Studies* // Baroncelli S., Farneti R., Horga I., Vanhoonacker S. (eds.) *Teaching and Learning the European Union. Traditional and Innovative Methods*. Dordrecht [etc.]: Springer, 2014. P.199-215.

379. Maxwell J., Graves S., Addington T. *Work as a Life. Business success*. M: Medley, 2010. 320 p.

380. McAdams D. P. Personality, modernity, and the storied self: A contemporary framework for studying persons // *Psychological Inquiry*. 1996. Vol. 7. P. 295-321.

381. McCloskey D. *The Bourgeois Dignity. Why Economics Can't Explain the Modern World*. Chicago: Chicago University Press, 2010. 280 p.

382. McDonald P. K. How «flexible» are careers in the anticipated life course of young people? // *Human relations*. 2018. Vol. 71. P. 23-46.

383. McGregor Ia., Little B. R. Personal projects, happiness, and meaning: on doing well and being yourself // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1998. Vol. 74, is. 2. P. 494-512.

384. Muro A., Feliu-Soler A., Castella J., Devi J., Soler J. Does time perspective predict life satisfaction? A study including mindfulness as a measure of time experience in a sample of Catalan students // *Mindfulness*. 2017. Vol. 8. P. 655-663.

385. Neugarten Bh., Hagestad G. O. Age and the life course // *Handbook of aging and the social sciences.*/ Ed. By R.H. Binstock, E. Schanas. New York: Litten Edu. publ., 1976. P. 35-55.

386. Newman M. J. Problem Based Learning: An Introduction and Overview of the Key Features of the Approach // *Journal of Veterinary Medical Education*. 2005. Vol. 32(1). P. 12-20.

387. Nuttin J. Future time perspective and motivation. NY: Psychology Press, 2014. 239 p.

388. Osborn J. Partnerships: the rationale./ <http://www.gfi.fr/en/groupe/charte-partenariat.php>

389. Panina S., Tulasinova N., Golovtseva N. Developing value paradigm of rising educators at university // Bk 1: Psychology and Psychiatry, sociology and healthcare, education conference proceedings. 2016. P. 187-194.

390. Perkin G. The third revolution: Professional society in international perspective. London: Routledge, 1996. 272 p.

391. Philipsen M., Case S., Octana-Paul A., Sugiama K. Academic womanhood across career stages: a work-in-life perspective on what was, is, and could be // *Community work&family*. 2017. Vol. 20. P. 623-644.

392. Przepiorka A., Blachnio A. Time perspective in Internet and Facebook addiction // July 2016. Vol. 60. P. 13-18.
<http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S074756326300978>

393. Rabin A. I. Future Time perspective and ego strength // *The study of time III*. New York: Springer – Veglag New York Inc., 1978. 294 p.

394. Roese N. J. Counterfactual thinking // *Psychological Bulletin*. 1997. Vol. 121. P. 133-148.
395. Rohr M. K. A Three Component Model of Future Time Perspective Across Adulthood // *Psychology and Aging*. 2017. Vol. 32. P. 597-607.
396. Rudolph C. W., Kooij D. T. A. M., Rauvola R. S., Zacher H. Occupational future time perspective: A meta-analysis of antecedents and outcomes // *Journal of organizational behavior*. 2018. Vol. 39. P. 229-248.
397. Sapp D. The point of creative frustration and creative process: a new look at old model // *Journal of creative behavior*. 1992. Iss. 26(1). P. 21-28.
398. Savin-Baden M. *Facilitating Problem Based Learning: Illuminating Perspectives*. – Buckingham, UK: Society for Research in Higher Education, Open University Press, 2003. – 195 p.
399. Schein E. H., Maanen J. V. *Career Anchors: The Changing Nature of Careers Self Assessment*. NY: John Wiley & Sons Inc, 2013. 24 p.
400. Scott S. G., Bruce R. A. Determinants of innovative behavior: a path model of individual innovation in the workplace // *Academy of Management Journal*. 1994. Vol. 37, is. 3. P. 580-607.
401. Scuteri A., Nilsson P. M. Aging Population: Challenges and Opportunities in a Life Course Perspective // *Early Vascular Aging (EVA): New Directions in Cardiovascular Protection*. 2015. P. 17-20.
402. Seligman M. E. P. *Authentic Happiness: Using the New Positive Psychology to Realize Your Potential for Lasting Fulfillment*. N.Y.: Free Press, 2002. 215 p.
403. Sharron L. D., Kayle M., Maslow G. R., Santacroce S. J. The Adolescent and Young Adult with Cancer: A developmental Life Course Perspective // August, 2015. Vol. 31, is. 3. P. 186-196
<http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0749208115000480>
404. Shevchuk A., Strebkov D. The rise of freelance contracting on the Russian-language internet // *Small Enterprise Research*. 2015. Vol. 22, is. 2-3. P. 146-158.

405. Simons M., Peeters S., Janssens M., Lataster J. Does age make a difference? Age as moderator in the association between time perspective and happiness // *Journal of happiness studies*. 2017. Vol. 19. P. 57-67.

406. Tamborini C. R., Couch K. A., Reznic G. L. Long-term impact of divorce on women's earnings across multiple divorce windows: A life course perspective // December 2015. Vol. 26. P. 44-59.
<http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1040260815000301>.

407. Tartakovsky E., & Schwartz, S. H. Motivation for emigration, values, wellbeing, and identification among young Russian Jews // *International Journal of Psychology*. 2001. Vol. 36(2). P. 88-99.

408. Taylor S., Bogdan R. *Introduction to qualitative research methods: A guidebook and resource* (3rd ed.). – NJ, US: Hoboken, 1998. – 352 p.

409. Tchouikina S. The Crisis in Russian Cultural Management: Western Influences and the Formation of New Professional Identities in the 1990s-2000s. / *Journal of Arts Management, Law, and Society*. 01/2010. Vol. 40. P. 76-91.

410. Tesluk P. E., Farr J. L. Generalization of employee involvement training to the job setting: individual and situational...// *Personnel Psychology*. 1995. Vol. 48, is. 3. P. 607-632.

411. *The Oxford Handbook of Russian Economy* / ed. by M. Alexeev, S. Weber. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 693-724.

412. van de Werfhorst H.G. Adult learning in modern societies an international comparison from a life-course perspective foreword // *Adult learning in modern societies: an international comparison from a life-course perspective*. 2014. P. XV-XVI.

413. van Stel A., de Vries N. The Economic Value of Different Types of Solo Self-Employment: A Review // *The Use and Value of Freelancers: The Perspective of Managers* / Ed. A. Burke. Dublin: Senate Hall Publishing, 2015. P. 77-84.

414. Weber M. *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*. New York: Dover Publications, 2003. 185 p.

415. West M. A. A measure of role innovation at work // *British Journal of Social Psychology*. 1987. Vol. 6. P. 83-85.

416. West V. A., Farr J. L. Innovation at work // Innovation and creativity at work: Psychological and Organizational strategies. Chichester, U.K.: Wiley, 1990. P. 63-80.

417. Wood J. V. Theory and research concerning social comparisons of personal attributes. // Psychological Bulletin. 1989. Vol. 106. P. 231-248.

418. Wright K. Conceptualizing Human Well-being from gender and Life course Perspective: The Case of Peruvian Migrants in London // Cross-border migration among Latin Americans: European perspectives and beyond. 2011. P. 139-155.

419. Ziegler A., Schober B., Dresel M. Primary school students' implicit theories of intelligence and maladaptive behavioral patterns // Education Sciences and Psychology. 2005. Is. 1. P. 76-86.

Приложение А

**Результаты исследования вариантов профессионального развития
современного специалиста**

Таблица А.1 – Описательные статистики

Методика, наименование шкалы /тип профессионального развития	N	Среднее	Среднеквадратическое отклонение	Среднеквадратическая ошибка среднего	
методика исследования ценностей Г. Хофстеде шкала «Дистанция к власти»	1 тип	107	11,544	1,9737	0,2614
	2 тип	87	11,676	2,4614	0,4047
методика исследования ценностей Г. Хофстеде шкала «Индивидуализм/коллективизм»	1 тип	107	14,860	2,6487	0,3508
	2 тип	87	14,216	2,8688	0,4716
методика исследования ценностей Г. Хофстеде шкала «Маскулинность/феминность»	1 тип	107	15,018	2,4964	0,3307
	2 тип	87	14,432	2,9301	0,4817
методика исследования ценностей Г. Хофстеде шкала «Избегание неопределенности»	1 тип	107	12,719	1,9526	0,2586
	2 тип	87	13,000	1,5986	0,2628
методика исследования ценностей Г. Хофстеде шкала «Долгосрочная/краткосрочная ориентация»	1 тип	107	12,000	1,7928	0,2375
	2 тип	87	11,703	2,0394	0,3353
методика исследования ценностей Г. Хофстеде шкала «Потворство/сдерживание потребностей»	1 тип	107	13,333	1,7355	0,2299
	2 тип	87	13,108	1,6122	0,2650
опросник карьерных ориентаций Э. Шейна шкала «Автономность»	1 тип	107	28,158	7,6737	1,0164
	2 тип	87	30,351	9,4962	1,5612
опросник карьерных ориентаций Э. Шейна шкала «Вызов»	1 тип	107	28,263	8,6881	1,1508
	2 тип	87	24,568	10,1995	1,6768
опросник карьерных ориентаций Э. Шейна шкала «Предпринимательство»	1 тип	107	21,982	9,8552	1,3054
	2 тип	87	26,784	10,7086	1,7605

Продолжение таблицы А.1

Методика, наименование шкалы /тип профессионального развития	N	Сре дне е	Среднекв. Отклонение		Среднекв . Ошибка среднего
опросник карьерных ориентаций Э. Шейна шкала «Интеграция стилей жизни»	1 тип	107	35,877	6,5767	0,8711
	2 тип	87	32,432	8,5230	1,4012
опросник карьерных ориентаций Э. Шейна Шкала «Стабильность работы»	1 тип	107	26,474	3,7612	0,4982
	2 тип	87	21,541	5,9189	0,9731
опросник карьерных ориентаций Э. Шейна шкала «Служение»	1 тип	107	33,667	8,1270	1,0764
	2 тип	87	30,351	7,5727	1,2449
опросник карьерных ориентаций Э. Шейна шкала «Стабильность места жительства»	1 тип	107	15,982	7,5887	1,0052
	2 тип	87	10,486	5,9611	0,9800
опросник карьерных ориентаций Э. Шейна шкала «Профессиональная компетентность»	1 тип	107	28,456	8,3625	1,1076
	2 тип	87	21,324	7,6850	1,2634
опросник карьерных ориентаций Э. Шейна шкала «Менеджмент»	1 тип	107	26,842	10,0938	1,3370
	2 тип	87	24,459	10,5451	1,7336
опросник временной перспективы Ф. Зимбардо шкала «Негативное прошлое»	1 тип	107	28,404	7,7156	1,0220
	2 тип	87	23,486	6,7273	1,1060
опросник временной перспективы Ф. Зимбардо шкала «Гедонистическое настоящее»	1 тип	107	47,877	7,1366	0,9453
	2 тип	87	47,784	8,0868	1,3295
опросник временной перспективы Ф. Зимбардо шкала «Будущее»	1 тип	107	47,316	6,6040	0,8747
	2 тип	87	53,838	4,4753	0,7357
опросник временной перспективы Ф. Зимбардо шкала «Позитивное прошлое»	1 тип	107	33,491	4,8885	0,6475
	2 тип	87	33,703	4,5391	0,7462
опросник временной перспективы Ф. Зимбардо шкала «Фаталистическое настоящее»	1 тип	107	20,404	4,8176	0,6381
	2 тип	87	20,486	4,6704	0,7678

Окончание таблицы А.1

Методика, наименование шкалы /тип профессионального развития	N	Среднее	Средне кв. Отклонение	Среднекв. Ошибка среднего	
модифицированный опросник ценностей Р. Инглхарта шкала «Традиционные/секулярно-рациональные ценности»	1 тип	107	32,456	5,4970	0,7281
	2 тип	87	29,838	5,1882	0,8529
модифицированный опросник ценностей Р. Инглхарта шкала «Ценности выживания/ценности самовыражения»	1 тип	107	28,825	3,9916	0,5287
	2 тип	87	28,432	5,1990	0,8547

Приложение Б

**Результаты контент-анализа пространственно-динамической организации
образа будущего**

Таблица Б.1 – Процент встречаемости тем в текстах и рисунках образа будущего

Тема	Процент встречаемости
Самоизоляция	19,08
Социальная интровертированность	24,54
Гиперсоциализация	7,2
Выраженный протест	1,8
Ригидность	30,9
Конформизм	14,54
Конфликтность	20
Стремление занимать доминирующую позицию в отношениях	14,54
Аутоагрессия	39,09
Защита от давления социума	29,92
Зависимость от прошлого	29,09
Отрицание собственного прошлого	37,27
Стремление к скорому осуществлению жизненных планов	34,54
Страх будущего	37,27
Оптимизм	20,9
Энергичность	57,27
Акциональность	40
Ощущение сдерживающих ограничений в реализации образа будущего	44,54
Сконцентрированность на досуге и развлечениях	24,54
Стремление к саморазвитию	15,45
Аморфность образа будущего	44,54
Субъектная позиция по отношению к образу будущего	50,9
Гармоничная самореализация в образе будущего	37,81
Интенсивные планы на отдаленную перспективу	31,81
Общая сконцентрированность на семье в образе будущего	10
Интенсивное семейное самоопределение в ближайшей перспективе	31,72
Интенсивное семейное самоопределение в средней перспективе	44,54
Интенсивное семейное самоопределение в отдаленной перспективе	43,63
Общая сконцентрированность на карьере в образе будущего	15,45

Продолжение таблицы Б.1

Тема	Процент встречаемости
Интенсивное профессиональное самоопределение в ближайшей перспективе	54,54
Интенсивное профессиональное самоопределение в средней перспективе	35,45
Интенсивное профессиональное самоопределение в отдаленной перспективе	28,18
Непредсказуемое будущее в целом	10
Неопределенное настоящее	5,45
Неопределенная отдаленная перспектива	10
Безразличное отношение к собственному будущему в целом	13,63
Безразличное отношение к собственному настоящему	7,27
Безразличное отношение к будущему через несколько лет	13,63
Безразличное отношение к отдаленному будущему	22,72
Кризис, переживания по поводу собственного будущего в целом	6,36
Переживания по поводу будущего через несколько лет	6,36
Гармоничное сочетание прошлого, настоящего и будущего	48,18
Отсутствие сформированных жизненных планов	20
Проработанные планы на ближайший год	43,63
Проработанные планы на ближайшие несколько лет	21,81
Четкий план на всю оставшуюся жизнь с проработкой по годам	1,81
Сконцентрированность на решении материальных вопросов в настоящем	11,81
Сконцентрированность на решении материальных вопросов в будущем	14,54
Сконцентрированность на решении материальных вопросов в отдаленной перспективе	25,45
Структурированность образа будущего	40,9
Согласованность различных областей образа будущего	42,72
Наличие альтернатив	19,09
Озабоченность собственным статусом в будущем	38,18
Ожидание поддержки со стороны ближайшего окружения	37,27
Активно участвовать в воспитании собственных детей или внуков в будущем	58,16
Философские размышления о жизни и судьбе	40
Реалистичность жизненных планов	30,9
Стремление к стабильности в будущем	24,54
Надежда на удачу в будущем	9,09

Окончание таблицы Б.1

Тема	Процент встречаемости
Страх неудачи в будущем	17,27
Ожидание борьбы и преодоления препятствий в будущем	14,54
Романтизм	14,54
Экзистенциальный кризис	25,45
Кризис профессиональной самореализации	36,36
Социальный кризис	24,54
Кризис Я-концепции	22,72
Критический тип коммуникации	26,36
Юмористический тип коммуникации	0,9
Ригидный тип коммуникации	28,18
Доминирующий тип коммуникации	24,54
Эмоциональный тип коммуникации	25,45
Социальный тип коммуникации	4,54
Согласованность вербальных и невербальных компонентов образа будущего	47,27

Приложение В

Результаты исследования стратегий профессионального развития с учётом характеристик образа будущего и коммуникативного мира личности

Таблица В.1 – Темы, статистически значимо сопряженные с кластерами

Тема	Процент встречаемости в кластере	Процент встречаемости во всей выборке
Кластер I		
Самоизоляция	19,08	14,54
Социальная интровертированность	24,54	18,75
Выраженный протест	1,8	1,24
Конфликтность	20	15,45
Стремление занимать доминирующую позицию в отношениях	14,54	11,81
Страх будущего	37,27	28,81
Общая сконцентрированность на карьере в образе будущего	15,45	11,81
Четкий план на всю оставшуюся жизнь с проработкой по годам	1,81	0,96
Сконцентрированность на решении материальных вопросов	11,81	8,45
Озабоченность собственным статусом в будущем	38,18	29,15
Ожидание борьбы и преодоления препятствий в будущем	14,54	9,56
Кластер II		
Гиперсоциализация	7,2	6,15
Ригидность	30,9	27,56
Конформизм	14,54	11,81
Аутоагрессия	39,09	24,54
Зависимость от прошлого	29,09	18,75
Ощущение сдерживающих ограничений в реализации образа будущего	44,54	37,27
Общая сконцентрированность на семье в образе будущего	10	6,15
Безразличное отношение к собственному будущему в целом	13,63	8,45

Продолжение Таблицы В.1

Тема	Процент встречаемости в кластере	Процент встречаемости во всей выборке
Кризис, переживания по поводу собственного будущего целом	6,36	4,12
Проработанные планы на ближайший год	43,63	38,18
Структурированность образа будущего	40,9	28,45
Ожидание поддержки со стороны ближайшего окружения	37,27	28,45
Активно участвовать в воспитании собственных детей или внуков в будущем	58,16	37,27
Реалистичность жизненных планов	30,9	24,54
Стремление к стабильности в будущем	24,54	18,75
Страх неудачи в будущем	17,27	11,81
Кластер III		
Защита от давления социума	29,92	18,75
Отрицание собственного прошлого	37,27	29,92
Стремление к скорому осуществлению жизненных планов	34,54	24,54
Оптимизм	20,9	11,81
Сконцентрированность на досуге и развлечениях	24,54	11,81
Аморфность образа будущего	44,54	30,9
Интенсивные планы на отдаленную перспективу	31,81	24,54
Непредсказуемое будущее в целом	10	6,15
Надежда на удачу в будущем	9,09	6,15
Романтизм	14,54	11,81
Кластер IV		
Энергичность	57,27	44,54
Акциональность	40	29,92
Стремление к саморазвитию	15,45	11,81
Субъектная позиция по отношению к образу будущего	50,9	40,9
Гармоничная самореализация в образе будущего	37,81	31,81
Переживания по поводу будущего через несколько лет	6,36	1,8

Окончание Таблицы В.1

Тема	Процент встречаемости в кластере	Процент встречаемости во всей выборке
Гармоничное сочетание прошлого, настоящего и будущего	48,18	34,54
Проработанные планы на ближайшие несколько лет	21,81	18,75
Согласованность различных областей образа будущего	42,72	34,54
Наличие альтернатив	19,09	11,81
Философские размышления о жизни и судьбе	40	34,54
Согласованность вербальных и невербальных компонентов образа будущего	47,27	37,27

Приложение Г

Результаты исследования специфики профессионального развития и формирования образа будущего в юношеском возрасте

Таблица Г.1 – Общие описательные статистики по результатам исследования

Параметр	Среднее	Медиана	Мода	Асимметрия	Эксцесс
Уровень счастья (Оксфордский опросник)	71.9	73.1	68.2	-0.120	-0.433
Индекс жизненной удовлетворенности (ИЖУ)	24.28	26	28	-0.528	-0.557
Интерес к жизни	4.39	4	4	-0.174	-0.357
Последовательность в достижении целей	5.4	6	6	-0.341	-0.088
Согласованность между поставленными и достигнутыми целями	5.16	5	5	-0.595	-0.368
Положительная оценка себя и собственных поступков	4.58	4	4	-0.027	-0.440
Общий фон настроения	4.97	5	6	-0.444	0.059
Степень демонстративного потребления	19.93	19	14	0.124	-0.028
Секулярно/рациональные ценности - традиционные ценности	1.6	1.6	2.1	-0.439	0.504
Ценности выживания - ценности самовыражения	0.18	0.2	0.7	-0.266	0.162
Негативное прошлое	3.23	3.2	3	-0.123	-0.279
Позитивное прошлое	3.71	3.7	4.1	-0.550	-0.008
Гедонистическое настоящее	3.57	3.6	3.4	-0.540	0.224
Фаталистическое настоящее	2.9	2.8	3.1	-0.031	-0.235
Будущее	3.43	3.4	3.3	-0.054	0.295
Системная рефлексия	36.77	37	39	-0.357	-0.014
Интроспекция	24.46	24	24	0	-0.559
Квазирефлексия	27.07	28	29	-0.428	0.332

Приложение Д

Результаты выполнения Методики Дж. Келли

Таблица Д.1 – Безработные респонденты

Категории		Коэффициент корреляции	Уровень достоверности
Выполнять деятельность	Полноценная жизнь	0,594	0,000
Выполнять деятельность	Отношение к нереализованным желаниям	0,520	0,004
Не растворилось собственное Я	Справедливость	0,693	0,000
Не растворилось собственное Я	Самосознание	0,555	0,002
Не растворилось собственное Я	Выполнить миссию	0,555	0,000
Прожить не зря	Самосознание	0,626	0,000
Прожить не зря	Самореализация	0,518	0,004
Прожить не зря	Выполнить миссию	0,626	0,000
Прожить не зря	Оставить след	0,555	0,002
Прожить не зря	Любить	0,555	0,002
Прожить не зря	Не растворилось собственное Я	0,555	0,002
Прожить не зря	Помогать	0,555	0,002
Оставить след	Успешный труд	0,693	0,000
Оставить след	Самосознание	0,555	0,002
Оставить след	Выполнить миссию	0,555	0,002
Помогать	Прожить не зря	0,555	0,002
Помогать	Самосознание	0,555	0,002
Помогать	Выполнять миссию	0,555	0,002
Успешный труд	Самосознание	0,800	0,000

Продолжение Таблицы Д.1

Категории		Коэффициент корреляции	Уровень достоверности
Успешный труд	Выполнить миссию	0,555	0,002
Расслабляться	Веселье	0,693	0,000
Расслабляться	Отдыхать	0,594	0,000
Расслабляться	Не растворилось собственное Я	0,693	0,000
Наслаждаться жизнью	Добиться цели	0,693	0,000
Наслаждаться жизнью	Было приятно	0,693	0,000
Общение	Любить	0,555	0,002
Жить по-человечески	Продолжать род	0,693	0,000
Жить	Радость	0,602	0,000
Быть счастливым	Общение	0,518	0,004
Продолжать род	Жизнь на Земле продолжалась	0,594	0,000
Продолжать род	Не было проблем	0,594	0,000
Продолжать род	Жить по-человечески	0,693	0,000
Не думать	Идти в ногу со временем	0,555	0,002
Жизнь на Земле продолжалась	Не было проблем	0,756	0,000
Спокойствие	Не отличаться	0,693	0,000
Выполнить миссию	Самосознание	0,626	0,000
Самореализация	Самосознание	0,518	0,004
Отдыхать	Справедливость	0,594	0,000
Не отличаться	Быстрее добиться чего-либо	0,693	0,000
Не отличаться	Справедливость	0,693	0,000
Готовность к профессиональному самоопределению	Позитивное отношение к коллегам	0,691	0,000
Готовность к профессиональному самоопределению	Позитивное отношение к руководству	0,562	0,001

Окончание Таблицы Д.1

Категории		Коэффициент корреляции	Уровень достоверности
Позитивное отношение к коллегам	Позитивное отношение к руководству	0,608	0,000
Позитивное отношение к коллегам	Позитивное отношение к подчиненным	0,576	0,001

Таблица Д.2 – Успешно работающие респонденты

Категории		Коэффициент корреляции	Уровень достоверности
Продолжать род	Быть счастливым	0,546,	0,012
Продолжать род	Выполнять деятельность	0,546	0,012
Продолжать род	Жить	0,546	0,012
Продолжать род	Любить	0,546	0,012
Выполнять деятельность	Успех в труде	0,572	0,008
Выполнять деятельность	Жить по-человечески	0,546	0,012
Выполнять деятельность	Родина	0,546	0,012
Выполнять деятельность	Высокий социальный статус	0,546	0,012
Быть счастливым	Жить	0,607	0,004
Быть счастливым	Выполнить миссию	0,546	0,012
Оставить след	Наслаждаться жизнью	0,546	0,012
Оставить след	Добиться цели	0,546	0,012
Наслаждаться жизнью	Добиться цели	0,607	0,004
Наслаждаться жизнью	Не растворилось Я	0,546	0,0012
Наслаждаться жизнью	Самосознание	0,64	0,002
Наслаждаться жизнью	Высокий социальный статус	0,546	0,012
Добиться цели	Расслабиться	0,546	0,012
Добиться цели	Не растворилось Я	0,546	0,012

Продолжение таблицы Д.2

Категории		Коэффициент корреляции	Уровень достоверности
Добиться цели	Самосознание	0,64	0,002
Добиться цели	Высокий социальный статус	0,546	0,012
Добиться цели	Комфорт	0,546	0,012
Получать удовольствие	Оставить след	0,688	0,000
Получать удовольствие	Наслаждаться жизнью	0,793	0,000
Получать удовольствие	Не растворилось Я	0,688	0,000
Получать удовольствие	Самосознание	0,509	0,02
Отдыхать	Расслабиться	0,546	0,012
Отдыхать	Деньги	0,546	0,012
Отдыхать	Красота	0,546	0,012
Отдыхать	Взаимопонимание	0,546	0,012
Отдыхать	Комфорт	0,546	0,012
Жить	Деньги	0,546	0,012
Жить	Красота	0,546	0,012
Жить	Взаимопонимание	0,546	0,012
Жить	Выполнять миссию	0,546	0,012
Любить	Успех в труде	0,572	0,008
Любить	Отличаться	0,546	0,012
Помогать	Жить хорошо	0,546	0,012
Развитие	Интеллект	0,504	0,02
Легче жить	Отличаться	0,688	0,000
Легче жить	Решать проблемы	0,793	0,000
Жить по-человечески	Решать проблемы	0,546	0,012
Общение	Интересная жизнь	0,57	0,007
Расслабляться	Кругозор	0,546	0,012
Расслабляться	Жизнь на Земле продолжалась	0,546	0,012
Расслабляться	Полноценно жить	0,688	0,000
Полноценно жить	Самосознание	0,509	0,02
Полноценно жить	Комфорт	0,688	0,000
Приносить пользу	Отличаться	0,688	0,000

Окончание Таблицы Д.2

Категории		Коэффициент корреляции	Уровень достоверности
Приносить пользу	Интеллект	0,509	0,02
Познавать мир	Кругозор	0,546	0,012
Познавать мир	Спокойствие	0,546	0,012
Кругозор	Оправдывать присутствие на вершине эволюционной пирамиды	0,546	0,012
Спокойствие	Отличаться	0,546	0,012
Спокойствие	Оправдывать присутствие на вершине эволюционной пирамиды	0,546	0,012
Жизнь на Земле продолжалась	Выполнить миссию	0,546	0,012
Жизнь на Земле продолжалась	Отличаться	0,546	0,012
Жизнь на Земле продолжалась	Комфорт	0,546	0,012
Не скучать	Отличаться	0,688	0,000
Решать проблемы	Отличаться	0,546	0,012
Решать проблемы	Родина	0,546	0,012
Кругозор	Комфорт	0,546	0,012